АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL of ANCIENT HISTORY

2 (116)

Апрель — Май — Июнь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД
ОСНОВАН В 1937 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1971

XXIV СЪЕЗД КПСС И СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА О ДРЕВНЕМ МИРЕ

XXIV съезд КПСС поставил перед советскими учеными ответственные задачи в исследовании актуальных научных проблем современности, в строительстве коммунистического общества в нашей стране. Решения съезда будут способствовать дальнейшему развитию общественных наук, в том числе исторической науки. Прошедший между XXIII и XXIV съездами КПСС пятилетний период был насыщен большими историческими событиями и ознаменован крупными победами советского народа во всех сферах жизни социалистического общества. Как подчеркнул в Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС на XXIV съезде Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев, «это были годы напряженного труда нашего народа. Претворяя в жизнь планы, намеченные партией, советские люди добились крупных успехов на всех основных направлениях коммунистического строительства». Годы, прошедшие после XXIII съезда КПСС, были периодом интенсивной работы и советских историков во всех отраслях исторической науки.

Многочисленный отряд советских историков, работающий в научно-исследовательских институтах Академии наук СССР, Академий наук союзных республик, в высших учебных заведениях страны, был занят исследованием актуальных проблем исторической науки, экономики, философии и социологии. Вышедшие в этих областях общественных наук труды отличает стремление теснее увязать задачи научного исследования с задачами современного этапа идеологической борьбы, с практикой коммунистического строительства в нашей стране. Огромное значение для разработки всех общественных наук имело постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (1967 г.). 1966—1970 годы были отмечены важнейшими событиями в общественно-политической жизни нашей страны и всего прогрессивного человечества — 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции и 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, — событиями, глубоко отразившимися на развитии общественных наук и исторической науки в особенности. Подготовка и празднование 100-летнего юбилея со дня рождения В. И. Ленина оказали огромное влияние на работу всех советских историков.

Историческими учреждениями и вузами страны были проведены научные сессии и симпозиумы, посвященные этому славному юбилею. Такой симпозиум был проведен и историками древнего мира. Он был организован сектором древней истории Института всеобщей истории АН СССР и журналом «Вестник древней истории». Симпозиум проходил по теме «Значение трудов В. И. Ленина для изучения античности» и способствовал дальнейшему оживлению теоретической мысли. В работе симпозиума приняли участие ученые многих городов нашей страны, его материалы нашли подробное изложение в журнале «Вестник древней истории» (1967, № 2).

К числу крупных событий периода между двумя съездами должны быть отнесены празднования 150-летних юбилеев со дня рождения К. Маркса (1968 г.) и Ф. Энгельса (1970 г.), а также столетия Парижской Коммуны (1971 г.). Эти выдающиеся события в жизни международного коммунистического движения содействовали дальнейшему углублению теоретической работы советских историков. По всей стране были проведены научные сессии и конференции, раскрывающие различные стороны общественно-политической и научной деятельности основоположников марксизма, были подготовлены специальные труды и отдельные статьи, показывающие значение теоретического наследия К. Маркса и Ф. Энгельса на новом историческом этапе. Исследовательские статьи в связи с юбилеями К. Маркса и Ф. Энгельса, в которых раскрывалось неисчерпаемое значение их работ для изучения древней истории, были напечатаны и в нашем журнале (1968, № 2; 1970, № 4). Институтом всеобщей истории АН СССР совсем недавно была организована и проведена международная конференция, посвященная столетию Парижской Коммуны. В ее работе приняли участие ученые нашей страны, социалистических стран, Франции, члены ФКП во главе с членом Политбюро ФКП Жаком Дюкло.

Значительным событием в жизни советских историков следует считать XIII Международный конгресс исторических наук, состоявшийся в Москве 16—23 августа 1970 г. В подготовке к конгрессу и в его работе приняли участие представители всех исторических учреждений нашей страны. В его работе активно участвовали и историки древнего мира. Советские исследователи древности выступили на конгрессе с двумя докладами — «Античный мир и древний Восток» (В. Д. Блаватский) и «Социальная стратификация древнего общества» (С. Л. Утченко и И. М. Дьяконов). Всего на конгрессе в секции древней истории было заслушано 14 докладов. В прениях по этим докладам, которые были весьма оживленными, выступило 84 человека, из них 48 советских ученых и 28 ученых из социалистических стран. Доклады советских ученых и ученых социалистических стран, обсуждение в прениях некоторых других докладов несомненно содействовали усилению влияния марксистско-ленинской теории общественного развития на постановку ряда проблем древней истории. Признание этого влияния не раз ощущалось в выступлениях ученых капиталистических стран. Конгресс показал превосходство марксистской исторической мысли и высокий научный уровень докладов и выступлений советских

историков древнего мира. Работа секции древней истории на конгрессе подробно освещена в первом номере нашего журнала за 1971 г.

Активно участвовали советские историки древнего мира и в работе V Международного конгресса экономической истории, проходившего 10—14 августа 1970 г. в Ленинграде. Советские историки выступили с докладами, в которых на основе марксистско-ленинской методологии были рассмотрены важные проблемы экономической истории древности — «Экономика древневосточного города. Передняя Азия III — II тыс. до н. э.» (И. М. Дьяконов), «Проблемы производительности рабского труда в римском сельском хозяйстве II в. до н. э.— I в. н. э.» (В. И. Кузищин), «Частный кредит в торговле древней Западной Азии II тыс. до н. э.» (Н. Б. Янковская), «Денежно-весовая система в древней Палестине в первой половине I тыс. до н. э.» (И. Д. Амусин).

Конгрессы показали растущий авторитет советской исторической науки за рубежом. Они показали также, что в современной буржуазной историографии происходят значительные сдвиги и изменения, которые требуют внимания и критического рассмотрения со стороны советских историков. Конгрессы свидетельствовали и о том, что одной из главных черт современной исторической науки является растущий интерес к проблемам социологии, к вопросам методологии и философии истории. Конгресы еще раз подтвердили, что разработка методологических вопросов исторической науки может быть плодотворной только в случае их органической связи с конкретными исследованиями. «Повышение идейно-теоретического уровня исторических исследований, разработка проблем методологии истории — прямой долг *всех* коллективов советских историков. Его выполнение не может быть не связано с концентрацией сил на исследовании наиболее актуальных конкретно-исторических проблем» [1]. Таким образом, высокое научное качество исследований советских историков обеспечивается дальнейшим повышением их идейно-теоретического уровня, усовершенствованием профессионального мастерства, улучшением самих форм организации исторической науки. Большую роль в укреплении марксистско-ленинской исторической науки играет увеличивающееся творческое сотрудничество советских историков с историками социалистических стран.

Задачи, выдвинутые перед общественными науками XXIV съездом КПСС, предусматривают их дальнейшее развитие, их настоятельную связь с практикой коммунистического строительства. Решениями съезда предусматривается «плодотворное развертывание всего фронта общественных и естественных наук». «За последние годы в системе Академии наук,— сказал тов. Л. И. Брежнев,— создан ряд новых гуманитарных институтов, что позволило усилить изучение проблем социально-экономического развития СССР и зарубежных стран, мирового революционного прогресса, улучшить научную информацию. Все более решительный по-

[1] Е. Жуков, Изучение всеобщей истории: некоторые итоги и перспективы, «Коммунист», 1971, № 1, стр. 39.

ворот общественных наук в сторону разработки проблем, актуальных для настоящего и будущего,— вот что нам нужно». Дальнейшее развитие общественных наук, проведение комплексных исследований современных процессов развития общества для научного руководства социалистическим хозяйством и решения задач коммунистического строительства предусматриваются и в Директивах XXIV съезда по новому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 гг., с докладом о которых выступил на съезде Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

Высокая оценка работы Академии наук, данная в докладе тов. Л. И. Брежнева, обязывает советскую историческую науку актуализировать свою тематику, максимально связывая ее с нуждами коммунистического строительства. Происходящая в современном мире идеологическая борьба требует дальнейшего развития теоретической мысли, повышения теоретического уровня исследований. В научных трудах первостепенное место должно уделяться марксистско-ленинской методологии, принципам классово-партийного и конкретно-исторического подхода к общественным явлениям. «В современном мире идет непримиримая борьба идеологий, возникают острые политические ситуации. Долг науки—на основе истории, философии, экономики способствовать решению актуальных вопросов общественного развития, распространению нашей марксистско-ленинской идеологии по всему земному шару. Задача укрепления фронта общественных наук, повышения уровня исследований и их действенности остается для нас особенно важной» [2].

Развитие самой науки и задачи развертывающегося в широких масштабах коммунистического строительства в нашей стране выдвигают новые, растущие требования перед всеми советскими историками и в том числе перед историками древнего мира, которые должны сосредоточить свои усилия на исследовании мало или вовсе не разработанных проблем древней истории, что будет способствовать дальнейшему прогрессу советской исторической науки. В числе наиболее актуальных проблем древней истории продолжает оставаться исследование рабства и иных форм зависимости и эксплуатации на Востоке и в греко-римском мире. За прошедшее пятилетие по этой проблеме было опубликовано несколько коллективных монографических исследований: «Рабство на периферии античного мира» (1968), «Формы зависимости в восточном Средиземноморье эллинистического периода» (1969), «Рабство в эллинистических государствах III — I вв. до н. э. » (1970), а также ряд статей в «Вестнике древней истории». В печати находится выпуск по истории рабства в Риме раннеимператорской эпохи и подготовлен выпуск по истории рабства в римских провинциях времени Ранней империи. Эти исследования по истории рабства углубили и расширили наше представление о самом институте рабства, о многообразии категорий рабов внутри самого класса рабов, о существующих одновременно с рабством других категориях зависимости и эксплуатации, о степени распространения рабства в отдельных

[2] М. Келдыш, Горизонты советской науки, «Коммунист», 1971, № 4, стр. 29—30.

областях греко-римского мира и о других сторонах истории рабовладельческой формации.

В тесной связи с историей рабства стоит исследование социальной структуры древневосточных государств, полиса, эллинистических монархий и Римской империи. Здесь особенно важным будет выявление взаимосвязи социально-экономической структуры и политической власти (деспотии, полиса, монархии).

По-прежнему требует к себе внимания исследование собственности и характера общинного, государственного и индивидуального землевладения на древнем Востоке, в Греции и Риме. В числе первостепенных остается и проблема происхождения государства в Греции и Риме.

Наряду со старыми, «традиционными» социально-экономическими проблемами, разработка которых носит все более углубленный и детальный характер, ощущается настоятельная необходимость в исследовании проблем идеологии и культуры античного мира, на что уже неоднократно обращалось внимание в передовых статьях нашего журнала (1963, № 3; 1966, № 3). Перспективный план сектора древней истории Института всеобщей истории АН СССР на ближайшее пятилетие предусматривает выпуск коллективного труда по истории культуры античного мира.

С вопросами культуры тесно связаны почти не разработанные в нашей науке вопросы истории философии и религии в древности. Исследование их взаимоотношений и путей развития, вопроса о взаимодействии государственных и племенных религий, истории христианства, религиозных форм идеологической борьбы в древности чрезвычайно важно для изучения всей общественно-политической жизни античного общества и его мировоззрения. К этому кругу проблем идеологического характера примыкают и вопросы о развитии политических учений и социальных утопий в древности. Раскрытие связи этих учений и утопий с характером государственной власти в древности, с историей классовой и социальной борьбы, с «рабским вопросом» и «народной идеологией» даст возможность многостороннего подхода к выяснению самой природы рабовладельческого государства и его отличий от государства феодального и капиталистического. И, наконец, ждут дальнейшей разработки вопросы источниковедения и текстологии, методики исследования литературных и документальных источников.

В качестве вновь выдвигаемой проблемы можно было бы назвать формы международных связей в древности. С этой проблемой тесно связан вопрос о роли войн, о взаимодействии античного и варварского мира, о различных аспектах этого взаимодействия (военных, экономических и культурных). Исследование этого круга вопросов будет одновременно способствовать и изучению окраинных областей античного мира, пограничных римских провинций, где присутствие варварского мира было постоянным и действенным фактором, влиявшим не только на судьбы Римской империи, но и на развитие самого варварского мира.

Предлагая эту проблематику в качестве наиболее значимой и актуальной, сектор древней истории Института всеобщей истории АН СССР и

редколлегия журнала «Вестник древней истории» не считают, что она должна стать единственной в научных планах наших историков. Однако ее большое значение для дальнейшего развития советского антиковедения совершенно очевидно. В Директивах XXIV съезда КПСС по новому пятилетнему плану отмечается необходимость решительного повышения эффективности работы научных учреждений, обеспечение концентрации научных сил в первую очередь на ведущих направлениях науки и решении важнейших научно-технических проблем.

В числе первостепенных задач советской исторической науки находится и критика современных буржуазных теорий и концепций. В этих концепциях древняя история нередко служит «опытным полем» для применения всевозможных историософских построений, в ней на Западе ищут причин «кризиса современной цивилизации». Как показал XIII Международный конгресс исторических наук, современная антимарксистская историография пытается доказать, что «многовариантность» исторического процесса будто бы несовместима с существованием социально-экономических формаций. Ставится под сомнение самая принадлежность истории к числу наук на том основании, что история не имеет дело с количественными характеристиками, которые могут быть объективно изучены, что в истории якобы проявляется действие «слепых» сил, которые не могут быть учтены, что, наконец, самое изложение истории не свободно от политических убеждений историков и зависит, таким образом, от субъективных факторов. Необходимость постоянной борьбы с буржуазной идеологией и пропагандой была настоятельно подчеркнута в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева на XXIV съезде КПСС. Долг советской исторической науки не только в том, чтобы давать своевременный, решительный и эффективный отпор идеологическим атакам буржуазных ученых, но и в том, чтобы самим переходить в решительное наступление.

В свете стоящих перед общественными науками задач большое значение приобретает и вопрос о пропаганде исторических знаний, т. е., в первую очередь, вопрос о научно-популярной литературе. Ее издание в области древней истории будет способствовать повышению уровня образования и культуры самых широких слоев нашего общества. Как сказал в своем докладе на XXIV съезде тов. Л. И. Брежнев, «для перехода к коммунизму необходимо достигнуть более высокого уровня развития не только экономики, но и культуры всего общества».

Те положительные итоги, которые имеет советская историческая наука, та высокая оценка, которая дана Коммунистической партией деятельности Академии наук СССР, те большие задачи, которые выдвинуты XXIV съездом КПСС перед общественными науками, обязывают советских историков высоко держать знамя марксистско-ленинской методологии в своих конкретных исторических исследованиях. Решения XXIV съезда КПСС вдохновляют советских историков на создание глубоко научных и разносторонних по тематике работ и в области нашей науки о древнем мире.

В. П. Яйленко

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДЕКРЕТА ИССЕЙЦЕВ О РАЗДЕЛЕ ЗЕМЛИ КОЛОНИСТАМИ

ДЕКРЕТ иссейцев[1], трактующий вопросы раздела земли колонистами, к сожалению, дошел до нас в сильно фрагментированном виде. Основные фрагменты стелы, в том числе и фрагмент А, содержащий текст декрета, были найдены в 1877 г. среди развалин средневековой церкви села Лумбарда, находящегося на крайней восточной оконечности острова Корчула (древняя Керкира Мелайна). Метрополия отправленной сюда колонии — город Исса[2], народное собрание которой приняло этот документ,— расположена на одноименном острове (ныне о. Вис), лежащем примерно в 80 км к западу. В настоящее время эта надпись хранится в Археологическом музее гор. Загреба.

В верхней части стелы находится текст декрета, ниже — имена иссейских колонистов, расположенные в три колонки, в соответствии с тремя дорийскими филами. Около трети декрета — на его правой стороне — утрачено. Дополнения текста, сделанные И. Бруншмидом[3], принял В. Дит-

---

[1] Пользуюсь случаем выразить свою глубокую благодарность сотрудникам сектора древней истории Института всеобщей истории АН СССР и в особенности Э. Л. Грэйс и Т. В. Блаватской за ряд критических замечаний и полезных советов.

[2] Мнение о неиндоевропейском характере этого названия, высказанное Бюрхнером (RE. Bd. XVIII, s. v. *Issa*), прочно укрепилось в современной литературе (P. S k o k, Slavenstvo i romanstvo na jadranskim otocima, Zagreb, 1950, стр. 192, 196: Исса —средиземноморское название; G. N o v a k, Vis, Zagreb, 1961, стр. 15). Однако это название может быть более надежно объяснено на индоевропейской почве. Я полагаю, что топоним ''Ισσα связан с индоевр. *u̯idhu- «дерево», «лес»: греч. ἴδη, древнеирл. fid, уэльск. gwydd, галл. Uidu-casses, англо-сакс. widu, wudu, др.верх. нем. witu (A. W a l d e, J. P o k o r n y, Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, Bd. I, Lpz, 1930, стр. 314).

Греческое ἴδη, судя по отражению dh, было заимствовано из субстратного языка (где dh > d). В догреческом индоевропейский согласный сонант исчезал (W. M e r l i n g e n, «Linguistique Balkanique», IV, 1962, стр. 53), т. е. *u̯idhu- > догреч. id-ē со значениями «горный лес», «лесистая гора», «лес», «лесистая». По поводу долгого i в догреческом слове, при кратком в остальных индоевропейских терминах, см. объяснение Л. Гиндина (Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова, М., 1967, стр. 137). С другой стороны, очевидно, что название ''Ισσα входит в круг широко распространенных топонимов с суффиксом -(s)sa. Таким образом, Issa < id + (s)sa, где зубной закономерно подвергся ассимиляции в греческой передаче, ср. гомер. ποσσί < *ποδσί. Значение топонима — «покрытая лесом», «лесистая», ср. Ида — «покрытая лесом гора» — широко распространенное в балканско-малоазийском ареале название. Семантическая сторона вопроса, подтверждая предлагаемую этимологию, находится в полном соответствии с физическими свойствами острова: Исса довольно сильно покрыта густым лесом.

[3] J. B r u n š m i d, Die Inschriften und Münzen der griechischen Städte Dalmatiens, Wien, 1898, стр. 2 сл.

тенбергер во втором издании SIG (1900, № 933), который вместе с тем внес ряд своих значительных добавлений. Эти дополнения были критически переработаны А. Вильхельмом [4]; его восстановления почти полностью принял Ф. Хиллер фон Гертрингенв третьем издании SIG (т. I, 1915, № 141), в соответствии с которым ниже воспроизводится текст надписи.

ʾΑγαθᾶι τύχαι. ʾεφ' ἱερομνάμονος Πραξιδάμου, Μα[χανέος, συνθ̣ήκα οἰκισ]-
τᾶν ʾΙσσαίων καὶ Πύλλου καὶ τοῦ υοῦ Δάζου. τάδε συ]νέγραψαν οἱ οἰκισταὶ]
καὶ ἔδοξε τῶι δάμωι. (§ 1) λαβεῖν ἐξαίρετον τοὺς πρώτους [καταλαβόντας τὰν χώ]-
ραν καὶ τειχίξαντας τὰν πολιν τᾶς πόλιος οἰκόπ[εδον ἐν ἕκαστον τᾶς]
5 τετειχισμένας ἐξαίρετον σὺν τῶι μέρει, τᾶς δὲ ἔ[ξω αὐτᾶς λαβεῖν τοὺς αὐ]-
τοὺς καὶ τᾶς χώρας ἐξαίρετον τον πρῶτον κλᾶρον [τᾶς μὲν ἀμπελίτιδος]
πέλεθρα τρία, τᾶς δὲ ἄλλας τὰ μέρη. (§ 2) ἀναγραφῆμεν δὲ [τον κλᾶρον καὶ τὰ μέρη ὅ-
π(?)]ει ἕκαστος ἔλαχε. (§ 3) κατάμονον δὲ εἶμεν αὐτοῖς καὶ τ[οῖς ἐγγόνοις πέλε-
θρο] ν καὶ ἥμισυ ἑκάστωι. (§ 4) λαβεῖν δὲ τοὺς ἐφέροντας τᾶ [ς πόλιος οἰκόπεδον ἔν
10 καὶ τᾶ]ς ἀδιαιρέτου πέλεθρα τέσαρα καὶ ἥμισυ. (§ 5) τὰ [ς δὲ ἀρχὰς ὀμνύναι μηδ-
έποτε] τὰν πόλιν μηδὲ τὰν χώραν ἄνδαιτον ποή[σεσθαι μηδαμῶς· (§ 6) εἰ δὲ
τί κα ἄρχων] προθῆ ἔτας συναγοησῆι πὰρ τ[ὰ ἐφαφισμένα, αὐτος ἄτιμος καὶ
τὰ ὑπάρχ]οντα δαμόσ[ια ἔστ] ω, ἀθῶιο [ς δὲ ὁ ἀποκτείνας αὐτόν — —
— — του — —
15 — — πατι — —
(§ 7) εἰ κα τῶι δ] άμωι δο[ξῆι — —
οἳ δὲ] κατέλαβον τὰν χώρ [αν καὶ ἐτείχιξ] αν τὰν πόλιν·
[Δυμᾶ]νες [Ὑλλεῖς] Πάμφυλοι

I. Реконструкция текста. После обычной вводной формулы в сохранившемся тексте 1 стк. надписи следует датировка по гиеромнемону; во 2 стк. указаны иссейцы, некий Пилл и его сын Даз. Исходя из того, что указание на две стороны: одну — логистов или ойкистов иссейцев — и другую — Пилла и его сына Даза — дает основание видеть в них две договаривающиеся стороны, издатели восстанавливали в утраченной части первой строки слово συνθήκα. Однако, как справедливо отметил А. Грэйэм, эта надпись представляет собой декрет, а не договор [5]; поэтому восстановление слова συνθήκα неправомочно — ср. имеющий иную форму договор (ὁμολογία) месембрийцев с соседним фракийским царьком [6].

В связи с этим в лакуне стк. 1 восстанавливаю τεθμός, имея в виду характер документа, который является одновременно декретом и законом, определяющим способ раздела земли (γαδαισία) в среде двух групп колонистов — первых (τοὺς πρώτους — стк. 3) и присоединяющихся (τοὺς ἐφέροντας — стк. 9). Ср. также вводную формулировку локридского закона о наследовании пастбищной земли колонистами (эпойками): τεθμὸς ὅδε περὶ τᾶς γᾶς [7].

Находящийся в начале 2 стк. показатель ταν Бруншмид и Диттенбергер понимали как остаток [λογισ] τᾶν, однако я предпочитаю восстановление Вильхельма, так как ойкисты упоминаются в надписи из Терма о выводе колонии в качестве лиц, производивших распределение (?) земли и домов [8].

Вторую сторону в декрете иссейцев представляют некий Пилл и его сын Даз. Имена этих людей явно не греческие: имя Πύλλος встречается

[4] A. Wilhelm, Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde, «Sitzungsber. der Akad. der Wiss. in Wien, Phil.-hist. Kl.», 175, 1 Abh., 1913, стр. 3 сл.

[5] A. Graham, Colony and Mother City in Ancient Greece, Manch., 1964, стр. 43, прим. 6.

[6] ВДИ, 1954, № 2, стр. 174 сл.

[7] L. Jeffery, The Local Scripts of Archaic Greece, Oxf., 1961, стр. 403.

[8] IG, IX, pars I, fasc. 1, № 2 (около последней трети III в. до н. э.). То же в синхронном (325/4 г.) афинском декрете о выводе колонии в Адриатику (M. N. Tod, Greek Historical Inscriptions, II, Oxf., 1950, № 200, стк. 160—161).

в Иллирии, Македонии, Япигии; Δάζιος и другие имена с основой Δαζ- также не редки в этих местностях[9]. Ареал распространения этих имен в целом входит в границы расселения иллирийского этноса. Иллирийцы жили также на островах, прилегающих к Далмации (Diod.,XV, 14, 1). Можно с уверенностью считать Пилла и его сына местными далматскими династами, в сфере влияния которых находилась Керкира Мелайна (или только ее часть)[10]. Иллирийцы в данном случае были, видимо, заинтересованы в основании на их земле греческой колонии, с которой они могли бы установить соответствующие экономические связи. Ввиду этого далматские царьки предоставляют иссейцам часть своих владений для поселения. Более того, иллирийцы имели право присоединиться к жителям нового города, получить в нем участок под дом и надел в хоре — именно этот смысл, как мне представляется, имеет четвертый параграф декрета. При таком толковании этой статьи становится понятным участие туземных вождей в составлении закона, цель которого состоит в определении прав двух категорий колонистов: первых и присоединяющихся. Далматские вожди, предоставив грекам для поселения землю в своих владениях, очевидно, выговорили за это для своих подданных право присоединиться к колонистам[11]; именно поэтому Пилл и Даз участвовали в выработке закона о разделе земли между колонистами, представляя интересы туземного населения, составлявшего часть второго контингента колонистов. Такое понимание § 4 подтверждается фактом постепенного увеличения в дальнейшем иллирийского населения в греческих полисах Адриатики[12]. Таким образом, одним из каналов проникновения иллирийских элементов в греческие города могло быть включение местного населения, на земле которого основывалась колония, в число ее граждан.

В конце 2 стк. сохранилось указание на совместное предприятие (συν-)[13], содержание которого излагается от лица народа в последующих статьях закона. По мысли Вильхельма, ойкисты иссейцев, заключив договор с Пиллом и Дазом, составили принятый народом документ. Однако, как указывалось, термин συνθήκα не может быть восстановлен, так как не соответствует характеру документа. В таком случае неправомочно и восстановление Вильхельма во 2 стк., поскольку без термина συνθήκα и при дополнении συ[νέγραφαν οἱ οἰκισταί] становится совершенно непонятной роль Пилла и Даза. Следовательно, эти лица также участвовали в том совместном предприятии, на которое указывает сохранившееся ΣΥΙ, что хорошо согласуется с восстановленным в 1 стк. термином τεθμός. Таким образом, ойкисты иссейцев, Пилл и Даз, совместно выработали (συ[νέγραψαν]) следующие затем (τάδε) статьи закона. Естественно предположить наличие в этой лакуне определения, какого именно закона; имея в виду приведенную выше вводную формулу локридского закона — τεθμὸς ὅδε περὶ τᾶς γᾶς, предлагаю следующее дополнение: τάδε συ[νέγραψαν περὶ τᾶς γᾶς], хотя стилистически оно не вполне совершенно.

Далее следует собственно τεθμός — текст закона о разделе земли колонистами.

---

[9] Ср. SIG, I, стр. 185.

[10] Ср. SIG, I, стр. 185; D. Rendić-Miočević, Iliri u natpisoma grčkih colonija u Dalmatiji, «Vjesnik za arh. i hist. Dalmat.», т. 53 (1950—1951), стр. 45; P. Lisičar, Crna Korkira, Skopje, 1951, стр. 104—105.

[11] Видимо, здесь прежде всего имелись в виду интересы населения той местности, где основывался греческий город.

[12] Опять-таки сошлюсь на надписи с Хвара. Рендич-Миочевич в указанной статье (стр. 43, 56) также отмечает тенденцию к расширению иллирийского ономастикона в греческих надписях Адриатики. Вместе с тем она указывает на его постепенную эллинизацию (стр. 57).

[13] На крае скола сохранилась прямая вертикальная черточка: ΣΥΙ.

Восстановленное в 3 стк. [καταλαβόντας τὰν χώ]|ραν довольно надежно, так как подобная формулировка содержится в 17 стк. В лакуне 4 стк. безусловно восстанавливаются лишь οἰκόπ[εδον] и [τᾶς] при τετειχισμένας. Я принимаю восстановление Вильхельма условно, так как в аналогичной формуле в стк. 9 дополнение ἕκαστον не может иметь места.

Со слов τᾶς δὲ (5 стк.) начинается заключительный период первой статьи закона, регламентировавшей раздел земельных угодий: получить тем же самым «первым (переселенцам — [τοὺς πρώ]τους) в хоре (τᾶς χώρας — gen. part.) в качестве преимущества основной надел (τὸν πρῶτον κλᾶρον) площадью в три плетра[14], а из прочей (земли) — эти же доли (τᾶς δὲ ἄλλας τὰ μέρη)»[15]. Основное содержание последнего периода статьи довольно ясно, так что для восстановления лакун в 5 и 6 строках имеются определенные основания. Для уточнения содержания сначала разберу вопрос о возможном дополнении лакуны 6 стк., а затем вернусь к восстановлению пятой.

Прежде всего следует отметить, что восстановление Вильхельма в лакуне 6 стк. [τᾶς μὲν ἀμπελίτιδος] имеет очень мало прав на существование, так как оно основано не на логическом развитии смысла всей фразы, а на нескольких эпиграфических документах, содержащих сведения о размерах виноградников, т. е. это дополнение не имеет никакой связи с содержанием 5—7 строк. Бруншмид и вслед за ним Диттенбергер считали, что здесь должно стоять слово «получить», необходимое для законченности смысла последнего периода этой статьи закона[16]. Согласно с ними необходимое по смыслу λαβεῖν восстанавливаю в лакуне 6 строки.

Как указывалось выше, содержание заключительного периода § 1 посвящено разделу земли. Однако слово «земля» в сохранившемся тексте 6—7 стк. надписи не упоминается. Поэтому в лакуне 6 стк. восстанавливаю τᾶς γᾶς, так как последние слова параграфа — τᾶς δὲ ἄλλας τὰ μέρη — определенно указывают, что противопоставлению τᾶς δὲ ἄλλας должно предшествовать то соответственное слово, заменителем которого оно является, т. е. по смыслу — τᾶς γᾶς. Вместе с тем, при этом выражении, восстанавливаемом в лакуне — λαβεῖν τᾶς γᾶς, содержалось также определение — какой именно земли, так как на это явно указывает противопоставление «а из прочей (земли)». Мы не имеем документальных сведений о том, из какой земли отрезались первоначальные клеры, поэтому в данном случае придется прибегнуть к логическому рассуждению, что, конечно, делает довольно гипотетическим предлагаемое определение к τᾶς γᾶς.

Земельные угодья античного полиса оценивались в зависимости от качества почвы, характера окружающего рельефа (равнинности, близости источников) и по степени близости к городу. Такое заключение можно сделать из 14 главы пятой книги «Законов», где Платон трактует вопросы, связанные с основанием города. Он отмечает, что сначала следует выбрать соответствующую местность; определив место акрополя, его следует окружить стеной. Начиная отсюда, делят на 12 частей и самый город и всю страну. «Эти двенадцать частей должны быть равными; те участки, где почва хорошая, будут меньше, а где плохая — больше... Каждый из них (наделов) опять-таки делится пополам на два участка: близкий и дальний; из этих

[14] Равно 0,285 га.

[15] О значении выражения τὰ μέρη см. раздел 3.

[16] Вильхельм поместил его в лакуне стк. 5 и восстановил здесь 19 букв; однако как раз в этом месте фрагмента надписи имеется выступ справа, так что число дополняемых здесь букв должно быть меньше верхнего предела нормы, т. е. 18 букв. Я полагаю, что в первых 11 строках следует восстанавливать по 17—18 букв, так как наиболее надежные дополнения в стк. 3 и 8 одинаково свидетельствуют об утрате 17 букв.

двух половин и составляется каждый надел. Участок, ближайший к городу, надо соединить в один надел с участком, расположенным на окраине; участок, который поближе к городу,— с таким, который не на самом краю, и так далее. При этом разделении на две части надо обращать внимание, как мы сейчас указали, на плохое или хорошее качество почвы, соответственно увеличивая или уменьшая участки» (745 C — D, пер. А. Н. Егунова)[17]. Естественно думать, что под основной надел отводились лучшие земельные угодья. Поэтому, имея в виду выражение Платона ἀγαθῆς γῆς, предлагаю следующее восстановление лакуны стк. 6 [λαβεῖν τᾶς ἀγαθᾶς γᾶς]. Есть и другой вариант, содержащий 19 букв и потому представляющийся мне менее подходящим: [λαβεῖν τᾶς ἀρίστας γᾶς]. Это восстановление основывается на привлекавшемся Вильхельмом рассказе Диодора о раздаче земель Дионисием своим сторонникам[18]. Интересна получающаяся при таком дополнении аналогичная пара противопоставлений: τῆς δὲ χώρας τὴν ἀρίστην — τὴν δ'ἄλλην у Диодора и τᾶς χώρας . . . [τᾶς ἀρίστας γᾶς] — τᾶς δὲ ἄλλας в декрете. Вместе с тем, очевидно, что Диодор обходился без слова «земля» в указанном противопоставлении: оно подразумевается само собой при τῆς χώρας. Следовательно, в декрете могло и не быть τᾶς γᾶς в одной строке с τᾶς χώρας. Поэтому я предоставляю судить исследователям, что правильнее — [λαβεῖν τᾶς ἀγαθᾶς γᾶς] или [τᾶς μὲν ἀμπελίτιδος].

Дополнение Вильхельма в стк. 5 основано на словах Аристотеля: ἀλλὰ περὶ τὴν χώραν ἐστὶ καὶ [τὰ] περὶ τὰ ἔξω τοῦ ἄστεως (Pol., VI, 5, 4 — 1321b)[19]. Однако выражение τὰ ἔξω τοῦ ἄστεως употреблено Аристотелем не в терминологическом значении, определявшем какую-либо разновидность территории, а в качестве эквивалента περὶ τὴν χώραν, что хорошо отражено в переводе С. А. Жебелева: «...государственная территория, т. е. то, что расположено за пределами собственно города». Ср. аналогичное выражение в клятве из Дрероса[20]: μήτε ἐμ πόλει, μήτε ἐξοῖ τᾶς πολεως, т. е. в общем значении: «ни в городе, ни за пределами города». В то же время очевидно, что в лакуне стк. 5 содержалось терминологическое определение той категории земли, которая отводилась под основные наделы наряду с хорой, но не была идентична последней. Из упоминавшегося выше пассажа «Законов» (745 C — D) видно, какое значение Платон придавал расположению надела в хоре по отношению к городу. В связи с этим, привлекая его выражение: ξυγκληρῶσαι δύο τμήματα, τοῦ τ' ἐγγὺς καὶ τοῦ πόρρω μετέχοντα ἑκάτερον (745 C), восстанавливаю лакуну стк. 5 в следующем виде: τᾶς δὲ ἐ[γγὺς πολιος τοὺς πρώ]|τους[21].

Дополнение в стк. 5, предложенное Г. Клаффенбахом: τᾶς δὲ ἔ[ξω ἄλλο μέρος λαβεῖν αὐ]|τούς, смысл которого сводится к тому, что каждый

[17] Ἴσα δὲ δεῖ γίγνεσθαι τὰ δώδεκα μέρη τῷ τὰ μὲν [ἀγαθῆς γῆς εἶναι σμικρά, τὰ δὲ χείρονος μείζω. κλήρους δὲ διελεῖν τετταράκοντα καὶ πεντακισχιλίους, τούτων τε αὖ δίχα τέμνειν ἕκαστον καὶ ξυγκληρῶσαι δύο τμήματα, τοῦ τ'ἐγγὺς καὶ τοῦ πόρρω μετέχοντα ἑκάτερον (745 C).

[18] Diod., XIV, 7, 4; Дионисий в 404 г., «... отобрав лучшую землю, одарил друзей и ближайших сторонников, а прочую распределил поровну среди наемников и граждан» (τῆς δὲ χώρας τὴν ἀρίστην ἐξελόμενος ἐδωρήσατο τοῖς τε φίλοις καὶ τοῖς ἐφ' ἡγεμονίας τεταγμένοις, τὴν δ' ἄλλην ἐμέρισεν ἐπ'ἴσης ξένοι τε καὶ πολίτῃ...).

[19] Wilhelm, ук. соч., стр. 15.

[20] E. Schwyzer, Dialectorum Graecorum exempla epigraphica potiora, Hildesheim, 1963, № 193, стки. 67—68.

[21] Восстановлено 17 букв. Однако в этом месте имеется выступ на камне и, может быть, следовало бы дополнить 16 букв — [... τοὺς αὐ]|τούς. В подтверждение мысли о городской округе как об особой категории земли можно сослаться на Ксенофонта, который говорит об относительно высокой ценности земель, расположенных «вокруг города» — περὶ τὸ ἄστυ (De vect. IV, 50). Очевидно, что выражения περὶ τὸ ἄστυ и ἐγγὺς πόλιος равнозначны.

колонист получал 2 участка под сад — в городе при жилище и в пригороде, представляется довольно интересным, но не бесспорным[22]. Во-первых, восстановлено слишком большое количество букв; имеющийся здесь выступ на камне заставляет полагать, что их было не более 16—17. Во-вторых, получается слишком большое количество участков, приходящихся на долю каждого колониста, в то время как распыленность надела, кстати, довольно небольшого,— отнюдь не в его интересах. В-третьих, следовало бы привести факты, подтверждающие гипотезу о двух садовых участках.

Что касается восстановления в стк. 7—8, то Вильхельм сам сомневался в его правильности. Дело в том, что если бы 8 строка действительно начиналась с буквы П, то ее верхний правый угол был бы виден, так как для него рядом с сохранившимся *эпсилоном* место есть. Скол здесь явно прошел по наклонной палочке какой-то буквы, каковой могла быть *альфа*, *дельта* или *лямбда*. Аналогичным образом и в начале стк. 9 скол прошел по наклонной палочке буквы N. В связи с этим восстанавливаю [ὅπει ἐν τᾶι χώραι καὶ π|όλ]ει[23]. Фиксации местоположения и границ частновладельческих участков придавалось, как известно, большое значение, ср. предписание эфесцев комиссии по размежеванию земель[24]. Наконец, полагаю нужным уточнить дополнение лакуны в стк. 8—9. В стк. 8 восстановлено 15 букв, что меньше нормы. Предлагаю поэтому следующее исправление: τ[οῖς ἐγγόνοις πέλεθρ|ον ἔ]ν.

Таким образом, на мой взгляд, 1—9 стк. надписи следует реконструировать в следующем виде:

Ἀγαθᾶι τύχαι. Ἐφ' ἱερομνάμονος Πραξιδάμου, Μα[χανέος, τεθμὸς οἰκισ]-
τᾶν Ἰσσαίων καὶ Πύλλου καὶ τοῦ υἱοῦ Δάζου. τάδε συ[νέγραψαν περὶ τᾶς γᾶς?]
καὶ ἔδοξε τῶι δάμωι. λαβεῖν ἐξαίρετον τοὺς πρώτους [καταλαβόντας τὰν χώ]-
ραν καὶ τειχίξαντας τὰν πόλιν τᾶς πόλιος οἰκόπ[εδον ἐν ἕκαστον τᾶς]
τετειχισμένας ἐξαίρετον σὺν τῶι μέρει, τᾶς δὲ ἐ[γγὺς πόλιος τοὺς πρώ]-
τους καὶ τᾶς χώρας ἐξαίρετον τὸν πρῶτον κλᾶρον [λαβεῖν τᾶς Ἀγαθᾶς
(?Ἀρίστας?) γᾶς]
πέλεθρα τρία, τᾶς δὲ ἄλλας τὰ μέρη. ἀναγραφῆμεν δὲ [ὅπει ἐν τᾶι χώραι καὶ π]-
όλ]ει ἕκαστος ἔλαχε· κατάμονον δὲ εἶμεν αὐτοῖς καὶ τ[οῖς ἐγγόνοις πέλεθρ]-
ον ἓ]ν καὶ ἥμισυ ἑκάστωι. λαβεῖν δὲ τοὺς ἐφέρποντας τᾶ[ς πόλιος οἰκόπεδον ἐν
καὶ τᾶ]ς ἀδιαιρέτου πέλεθρα τέσαρα καὶ ἥμισυ и т. д.

Перевод

«Счастливой судьбы! При гиеромнемоне Праксидаме, сыне Маханея, установление ойкистов иссейцев и Пилла, и его сына Даза. Они составили относительно земли и народ постановил следующее: (§ 1) Первым (переселенцам), занявшим место, которое (было) выделено, и обстроившим город стенами, получить в городе, уже обведенном стенами, каждому по одному ойкопедону, (причем) в качестве преимущества — с приусадебным участком, а близ города и в хоре (тем же самым) первым (переселенцам) получить в качестве преимущества из хорошей земли основной надел в три плетра, а из прочей — эти же доли. (§ 2) Записать, где в хоре и городе каждый получил по жребию. (§ 3) Всегда быть у них и у потомков у каждого по полтора плетра (земли). (§ 4) Присоединяющимся

[22] G. Klaffenbach, Zur Siedlungsinschriften von Korkyra Melaina, «Studia in honorem acad. D. Dečev», Sofia, 1958, стр. 219—220.

[23] Судя по фотографии, приложенной к работе Вильхельма, буквы ολ могут уместиться в начале стк. 8. Если бы обследование подлинника показало, что это не так, возможен был бы перенос πό|λει; добавление 19 буквы в лакуне стк. 7 компенсировалось бы наличием там трех *йот*.

[24] SIG, № 364 (около 297 г. до н. э.), стк. 6—7. Такие описания границ клеров дошли до нас (см. IG, XIV, № 352; II—III, pars I, fasc. 1, № 204).

(переселенцам) получить в городе по одному ойкопедону и из неразделенной (земли) — по четыре с половиной плетра. (§ 5) Власти пусть поклянутся, что никогда ни город, ни хору никоим образом не подвергнут переделу. (§ 6) Если же архонт что-либо замыслит против установленного или гражданин поддержит (это), то пусть он будет лишен гражданских прав, а имущество конфисковано в пользу государства; убивший же его пусть останется безнаказанным. (§ 7) Если будет народу угодно, (то пусть то-то и то-то будут те), которые заняли местность и обвели стенами город:

Диманы Гиллеи Памфилы»

II. Язык надписи и время ее составления. Иссейская надпись составлена на южнодорийском диалекте, свойственном также метрополии Иссы — Сиракузам. Язык надписи представляет собой контаминацию преобладающих ранних форм с фонетическими инновациями. В числе довольно архаичных черт отмечу: употребление τοῦ в значении притяжательного местоимения, как у Гомера; сохранение первоначального ē (без *йоты адскриптум*) в 3 л. ед. числа конъюнктивного аориста — προθῆ, συναγορήσῃ. Интересен аористный инфинитив на -εῖν(λαβεῖν), зафиксированный для дорики лишь в коринфском и мегарском говорах[25]; следовательно, колония сохранила характерный элемент языка метрополии Сиракуз — Коринфа. Наряду с этим некоторые формы свойственны как раннему, так и последующему времени: отсутствие *йоты* в ὑοῦ (встречается с VI в.); δαμόσια может быть рассмотрено как раннее дорийское явление (ассибиляция τ перед ι), но не исключено также, что это результат влияния ионийско-аттической формы, т. е. один из элементов койне. Наконец, встречаются формы, обусловленные определенным влиянием койне: οἰκόπεδον, ἔτας с элидированной дигаммой[26], которая сохранялась в дорике еще в эллинистическую эпоху, наряду с ионийско-аттическими πρῶτος (вместо дор. πρᾶτος) и τέσαρα (вместо дор. τέτορες). Таким образом, проявляющиеся в языке иссейской надписи следы едва только начавшегося вляния койне, сказавшегося прежде всего на формах числительных и других отдельных широкоупотребительных лексем, определенно указывают на середину IV в.[27]. Язык надписи не вполне соответствует датировке ее ранним IV веком, предложенной рядом исследователей[28].

Думается, что формулировка ἔδοξε τῶι δάμωι также позволяет полагать, что постановление было принято не ранее середины IV в., когда Исса и другие греческие города Адриатики сделались независимыми от сиракузских тиранов. На мой взгляд, надпись следует датировать временем около середины IV в., на что указывает почти полная чистота греческого ономастикона иссейских колонистов: из 220 сохранившихся имен и патронимиков лишь 6 — иллирийского происхождения. В дальнейшем иллирийские элементы все более интенсивно смешивались с населением греческих городов, что очень хорошо прослеживается, например, по ономастикону надписей с Хвара (см. указанную работу Г. Новака). Таким образом, чистота ономастикона иссейских переселенцев определенно ука-

[25] C. D. Buck, The Greek Dialects, Chicago, 1968, стр. 122.

[26] Аналогичное явление наблюдается также в Гераклейских таблицах, где тема *Fοικ-* утратила *дигамму* при почти полном сохранении ее в языке этого памятника, ср. A. Uguzzoni, F. Ghinatti, Le tavole greche di Eraclea, Roma, 1968, стр. 38.

[27] Влияние койне в чуть большей степени сказалось на языке Гераклейских таблиц, относимых обычно к концу IV в.; Uguzzoni, Ghinatti, ук. соч., стр. 77.

[28] В. Диттенбергер вслед за Э. Мейером относил надпись ко времени около 385 г. (SIG, I, стр. 185). И. Бруншмид и Д. Рендич-Миочевич — к началу IV в. (Enciкl. Jugosl., т. 5, стр. 312). Г. Новак и А. Грэйэм осторожно датировали ее IV веком (G. Novak, Hvar, Zagreb, 1960, стр. 30; Graham, ук. соч., стр. 43), а П. Лисичар — второй половиной IV в. (Lisičar, ук. соч., стр. 108).

зывает на раннее время составления закона. Анализ языка надписи также позволяет датировать ее этим временем [29].

III. Раздел земли колонистами. Исследуемый документ, трактуя вопросы раздела земли между колонистами, относится к одному из последних звеньев в цепи событий, связанных с основанием колонии на Черной Керкире. Употребленные авторами декрета аористные и перфектная формы (κατέλαβον —17 стк., τειχίξαντας —4 стк; τετειχισμένας — 5 стк.) ясно показывают, что до принятия закона о разделе земли колония уже была основана, местность занята, стены возведены. Следовательно, в ходе распределения строительных и земельных участков, очевидно, произошли какие-то трения, которые привели в конце концов к выработке народным собранием метрополии закона, регулировавшего раздел земли между колонистами (выяснению причин возникновения разногласий будет способствовать реконструкция общего хода событий, о которой см. ниже)

Раздел участков между колонистами производился после постройки городских оборонительных стен, на что определенно указывает перфектное время причастия: τᾶς πόλιος [τᾶς] τετειχισμένας (стк. 4—5). Известно, что возведение оборонительных стен — это первое, с чего колонисты обычно начинали свою деятельность на новом месте жительства. Так, лакедемонские колонисты, основавшие Гераклею неподалеку от Фермопил и Эвбеи, καταστάντες δὲ ἐτείχισαν τὴν πόλιν ἐκ καινῆς, «прибыв, обвели город новыми стенами» (Thuc., III, 92,6). У Витрувия есть рассказ об основании города Сальпия и разделе земельных участков, но из текста неясно, происходил ли раздел после возведения оборонительных стен или одновременно с этим [30].

Декрет же иссейцев ясно показывает, что лишь после сооружения оборонительной стены колонисты приступали к устройству своих частных дел — распределению участков: τᾶς πόλιος οἰκόπ[εδον ἐν ἕκαστον τᾶς] τετειχισμένας ἐξαίρετον σὺν τῶι μέρει: получить «в городе, уже обведенном стенами, каждому (колонисту) по одному ойкопедону, (причем) в качестве преимущества — с приусадебным участком».

Перевод выражения *οἰκόπεδον σὺν τῶι μέρει* нуждается в некотором разъяснении. Термин *ойкопедон* в литературных источниках имеет следующие значения: 1) участок под дом, место, на котором строится или построен дом; строительный участок; место города; 2) собственно дом, строение [31]. Анализ эпиграфических документов уточняет значения этого термина: 1) комплекс хозяйственных и жилых помещений [32], 2) хозяйственный комплекс с двором и утилитарными постройками при жилище [33];

---

[29] См. прим. 27. Следует иметь в виду тот факт, что сама Исса была основана Дионисием Старшим в 390—380-х годах (N o v a k, Hvar, стр. 28; RE, Halbbd. 25, стб. 733).

[30] М. Гостилий, получив разрешение сената основать город на новом месте, constituitque moenia et areas divisit nummoque sestertio singulis municipibus mancipio dedit: «возвел стены, разбил землю на участки и отдал их за бесценок каждому гражданину по отдельности» (I, 4, 12; пер. Ф. Петровского).

[31] H. L i d d e l, R. S c o t t, Greek-English Lexicon, s. v. οἰκόπεδον.

[32] SIG, № 302; οἰκόπεδα при пахотном поле и саде.

[33] Τὴν οἰκίαν καὶ τὸ οἰκόπεδον τὸ προσόν «дом и прилегающий ойкопедон» в актах о купле-продаже земли из Амфиполя (BCH, т. 85, № 2, 1961, стр. 429—30) и в списках проданной недвижимости на Теносе (IG, XII, fasc. 5, № 872, стк. 44, 63). Более развернуто строительная терминология, связанная с основанием города, была представлена в законе о колонии из этолийского Терма: сначала упоминаются частновладельческие площадки под жилищно-хозяйственный комплекс — ἐν τοῖς ἰδίοις οἰκοπέδοις (стк. 4), затем говорится о доме и его части—τὸ τᾶς οἰκίας [μ]έρος (стк. 20). К сожалению, от этой очень важной надписи (IG, IX, p. I, fasc. 1, № 2) сохранилась лишь треть. В надписи V в. из Гортины упоминаются предоставляемые проксену Ϝοικίαν ἐν ἈϜλῶνι ἐνδὸς πύργῳ καὶ Ϝοικόπεδον ἐκσοῖ γᾶν «дом в Авлоне внутри башни и вне (ее) — ойкопедон из земель» (S c h w y z e r, ук. соч., № 176). Ойкопедон здесь, несомненно, выделяется под хозяйственные постройки.

3) строительный участок под дом с двором и хозяйственные постройки при нем — ср. распоряжение Антигона о синойкизме Теоса и Лебедоса [34], в котором предписывает теосцам выделить каждому из переселяющихся лебедосцев по ойкопедону, равному тому, который он имел в Лебедосе; пока же они будут строиться, предоставить лебедосцам дома для жительства бесплатно. По характеру это письмо Антигона близко декрету иссейцев в том смысле, что в обоих документах имеется в виду городское строительство, поэтому термин *ойкопедон* употреблен в них в одинаковом значении. Таким образом, здесь *ойкопедон* — это отвлеченный технический термин из строительного лексикона, обозначающий площадь, отведенную под строящийся дом, двор и хозяйственные постройки при нем.

Μέρος при ойкопедоне не засвидетельствован нигде, но так как в декрете иссейцев он встречается еще раз в значении «земельный участок» (стк. 7), выражение οἰκόπεδον σὺν τῶι μέρει следует понимать как «площадь, отведенная под жилищно-хозяйственный комплекс с приусадебным участком». Резонно полагать, что этот приусадебный участок отводился под сад или огород [35].

Несомненно, что μέρος — это участок определенных размеров, представляющий собой минимальную отсчетную единицу, лежавшую в основе исчисления размеров каждого надела. Можно попытаться установить абсолютную величину этого модуля. Упоминаемые в декрете площади (1,5; 3; 4,5 плетра) кратны некоему участку в 1,5 или 0,5 плетра. Если принять, что в основу исчисления величины надела положен участок в 1,5 плетра (т. е. одна доля=1,5 плетра), то размеры города окажутся слишком большими. Остается допустить, что одна доля приравнивалась к половине плетра, и это будет более правильным, так как в абсолютном отношении наделы иссейских колонистов довольно незначительны. Исходя из модульного участка в 0,5 плетра, можно получить следующие предположительные цифры. Первые колонисты, которых было около 200 [36], получали ойкопедон с приусадебным участком, равным одной доле, т. е. в городе на каждого из них приходилось примерно по 700 м² (доля — 475 м² + примерно 225 м² под ойкопедон) [37]; всего на них приходится 14 га городской территории. Присоединявшиеся колонисты получали только по ойкопедону; если предположить, что их было также около 200, то на их долю приходится около 4—5 га на городской территории. Добавив 1—2 га под улицы и площади, получим общую территорию города, равную примерно 20 га.

Как видно, первым колонистам было предоставлено значительное преимущество при разделе городской территории, ибо присоединяющиеся колонисты получали в три раза меньшую площадь. Во всяком случае, если и не принимать эти цифры, привилегированное положение первой группы колонистов очевидно — согласно декрету, они получают ойко-

---

[34] SIG, № 344. Интерпретацию надписи и частичный перевод см. в книге: А. Б. Р а н о в и ч, Эллинизм и его историческая роль, М.— Л., 1950, стр. 100—101.

[35] Если обратиться к этнографическим параллелям, то в приазовских греческих селах выражением οἰκόπεδον σὺν τῶι μέρει можно было бы назвать площадь, ограниченную невысоким забором, сложенным из рваного камня насухо, который у древних греков назывался θύρα, а у приазовских — ташхура́. Эта площадь состоит из дома (спит), двора (авли́), хозяйственных построек — хлев (мандри́, ара́н), птичник (жуму́), свинарник, погреб, летняя печь, сарай, а также сада (ки́пос, бахча́) и огорода (лива́да).

[36] В той или иной степени сохранились имена или патронимики 170 колонистов. Г. Новак также считает, что их было около 200 (N o v a k, Vis, стр. 25). Ср. H e r o d., IV, 148: лакедемонянин Фера отправился в колонию с тремя триаконтерами, т. е. примерно со 150 колонистами; IV, 153: Батт отправился заселять Кирену на двух пятидесятивесельных суднах, т. е. опять-таки колонистов было около 150.

[37] Размер среднего ойкопедона в Олинфе — около 300 м².

педон с приусадебным участком, в то время как присоединяющиеся — только ойкопедон (стки. 4—5, 9).

Более сложная картина вырисовывается при анализе системы раздела земли за пределами города. Согласно декрету, каждый колонист первой категории получает в качестве преимущества основной надел в 3 плетра и какие-то определенные доли из остальной земли (τὰ μέρη). На первый взгляд кажется, что определить точную величину всего надела, получаемого колонистом первой группы, невозможно, так как число долей (τὰ μέρη) неизвестно. Более того, такая точка зрения как будто поддерживается и «Законами»: Платон полагает, что способ правильного распределения земли (т. е. в основном величина участков) может быть установлен после определения необходимого для защиты от окрестных жителей числа граждан, которое, однако, может быть установлено лишь на месте, в соответствии с количеством и качеством земли (πρὸς τὴν γῆν), а также близлежащими полисами. «Когда мы увидим и местность, и соседей, мы определим все это не только на словах, но и на самом деле» (737 B—D). Отсюда как будто ясно, почему декретом иссейцев не определены размеры обычных наделов (τὰ μέρη) первых переселенцев: это можно было сделать только на месте, в соответствии с окружающими условиями. Однако, как указывалось выше, город уже был основан и, естественно, все эти условия были известны. Следовательно, τὰ μέρη надо понимать как «эти (же) доли» τὰ = ταῦτα[38]; таким образом, τὸν πρῶτον κλᾶρον [λαβεῖν τᾶς ἀγαθᾶς γᾶς] πέλεθρα τρία, τᾶς δὲ ἄλλας τὰ μέρη означает: «получить из хорошей земли основной надел в три плетра, а из прочей — эти же доли», т. е. еще 6 долей, составляющих другой участок в три плетра. Отсюда следует, что надел каждого первого колониста состоял из двух участков общей площадью в 6 плетров (0,57 га). Всего земельный фонд первых колонистов составлял примерно 114 га. Присоединявшиеся колонисты получали участки в 4,5 плетра (0,427 га); если их было около 200 человек, то на их долю приходилось около 80 га земли. В целом земельный фонд иссейской колонии на Черной Керкире насчитывал примерно 200 га; очевидно, что цифра эта относительно невелика.

Приблизительная верность произведенных расчетов подтверждается сопоставлением с другой дорийской колонией — достаточно хорошо исследованным Херсонесом Таврическим. В его ранней истории четко намечаются два периода: от времени основания в конце V в. до середины IV в., когда происходило становление города, и с конца IV — начала III в., когда город вступил в полосу расцвета. Площадь Херсонеса, заключенная в пределах оборонительной стены середины IV в., составляла около 15 га. В конце этого века оборонительные сооружения были расширены, и территория города увеличилась примерно до 25 га. Земледельческая территория раннего Херсонеса была расположена в 12 км к западу — на Маячном полуострове, отделенном оборонительной стеной [39]. На его территории, составляющей примерно 380 га, были зафиксированы остатки приблизительно ста зданий, т. е. земельные владения раннего Херсонеса были разделены примерно на 100 наделов, видимо, по 3,5 га в каждом [40].

---

[38] Это местоимение, как известно, указывает на ближайший факт или только что высказанную мысль. Ср. противоположное μέρη τινά в родосской надписи начала II в. до н. э.: τὰς ἀπολειπομένας | [ἐν] τῶι τόπωι δ[ιαιρεῦντες?] χώρας ἀπ[σδ]όσθαι μέρη τινὰ διελόν|[τες εἰς κλά]ρους τριάκοντα ἑπτα — «Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften», Bd. 3, 1 Hälfte, Göttingen, 1899, № 3758, стки. 85—87.

[39] Материалы, найденные на территории этого полуострова, по мнению В. Д. Блаватского, включают как единичные находки конца V — начала IV в., так и черепки чернолаковой посуды IV в., которые «встречаются нередко» (В. Д. Блаватский, Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1953, стр. 26—27).

[40] Там же, стр. 40.

Приведенные данные о раннем Херсонесе показывают вероятность цифр, полученных для иссейской колонии; разница в величине земельного фонда обоих городов, естественно, предопределена различными природными условиями. Ограниченность земельных угодий иссейской колонии была обусловлена как ее островным положением, так и лесистостью острова [41]; далее, земля для колонии была выделена местными царьками, вряд ли бывшими особенно щедрыми и, конечно, считавшимися с тем, что остров заселен их подданными [42].

Земельные наделы как первых колонистов, так и присоединявшихся, которые получали по 4,5 плетра, как показывают документы, были минимальными [43].

Разница между наделами первых и присоединявшихся колонистов, на первый взгляд, невелика — 1,5 плетра, однако с учетом приусадебного участка она возрастает до 2 плетров, т. е. составляет почти половину надела колониста второй категории. Не меньшую, если не большую, роль играло то обстоятельство, что наделы присоединявшихся отрезались из так называемой «неразделенной» земли, т. е. заведомо худшей по качеству, так как хорошая земля, естественно, отводилась под основные наделы первых колонистов.

Интересно отметить, что в целом декрет различает три вида земли: 1) земля полиса внутри городских стен — τᾶς πόλιος [τᾶς] τετειχισμέναις (sc. ἁ γᾶ, стк. 4—5); 2) земля в окрестностях города — τᾶς ἐ[γγὺς πόλιος] (sc. ἁ γᾶ, стк. 5), если восстановление правильно; во всяком случае, Платон и Ксенофонт определенно свидетельствуют о существовании такого вида земли (Leges, 745 C — D; De vect. IV, 50); 3) собственно хора — ἁ χώρα (стк. 6), подразделяющаяся в свою очередь на три категории: 1) земля под основные наделы (нарезающиеся также и из земли второго вида); 2) остальная земля — τὰ ἄλλα (стк. 7); 3) неделимая земля — τὰ ἀδιαίρετα (стк. 10).

Наделы первых колонистов нарезались из хоры первой и второй категории, т. е. каждый из них получал по два участка, в то время как присоединявшиеся получали один участок из хоры третьей категории. Такая трактовка стк. 5—7 декрета подтверждается известными актами о купле земли с Теноса [44]. В этих документах наряду с обычными земельными участками (τὰ χωρία) в некоторых случаях упоминаются участки, проданные вместе с окраинными землями (αἱ ἐσχατιαί, стк. 18, 34, 55, 87—88, 99). Эти окраинные участки составляют территориально отдаленные

[41] Ср. Ap. Rod., Arg., IV, 570—71. На соседнем острове Хваре сохранились следы римского агера площадью до 80 га. Он был поделен на прямоугольные участки, размеры которых в основном невелики, но были и наделы в 5 га; см. N. Duboković-Nadalini, Ager Pharensis, «Vjesnik za arh. i hist. Dalmat.», т. 63—64 (1961—1962), стр. 91 сл.

[42] Ἐξαίρετον в стк. 3 следует понимать как предикативное определение к [καταλαβόντας τὰν χώ]ραν «занявшим место, которое (было) выделено»; связывать же его с λαβεῖν (стк. 3) и οἰκόπεδον (стк. 4) и переводить «получить в качестве преимущества по ойкопедону» нельзя, так как никакого преимущества в этом не было — присоединяющиеся колонисты также получали по ойкопедону.

[43] Например, в одной керкирской проксении из 12 перечисленных виноградников половина — размером в 4 плетра, два участка по 2 плетра даны одному лицу, остальные — в 6 (пустошь), 10, 20 и 22 плетра (IG, IX, p. 1, № 693). Ср. Аттику, где около 4500 землевладельцев имели участки величиной в 1 га, другие 4500 — в 3,5 га и еще 4500 — в 7,5 га (В. Н. Андреев, Размеры земельных участков в Аттике в IV в. до н. э., ВДИ, 1959, № 2, стр. 142). В надписи из малоазийского Иаса (SIG, № 169) указаны цены проданных земельных участков, колеблющиеся от 4 до 50 статеров. Принимая среднюю стоимость 1 га земли в 500 драхм (ср. купчую из Амфиполя, где указано, что виноградник в 6 плетров продан за 320 драхм,— BCH, т. 85, 1961, № 2, стр. 431), нетрудно вычислить размеры проданных иасейцами участков; жители этого маленького городка владели небольшими наделами, аналогичными тем, которыми наделялись колонисты иссейцев.

[44] IG, XII, fasc. 5, № 872.

части наделов: τὰ[χωρί]α ἐ[ν Ἐ]λαιοῦντι καὶ τᾶς ἐσχ[α]τιὰς ὅσαι [εἰ]σὶν τῶν χωρίωμ τού[των] (стк. 18, аналогичная формулировка и в стк. 87—88). Следовательно, на Теносе некогда существовала та же система наделения землей (колонистов?), что и на Черной Керкире: одну группу наделов составляли отдельные участки, другую — двойные. У этих «двойных» наделов и на Теносе, и на Керкире один участок нарезался из хоры первой категории (τὰ χωρία), а другой — из хоры второй категории (керкирской τὰ ἄλλα соответствует теносская ἡ ἐσχατιή). Наделение колониста двумя участками, выявляющееся в этих двух документах,— чрезвычайно интересный факт, подтверждающий реальную основу рекомендаций Платона (Leges, 745 C—D) и следовавшего ему Аристотеля (Pol. VII, 9, 7,8—1330a) о наделении каждого колониста двумя участками — ближним и дальним [45].

Контингент первых колонистов не был достаточно велик для нормального функционирования полиса, поэтому декрет предусматривает привлечение дополнительной группы переселенцев. Аналогичным образом и декрет ферян о колонистах, отправляющихся в Киренаику, предполагал дополнительный приток поселенцев, которым предоставлялся участок из свободной земли: γᾶς τᾶς ἀδεσποτω ἀπολαγχάνεν [46]. В богатой Киренаике после раздела земли между колонистами остались еще большие массивы неосвоенных угодий: τὰ ἀδέσποτα — земля, не имеющая хозяев (ср. Herod., IV, 159). На Керкире же земли было мало, поэтому специальный массив резервировался для присоединявшихся колонистов: τὰ ἀδιαίρετα — земля, не подлежащая разделу между первыми переселенцами. В число присоединявшихся колонистов входили прежде всего жители метрополии (декрет о киренаикских колонистах также предусматривал дополнительный приток переселенцев из числа граждан Феры). Видимо, к иссейцам могли присоединиться и другие эллины (аналогичное явление имело место в Киренаике — Herod., IV, 159). Вместе с тем, как указывалось выше, в числе присоединявшихся колонистов, несомненно, могли быть и иллирийцы, в первую очередь — жители Черной Керкиры. Соображения филологического характера, заставившие меня прийти к такому выводу, к сожалению, не могут быть подкреплены археологическими данными, так как ни точное местоположение колонии иссейцев, ни тем более ее некрополя, неизвестно. Однако археологические параллели из других городов свидетельствуют о возможности такой интерпретации.

Если продолжить, к примеру, сравнение с Херсонесом Таврическим, то там наблюдается именно такая картина. Город был основан колонистами из Гераклеи Понтийской, которых было, как указывалось выше, около ста человек. Как показали раскопки некрополя конца V — конца IV в., т. е. времени основания города и последующего столетия, 40% погребений принадлежали местному населению; следовательно, гераклейские переселенцы включили в число жителей основанной колонии часть местного населения [47]. Думается, исследование некрополя иссейской колонии на Черной Керкире даст аналогичные результаты.

Как уже указывалось, выработка декрета имела своей целью четкое определение прав двух категорий колонистов и в первую очередь — закрепление преимущественного положения группы первых переселенцев. При этом следует отметить, что составители документа стояли на довольно демократических позициях, определяя контингент пользующихся привиле-

[45] Из упомянутого места Политики явствует, что такая система наделения применялась в действительности, но как широко — неясно.

[46] A Selection of Greek Historical Inscriptions, ed. by R. Meiggs and D. Lewis, Oxf., 1969, № 5, сткк. 29—33.

[47] Г. Д. Белов, Херсонес Таврический, Л., 1948, стр. 31—33.

гиями колонистов не по происхождению, не по имущественному достатку, а по степени участия в трудном деле основания города. Предоставление льгот первым колонистам было, конечно, справедливо, так как они вынесли на своих плечах все тяготы по возведению оборонительных стен. Вместе с тем, эта справедливость распределения с течением времени становилась одной из основных причин социальной дифференциации и связанной с ней сословной борьбы. Не случайно поэтому декретом предусмотрена обязательная запись участка (§ 2) и в охранение этого справедливого распределения предусматриваются соответствующие меры: «Власти пусть поклянутся, что никогда ни город, ни хору никоим образом не подвергнут переделу. Если же архонт что-либо замыслит против установленного или гражданин поддержит (это), то пусть он будет лишен гражданских прав, а имущество конфисковано в пользу государства; убивший же его пусть останется безнаказанным» (§§ 5—6) [48].

Обращает на себя внимание тот факт, что присоединявшиеся колонисты не имели основного надела, который предоставлялся первым переселенцам в качестве преимущества (предикативное определение ἐξαίρετον относится к τὸν πρῶτον κλᾶρον стк. 6, как и в предыдущей строке, где оно выражает преимущественность получения приусадебного участка при ойкопедоне). Третий параграф декрета предусматривает обязательное сохранение половины основного надела как первыми колонистами, так и их потомками. Эти полтора плетра составляли земельный ценз, необходимый для пребывания в числе граждан, имеющих доступ к государственным должностям (ср. Arist. Pol. IV, 5,3—1292 b: «обладающий этим цензом имеет право участвовать в государственном управлении»). К присоединяющимся колонистам § 3 декрета не относится: о них впервые говорится только в следующей статье. Таким образом, присоединяющиеся колонисты и их потомки, будучи гражданами полиса, но не обладая основным наделом, а следовательно, и необходимым земельным цензом, не имели права участвовать в государственном управлении. Они-то и составляли ту массу земледельческого населения, не имевшую доступа к должностям, о которой говорил Аристотель (IV, 5, 3—1292 b).

Предписываемое декретом обязательное сохранение каждым первым колонистом и его потомками половины своего основного надела — это не что иное, как гарантированность его полных гражданских прав. Следовательно, закрепляемая декретом система экономических преимуществ сопровождалась отчетливо выраженным политическим неравноправием двух групп колонистов, в чем проявляется умеренно-олигархическая направленность этого документа. Закрепляемая им исополития корпоративна, она с самого начала предопределяет сословную стратификацию общества в новом полисе. Предоставляемая декретом исомойрия также корпоративна: распределение по жребию (λαγχάνω, стк. 8) и равенство наделов соблюдается внутри двух групп колонистов, но не между ними. Установление земельного ценза, гарантирующего полные гражданские права, довольно противоречиво: оно олигархически корпоративно, ибо охватывает не всех граждан, но демократично в отношении первых колонистов, что определялось мелкоземлевладельческим характером колонии иссейцев. В самом деле, составители документа реально предвидели возможность продажи (в силу тех или иных причин) полноправными гражданами своих

[48] Восстановление Бруншмида в стк. 12 вполне приемлемо, ср. подобную формулировку в афинском декрете о колонии в Брее, сткк. 20—26 (T o d, ук. соч., т. I, стр. 88); дополнение Диттенбергера в стк. 13 предположительно. Не исключено, что превентивные меры против возможных нарушений установленной декретом системы землевладения вызваны, наряду с другими причинами, существовавшим у далматов обычаем передела земли каждые 7 лет (S t r a b o, VI, 315).

основных наделов, и для того, чтобы сохранить их в числе таковых, они установили довольно низкий земельный ценз. Близкое по духу установление было в политейе афитейцев, согласно которой небольшая хора их многолюдного государства была поделена на участки, настолько мелкие, что все население имело возможность заниматься земледелием, в том числе и бедняки (Arist., Pol. VI, 2, 6—1319a) [49].

Корпоративно-демократический характер устанавливаемого земельного ценза проявляется также в самом факте возможности продажи половины основного надела, тогда как в полисах с аристократическим устройством постоянно предпринимались меры для их сохранения (например, Платон предписывал гражданам своего идеального государства сохранять первоначальный надел и не бесчестить его куплей-продажей между собой — Leges, 741B; то же — Arist., Pol. VI, 2, 5—1319a). Аристотель, упоминая существовавший во многих греческих государствах закон об охранении основных земельных наделов (τοὺς παλαιοὺς κλήρους) добавляет: «Нарушение подобного закона на Левкаде повело к тому, что ее государственный строй стал слишком демократическим: требовавшийся ранее определенный ценз для замещения магистратур с того времени утратил свою силу» (Pol. II, 4, 4—1266b). Как видно, во многих государствах размером необходимого имущественного ценза являлась стоимость первоначального надела; иссейцы же приравняли имущественный ценз к половине стоимости основного надела, в чем определенно проявляется тенденция к демократизму.

Закладываемые декретом основы государственного устройства иссейской колонии можно в целом охарактеризовать как смешанные демократические с преобладающими умеренно-олигархическими. Этот тип политии включает черты классифицированных Аристотелем олигархического устройства первого вида и демократической политии второго вида. Олигархическому устройству первого вида свойственна умеренная недвижимая собственность, владельцы которой в силу обладания необходимым имущественным цензом имеют возможность принимать участие в государственном управлении (Pol. IV, 5, 6—1293a). Однако вместо свойственного этой умеренно-олигархической политии высокого ценза (IV, 5, 1—1292a) составители декрета ввели довольно небольшой земельный ценз, характерный для демократического устройства второго вида (IV, 4, 3—1291b).

Закрепляемая иссейским декретом сословная корпоративность подсказывает один из путей возникновения сословной стратификации общества в ряде колоний. Так, на Фере и в Аполлонии на Ионийском море «политическими правами пользовались те, кто отличался своим благородным происхождением и приходился потомком первых переселенцев этих государств и кто, понятно, составлял меньшинство среди массы населения» (IV, 3, 8—1290b). Думается, что выделение сословия гаморов из массы сиракузского демоса также в какой-то степени могло определяться привилегированным положением части колонистов, что было обусловлено аристократическим характером государственного устройства Коринфа времен Бакхиадов.

IV. Предыстория составления декрета. Анализ надписи позволяет представить следующую реконструкцию общего хода событий, связанных с основанием колонии и изданием декрета.

Народное собрание граждан города Иссы принимает решение об основании колонии на Черной Керкире и определяет примерный контингент переселенцев (ср. постановление ферян об отправлении колонии в

[49] Этой мерой афитейцы сохраняли многолюдность своего полиса.

Киренаику, сткк. 25—30; афинские декреты о колониях в Брею и Адриатику; декрет койнонии критян о колонии в Малую Азию)[50]. Специально назначенные ойкисты еще до принятия этого постановления находят наиболее удобное место для основания города (ср. известие схолиаста к «Облакам» Аристофана о комиссии из десяти человек, посланных на разведку перед основанием Фурий)[51]. Выбор пал на Черную Керкиру, возможно, на ту ее часть, где в VI—V вв. была расположена колония книдян[52]. Ойкисты договариваются с далматскими владетелями острова и выводят туда около 200 иссейских колонистов — выражение ἐξαίρετον... [καταλαβόντας τὰν χώ]ραν «занявшим выделенную местность» (1—12 сткк.) ясно свидетельствует о том, что колония основывалась на специально выделенной для этого земле.

Завершив нелегкий труд по возведению оборонительных стен, колонисты приступили к разделу строительных и земельных участков. Однако в это же время стали прибывать новые переселенцы, которые претендовали на одинаковые с первыми строителями города права,— ср. временную разницу причастий: τοὺς πρώτους [καταλαβόντας] — первые колонисты, уже занявшие местность (аорист), и τοὺς ἐφέρποντας — прибывающие в настоящее время переселенцы (презенс; имперфектное значение здесь невозможно). На этой почве могли возникнуть трения между двумя группами колонистов, так как первые строители города, естественно, считали себя имеющими право на более привилегированное положение. В категорию присоединявшихся колонистов могли входить жители Иссы и, видимо, других городов, а также местное далматское население, которое, согласно договору между ойкистами и туземными вождями, в качестве компенсации за уступленную грекам землю имело право присоединяться к жителям нового города. Именно при такой интерпретации становится понятным участие Пилла и Даза как отдельной стороны в выработке закона о разделе земли. Ввиду создавшейся ситуации колонисты апеллировали к народному собранию метрополии, которое поручило представителям обеих сторон — ойкистам и местным вождям — составить закон о разделе земли. Закон был выработан на умеренно-олигархической основе и после утверждения его народным собранием в форме декрета обнародован в колонии. При этом были точно определены лица, имевшие привилегии в качестве первых колонистов: их имена были вырезаны под текстом декрета.

V. Греки и иллирийцы. Характер содержания декрета иссейцев во многом определен теми новыми условиями сосуществования эллинского и варварского мира, которые сложились в IV в. Смешение эллинских переселенцев с туземным населением спорадически происходило со времен Великой колонизации, но в IV в. этот процесс принял настолько грандиозные масштабы, что в конце концов привел, наряду с другими причинами, к возникновению нового этапа в развитии греческого общества — эллинизма. Если во времена Великой колонизации изгнание местного населения греческими переселенцами было правилом, а соглашение — исключением, то в IV в. обстановка решительно изменяется: в недрах варварского мира происходила значительная аккумуляция сил, и соглашение греческих колонистов с местным населением являлось уже правилом, а насилие — исключением. И такой поворот событий был неизбежен, так как земельный голод, осложненный социальными неурядицами, толкал греков в самую гущу варварского мира, отнюдь не ставшего более дру-

[50] S c h w y z e r, ук. соч., № 206. (Памятник апокрифического характера).
[51] T o d, ук. соч., стр. 89; H e r o d., IV, 151.
[52] S t r a b o, VI, 315; подробнее см. A. G i t t i, «Parola del Passato», fasc. 24, 1952, стр. 183—185.

желюбным,— страшные события 385 г. на Фаросе (Хваре), стоившие жизни многим эллинским колонистам, достаточно показательны (Diod., XV, 14, 1—2). И как бы ни трактовать роль Пилла и Даза в связи с колонизацией Черной Керкиры, ясно, что декрет иссейцев отражает сложившееся в IV в. новое соотношение сил между греческим и туземным миром.

Это соотношение двух миров уже недалеко от равновесия — греки предоставляют своим первым переселенцам ряд значительных преимуществ: в городе — дома с приусадебными участками, в хоре — лучшие и бóльшие наделы; присоединяющихся же варваров они наделяют домом да небольшим участком в хоре. Но уже вместе с тем греки вынуждены вести переговоры с местными вождями, они обязуются открыть ворота своего полиса туземцам и принять их в число граждан; фактически туземцы уравниваются в праве неполного гражданства с греками, так как в числе присоединявшихся были и эллины.

Уже наступило то время, когда не всякое греческое государство смогло бы реализовать рекомендацию Платона об очистке эллинских городов от варварских элементов [53].

THE DECREE ON THE DIVISION OF LAND AMONG THE COLONISTS OF ISSA

by V. P. Yaĭlenko

The author deals with the following topics: (1) the language and date of the inscription; (2) restoration of the text; (3) the division of the land among the colonists; (4) the antecedents of the decree; (5) Greeks and Illyrians. Judging by its language and certain other data, the decree should be dated in the middle of the IV century B. C. The author proposes some new restorations of the lost parts of the text. His analysis of the decree leads him to conclude that there were two groups among the colonists of Issa: the original settlers and those who came later, most of the latter being, in the author's view, Illyrians. The first group were privileged in the division of the land: those who came later received smaller lots of inferior land and did not get a «basic lot», possession of which gave full citizenship rights, including eligibility for a magistrate's office. The various categories and kinds of landholdings in the new colony are distinguished. The allotments consisted of two pieces of land, one nearer to the city, the other further off, as Plato proposes for the colony of the «Laws». The economic basis laid by this decree corresponds, in the author's opinion, to the political type of democracy mixed with moderate oligarchy. The author proposes a reconstruction of the events leading to the adoption of the decree. In note 2 he suggests that the name Issa derives from IE **ǵidhu* through Pelasgic **id-* with the suffix *-(s)sa*.

[53] Plat., Epist. VIII, 357 a.

Эдит Шенерт-Гейс

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ С ГРЕЦИЕЙ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В МАТЕРИАЛЕ МОНЕТНЫХ НАХОДОК (VI—I вв. до н. э.)

ВСЯКОМУ историку древности и всякому историку хозяйства известно, что в античную эпоху экономические и торговые связи между Грецией и Северным Причерноморьем существовали и достигали значительного объема. Для Греции Северное Причерноморье было рынком сбыта ее изделий, а с другой стороны, «страны Эгейского бассейна..., получали из Причерноморья необходимые им продукты питания (прежде всего, рыбу и хлеб, а также мед), металлы (особенно железо), различное сырье (как-то: лен с Кавказа, шерсть, коноплю и воск) и рабов»[1]. В ходе столетий отдельные греческие города могли сменять друг друга в роли центров и проводников этих связей, но сами связи всегда оставались такими же интенсивными. Это ясно видно по массовому керамическому материалу из северопричерноморских находок и надписям.

Поэтому совершенно естественно, что в Северном Причерноморье находят и монеты не местного чекана, отражающие, подобно керамическим и эпиграфическим находкам, экономические и торговые связи. Научная обработка этого монетного материала (кладов, отдельных находок, результатов систематических раскопок) ведется главным образом советскими нумизматами. Повторная обработка материала находок излишня, и не в ней смысл настоящей статьи. Приводимый здесь обзор известного нам материала имеет иное назначение — он должен показать, чего *не* находят. Эту сторону дела до сих пор оставляют без внимания при всех исследованиях характера северопричерноморской экономики и денежных отношений. На наш взгляд, она весьма существенна для правильного о них суждения.

Подавляющее большинство монет, найденных в Северном Причерноморье, происходит, разумеется, из местных центров чеканки — Тиры, Ольвии, Херсонеса, Пантикапея, Фанагории и Горгиппии. Нас, однако, здесь интересуют лишь монеты не местной чеканки, обнаруженные в этом районе[2].

[1] M. Rostovtzeff, Die Hellenistische Welt, I, Darmstadt, 1954, стр. 458.

[2] Нижеследующий список составлен на основе перечня греческих монетных кладов, составленного С. П. Ноэ (S. P. Noe, A Bibliography of Greek Coin Hoards, «Numismatic Notes and Monographs», 78, N. Y., 1937; далее — Noe), а также многочисленных (особенно после 1945 г.) сообщений о находках и раскопках. Он никоим образом не претендует на исчерпывающую полноту. То или иное сообщение могло быть упущено из виду, но едва ли какое-нибудь добавление могло бы существенно изменить картину. Добавим, что собирание материала для этой статьи закончилось в 1966 г. и из данных, опубликованных позднее, учтено лишь сообщение о кладе из Орловки.

1. Городище Тиры [3]
Элея (Эолида) — 1 медная монета IV в. до н. э.
Истрия — 2 драхмы IV в. до н. э.
Амис — 1 медная монета I в. до н. э.
2. Никоний (совр. Роксоланы) [4]
Амис — 1 драхма IV в. до н. э.
Истрия — 2 драхмы IV в. до н. э.
1 тетрадрахма Филиппа II Македонского.
3. с. Орловка (Одесской области) [5]
Кизик — 73 электровых статера IV—IV вв. до н. э.
4. с. Лубянка (Николаевской области) [6]
Клад статеров Филиппа II, Александра III и Лисимаха (количество неизвестно).
5. Ольвия [7]
Истрия — 1 драхма IV в. до н. э.
Амастрия — 1 медная монета 111 — 90 гг. до н. э.
Синопа — 1 драхма III в. до н. э.
5 медных монет 111 — 90 гг. до н. э.
Амасия — 2 медных монеты 111 — 90 гг. до н. э.
Амис — 76 медных монет 111 — 90 гг. до н. э.
Комана — 1 медная монета 111 — 90 гг. до н. э.
6. с. Висунцы (близ Херсона) [8]
Истрия — 13 драхм IV в. до н. э.
7. Кичкас (близ Днепропетровска) [9]
Амасия — 2 медных монеты I в. до н. э.
Амис — 2 медных монеты I в. до н. э.
8. Херсонес [10]
Синопа — 1 медная монета 80 — 70 гг. до н. э.
Амис — 8 медных монет I в. до н. э.
не определенные — городов Понта и Пафлагонии — 4 медные монеты 111 — 70 гг. до н. э.
Диоскуриада — 1 медная монета первой четверти I в. до н. э.
9. у г. Аю-Даг (Южный берег Крыма) [11]
Амис — 1 медная монета 105 — 90 гг. до н. э.
10. Крым. Точное место находки неизвестно [12]
Синопа — 34 драхмы 415 — 322 гг. до н. э.
11. Тиритака [13]
Синопа — 7 медных монет 120 — 70 гг. до н. э.
Амис — 1 драхма II в. до н. э.
12 медных монет 120 — 70 гг. до н. э.
Фарнакия — 1 медная монета 120 — 70 гг. до н. э.
не определенные — городов Понта и Пафлагонии — 4 медных монеты 120 — 70 гг. до н. э.
Диоскуриада — 1 медная монета I в. до н. э.

---

[3] В. А. Анохин и В. П. Пушкарев, Античные монеты из Тиры, НСф, 2, 1965, стр. 194—201; П. О. Карышковский, Заметки по нумизматике античного Причерноморья, ВДИ, 1961, № 4, стр. 111.
[4] Карышковский, Заметки..., стр. 109 сл.
[5] С. А. Булатович, Клад кизикинов из Орловки, ВДИ, 1970, № 2, стр. 73—86.
[6] Noe, 624.
[7] Карышковский, Заметки..., стр. 111; А. Н. Зограф, Находки понтийских монет мифрадатовского времени в Ольвии, «Ольвия», Киев, 1940 (далее — Зограф, Ольвия), стр. 293 слл.
[8] Noe, 1152.
[9] Зограф, Ольвия, стр. 295.
[10] Л. Н. Белова, Монеты из раскопок кварталов XV—XVIII, МИА, 34, 1953, стр. 255 слл.; ср. также Зограф, Ольвия, стр. 296.
[11] К. В. Голенко, Находка монет у подножия горы Аю-Даг, НЭ, IV, 1963, стр. 110—117.
[12] Noe, 284; E. S. G. Robinson, A Find of Coins of Sinope, NC, 1920 (далее — Robinson, Sinope), стр. 1 слл.
[13] Зограф, Ольвия, стр. 296; Л. П. Харко, Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1935—1940 гг., МИА, 25, 1952, стр. 357 слл.; А. Н. Зограф, Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия в 1935—1940 гг. МИА, 25, 1952, 363 слл.; Л. Н. Белова, Монеты из раскопов Тиритаки, Мирмекия и Илурата в 1946—1953 гг., МИА, 85, 1958, стр. 330 слл. (ср. также ВСО, 8, 1963, стр. 1—2); ср. также К. В. Голенко, Монетная медь городов Понта и Пафлагонии времени Митридата VI в боспорских находках, ПС, 11, 1964, стр. 67.

12. Пантикапей[14]
Самос — в кладе серебряных монет, количество неизвестно.
Кизик — 5 электровых статеров 460 — 334 гг. до н. э.
Амастрия — 1 медная монет 105 — 90 гг. до н. э.
Кромна — 1 медная монета IV в. до н. э.
Синопа — 11 медных монет 120 — 90 гг. до н. э.
Амис — 66 медных монет 111 — 70 гг. до н. э.
Комана — 1 медная монета 105 — 90 гг. до н. э.
Фарнакия — 3 медных монеты 80 — 70 гг. до н. э.
не определенные — городов Понта и Пафлагонии — 9 медных монет 111 — 70 гг. до н. э.
4 золотых статера Александра III
1 золотой статер Лисимаха
1 селевкидская медная монета

13. Мирмекий[15]
Фокея — 1 медная монета, время неизвестно.
Амастрия — 1 медная монета 120 — 70 гг. до н. э.
Синопа — 9 медных монет 120 — 70 гг. до н. э.
Амис — 13 медных монет 120 — 70 гг. до н. э.
Фарнакия — 1 медная монета 120 — 70 гг. до н. э.
не определенные — городов Понта и Пафлагонии — 2 медных монеты 120 — 70 гг. до н. э.

14. Таманский залив[16]
Кизик — 4 электровых статера 550 — 410 гг. до н. э.
1 золотой статер Александра III

15. Кепы (Таманский п-ов)[17]
Мирина (Эолида) — 1 медная монета II — I вв. до н. э.
Синопа — 5 медных монет 111 — 70 гг. до н. э.
Амис — 4 медных монеты 111 — 80 гг. до н. э.
Диоскуриада — 1 медная монета I в. до н. э.

16. Патрэй (Таманский п-ов)[18]
Хиос — 1 медная монета 84 — 30 гг. до н. э.
Синопа — 3 медных монеты 80 — 70 гг. до н. э.
Амис — 1 медная монета 105 — 90 гг. до н. э.
не определенные — городов Понта и Пафлагонии — медные монеты I в. до н. э., число неизвестно.
Диоскуриада — 2 медных монеты I в. до н. э.

17. Фанагория[19]
Синопа — 10 медных монет 80 — 70 гг. до н. э.
Амис — 1 драхма II в. до н. э.
10 медных монет 111 — 70 гг. до н. э.

---

[14] Noe, 552, 555, 557, 668; A. N. Zograph, The Tooapse Hoard, NC, 1925, стр. 47; K. Regling, Der griechische Goldschatz von Prinkipo, ZfN, 41, 1931 (далее — Regling, Prinkipo), стр. 24; А. Н. Зограф, Статеры Александра Македонского из керченских и таманских находок, «Труды отдела истории искусства и культуры античного мира Гос. Эрмитажа», 1, 1945, стр. 85 слл.; К. В. Голенко и Д. Б. Шелов, Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1961 гг., НСф, 1, 1963, стр. 3 слл.; ср. также Голенко, Монетная медь..., стр. 68 и 70.

[15] Зограф, Ольвия, стр. 296; Харко, ук. соч.; Зограф, Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия; Белова, Монеты из раскопок Тиритаки, Мирмекия и Илурата (ср. также ВСО, 8, 1963, стр. 1—2); ср. также Голенко, Монетная медь...,стр. 70.

[16] Noe, 1041; Regling, Prinkipo, стр. 24; Зограф, Статеры Александра..., стр. 96 слл.

[17] Н. А. Фролова и Д. Б. Шелов, Монеты из раскопок Кеп 1958—1963 гг., НСф, 2, 1965, стр. 168 слл.

[18] К. В. Голенко, Монеты из случайных находок в Патрэе (1947—1950), ВДИ, 1952, № 3, стр. 147 слл.; Ю. С. Крушкол, Патрейский клад 1950 г., КСИИМК, 66, 1956, стр. 116 сл. (ср. также ВСО, 7, 1962, стр. 265 сл.); К. В. Голенко, Монеты из случайных находок в Патрэе в 1951 г., НЭ, IV, 1963 стр. 103 слл.; ср. Голенко, Монетная медь..., стр. 67 и 71.

[19] Ю. С. Крушкол, Монеты фанагорийского городища раскопок 1937 и 1939 гг., СА, XV, 1951, стр. 256 слл.; Д. Б. Шелов, Находки монет в Фанагории в 1947—1957 гг., НЭ, III, 1962, стр. 56 слл.; ср. также Голенко, Монетная медь..., стр. 67; Зограф, Ольвия, стр. 296; Д. Б. Шелов, Монетные находки на Майской горе, НЭ, IV, 1963, стр. 89 слл.

не определенные — городов Понта и Пафлагонии — 2 медных монеты 105 — 90 гг. до н. э.
Диоскуриада — 1 медная монета I в. до н. э.
18. Горгиппия (совр. Анапа) [20]
3 золотых статера Лисимаха.
19. Туапсе [21]
90 — 96 золотых статеров Лисимаха середины III в. до н. э.

Приступая к рассмотрению этого материала, приходится исключить монеты Хиоса (из Патрэя), Фокеи (из Мирмекия), Мирины (из Кеп) и Элеи (из Тиры) [22], так как эти находки не могут служить достаточной основой для выводов, тем более что речь здесь идет всякий раз лишь о единичных экземплярах, которые относятся к тому же к очень разным эпохам. Это касается и одной селевкидской медной монеты, найденной в Пантикапее. Затем, мы оставляем в стороне шесть медных монет Диоскуриады (Херсонес, Тиритака, Кепы, Патрэй, Фанагория), так как чеканка этого города не имеет значения для целей нашего исследования. Не могут быть приняты во внимание и найденные в Пантикапее серебряные монеты Самоса, поскольку мы не располагаем нужными сведениями об их числе и датировке [23].

Весь остающийся, таким образом, материал может быть разделен на пять групп, из которых наиболее древнюю и притом наиболее значительную составляют электровые статеры из Кизика. Речь идет о 82 кизикинах, из которых 73 найдены в Орловке, прочие в Пантикапее [24] и на берегу Таманского залива. Самый древний из этих статеров относится ко второй половине VI в. до н. э. [25], остальные к V и в особенности к IV в. до н. э. [26]. Кроме того, П. О. Карышковский сообщает еще о 9 кизикинах, найденных в Ольвии [27]. Этот обширный материал показывает, что кизикская чеканка в Северном Причерноморье VI—IV вв. до н. э. играла немаловажную роль или даже, как не без оснований полагает Д. Б. Шелов, пользовалась монопольным положением в этой области [28]. Есть и много дополнительных указаний на то, что кизикины считались здесь «международной валютой». Так, согласно Demosth., 34, 24, афинский купец Формион, ведший дела в Пантикапее, уплатил в 327 г. до н. э. сумму в 120 кизикинов (при этом засвидетельствован курс: 1 кизикин = 28 аттическим драхмам) [29],

---

[20] Z o g r a p h, The Tooapse Hoard, стр. 47.
[21] N o e, 1116; Z o g r a p h, The Tooapse Hoard, стр. 29 слл.
[22] Монета Элеи должна, по мнению В. А. Анохина — В. П. Пушкарева (НСф, 2, стр. 198), указывать на нерегулярные связи между Тирой и западным побережьем Малой Азии в конце IV — начале III в. до н. э.
[23] А. Л. Б е р т ь е - Д е л а г а р д («Нумизматический сборник», I, 1905, стр. 37, прим.) не приводит точных сведений об этом кладе, и дальнейшие разыскания, любезно предпринятые для нас К. В. Голенко, также не дали результатов.
[24] По Ноэ (N o e, 552), Пантикапейский клад был наиболее богатой известной ему находкой кизикинов, но из него сохранилось лишь четыре экземпляра.
[25] Ср. Г о л е н к о и Ш е л о в. Монеты из раскопок Пантикапея..., стр. 22 слл. В кладе из Орловки монеты, чеканенные до 500 г. до н. э., отсутствуют.
[26] R e g l i n g, Prinkipo, стр. 24.
[27] П. О. К а р ы ш к о в с к и й, Об обращении кизикинов в Ольвии, НЭ, II, 1960, стр. 7 (с прим. 27) и 9. Эти монеты не включены нами в приведенный выше список, так как они не попали ни в одну из публикаций находок.
[28] Д. Б. Ш е л о в, Кизикские статеры на Боспоре, ВДИ, 1949, № 2, стр. 93 слл. Ранее (до сообщений о кладе из Орловки) мы сомневались в таком монопольном положении кизикина (ср. E. S c h ö n e r t - G e i s s, Die Münzprägung von Byzantion, I, «Schriften zur Geschichte und Kultur der Antike», 2 Berlin — Amsterdam, 1970, стр. 13 с прим. 2).
[29] Ср. R e g l i n g, Prinkipo, стр. 45 с прим. 2; Ш е л о в, Кизикские статеры..., стр. 94 сл. По поводу этого курса ср. H. S c h m i t z, Ein Gesetz der Stadt Olbia zum Schutze ihres Silbergeldes, Freiburg/Baden, 1925, стр. 22 сл.

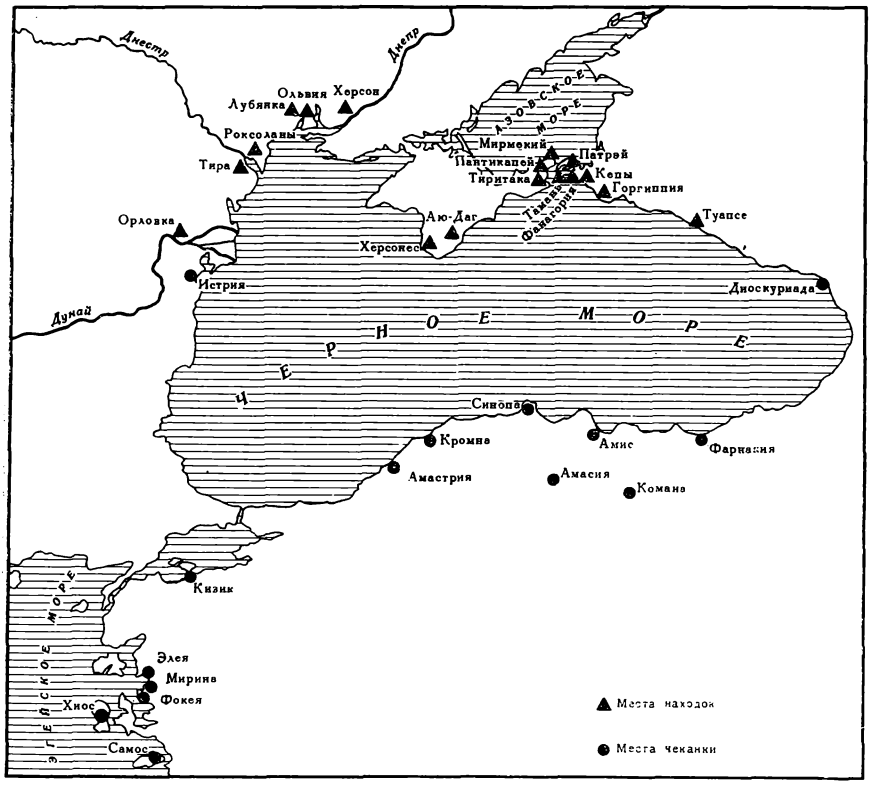

Схема распространения находок привозных монет в Северном Причерноморье

а брат афинянина Лакрита ссудил в Понте 100 кизикинов (Demosth., 35, 36). Но особенно важна известная надпись Ditt., Syll. I³, 218 = IOSPE, I², 24 первой половины IV в. до н. э. Эта надпись содержит определение курса кизикина по отношению к ольвийской валюте и постановление об обмене кизикинов на серебро и медь [30]. Связи между Кизиком и Крымом видны из договора, который этот город совместно с другими городами и с царями Малой Азии заключил с Херсонесом Таврическим в 180/79 гг. до н. э.[31]. Для этого времени, правда, мы не знаем никаких находок кизикских монет, так как Кизик прекратил чеканку своих электровых статеров уже к концу IV в. до н. э.

До V в. до н. э. включительно кизикины, вероятно, были единственной интерлокальной монетой в Северном Причерноморье, в IV же в. рядом с кизикинами в той же роли выступает пантикапейское золото. Этими золотыми монетами (чеканка которых началась в 70-х гг. IV в. до н. э. и продолжалась до конца этого столетия) оплачивался импорт сюда, на Север, тогда как расчеты по экспорту с Севера велись в кизикинах [32]. Двусторонние финансовые операции на Севере и с Севером нашли отра-

[30] Schmitz, ук. соч., стр. 13 сл. и 21; Карышковский, Об обращении кизикинов в Ольвии, стр. 13. Поскольку в ольвийских находках кизикинов мы всегда имеем дело лишь с меньшими номиналами, надо думать, что они, как полагает П. О. Карышковский (ук. соч., стр. 10), в V в. до н. э. должны были замещать собой на городском рынке еще не чеканившееся в Ольвии серебро.

[31] Polyb., 25, 2, 13; ср. также Regling, Prinkipo, 45, прим. 2.

[32] Regling, Prinkipo, стр. 46.

жение и в кладе из Принкипо [33], который включал в себя (наряду с некоторыми другими монетами) 160 кизикинов и 16 золотых статеров Пантикапея [34], и в Таманском кладе (Noe, 1041), содержавшем четыре кизикина и 17 пантикапейских статеров.

Когда к концу IV в. до н. э. чеканка кизикинов была прекращена, их место заступили золотые монеты Филиппа II Македонского, а за ними Александра III и Лисимаха [35]. Они образуют вторую группу привозных монет, находимых в Северном Причерноморье. Именно золотые статеры Лисимаха служили в III в. до н. э. основным платежным средством в черноморской торговле [36]. В подтверждение этого можно сослаться прежде всего на клад из Туапсе, содержавший более 90 лисимаховских статеров середины III в. до н. э. [37].

Третья группа привозных монет приходится еще на IV в. до н. э. Она состоит из 18 драхм Истрии, найденных в Тире, Роксоланах, Ольвии и близ Херсона. Их распространение на Восток, следовательно, не заходит за линию Днепра [38].

В четвертую группу входят три амисские драхмы, найденные в Роксоланах, Тиритаке и Фанагории, и 35 синопских драхм, из которых 34 найдены в Крыму и лишь одна в Ольвии. 34 драхмы из Крыма могут быть датированы временем от 415 до 322 г. до н. э. [39]. Таким образом, монеты этой группы показывают, что, во-первых, из двух этих соседствовавших друг с другом городов Синопа должна была иметь более тесные связи с Севером и, во-вторых, что эти связи существовали, главным образом, в IV в. до н. э., т. е. тогда же, когда кизикский электр вместе с пантикапейским золотом служил платежным средством в этом районе. Кроме того, датировка найденных синопских монет совпадает с тем временем, когда — чтобы шире развернуть черноморскую торговлю — из Синопы и Амиса стали плавать прямым путем через Черное море [40]. Эти связи между Синопой и северочерноморским побережьем могут быть подтверждены также многочисленными находками синопских амфор в этой области [41]. Экономическая экспансия Синопы в это время простиралась и на Юго-Восточное Причерноморье [42], как показывает клад из Кобулети (Аджария). Он состоит из 102 синопских драхм, которые следует датировать IV в. до н. э. [43].

Хотя, в противоположность многочисленным синопским драхмам, амисских найдено лишь немного, их значение для северных областей

---

[33] Принкипо (в древности — Питиуса) — один из Принцевых островов (Мраморное море).

[34] Клад содержал также четыре золотых статера Лампсака и 27 золотых статеров Филиппа II Македонского.

[35] Найдены в Лубянке, Пантикапее, Тамани, Анапе и Туапсе.

[36] Rostovtzeff, Die hellenistische Welt, I, стр. 460; Шелов, Кизикские статеры..., стр. 98.

[37] Zographh, The Tooapse Hoard, стр. 29 слл.

[38] См. также B. Mitrea, Sur les monnaies des cités pontiques découvertes sur le territoire des populations locales, «Studii Clasice», 3, 1951, стр. 85.

[39] Robinson, Sinope, стр. 8 слл.

[40] Карышковский Заметки..., стр. 112.

[41] Rostovtzeff, Die Hellenistische Welt, I, стр. 85 с прим. 43. К вопросу о точной датировке этих связей по найденным в Нимфее фрагментам синопских архитектурных деталей см. В. М. Скуднова, К вопросу о торговых связях Синопы с Боспором в V в. до н. э. «Труды Гос. Эрмитажа», т. II. Культура и искусство античного мира и Востока, 1, Л.— М., 1958, стр. 74 слл.

[42] К. В. Голенко, Клад синопских и колхидских монет из Кобулети (1948), ВДИ, 1961, № 1, стр. 52.

[43] К. В. Голенко, Кобулетский клад серебряных монет середины IV в. до н. э., СА, XXVII, 1957, стр. 290 слл.; он же, Клад синопских и колхидских монет..., стр. 42 слл. (ср. также, ВСО, 7, 1962, стр. 133 сл.).

должно было быть, как кажется, не меньшим. Во всяком случае, ряд пантикапейских и фанагорийских серебряных монет перечеканен из амисских драхм [44]. Кроме того — в противоположность Синопе,— крымские находки монет которой относятся, главным образом, лишь к IV в. до н. э. [45],— драхмы Амиса, должно быть, обращались на северных рынках вплоть до II в. до н. э., как можно заключить по амисским драхмам из Тиритаки и Фанагории (обе — II в. до н. э.) [46]. Во всяком случае, это, как полагает К. В. Голенко, должно свидетельствовать о том, что после захвата Синопы понтийскими царями в 183 г. до н. э. и связанного с этим прекращения чеканки синопского серебра амисское серебро заступило место синопских драхм в черноморской торговле [47].

Монеты Амиса и Синопы входят также в пятую (и последнюю) группы, которая состоит —из 260 медных монет понтийских и пафлагонских городов — Амастрии, Кромны, Амасии, Синопы, Амиса, Команы и Фарнакии, а также из 21 не определенной монеты того же района. Из этой групы 191 монета найдена в Тиритаке, Пантикапее, Мирмекии, Тамани, Кепах, Патрэе, Фанагории, Ольвии и у г. Аю-Даг, следовательно, они сосредоточиваются, главным образом, вокруг европейского и азиатского берегов Керченского пролива. Все они относятся к 120—63 гг. до н. э., т. е. ко всему времени царствования Митридата VI [48]. О торговых связях «на международном уровне» находки этих монет судить, впрочем, не позволяют — ведь города Боспора и Крыма принадлежали к державе Митридата VI. Напротив того, именно в силу политической принадлежности Севера к этой державе монеты пафлагонских и понтийских городов проникли в Северное Причерноморье. Их наличие среди здешних находок бросает свет лишь на характер общего денежного обращения в Митридатовом царстве [49]. Они, следовательно, отражают лишь местные торговые связи внутри этой державы, в пользу чего говорит и тот факт, что в монетных находках данной группы мы всегда имеем дело только с медью, сфера обращения которой была, как известно, локально ограничена и которая вследствие этого никогда не применялась в «международных» торговых сделках [50]. Ничего не меняет здесь и то, что прочие 90 пафлагонских и понтийских медных монет были найдены в Тире, Ольвии и Кичкасе. Они тоже относятся к митридатовскому времени и связаны с тем, что Митридат VI поселил в Ольвии и других местах много понтийских граждан [51].

Итак, имеющийся в наличии материал дает нам следующие группы (хронологические и географические).

---

[44] К. В. Голенко, Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н. э., НЭ, II, 1960, стр. 29 слл.

[45] Единственная драхма из Ольвии относится к III в. до н. э. и, таким образом, представляет собой исключение.

[46] Голенко, Из истории..., стр. 31.

[47] Там же, стр. 32.

[48] Лишь одна найденная в Пантикапее медная монета Кромны относится еще к IV в. до н. э. Ср. Голенко и Шелов, Монеты из раскопок Пантикапея..., стр. 25.

[49] Там же, стр. 22; Голенко, Монеты из случайных находок в Патрэе в 1951 г., стр. 104; Фролова и Шелов, Монеты из раскопок Кеп..., стр. 172.

[50] Напротив того, Ю. С. Крушкол (Монеты фанагорийского городища..., стр. 272) объясняет находки этих монет торговыми связями между Южным и Северным Причерноморьем, а не политическим объединением этих областей, впрочем в другой своей работе («Патрейский клад 1950 г.», стр. 116 сл.) она тоже связывает эти находки с политическим объединением Причерноморья. Ср. также Белова, Монеты из раскопок кварталов XV—XVIII, стр. 255 и Голенко, Монетная медь..., стр. 60. Оба автора говорят в связи с этими находками только об экономических отношениях.

[51] Ср. также комментированную С. А. Жебелевым ольвийскую надпись конца II—начала I в. до н. э., где упоминаются Ἀρμένιοι, т. е. жители синопского предместья Ἀρμένη; см. Зограф, Ольвия, стр. 293.

Группа	Время	Монеты	Места находок
I	VI — IV вв. до н. э.	электровые статеры Кизика	Пантикапей, Тамань, Орловка
II	IV — III вв. до н. э.	золотые статеры Филиппа II, Александра III и Лисимаха	Лубянка, Пантикапей, Тамань, Анапа, Туапсе
III	IV в. до н. э.	Серебряные драхмы Истрии	Тира, Роксоланы, Ольвия, окрестности Херсона
IV	IV — III вв. до н. э.	Серебряные драхмы Синопы и Амиса	Роксоланы, Тиритака, Фанагория, Крым, Ольвия

С исключением монет Истрии, большинство находок сосредоточивается в Крыму и в особенности в Европейском и Азиатском Боспоре. Именно здесь, следовательно, располагалась область, с которой вначале лишь Кизик, затем также Синопа и, наконец, Амис поддерживали торговые связи. Для обращавшихся по всему античному миру статеров Филиппа, Александра и Лисимаха наши находки указывают, напротив, прежде всего, на границу сферы их обращения.

В этом обзоре, однако, мы не находим — и это представляется нам наиболее интересным — монет крупных торговых центров — Афин, Родоса, Византия и других — заведомо активных участников черноморской торговли. Миннз, правда, знает о монетах и этих, и других городов, как будто бы найденных, например в Ольвии. Он пишет: «Дальнейшее свидетельство о таких связях можно видеть в иноземных монетах, попавших в Ольвию из Амиса, Каллатии, Одесса, Томи, Истрии, Тиры, Керкинитиды, Херсонеса, Пантикапея, Фаселии, Фасоса, Афин, Панорма и т. д., наряду со статерами Кизика, а позднее — различных династов, восполнявшими недостаток местного золота и имперской валюты» [52]. Приведенный Миннзом список, таким образом, по числу городов значительно превосходит наш и приблизительно соответствует тому, которого следовало бы ожидать, исходя из общеизвестных торговых и экономических связей Северного Причерноморья. К сожалению, Миннз, перечисляя найденные монеты, не ссылается на источники. Нам, со своей стороны, при просмотре отдельных сообщений о находках и раскопках не довелось узнать ни об одной монете поименованных им центров, которая была бы, как он говорит, найдена в Ольвии [53]. Точно так же, без всяких ссылок, обходится Ростовцев при замечании, что афинская валюта будто бы проникала в Боспорское царство «не в больших количествах» [54] — замечание, которое в конечном счете предполагает, что автору известны находки афинских монет в этом районе.

Поскольку ни Миннз, ни Ростовцев не снабжают ссылками свои упоминания о найденных монетах, мы вынуждены придерживаться лишь собранного нами материала, в котором — как уже отмечалось — монеты

[52] E. H. M i n n s, Scythians and Greeks, Cambr., 1913, стр. 470.

[53] Из-за отсутствия соответствующих указаний у Миннза мы ничего не знаем также и о времени, к которому относятся эти монеты. Однако его перечень дает возможность предположить, что в нем имеются в виду те монеты, которые начиная с 1841 г. были найдены на о-ве Левке. Они относятся преимущественно к римскому времени и представляют собой, вероятно, приношения почитавшемуся здесь Ахиллу Понтарху, ср. А. Н. З о г р а ф, Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье, СА, VII, 1941, стр. 152—160.

[54] R o s t o v t z e f f, Die Hellenistische Welt, II, стр. 589.

крупных греческих торговых центров не представлены. Это свидетельствует, разумеется, не об отсутствии торговых связей между этими центрами и Севером, но лишь о том, что такие связи могут быть удостоверены не монетными находками, а только другими материалами.

Так, найденные в Пантикапее ручки фасосских амфор с клеймами свидетельствуют о связях между Фасосом и Пантикапеем [55]. Связи Афин с Боспорским царством в IV в. до н. э. видны, например, из того, что Афины, обеспечивая себе снабжение хлебом [56], предоставляют боспорским царям право беспошлинной торговли (Demosth., 20, 29) и афинское гражданство [57]. Отсутствие находок афинских монет в этой области как раз особенно поразительно при том, что Афины в IV в. до н. э. были главным торговым партнером Боспорского царства, а их монета в международной торговле играла такую же роль, как кизикская [58]. То, что афинская монета занимала такое же положение, как и кизикины, видно, в конце концов, из зафиксированного Демосфеном (34, 23) курса кизикина по отношению к аттической драхме. Д. Б. Шелов правильно объясняет отсутствие аттических драхм в северочерноморских находках, как и указанное место из Демосфена тем, что упомянутые им аттические драхмы не являлись реальной монетой, а были лишь теоретически приравнены им к стоимости кизикина [59]. Господствовал на боспорском рынке только кизикин, который — благодаря положению Кизика у входа в Черное море — занял важное место в северной торговле много раньше, чем монета более отдаленных Афин. Вытеснить кизикин с этой позиции не могла даже афинская тетрадрахма в конце V и в IV в. до н. э. Чтобы объяснить это довольно-таки редкое явление, Д. Б. Шелов допускает, что Афины в конце концов подчинили себе Кизик и превратили его монетный двор в нечто вроде филиала собственного монетного двора [60]. Это объяснение можно принять, и все же вопрос, представляется нам, останется не вполне ясным. А в известном отношении оно, на наш взгляд, противоречит тогдашней финансовой политике Афин. Наконец, Афины должны были быть заинтересованы во внедрении своей собственной монеты, а тот факт, что Кизик в 477—411 гг. до н. э. принадлежал к делосско-афинскому морскому союзу (Diod., 13, 40, 6), вероятно, мог бы предоставить Афинам иные и более действенные возможности для осуществления своих интересов.

В эллинистическую эпоху важнейшим торговым центром был Родос, игравший и в северочерноморской торговле не меньшую роль, чем Кизик и Афины. Отражением экономических связей этого города с Севером служат и свыше 10 тыс. амфорных ручек с родосскими клеймами, и многочисленные надписи, найденные в Ольвии, Херсонесе и Пантикапее [61]. Среди эпиграфического материала особенно примечательна найденная в 1954 г. надпись с ольвийским декретом о проксении родосского гражданина, свидетельствующая о присутствии родосских купцов в Ольвии [62].

---

[55] Rostovtzeff, Die Hellenistische Welt, I, стр. 469.

[56] О размерах годового ввоза зерна в Афины из Боспорского царства ср. A. Kocevalov, Die Einfuhr von Getreide nach Athen, «Hermes», 81, 1932, стр. 321—323.

[57] W. P. Newskaja, Byzanz in der klassischen und hellenistischen Epoche, Lpz, 1955, стр. 110.

[58] Ср. Шелов, Кизикские статеры..., стр. 96.

[59] Там же, стр. 96 сл.

[60] Там же, стр. 97.

[61] Ю. С. Крушкол, Основные пункты и направления торговли Северного Причерноморья с Родосом в эллинистическую эпоху, ВДИ, 1957, № 4, стр. 110 слл. (ср. также ВСО, 6, 1961, 328—329); Rostovtzeff, Die Hellenistische Welt, I, стр. 469; II, стр. 535.

[62] П. О. Карышковский, Ольвия и Родос по нумизматическим данным, КСИА, 83, М., 1961, стр. 9 слл.

Монеты Родоса в северопричерноморских находках тоже отсутствуют [63], но в здешней чеканке зато можно увидеть известные влияния родосской. Так, Ольвия чеканит монету по родосской весовой системе; так, около начала II в. до н. э. Фанагория перенимает для своих серебряных монет изображение цветка граната с родосских реверсов, а Горгиппия для своих — голову Геракла с родосских аверсов [64].

В материале монетных находок не представлен и Византий [65] — город, который (подобно Кизику) уже самим своим географическим положением был предназначен как раз для черноморской торговли. Развитию этой торговли Византий был обязан своим расцветом [66], причем из хлебной торговли этот город извлекал наибольшую выгоду [67].

Таким образом, существование интенсивных связей между крупнейшими греческими торговыми центрами и Северным Причерноморьем вполне доказуемо, и потому отсутствие в причерноморских находках монет упомянутых нами городов более чем удивительно. К этому можно добавить, что Северное Причерноморье само уже знало вполне развитое денежное хозяйство. Так, не говоря уже о более или менее обширной медной чеканке, почти все города этой области выпускали с IV по I в. до н. э. серебряную монету, причем Пантикапей уже с V в. до н. э. становится значительным центром серебряной чеканки. Сверх того, в IV в. этот город стал чеканить и золото, предназначенное, как полагает Реглинг, для оплаты ввозимых товаров [68]. Итак, если уж греческих монет на Севере почти не найдено, то исходя из положения вещей, пожалуй, следовало бы ожидать, что, по крайней мере, монеты этих северопричерноморских центров будут обнаружены в Греции. Но и это не так. Единственная их находка вне собственно боспорских пределов — пантикапейские золотые монеты в кладе из Принкипо [69].

Итак, нумизматика, со своей стороны, едва ли может представить доказательства существования внешних экономических и торговых связей Северного Причерноморья — исключение составят находки монет Кизика, Синопы и Амиса [70]. Однако связи, подтверждаемые монетами этих трех городов, ограничиваются пределами Понта. Поэтому приходится допустить, что, хотя финансовые операции (только так и может быть истолкована манипуляция с деньгами, описанная у Демосфена, 34, 23 [71]) и имели место в отношениях между собственно Грецией и Северным Причерноморьем до н. э., но торговля в прямом значении этого слова должна была либо идти через Кизик, Синопу и Амис, либо на протяжении целых веков основываться преимущественно на товарообмене. Последнее объяснение кажется нам более приемлемым, так как путь через три понтийских города — и соответственно через их монету — представляется слишком сложным; кроме того, он полностью противоречил бы торговым интересам

[63] Ю. С. К р у ш к о л (Монеты из раскопок в Херсонесе в 1946 г., НСб, 2, 1957, стр. 68; ср. ВСО, 7, 1962, стр. 263 слл.) говорит даже о родосских монетах IV—III вв. до н. э., которые, как кажется, были обнаружены при раскопках 1888—1889 гг. в Херсонесе — однако ни у Ноэ, ни в других публикациях находок нет указаний на эти монеты.

[64] К а р ы ш к о в с к и й, Ольвия и Родос, стр. 10 слл. и, в особенности, стр. 14.

[65] За исключением клада из Туапсе, в который входили свыше 90 лисимаховских статеров, чеканенных в Византии.

[66] Ср. также N e w s k a j a, Byzanz, стр. 39 слл.

[67] О роли Византия в хлебной торговле между Грецией и Северным Причерноморьем в классическую и эллинистическую эпохи ср. D e m o s t h., 20, 32; N e w s k a j a, Byzanz, стр. 38, слл., 94, 101, 134 и 137 сл.

[68] Ср. выше, стр. 29 и прим. 32

[69] Ср. выше, стр. 30.

[70] Ср. выше, стр. 32.

[71] Ср. также выше, стр. 28.

и торговой политике, например, Афин. С другой стороны, предположение о том, что черноморская торговля должна была основываться преимущественно на безмонетном обмене товарами, кажется тем более понятным, что продукты, вывозившиеся в Грецию, приходили, как известно, из глубинных районов Боспора, т. е. из области, где, соответственно уровню ее экономического развития, товарообмен, видимо, всегда пользовался предпочтением перед торговлей, основанной на денежном хозяйстве. За это предположение говорит, с одной стороны, отсутствие собственно греческих монет в северных находках и монет Севера в греческих, а с другой,— изобилие соответствующего керамического и иного материала в находках из Северного Причерноморья.

ECONOMIC AND TRADE RELATIONS BETWEEN GREECE AND THE NORTH BLACK SEA COAST IN THE LIGHT OF THE NUMISMATIC EVIDENCE (VI—I CENTURIES B. C.)

by Edith Schönert-Geiss

The author makes certain observations based on a survey of coins of external origin found on the North Black Sea coast. Leaving out of account the few cases where there is insufficient evidence to warrant conclusions, the material surveyed falls into five groups, one of which (copper from Pontus and Paphlagonia, 120—60 B. C.) cannot be taken as evidence of the foreign-trade connections of the North Black Sea cities subject to Mithridates VI. The remaining groups are: (1) electrum staters of Cyzicus (VI—IV centuries B. C.); (2) gold staters of Philip II, Alexander III and Lysimachus; (3) silver drachmas of Istria (IV century B. C., all found west of the Dnieper); (4) silver drachmas of Sinope and Amisus, IV—III centuries B. C. Notable for their absence are coins of the big commercial centres — Athens, Rhodes, Byzantium and other cities which are known to have participated in the Black Sea trade. Similarly, coins from the North Black Sea coast are not found outside this region (the only exception being the Panticapaean gold found in a hoard from Prinkipo). Numismatic finds obviously do not provide us with proof of the trade and economic relations, well attested by other sources, between the North Black Sea cities and the Greek cities lying outside the Black Sea area. Therefore it must be supposed that the Black Sea commerce of these cities was for centuries conducted primarily on a non-monetary basis of commodity exchange.

П. О. Карышковский

ИСТРИЯ И ЕЕ СОСЕДИ НА РУБЕЖЕ III—II вв. до н. э.

НАЙДЕННЫЙ осенью 1929 г. истрийский декрет в честь Агафокла считался первоклассным источником по истории Истрии и окружавших ее племен даже тогда, когда текст его был недоступен большинству исследователей [1]. Последовавшая с опозданием на 30 лет публикация [2] подтвердила справедливость такой оценки; новый документ по праву занял почетное место среди наиболее содержательных памятников причерноморской эпиграфики, и заключающиеся в нем сведения представляют существенный интерес для истории всего Северо-Западного Причерноморья в эллинистическое время.

Декрет, относящийся к концу III или к началу II в. до н. э.[3], сохранился не вполне. В его частично уцелевших 57 строках (от 58 сохранились лишь три буквы) [4] идет речь о награждении истрийского гражданина Агафокла, сына Антифила, который не раз приходил на помощь родному городу в тяжелые времена (ἐμ πᾶσι τοῖς τῆς πόλεως καιροῖς). Так, когда граждане были охвачены междоусобной борьбой (τῆς τε πόλεως οὔσης ἐν

[1] S. Lambrino, Cetatea Histria: notiţă istorică şi descriptivă cu prilejul Expozitiei cetăţii Histria dela Academia Română, martie 1931, «Boabe de Grâu», I, 1930, № 3, стр. 591; M. Rostovtzeff, Skythien und der Bosporus, I, B., 1931, стр. 493, прим. 1 (ср. CAH, IX, стр. 288); он же, The Social and Economic History of the Hellenistic World, II, Oxf., 1941, стр. 765 (ср. III, стр. 1511, прим. 32); R. Vulpe, Noutăţi arheologie dobrogene, «Analele Dobrogei», XII, 1931, стр. 293—294; он же, Histoire ancienne de la Dobroudja, Bucarest, 1938, стр. 87—90; Хр. М. Данов, Западният бряг на Черно море в древността, София, 1947, стр. 58—59; Т. В. Блаватская, Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э., М., 1952, стр. 151—152; L. Robert, Hellenica, XI—XII, P., 1960, стр. 271; D. M. Pippidi, Epigraphische Beiträge zur Geschichte Histrias in hellenistischer und römischer Zeit, B., 1962, стр. 22—23, 76—77.

[2] S. Lambrino, Décret d'Histria en l'honneur d'Agathoclès, RER, V—VI, 1960, стр. 180—217 (фото на стр. 183); ср. H. Bengston, Neues zur Geschichte des Hellenismus in Thrakien und in der Dobrudscha, «Historia», XI, 1962 № 1. стр. 21—28; D. M. Pippidi, Histria şi geţii în sec. II î. e. n., «Studii clasice», V, 1963, стр. 137—161 (перепечатана в сборнике автора «Contribuţii la istorie veche a României», изд. 2, Bucureşti, 1967, стр. 186—221; далее цитируется по этому изданию).

[3] Ламбрино датирует надпись временем около 200 г. до н. э. (ук. соч., стр. 208), снимая тем самым свою прежнюю датировку (около 180 г. до н. э.; CRAI, 1933, стр. 124); прочие исследователи принимают эту дату. Во время войны плита пострадала от огня, и изучение письма по оригиналу невозможно.

[4] Восстановление текста было осуществлено С. Ламбрино при участии таких эпиграфистов, как М. Олло, Г. Глоц, Л. Робер; стки. 20—21 дополнены Д. Пиппиди; в стки. 21 и 23 остаются лакуны; конец надписи утрачен.

ταραχῆι ... καὶ τῶν πολιτῶν ἐν ἀγωνίαι καθεστώντων; о причинах и характере этого столкновения можно, к сожалению, лишь догадываться), и в то же время набеги фракийцев не давали возможности доставить в город плоды урожая, Агафокл, избранный токсархом, выступил с отрядом наемников (λαβὼν στρατιώτας μισθοφόρους), отогнал врагов и обеспечил доставку зерна (стк. 8—14). Когда затем фракийский предводитель Золт (Ζόλτης; ниже он называется ἄρχων) вступил со значительным войском на территорию Скифии и греческих городов, подвластных царю Ремаксу (εἰς τε τὴν Σκυθίαν καὶ τὰς Ἑλληνίδας πολεις τὰς τασσομένας ὑπὸ βασιλέα Ῥήμαξον)[5], Агафокл был отправлен послом к Золту и, несмотря на опасности, склонил его отказаться от осады Истрии и вернуть ранее захваченную добычу (стк. 14—25; текст в этом месте поврежден; смысл стк. 20—21 восстановлен по дополнениям Пиппиди). Понадобилось, впрочем, еще одно посольство к Золту, отряды которого перенесли военные действия на территорию истрийской хоры, проникли на юг до Бизоны, осадили ее и стали разорять окрестности; чтобы спасти хору Истрии от такой же участи, Агафокл предложил фракийскому вождю 600 золотых (стк. 25—33). Далее последовали новые нападения фракийцев и новая поездка к Золту (стк. 34—39); так как клятвенно подвержденное соглашение было все же нарушено фракийцами, Агафокл, облеченный чрезвычайными полномочиями (он именуется στρατηγὸς ἐπὶ τῆς χώρας αὐτοκράτωρ), пытался защищать истрийские владения силами добровольцев из числа граждан и варваров, стремившихся укрыться в городе (стк. 40—46). Поскольку вооруженная борьба, как видно, не увенчалась успехами, о которых, впрочем, весьма бегло говорится в тексте, Агафокл отправился к царю Ремаксу; тот потребовал дани (τὸν φόρον), но присланная им сотня всадников мало помогла делу (стк. 46—51). Лишь новая поездка Агафокла, на этот раз к сыну царя Фрадмону (имя дополнено Глоцем), обеспечила беззащитной стране, охваченной, по словам составителя документа, ужасом, более существенную защиту в виде отряда из 600 всадников (стк. 51—55). Далее надпись повреждена, и сохранившиеся слова позволяют только догадываться о том, что присланные царевичем воины начали военные действия против Золта и его фракийцев (стк. 55—57). Исход событий оказался, надо полагать, благоприятным для Истрии, в результате чего заслуги Агафокла были отмечены почетным декретом.

Не останавливаясь на анализе всех заслуживающих внимания указаний рассматриваемой надписи,— так, специального изучения требуют, к примеру, новые данные о социальной борьбе в городе [6], его государственном строе [7] и организации вооруженных сил [8],— отметим, что даже при простом чтении бросается в глаза ряд общих моментов в положении Истрии и другой ионийской колонии, Ольвии, на рубеже III и II вв. до н. э.[9]. Это впечатление укрепляется благодаря изучению других эпи-

[5] [Τασσομένα]ς — конъектура Ламбрино, принятая всеми остальными учеными, хотя восстанавливаемые буквы с трудом укладываются в лакуну; ср. P i p p i d i, Contribuţii..., стр. 208.

[6] Ср. I. S t o i a n, Ecouri ale luptei de clasă la Istros în a doua jumătate a sec. al III şi în prima jumătate a sec. II î.e.n, SCIV, IV, 1953, № 3—4, стр. 681 слл.

[7] Ср. P i p p i d i, Contribuţii..., стр. 68 слл.

[8] Ср. там же, стр. 68 слл.

[9] Об Истрии см. D. M. P i p p i d i, D. B e r c i u, Geţi şi greci la Dunărea de jos, Bucureşti, 1965, стр. 225—231, 263—265 (ср. P i p p i d i, Contribuţii..., стр. 87—90, 155—156); Em. C o n d u r a c h i, Scurt istoric al cetaţii Histria, «Histria», I, Bucureşti, 1954, стр. 34—48; Б л а в а т с к а я, Западнопонтийские города..., стр. 103—104, 116, 121—122, 131—133, 140—141, 160; об Ольвии — В. Ф. Г а й д у к е в и ч, История античных городов Северного Причерноморья, АГСП, I, 1955, стр. 52—55; Л. М. С л а в и н, Периодизация исторического развития Ольвии, ПИСПАЭ, 1959,

графических документов указанного времени. В самом деле, оба города переживают в эту эпоху продовольственные трудности, вызванные как общим изменением хозяйственной конъюнктуры в Причерноморье [10], так и постоянными нападениями враждебных племен на их хоры (SEG, XVIII, № 288; IOSPE, I², № 32). Это, разумеется, наиболее тяжело отразилось на положении большинства рядовых граждан; резко обостряются социальные контрасты [11], с новой силой разгорается классовая борьба [12]. При таких обстоятельствах власти обоих городов, желая по возможности смягчить раздирающие граждан противоречия [13], стремятся прежде всего создать общественные запасы зерна [14], учреждают особые коллегии ситонов, ведающие его распределением среди неимущих [15], идут на временное введение экстраординарных магистратур [16]. Необходимые для проведения такой политики средства сосредоточены в это время в руках немногих состоятельных граждан, и в обоих городах государственная казна пополняется ссудами или пожертвованиями богачей [17], среди которых мы встречаем даже иностранцев [18]. Однако собранные деньги приходится пускать в ход прежде всего для умилостивления властителей местных племен — одна из ольвийских надписей называет их «царями стра-

стр. 99—103; Н. В. Шафранская, К вопросу о кризисе Ольвии в III в. до н. э., ВДИ, 1951, № 3, стр. 9—20.

[10] Кроме работ, указанных в предыдущем примечании, см. М. К. Трофимова, Из истории эллинистической экономики, ВДИ, 1961, № 2, стр. 46 слл.

[11] Ольвийский декрет в честь Протогена, относящийся к концу III или к началу II в. до н. э. (Т. Н. Книпович, К вопросу о датировке ольвийского декрета в честь Протогена, ВДИ, 1966, № 2, стр. 142 слл.; П. Й. Каришковський, До питання про дату ольвійського декрету на честь Протогена, «Археологія», XXI, 1968, стр. 95—105), четко противопоставляет народу «богатых» и «сильных» (IOSPE, I², № 32, A, 66: εὐπορούμενοι; B, 25: ἰσχύοντες. В. В. Латышев в обоих случаях переводит «зажиточные»).

[12] Ольвийские рабы (οἰκετεία) и миксэллины (о содержании термина см. Н. В. Шафранская, О миксэллинах, ВДИ, 1956, № 3, стр. 37—48) переходили на сторону врагов города (IOSPE, I², № 32, B, 15—17), что было, несомненно, формой социального протеста (о каких-то внутренних столкновениях шла, по-видимому, речь в другом декрете, от которого сохранился лишь обломок,— там же, № 31). В Истрии ἀχορηγησία, ταραχαί и πολιτικὰς ἐπιστάσεις упоминаются в сильно поврежденной надписи II в. до н. э. (SEG, XVIII, № 291).

[13] Это ясно выражено в одной из надписей начала II в. до н. э.; см. Pippidi, Contribuţii..., стр. 244; ср. стр. 247—252.

[14] D. M. Pippidi, Monumente epigrafice inedite, «Histria», I, Bucureşti, 1954, стр. 476—487 (ср. он же, Note de lectură, «Studii clasice», VIII, 1966, стр. 240—242); S. Lambrino, Fouilles d'Histria, «Dacia», III—IV, 1933, стр. 401—403 (ср. J. et L. Robert, Bulletin epigraphique, REG, LXXV, 1962, стр. 189, № 237); для Ольвии см. IOSPE, I², № 32 A, 26; 63.

[15] В истрийских надписях и в декрете в честь Протогена коллегия ситонов (о ней см. Th. Thalheim, Sitonia, RE, III-A, 1927, стб. 397—398) не упоминается, хотя в них встречаются глагол σιτωνεῖν или производные от него; в Ольвии, однако, во II в. до н. э. эта коллегия известна (IO, № 72).

[16] О «стратегии» Агафокла см. Bengston, ук. соч., стр. 24 (ср. Pippidi, Contribuţii..., стр. 97—98, 101); об эпимении и других чрезвычайных полномочиях Протогена см. В. В. Латышев, Исследования об истории и государственном строе города Ольвии, СПб., 1887, стр. 289—291, 294—297.

[17] Из текста надписи в честь Агафокла не видно, происходили ли 600 золотых, переданных им Золту, из городской казны или из его личных средств; о других истрийских гражданах, предоставлявших свои деньги в распоряжение города, см. Pippidi, Contribuţii..., стр. 248—249 (ср. он же, Decrete elenistice din Histria, «Studii clasice», VII, 1965, стр. 185—186); о затратах Протогена на нужды Ольвии см. Латышев, ук. соч., стр. 109—114.

[18] Характерно, что долг истрийских граждан каллатийцу Матрию (SEG, XVIII, № 289; ср. Pippidi, Contribuţii..., стр. 56 слл.), равно как и долг ольвиополитов херсонесскому гражданину Аполлонию (IO, № 28—29; ср. Е. И. Лева, Новая ольвийская надпись из раскопок 1951 г., ВДИ, 1953, № 1, стр. 177 слл.), не были погашены при жизни заимодавцев, и оба города должны были улаживать эти дела с их наследниками.

ны», τῆς χώρας βασιλεῖς (IOSPE, I², № 30; ср. οἱ κρατοῦντες τῆς χώρας βάρβαροι в несколько более позднем истрийском декрете, SIG, II³, № 708). С этой целью к варварским вождям периодически направляются дорогостоящие и не всегда удачные посольства [19]. При этом следует отметить, что нельзя говорить о каком-то общем ухудшении отношений между местными племенами и эллинами — напротив, наступление врагов заставляет часть варваров искать убежище за стенами греческих городов, что нашло свое выражение и в декрете в честь Агафокла (сткк. 43—44) и в Протогеновом декрете (IOSPE, I², № 32, B, 8—11). Вырисовывающиеся при более внимательном сопоставлении черты, разумеется, различны для Истрии и Ольвии (последняя, например, не получала военной помощи от соседних царей), но не подлежит сомнению, что конец III и начало II вв. до н. э были критическим периодом для греческого мира в Северном и Западном Причерноморье и отмеченное сходство в положении обоих городов не является случайным.

Здесь не место останавливаться на вопросе о причинах и характере кризиса античных центров Причерноморья в эпоху эллинизма, которому посвящено немало исследований [20]. Переходя к конкретным замечаниям, укажем, что в надписи Агафокла привлекает внимание прежде всего активность Золта, осадившего Бизону и создавшего серьезную угрозу для Истрии; трудно предположить, что расположенные на побережье между этими городами Томи и Каллатия не были задеты действиями фракийцев. Весьма примечательно, что греческие города Добруджи признавали над собой неоспоримую власть царя Ремакса, платили ему дань или подать и в случае опасности могли рассчитывать на военную помощь с его стороны. По данным декрета можно установить, что основные владения Ремакса и его сына находились вне Добруджи, на левом берегу Дуная (см. ниже), тогда как греческие города лежали рядом с территорией, которую составитель документа называет без всяких разъяснений просто Скифией. При этом во всем сохранившемся тексте памятника нет ни одного упоминания о скифах; надпись не знает также племен, названных в Протогеновом декрете, и притом не только могущественных саиев, которым ольвиополиты платили регулярные денежные δῶρα, или тисаматов и савдаратов, живших, судя по контексту, в непосредственной близости от Ольвии, но и грозных галатов, представлявших вместе со своими союзниками скирами немалую опасность для населения Нижнего Побужья. Наконец, в декрете в честь Агафокла нет ни слова и о бастарнах, хотя они появились вблизи устьев Дуная как раз в это время (см. ниже). Все это заслуживает, как представляется, более подробного рассмотрения, тем более, что в посвященной памятнику литературе вопрос о населении Добруджи рассматривается в отрыве от тогдашнего расселения северопонтийских племен [21].

---

[19] Кроме надписи Агафокла о посольстве к некоему Залмодегику имеется несколько более ранний документ (SEG, XVIII, № 288); Протоген не только давал деньги на дары Сантафарну, но и сам принимал участие в посольствах (IOSPE, I², № 32 A, 88).

[20] В. Д. Блаватский, Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье, ПИСПАЭ, 1959, стр. 14 сл.; Н. И. Соколь-ский, Взаимоотношения античных государств и племен Северного Причерноморья, DAW SA, XXVIII, 1961, стр. 129 слл.; ср. К. К. Зельин, М. К. Трофимова, Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода, М., 1969, стр. 94 слл., 191 слл.

[21] Исключением является статья Руссу (I. I. Russu, Zoltes şi Rhemaxos. Tracii, sciţii şi Istria în sec. III—II î.e.n., «Apulum», VI, 1967, стр. 123—143), однако автор исходит из неверных представлений о границе между скифской и гетской территориями в рассматриваемое время (см. ниже).

Напомним, что декреты в честь Агафокла и Протогена относятся ко времени, когда царство кельтов пало под ударами фракийцев (около 216 г. до н. э.)[22]. Поэтому активность Золта, правителя одного из северофракийских племен [23], не вызывает особого удивления. В самом деле, если фракийцы, жившие вблизи от берегов Бургасского залива, поддерживали в III в. до н. э. дружественные отношения с греческими городами — вождь их Садала заключает договор с Месембрией (IGB, I, № 307), а царь Котий отсылает сына в Аполлонию в качестве заложника (там же, № 389) [24],— то их северные соплеменники, обитавшие в Добрудже, напротив, враждовали с греками. Во всяком случае, еще за несколько десятилетий до падения кельтской столицы Тиле послы Истрии с немалым трудом, преодолевая многие опасности, добрались до находившейся в Северо-Западной или Северной Добрудже ставки фракийского (гетского?) предводителя Залмодегика, удерживавшего у себя истрийских заложников (60 из них были отпущены благодаря деятельности посольства) и имевшего возможность вредить хозяйственным интересам города [25].

Если можно считать бесспорным, что и Золт и Залмодегик возглавляли фракийские племенные объединения, то установить с полной определенностью местоположение этих последних довольно затруднительно. Можно, впрочем, согласиться, что владения Залмодегика находились на севере Добруджи, где несколько позже упоминается в непосредственной близости от Истрии πρόσχωρος Θρᾳκή [26], так что этот властитель мог препятствовать рыбному промыслу граждан Истрии в дельте Дуная и прилегающих лиманах и мирной эксплуатации последними их сельских владений [27]. Труднее признать, будто владения Золта лежали на юге, у склонов Гема, как это считают румынские ученые [28]. Если следовать за событиями так, как они изложены в надписи, мы видим, что воины Золта обрушились прежде всего на хору Истрии (стки. 9 сл.), и лишь в дальнейшем, после того, как этот конфликт был уже улажен при посредстве Агафокла (стки. 11 слл.), они вторглись в Скифию и на земли греческих городов (стки. 14 слл.), что вызвало специальное посольство Агафокла к Золту, и в результате переговоров город откупился от неприятельских набегов значительной суммой (пять талантов, т. е. 1500 золотых статеров — немногим менее 13 кг по весу металла; стки. 17 слл.). Только после этих событий (μετὰ δὲ ταῦτα) последовало новое нашествие фракийцев, задевшее сначала опять-таки истрийскую хору (ἐμβαλόντων αὐτῶν—scil. τῶν Θρᾳικῶν — εἰς τὴν χώραν) и лишь в дальнейшем приведшее к осаде Бизоны и разо-

[22] Хр. М. Данов, Древна Тракия, София, 1969, стр. 433 слл.; Т. Герасимов, Келтски селища на горнето течение на Тополница, ИБАИ, XXIX, 1966, стр. 133 слл.; И. Венедиков, Келтското нашествие в нашите земи през III в. пр. н. е., ИП, XI, 1955, кн. 3, стр. 77 слл.; N. Vulič, Les celtes dans le nord de la pénisule Balcanique, «Le musée Belge», XXX, 1926, № 4, стр. 231 слл.

[23] Р. Вульпе видел в нем предводителя разбойников (Histoire ancienne de la Dobroudja, стр. 89; ср. он же, Histria, Zoltes şi Rhemaxos, «Gândirea», XI, 1931, № 9, стр. 363), однако Д. М. Пиппиди показал (Contribuţii..., стр. 205—207), что надпись дает основание видеть в Золте одного из династов, власть которого носила государственный характер.

[24] Г. Михаилов, Към история на Тракия през IV—III вв. пр. н. е., ИБАИ, XIX, 1955, стр. 150 слл.; ср. Хр. М. Данов, Към история на Тракия и Западното Черноморие от втората половина на III в. до средата на I в. пр. н. е., ГСУФИФ, 47, 1952, № 2, стр. 105 сл.

[25] SEG, XVIII, № 288; ср. Pippidi, Contribuţii..., стр. 170 слл.

[26] Pippidi, Monumente epigrafice inedite, стр. 498, № 4.

[27] Pippidi, Contribuţii..., стр. 172 слл., 177 слл. Руссу без всякой аргументации помещает владения Залмодегика на юге Добруджи (ук. соч., стр. 131).

[28] Vulpe, Histoire ancienne de Dobroudja, стр. 90 (ср. он же, Histria, Zoltes şi Rhemaxos, стр. 363—364); Lambrino, Décret d'Histria..., стр. 189; Pippidi, Contribuţii..., стр. 205, прим. 55; Russu, ук. соч., стр. 130.

рению ее владений (καὶ Βιζώνην μὲν πολιορκούντων τὴν τε χώραν πορθούντων, сткк. 25—26). Такая последовательность событий, совершавшихся, очевидно, в течение нескольких лет [29], становится понятной, если принять, что нападения предводительствуемых Золтом фракийцев (Θρᾳκῶν τε τῶν περὶ Ζόλτην, стк. 14) имели свою базу сравнительно недалеко от Истрии (πρόσχωρος Θρᾳκή) и постепенно распространялись от ближайших ее окрестностей далее к югу, а никак не от склонов Балкан или Делиорманской возвышенности на север, в глубь Добруджи. В таком случае Золта можно со значительной степенью вероятности рассматривать как одного из преемников Залмодегика, и, поскольку в последнем узнают гета [30], Золт скорее всего также может быть признан гетом [31].

В отличие от Залмодегика и Золта, владения которых лежали неподалеку от Истрии и лишь частично распространялись, быть может, на левый берег Дуная, владения царя Ремакса находились именно на левом берегу реки. В самом деле, надежды на военную помощь истрийские граждане определенно связывали с переправой царя через реку (сткк. 45—46: μέχρι τῆς διαβάσεως τῆς τοῦ βασιλέως Ῥημάξου) и такая переправа действительно последовала (стк. 46: διαβάντος τε τοῦ βασιλέως εἰς τὸ πέραν); переправляться εἰς τὸ πέραν пришлось в дальнейшем и царским всадникам (сткк. 52 слл.) Поэтому царство Ремакса следует искать либо к северу от устьев Дуная, либо к западу от его нижнего течения, т. е. в Южной Бессарабии или в бассейнах Серета и даже Яломицы. Румынские ученые склоняются преимущественно в пользу последнего предположения [32], но их аргументация, подробнее всего изложенная в работах Д. Пиппиди и С. Ламбрино [33], не представляется ни исчерпывающей, ни убедительной. В самом деле, согласно тексту надписи, в один из самых опасных для Истрии моментов Агафокл отправился в резиденцию Ремакса водным путем (сткк. 49—50: ἀποδημήσας κατὰ πλοῦν), однако стремление доказать, будто это оказалось положительно необходимым по той единственной причине, что путь по суше был отрезан, опирается, как кажется, лишь на не совсем точное истолкование текста: предшествующие слова (τῆς χώρας οὔσης ἐμ πολέμωι) служат здесь, как и в других местах декрета [34], лишь указанием на время избрания Агафокла послом, а не мотивировкой для предпочтения того или другого способа передвижения. Разумеется, точные обстоятельства, связанные с этой поездкой, остаются неизвестными, но показательно, что ранее Агафокл не побоялся опасностей, сопряженных с продвижением через занятую врагом территорию (ср. сткк. 17 сл.: ἀπεδήμησεν διὰ τῆς πολεμίας ἔθνη), как не устрашились

[29] По Ламбрино (Décret d'Histria..., стр. 199—200) — примерно 6—7 лет из тех 10—15 лет, которые описаны в надписи; ср. J. et L. Robert, ук. соч., стр. 187, № 234.

[30] Pippidi, Contribuţii..., стр. 172; Russu, ук. соч., стр. 130, прим. 15; стр. 131, прим. 16.

[31] См., например, Russu, ук. соч., стр. 130.

[32] Исключением являются труды И. Руссу (ук. соч., стр. 131—136) и Х. Дайковичу (H. Daicoviciu, «Regatul» lui Rhemaxos, «Acta musei Napocensis», IV, 1967, стр. 445—446): первый помещает владения Ремакса между Прутом и Бугом, второй считает, что документ не дает возможности точно их локализировать.

[33] Lambrino, Décret d'Histria..., стр. 202—203, 205—209 (ср. он же, Cetatea Histria, стр. 591); Pippidi, Contribuţii..., стр. 210—212; он же, A propos du basileus Rhemaxos, «Acta antiqua Philippopolitana. Studia historica et philologica», Serdicae, 1963, стр. 94—98 (ср. Pippidi, Berciu, Geţi şi greci..., стр. 229—230); ср. также Vulpe, Noutăţi arheologie, стр. 294; он же, Histria, Zoltes şi Rhemaxos, стр. 362—364; он же, Histoire ancienne de la Dobroudja, стр. 88—89, 411 (ср. Istoria României, I, Bucureşti, 1960, стр. 189, 243).

[34] Ср. сткк. 6 сл.: τῆς τε πόλεως οὔσης ἐν ταραχῆι... αἱρεθεὶς τεξάρχης; сткк. 53 сл.: τῆς τε χώρας οὔσης ἀφυλάκτου αἱρεθεὶς πρεζβευτὴς (sic); ср. также сткк. 14 сл., 25 сл., 33 сл., 49 сл.

подобных трудностей истрийские послы несколькими десятилетиями ранее (SEG, XVIII, № 288, сткк. 7 сл.: ἀπεδήμησάν τε διὰ τῆς πολεμίας πάντα κίνδυνον ὑπομείναντες). Между тем в то время, когда Агафокл пустился в плавание, чтобы добраться до местопребывания Ремакса, особых препятствий на этом пути не было: ведь царь, переправившись через реку, отправил в Истрию посланцев, которые потребовали дани (сткк. 47 сл.: ἀποστείλαντος δὲ — scil. τοῦ βασιλέως — ἀγγέλους καὶ ἀπαιτοῦντος τὸν φόρον) и, судя по всему, достигли цели. Равным образом и всадники Ремакса не плывут к Истрии на кораблях — им достаточно переправиться через Дунай, чтобы оказаться вблизи от города [35]. Но в таком случае не приходится категорически утверждать, будто царство Ремакса лежало в Валахии, в бассейне Бузеула или даже Яломицы, как это предполагает Ламбрино и считает возможным Пиппиди [36],— поездка водным путем, хотя и была связана с тяжелым положением Истрии, но отнюдь не должна рассматриваться как дальний, окружной и единственно возможный путь, так как город был, очевидно, заинтересован не столько в личной безопасности посольства, сколько в незамедлительном получении военной помощи. Другими словами, имеются все основания искать державу Ремакса не слишком далеко от моря, т. е. на северном берегу Дунайской дельты, на юге нынешней Бессарабии [37].

Из сказанного не следует, впрочем, что нужно соглашаться с теми, кто хотел видеть в Ремаксе царя скифов [38]. И. Руссу, отстаивающий это предположение и приводящий в связи с ним немало сведений о скифах и их стране, не учитывает в достаточной мере тех изменений, которые произошли в скифских степях в IV—III вв. до н. э. Действительно, ничто не дает оснований допускать, будто во времена Агафокла и Протогена скифы составляли сколько-нибудь значительную силу в нынешнем Буджаке: еще Александр (в 335 г. до н. э.) и Лисимах (в начале III в. до н. э.) нашли на северном берегу Дунайской дельты гетов [39], и археологические материалы подтверждают, что восточная граница расселения последних проходила в эллинистическую эпоху и даже раньше по правому берегу Нижнего Днестра и его лимана [40]. В полном соответствии с этим Страбон не знает реальных скифских племен к северу от Дуная. Опираясь на «новейшие сведения», он помещает к востоку от занятых германцами земель Европы гетов, заселяющих оба берега Дуная, а к северо-востоку от них — тирегетов и бастарнов (Strabo, II, 5, 12; VII, 1,1; 3,1; SC, I, 102, 108, 109), специально оговариваясь (II, 1, 41), что эти народы были неизвестны во времена Эратосфена. За перечисленными племенами живут «до реки Танаида и Меотийского озера» не скифы, а савроматы (II, 5, 30; SC, I, 104), среди которых различаются язиги и роксоланы (VII, 2, 4; SC, I, 108—

[35] Russu, ук. соч., стр. 134—135.

[36] См. в особенности Lambrino, Décret d'Histria..., стр. 202 слл.

[37] Russu, ук. соч., стр. 135—136; ср. Daicoviciu, ук. соч., стр. 446.

[38] Russu, ук. соч., стр. 133—143; ср. Rostovtzeff, Skythien und der Bosporus, стр. 493, прим. 1. Аналогичное высказывание Робера (L. Robert, Epigraphie,—«L'histoire et ses méthodes», P., 1961, стр. 453) не должно, однако, приниматься во внимание, см. J. et L. Robert, Bulletin epigraphique, REG, LXXVII, 1964, стр. 196; LXXXI, 1968, стр. 487.

[39] Strabo, VII, 3, 8; 14; Diod., XXI, 11—12; Paus., I, 9,6; Arrian., Anab. Alex. I, 3—4; Just., XVI, 1,9; ср. K. Müllenhoff, Deutsche Altertumskunde, III, B., 1892, стр. 134 слл.; V. Pârvan, Getica, o protoistiriei o Daciei, Bucureşti, 1926, стр. 54 сл., 57 сл.; Т. Д. Златковская, Л. А. Полевой, Городища гетов Пруто-Днестровского междуречья в IV—III вв. до н. э. и вопросы политической истории гетов, МИА, № 150, 1969, стр. 56 сл.

[40] А. И. Мелюкова, К вопросу о границе между скифами и гетами, МИА, № 150, 1969, стр. 78—81; она же, Поселение IV—III вв. до н. э. Николаевка, КСИА, вып. 109, 1967, стр. 64.

109), причем последние обитают «выше Борисфена» и являются крайними из всех известных народов «скифского происхождения» (II, 5,7; SC, I, 101). Эта диатеса наиболее подробно изложена при перечислении народностей, живущих вдоль черноморского побережья между Истром и Борисфеном (VII, 3,17; SC, I, 120): здесь последовательно размещены «пустыня гетов», тирегеты, язиги-сарматы, так называемые «царские» и урги; при этом отмечено, что «внутри материка» в соседстве с тирегетами живут бастарны (среди них названы племена атмонов, сидонов и певкинов); в заключение названы роксоланы, «самые северные, занимающие равнины между Танаидом и Борисфеном».

Строгое соответствие всех этих сообщений друг другу, отчетливое противопоставление их не только Эфору с его архаическим размещением племен Скифии (II, 5,12)[41], но и Эратосфену, о котором прямо сказано (II, 1,41), что ему были недостаточно известны страны, находящиеся к северу от Понта Евксинского, делают весьма вероятным, что в основе сведений Страбона лежат данные Артемидора Эфесского, составившего в конце II в. до н. э. обширный, но не сохранившийся географический труд [42]. К сожалению, вопрос об источниках самого Артемидора недостаточно ясен. Вполне вероятно, однако, что часто повторяемый Страбоном тезис о слабой изученности северных стран (особенно VII, 2,4; SC, I, 108—109) восходит к Артемидору (ср. Plin., II, 245; SC, II, 168). Во всяком случае один из его источников — составленный в конце III или даже в начале II в. до н. э. труд каллатийца Деметрия — не располагал, по-видимому, подробными сведениями о черноморском побережье между Днестром и Крымом [43], и потому нарисованная Страбоном картина расселения племен между Дунаем и Днепром, если она действительно восходит через Артемидора к Деметрию [44], неминуемо должна была оказаться тем сухим перечнем этнонимов, который сложился в результате сокращения и без того скудных сведений Артемидора [45].

В свете сказанного можно по достоинству оценить неоднократно повторяемое предположение о том, что то место Страбона, в котором дано наиболее подробное перечисление народов, живущих между Истром и Борисфеном (VII, 3, 17), испорчено в рукописной традиции и требует исправления. В частности, здесь усматривали указание на древнейших обитателей Скифии и соответственно полагали, что οἱ Βασίλειοι λεγόμενοι Страбона являются царскими скифами Геродота (IV, 59; SC, I, 25: οἱ καλεόμενοι βασιλήιοι Σκύθαι), тогда как не упоминаемые ни одним другим автором урги (Οὖργοι) появились на свет в результате искажения слов

---

[41] М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, Л., 1925, стр. 5—6, 28—30, 38—39, 80—82, 88—91.

[42] М. И. Ростовцев, Страбон как источник для истории Боспора, «Сборник статей в честь В. П. Бузескула», Харьков, 1914, стр. 368 слл.; ср. он же, Скифия и Боспор, стр. 8, 71, 140—141. В другом месте (Скифия и Боспор, стр. 34—35, 38—40) сделаны оговорки в пользу Посидония, но следует, видимо, предпочесть Артемидора, трудом которого Страбон пользовался при описании Кавказа (K. J. Neumann, Strabo's Landeskunde von Kaukasien, JClPh, XIII, 1884, стр. 319 сл.): Нойманн показал, что Артемидорово описание шло в направлении с востока к западу, и хотя Страбон придерживается противоположного порядка, он дважды намечает подразделения своей диатесы в той же последовательности, что и Артемидор (VII, 3,17): сначала перечислены живущие «между Борисфеном и Истром», затем «между Танаидом и Борисфеном». Отметим также, что в этих местах не упомянуты столь близкие Посидонию (Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 40—41) кельты.

[43] Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 32, 34, 36.

[44] Ростовцев, Страбон как источник..., стр. 380; он же, Скифия и Боспор, стр. 33.

[45] Ростовцев, Страбон как источник..., стр. 376; он же, Скифия и Боспор, стр. 34.

Геродота о скифах-земледельцах (IV, 54: οἱ γεωργοὶ Σκύθαι) [46]. При несомненном внешнем правдоподобии этой догадки, ничем, впрочем, не подтвержденной [47], не приходится забывать, что Страбон весьма критически настроен к сообщениям Геродота о племенах Скифии (Strabo, XII, 3,21; SC, I, 159; ср. также I, 2, 35; XI, 6, 3), и мы нигде не находим у него следов механического соединения данных Геродота с позднейшими сведениями. С другой стороны, источником Страбоновой диатесы северочерноморских племен нельзя считать Эфора, тесно связанного с Геродотовой традицией [48]. Если принять к тому же во внимание, что перенесение царских скифов и особенно скифов-земледельцев на запад, будучи само по себе возможным, не подтверждается археологическими материалами и что οἱ βασιλικοὶ Σαρμάται упомянуты не только в компилятивном труде Птолемея (V, 8,16; SC, I, 239), но и в историческом сочинении Аппиана (Mithr. 69; SC, I, 528), где они определенно отнесены вместе с язигами к числу сарматских племен (Σαυρομάτων οἵ τε Βασίλειοι καὶ Ἰάζυγες) и помещены — применительно к эпохе Митридата — рядом с кораллами и другими фракийскими племенами, «живущими у Истра, Родопы и Гема», то мы не находим оснований сомневаться в том, что οἱ Βασίλειοι Страбона были вполне конкретным сарматским племенем [49].

Признавая, таким образом, историческую реальность царских сарматов и ургов Страбона [50] и помещая их в конце III или в начале II в. до н. э. в степи, западнее Нижнего Днепра, трудно воздержаться от сопоставления первого из этих племен с саиями декрета в честь Протогена. Греческое субстантивированное прилагательное βασίλειοι может, как давно указывалось, рассматриваться в качестве кальки древнеиранского этнонима, а форма Σάϊοι (*Ξάϊοι) надежно связывается с *ав.* χši-(*санскр.* kši-) со значением «властвовать», «царствовать» (ср. χšayaθiya «царь»

---

[46] М. И. Артамонов, Вопросы истории скифов в советской науке, ВДИ, 1947, № 3, стр. 76 (ср. он же, Этнический состав населения Скифии, «Доклады VI Научной конференции ИА АН УССР», Киев, 1953, стр. 189); Б. Н. Граков, Термин Σκύθαι и его производные в надписях Северного Причерноморья, КСИИМК, вып. 16, 1947, стр. 86 (ср. он же, Каменское городище на Днепре, МИА, № 36, 1954, стр. 26, 27, 30); ср. Müllenhoff, ук. соч., стр. 35; L. Niederle, Slovanské starozitnosti, I, 1, Praha, 1902, стр. 327.

[47] Указывают на сокращение Страбоновой «Географии», где отсутствуют урги, а после язигов названы οἱ βασιλῆες λεγόμενοι Σκύθαι (SC, I, 166), но так как этот труд составлен в X в. византийскими эпитоматорами, не приходится сомневаться, что все место (вплоть до орфографии!) выправлено по хорошо известному им Геродоту (и границы описываемой области намечены «между рекой Истром и Борисфеном», т. е. не по Страбону, см. выше, прим. 42), причем вместо «гетской» названа «скифская пустыня» — ведь для Геродота Скифия начиналась ἀπὸ Ἴστρου.

[48] Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 35 (ср. он же, Страбон как источник..., стр. 375); автор опровергает предположение Гайльманна (C. Heilmann, Quibus auctoribus Strabo usus sit in describenda maris Pontici, Halle a/S., 1885), согласно которому диатеса Страбона есть результат объединения его собственных наблюдений со взглядами Эфора.

[49] Ф. А. Браун, Разыскания в области гото-славянских отношений, I, СПб., 1899, стр. 92. Л. А. Ельницкий правильно отмечает, что термин «царские» в приложении к скифам, сарматам или гуннам выделяет племя, возглавляющее их союзы (Л. А. Ельницкий, Знания древних о северных странах, М., 1961, стр. 163), но он ошибочно истолковывает его в приведенном тексте Страбона как эпитет язигов (там же, стр. 162).

[50] Отмеченное еще Авг. Беком (CIG, II, стр. 115) наличие однокоренных личных имен в Ольвии (Οὔργβαζος — IOSPE, I², № 95, 101) и Боспора (Οὔργιος — CIRB, № 362, 1262) с несомненной иранской этимологией (J. Harmatta, Studies in the Language of the Iranian Tribes in South Russia, Budapest, 1952, стр. 51; ср. F. Justi, Iranisches Namenbuch, Marburg, 1895, s. v.; Браун, ук. соч., стр. 93) делает излишним обращение к ономатологии Кавказа (ср. Ельницкий, ук. соч., стр. 87).

ахеменидских надписей) [51]. Такая этимология подошла бы, разумеется, и к царским скифам Геродота, но Σκύθαι упоминаются в том же декрете отдельно, рядом с малоизвестными тисаматами и савдаратами (в последних, впрочем, видят какую-то часть Геродотовых меланхленов) [52]. Не следует также упускать из виду, что отождествление саиев надписи с царскими скифами Геродота плохо согласуется не только с уже рассмотренными, но и другими сообщениями Страбона, источником которых был на этот раз, по-видимому, труд Посидония, завершенный в первой четверти I в. до н. э., но составленный в значительной мере на основании более ранних произведений [53]. Реально известных ему европейских скифов Страбон размещает (VII, 4, 5; SC, I, 126) в двух географически разобщенных районах — в степях Крыма и далее к северу до Нижнего Днепра и в отрыве от предыдущих — в Добрудже. Это, следует заметить, хорошо увязывается со свидетельствами первой группы, согласно которым степные просторы к востоку от тирегетов и бастарнов и до самого Дона и Приазовья заняты сарматскими, а не собственно скифскими племенами.

Подтверждение сообщениям Страбона дают как произведения других античных писателей (см. ниже), так и эпиграфические документы. Здесь не место останавливаться на скифах, укрепившихся в Крыму [54], но нельзя не подчеркнуть, что поскольку составитель херсонесского декрета в честь Диофанта указывает, будто последний проник «в середину Скифии» (IOSPE, I², № 352, I, *12*: εἰς μέσαν τὴν Σκυθίαν προῆλθε), тогда, как отряды понтийского военачальника достигли только Неаполя, то крымская Скифия Страбона была на рубеже II—I вв. до н. э. вполне конкретным географическим понятием. Другое эпиграфическое упоминание о Скифии дает, как уже указывалось, рассматриваемый истрийский декрет [55], и нет оснований сомневаться, что эта Σκυθία идентична той болотистой Малой Скифии, которую Страбон (VII, 5, 12; SC, I, 126, прим.) помещает к югу от Истра.

Вопрос об исторической роли скифов на Дунае требует отдельного изучения и в рамках настоящей статьи не может быть рассмотрен во всем своем объеме. Отметим, однако, что сейчас приходится считать доказанным, что широко распространенное до недавнего времени представление о массовом проникновении скифов в VI—IV вв. до н. э. на правый берег Дуная

---

[51] Harmatta, ук. соч., стр. 52—53; В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, М.— Л., 1949, стр. 164, 189—190, 219—220; Браун, ук. соч., стр. 92—93. Сомнения о правомерности перехода χš → σ (L. Zgusta, Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste, Praha, 1955, стр. 263, 270; M. Vasmer, Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven, I, Lpz, 1923, стр. 50) устраняются наличием в ольвийских надписях параллельных форм Κάρξτος, Κάρχστος и даже Κάρχξστος (IOSPE, I², № 82, 92, 132, 138, 205, 686), которые и Згустой (стр. 104—105, 219—220), и Фасмером (стр. 41), и другими учеными (например, Justi, ук. соч., s. v.; ср. В. В. Латышев, IOSPE, I², стр. 116) считаются чисто графическими вариантами одного и того же антропонима.

[52] Ср., например, Niederle, ук. соч., стр. 275, 324; о племенах декрета в честь Протогена нами подготовлена отдельная работа.

[53] Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 8, 38—41, 100—102; ср. Граков, Каменское городище, стр. 21.

[54] См., например, М. И. Артамонов, Скифское царство в Крыму, ВЛГУ, 1958, № 8, стр. 56—78; Граков, Каменское городище, стр. 24—32; Э. И. Соломоник, О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья, АИБ, 1, 1952, стр. 103—128.

[55] Метрические надгробия из Ольвии (IOSPE, I², № 226, 274) и Пантикапея (CIRB, № 117) пользуются термином «Скифия» в самом общем значении и в данном случае могут быть оставлены в стороне; ср. Граков, Термин Σκύθαι и его производные..., стр. 84.

не подтверждается археологическим материалом [56]. Равным образом и во времена скифского царя Атея и после его гибели они не составляли большинства или основной части населения Добруджи [57]. Тем не менее о присутствии скифов неподалеку от устьев Дуная в последней трети IV в. до н. э. сомневаться не приходится. Во время похода Александра против трибаллов и последовавшей затем переправы через Дунай, на левом берегу реки, против острова Певки, согласно Арриану (Anab. Alex. I, 3, 5) и Страбону (VII, 3, 8), проживали геты, город которых был разрушен завоевателями (Arrian., ibid. 4, 3—5), а сами побежденные отступили в «пустынную степь» (τὰ ἔρημα), в которой без труда узнается гетская пустыня Страбона. Юг нынешней Бессарабии не был, разумеется, вообще лишен всякого населения — в долинах рек, далее к северу в лесостепной зоне и на правом берегу Днестровского лимана в IV—III вв. до н. э. известны поселения с гетской керамикой; на восточном берегу Днестра и его лимана открыты могильники и поселения скифского типа [58]; в степи между Дунаем и Днестром встречаются порой скифские курганные погребения [59]. С этим следует сопоставлять слова Арриана (Anab. Alex. I, 3, 2; SC, I, 514), который в начале своего рассказа (восходящего, как полагают, к современным походу наблюдениям будущего египетского царя Птолемея)[60] помещает скифов на левом берегу Истра, вплоть до самого устья, и сообщение Плутарха (De Alex. fort. I, 3; II, 471 Bernandakis), согласно которому Александр во время упомянутого похода угрожал племенам соседних скифов [61]. Участие этих же, по-видимому, «соседних скифов и фракийцев» в восстании граждан Каллатии и Истрии против Лисимаха (в 313 г. до н. э.) отмечено Диодором (XIX, 73, 2: τῶν τε Θρᾳικῶν καὶ Σκυθῶν τοὺς ὁμοροῦντας), причем после измены фракийцев и военного разгрома уцелевшие скифы отходят на левый берег Дуная [62].

[56] P i p p i d i, B e r c i u, Geţi şi greci..., стр. 129—131 (ср. P i p p i d i, Contribuţii..., стр. 149—152; Д. Б е р ч у, Фрако-скифский меч-эмблема из Меджидие, «Dacia», NS, II, 1958, стр. 93 сл., 119 сл.); А. И. М е л ю к о в а, Скифские элементы в гетской культуре, КСИА, вып. 105, 1965, стр. 32—41 (ср. о н а ж е, К вопросу о границе..., стр. 65 слл.); Д а н о в, Древна Тракия, стр. 326—332, 362—376.

[57] Д. Б. Ш е л о в, Царь Атей, НС, II, 1965, стр. 28 слл.; P. A l e x a n d r e s c u, Ataias, «Studii clasice», IX, 1967, стр. 89 слл.

[58] М е л ю к о в а, К вопросу о границе..., стр. 73—78; о н а ж е, Раскопки скифских могильников IV—III вв. до н. э. «Археологические открытия 1968 года», М., 1969, стр. 279—280; о н а ж е, Работы Западно-скифской экспедиции, «Археологические открытия 1969 года», М., 1970, стр. 241—242; о н а ж е, Скифские курганы Тираспольщины, МИА, № 115, 1962, стр. 147 слл., 162—166.

[59] Н. М. Ш м а г л и й, И. Т. Ч е р н я к о в, Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра, МАСП, вып. 6, 1970, стр. 66—67; А. В. Г у д к о в а, Скифское погребение с конем из Нижнего Подунавья, «Археологические открытия 1969 года», М., 1970, стр. 240—241.

[60] Р о с т о в ц е в, Скифия и Боспор, стр. 103.

[61] Несколькими годами позже против скифов выступил Зопирион, безуспешно осаждавший Ольвию и уничтоженный скифами со всем его войском (J u s t., XII, 2, 16; XXXVII, 3, 2; ср. M a c r o b., Sat. I, 11, 33; SC, II, 61, 62, 392). Указание Курция Руфа, полагающего, что поход был направлен против гетов (X, 1, 43; SC, II, 131—132), вполне понятно, так как на пути к скифским землям лежала гетская территория. Поэтому вряд ли следует приписывать Зопириону два похода — против каждого из народов (A. S u c e v e a n u, O ipoteza despre Zopyrion, SCIV, XVII, 1966, № 4, стр. 635—644).

[62] P i p p i d i, B e r c i u, Geţi şi greci..., стр. 217—218. Т. В. Блаватская верно возражает (Западнопонтийские города..., стр. 97) Р. Вульпе (Histoire ancienne de la Dobroudja, стр. 79), который считает этих скифов выходцами из Поднепровья, но слова Диодора (XIX, 73, 5), сообщающего, что после поражения они отступили за пределы страны, вряд ли означают, что речь идет о точно установленных границах (οἱ ὅροι) между македонскими и скифскими владениями в Добрудже (Т. В. Б л а в а т с к а я, Скифы и греки в Западном Причерноморье, ВДИ, 1948, № 1, стр. 209): и Филипп, и Александр, и Лисимах рассматривали в качестве границы именно Дунай (P â r v a n, Getica, стр. 54; A. S u c e v e a n u, Un callatien dans l'armée d'Alexandre le Grand,

После гибели Лисимаха (281 г. до н. э.) и распада его непрочной державы к югу от Дунайской дельты усилились фракийцы, и в первой половине III в. до н. э. Москон,— по-видимому, один из неизвестных письменным источникам гетских вождей — чеканил обращавшиеся на севере Добруджи дидрахмы со своим именем и царским титулом [63]. Нашествие кельтов не задело, надо полагать, этих областей [64], но положение греческих городов Добруджи пошатнулось вследствие неудачной войны против Византия [65], и около середины III в. до н. э. другой фракийский вождь — уже упоминавшийся Залмодегик — оказывается достаточно сильным, берет у граждан Истрии заложников и оказывает серьезное давление на город [66]. В такой обстановке, надо полагать, возобновляются переходы скифов за Дунай, тогда как геты, напротив, начинают заметно распространяться в степях к востоку от Днестра [67]. К концу III в. до н. э. обстановка во всех скифских степях усложняется в связи с приближением и проникновением сюда сарматов [68], скотоводческое хозяйство которых толкало пришельцев на жестокую борьбу с кочевыми племенами Скифии и приводило к опустошению страны [69]. Тогда же и на западе, в бассейне Прута, появляются выходцы из далеких областей Европы — бастарны; они достигли к началу II в. до н. э. Дунайской дельты, где часть их обосновалась на острове Певке и стала называться певкинами [70]. Результат и отчасти ход этих перемещений были известны Страбону — надо думать, не без влияния Посидония [71] — и были учтены им при составлении диатесы племен, жи-

---

«Dacia», NS, X, 1966, стр. 341—345); трудно также представить, чтобы Лисимах ограничился после решительной победы оттеснением противника от побережья (ср. Г р а к о в, Каменское городище, стр. 24).

[63] C. P r e d a, Monede de un tip necunoscut provenind din Dobrogea, SCIV, XV, 1964, № 3, стр. 401—408.

[64] Д а н о в, Древна Тракия, стр. 433 слл. (ср. A. P i a t k o w s k i, Cnosideraţii asupra cronologiei invaziei celte în Balcani, «Studii clasice», II, 1960, стр. 189 слл.). Ранее экспансия кельтского царства к северо-востоку значительно преувеличивалась (см. например, Г. К а ц а р о в, Келтите в стара Тракия и Македония, «Списание на Българската Академия на науките», кн. XVIII, 1919, стр. 54 слл., 64 слл.).

[65] P i p p i d i, Contribuţii..., стр. 32 слл.; Б л а в а т с к а я, Западнопонтийские города..., стр. 112 слл.

[66] P i p p i d i, Contribuţii..., стр. 172 слл.

[67] М. И. В я з ь м и т и н о в а, Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днепра, МИА, № 150, 1969, стр. 120—134. По-видимому, продвижение гетских поселений на восток не мешало кочевым скифам проникать в степь до самого Дуная; ср. Ш м а г л и й, Ч е р н я к о в, ук. соч., стр. 114.

[68] Датировка времени проникновения сарматов в Поднепровье и далее на запад не вполне ясна. Разумеется, не может быть речи о вытеснении ими скифов за Дунай во времена Атея (ср. T. T a l b o t R i c e, The Scythians, L., 1957, стр. 49; J. K a e r s t, Geschichte des Hellenismus, I, Lpz — B., 1927, стр. 256); скорее можно предполагать, что поражение Атея создало возможность для проникновения сарматов в Скифию (К. Ф. С м и р н о в, Савроматы, М., 1964, стр. 260—261; ср. Г р а к о в, Каменское городище, стр. 20—21). Однако начало массового продвижения сарматских племен в степи нынешней Украины фиксируется археологами около рубежа III—II вв. до н. э. (С м и р н о в, ук. соч., стр. 290; Г р а к о в, Каменское городище, стр. 28, 173; М. П. А б р а м о в а, Сарматские погребения Дона и Украины, СА, 1961, № 1, стр. 91 слл., 109 слл.; М. И. В я з ь м и т и н о в а, Культура населения нижнего Днепра после распада единой Скифии, СА, 1969, № 4, стр. 64 слл.).

[69] При вторжении сарматы, согласно Диодору (II, 43, 7; SC, I, 459), «опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню».

[70] О местоположении Певки см. P i p p i d i, Contribuţii..., стр. 366—370. К сожалению, новейшая работа о певкинах (S. K a u f m a n n, Die Peukiner und ihre Schicksale im Donauraum, «Salzburger Museum Carolino Augusteum», IX, 1963) осталась мне недоступной.

[71] Во всех соответствующих отрывках явственно выступает излюбленный мотив Посидония (Р о с т о в ц е в, Скифия и Боспор, стр. 137—138), а именно, образование смешанных народностей.

вущих в бассейне Нижнего Дуная. Согласно Страбону, к югу от Истра живут по направлению к Адриатике — иллирийцы, а по направлению к Понту и далее к Пропонтиде — геты, другие фракийцы «и некоторые смешавшиеся с ними скифские и кельтские племена» (Strabo, VII, 5,1; ср. VII, 4,12; SC, I, 117). Несколько ранее о гетах сказано, что они «постоянно переселяются на тот и другой берег Истра и смешались с фракийцами и мисийцами»; причину этих переселений Страбон видит в том, что «скифы, бастарны и савроматы часто одолевали их (в данном случае подразумеваются трибаллы), так что в погоне за вытесненными некоторые из них (т. е. из числа скифов, бастарнов и савроматов) даже переправлялись через реку и оставались жить или на ее островах, или во Фракии; другие, напротив, переселялись с этой (т. е. с южной) стороны реки, терпя притеснения, в особенности от иллирийцев» (VII, 3, 13; SC, I, 118). Если добавить, что скифы переправлялись с востока «за Тиру и Истр», отчасти силой, отчасти мирным путем занимая принадлежащие фракийцам болотистые земли Малой Скифии (VII, 4,5; 5,12; SC, I, 126), то приходится признать, что Страбон не только начертил новую диатесу племен Нижнего Подунавья и прилегающих частей Северного Причерноморья, но и попытался набросать историю ее формирования.

Для целей настоящего исследования было бы в высшей степени важно выяснить, когда именно сложилась, хотя бы в общих чертах, данная согласно Страбону картина размещения племен в занимающем нас районе. Как указывалось, непосредственными источниками для соответствующих разделов «Географии» были скорее всего утраченные для нас произведения Артемидора и Посидония. Оба черпали материалы не столько из личных наблюдений, сколько из произведений своих предшественников; должны ли мы, таким образом, считать рассмотренную выше диатесу отражающей реальное размещение племен конца II и начала I в. до н. э. или мы имеем основание считать ее сформировавшейся несколькими поколениями ранее и зафиксированной впервые источниками Артемидора и Посидония, как это предполагал М. И. Ростовцев[72]? Представляется, во всяком случае, что главные элементы известной нам в передаче Страбона диатесы действительно существовали в конце III и в первой половине II в. до н. э. Такой существенный момент, например, как наличие сарматских племен западнее Днепра, хотя и не находит прямого отражения в опубликованных до настоящего времени археологических материалах (а при кочевом быте сарматов такие материалы выявить не так-то просто), но получает некоторую поддержку в письменных источниках. Так, поздний рассказ Полиэна об Амаге (VIII, 56; SC, I, 568) восходит к хорошей эллинистической традиции, сложившейся, возможно, на основе северопонтийских материалов. Этот рассказ воспроизводит реальные события или, во всяком случае, реальную обстановку второй половины III в. до н. э.[73]: владения сарматского царя Медосакка достигают Черного моря (τῶν ἐπὶ τὴν Ποντικὴν παραλίαν καθηκόντων)[74]. Не менее существенно, что уже в 179 г. до н. э. сарматский правитель Гатал упомянут в числе союзников Понтийского царя Фарнака I при заключении последним мирного договора, завершившего продолжавшуюся около четырех лет войну про-

[72] Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 34—35; он же, Страбон как источник..., стр. 380.

[73] М. И. Ростовцев, Амага и Тиргатао, ЗООИД, XXXII, 1915, стр. 58—61; ср. он же, Скифия и Боспор, стр. 137—138; автор (а за ним В. В. Струве, Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии, М., 1968, стр. 179, 262, прим. 249) возводит этот эпизод едва ли не к труду херсонесского историка Сириска.

[74] А не Меотиды, как это пишет М. И. Ростовцев (Амага и Тиргатао, стр. 58), правильно, впрочем, помещающий центр этих владений недалеко от Перекопского перешейка (стр. 59).

тив царей Вифинии, Каппадокии и Пергама (Polyb. XXV, 2, 12; SC, I 444); в этом документе правитель европейских (τῶν κατὰ τὴν Εὐρώπην,— т. е. живущих западнее Дона) сарматов определен тем же титулом (ὁ δυνάστης), что и другой союзник Фарнака, Артаксий Армянский. Трудно допустить, что включение «сармата Гатала» (Γάταλος ὁ Σαρμάτης) в систему международных отношений эллинистического мира не имело за собой достаточно длительной предыстории. Чрезвычайно показательно, наконец, что после 170 г. до н. э. отпущенники и отпущенницы сарматского происхождения занимают прочное место в манумиссиях из Дельф (МИСГН, № 93—98), упоминаются в Аттике (там же, № 109) и на Родосе (там же, № 115). С другой стороны, сохраненное в перипле Псевдо-Скимна (frg. 103, v. 797; SC, I, 88) свидетельство Деметрия Каллатийского о «пришельцах-бастарнах» (Βαστάρναι τ'ἐπήλυδες), живущих неподалеку от устьев Истра рядом с фракийцами, и наличие в указанных дельфийских манумиссиях не только сарматов, но и бастарнов (МИСГН, № 88—89), которые занимали на рубеже III—II вв. до н. э. бассейны среднего Прута и Серета [75] и уже несколькими десятилетиями ранее продвинулись, надо полагать, к границам этого района [76], не позволяют сомневаться, что в основе сообщений Страбона лежит источник конца III или начала II в. до н. э.,— быть может, труд того же Деметрия.

Что касается упоминаемого Страбоном проникновения скифов на правый берег Истра, то у нас нет оснований относить его ни ко времени Атея, о котором географ вспоминает мимоходом совсем в другом месте [77], ни к началу II в. до н. э., когда составитель надписи в честь Агафокла пользуется уже термином «Скифия» как не требующим объяснения топонимом и когда связь между скифами Крыма и Добруджи вряд ли существовала. Если учесть, что ни рассмотренные нами письменные источники, ни археологические материалы не содержат точных данных о наличии постоянного скифского населения в Добрудже до III в. до н. э.[78], то мы должны будем согласиться, что Страбонова диатеса отражает черты действительности, более всего соответствующие результатам перемещения племен Северо-Западного и Северного Причерноморья, сложившимся к концу III или к началу II в до н. э. Косвенное указание на такую дату можно отыскать и у самого Страбона: безводная степь Южной Бессарабии названа в тех частях его сочинения, которые восходят при посредстве Артемидора к Деметрию Каллатийскому, «пустыней гетов» (VII, 3, 14; 17; SC, I, 118, 120) [79], но в тех местах, где в качестве источника определенно назван самим Страбоном труд перипатетика Стратона Лампсакского, составленный в первой

---

[75] R. V u l p e, Le problème des bastarnes à la lumière des découvertes archéologiques en Moldavie, «Nouvelles études d'histoire présentées au X Congrès des sciences historiques», Bucarest, 1955, стр. 103—119; Д. А. М а ч и н с к и й, К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поянешты-Лукашевка, «Археология стран Старого и Нового Света», М., 1966, стр. 82—96; о времени проникновения ранних бастарнов в Молдавию см. E. C o m a n, O piesă de podoabă germanică descoperită în jud. Neamţ, SCIV, XIX, 1968, № 3, стр. 527—530; ср. также M. B a b e ş, I. U n t a r u, Der früheste Laténzeitliche germanische Fund aus der Moldau—der Kronenhalsring von Davideni, «Dacia», XIII, 1969, стр. 283—290.

[76] В прологе XXVIII книги Помпея Трога Bastarnici motus помещен между событиями 230—229 гг. до н. э.; N i d e r l e, ук. соч., стр. 292; ср. L. S c h m i d t, Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung, I, München, 1934, стр. 87—88.

[77] Об этом сообщении (S t r a b o, VII, 3, 18; SC. I, 121) см. Д. П. К а л л и с т о в, Свидетельство Страбона о скифском царе Атее, ВДИ, 1969, № 1, стр. 124 слл.

[78] G. S t e f a n, Contribuţii arheologice la cunoaştorea dacilor din Dobrogea de nord, Studii şi referate privind istoria României, I, 1954, стр. 29—40; ср. выше, прим. 56—59.

[79] Нельзя согласиться с голословным утверждением о том, что это название возникло только после Биребисты (R u s s u, ук. соч., стр. 135, прим. 25).

половине III в. до н. э., на том же месте помещена «пустыня скифов» (I, 3,7; ср. I, 3, 4; SC, I, 97). Наконец, не лишено значения и то, что Аполлоний Родосский, современник Птолемея Евергета (247—221 гг. до н. э.), независимо от Страбона и его источников уже знает близ устьев Истра «смешанных с фракийцами скифов» (Argon. IV, 320; SC, I, 423: Θρήιξιν μιγάδες Σκύθαι; ср. XV, 309 слл.)[80].

Возвращаясь к уточнению содержания термина «Скифия» в рассматриваемой истрийской надписи, отметим, что его обычно понимают как обозначение всей нынешней Добруджи [81]. Следует, однако, напомнить современные этому документу свидетельства хорошо осведомленного о своем родном крае Деметрия Каллатийского (его ἀκμή датируется примерно рубежом III и II вв. до н. э.), сохраненные составителем ямбического перипла, известного под именем Скимна Хиосского [82]. Здесь мы находим кроме приведенного выше указания на присутствие вблизи устьев Дуная «пришельцев-бастарнов» еще несколько ценных сообщений. Так, город Одесс окружен, по словам перипла, фракийским племенем кробизов, тогда как вокруг города Томи обитают скифы (ὑπὸ Σκυθῶν κύκλωι δὲ περιοικοῦμενοι); в окрестностях Дионисополя между этими народами проходит граница (Ps. Scymn., frg. 97—98, 101, vv. 750, 756, 766; GGM, I, 226—227). Если принять во внимание, что не только в римское время (известная ὁροθεσία Лаберия Максима именно устанавливает fines Histrianorum)[83], но по крайней мере уже в середине III в. до н. э. города западнопонтийского побережья имели четко очерченные пределы подвластных им сельских территорий [84], то нельзя не признать, что и выражение τὰ μεθόρια в тексте перипла есть terminus technicus, отличающийся достаточной определенностью в государственно-правовом отношении. Это тем более важно, так как в декрете в честь Агафокла неоднократно повторяемый термин χώρα (стки. 10, 13, 25—26, 30, 32, 33, 42, 44, 48, 53) всегда имеет вполне конкретный смысл, определяя принадлежащий городу сельскохозяйственный округ. Термин πόλις, обозначающий в некоторых случаях «город» (в отличие от хоры, стки. 10, 32, 44)[85], в остальных местах документа (стки. 4—5, 6, 8, 24—25) употребляется со значением «организованная община граждан», «государство» (причем как в общественно-правовом, так и в географически-пространственном смысле)[86]. Именно последнее из указанных значений имеет указанный термин и в тех строках (стки. 15 сл.), где идет речь о вторжении фракийцев εἰς τὴν Σκυθίαν καὶ τὰς Ἑλληνίδας πόλεις,— ведь воины Золта не овладели ни одним городом, они только осаждали Бизону и угрожали Истрии (стк. 25). Но в таком случае следует признать, что топоним «Скифия» отличается составителем декрета от территорий,

[80] Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 32, прим. 1.

[81] «Toute la Dobroudja portait le nom simple de Scythie», утверждает, к примеру, Ламбрино (Décret d'Histria ..., стр. 190), имея в виду терминологию декрета; так же считают другие румынские ученые (Pippidi, Contribuţii..., стр. 211; Alexandrescu, Ataias, стр. 90 и др.).

[82] Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 26—28, 32—33, 37—38.

[83] SEG, I, № 329, ср. Pippidi, Contribuţii. ., стр. 349 слл.

[84] Это следует из слов Мемнона (frg. 13; FGH, III B. 434), указывающего на такую границу между городскими территориями Каллатии и Томи (ср. Pippidi, Contribuţii..., стр. 155; Pippidi, Berciu, Geţi şi greci ..., стр. 197—198). Замечание Мемнона относится ко времени войны греческих городов Добруджи против Византия, которую относят к середине III в. до н. э. (например, ко времени около 264—255 гг.; ср. В. П. Невская, Византий в классическую и эллинистическую эпохи, М., 1953. стр. 139).

[85] Такое противопоставление города и хоры прослеживается и в более позднем истрийском декрете в честь Аристагора (SIG, II[3], № 708, стки. 8—9, 14, 15, 28, 32—33).

[86] H. G. Liddell, R. Scott, Greek-English Lexicon, 7 ed., Oxf., 1890, s. v. Позднейшие латинские надписи Добруджи передают это понятие словами civitas (CIL. III. № 769, 14450) или res publica (там же, № 7537, 7539, 12493).

входящих в состав τῶν πόλεων (в смысле «государство», «страна»); иными словами, αἱ Ἑλληνίδαι πόλεις, подчиненные верховной власти царя Ремакса (разумеется, включая их χῶραι)[87], не осознавались современниками и участниками описанных в декрете событий как составные части Скифии [88].

Область, занятая переселявшимися из-за Тираса и Истра скифами на правом берегу Дуная, определена Страбоном как страна, имеющая плохую почву и к тому же болотистая (VII, 4, 5; 5,12; SC, I, 126); подразумеваются, очевидно, нижнедунайские плавни, которые и образуют ее северную и западную границы. На юге рубеж между скифами и кробизами проходил во времена Деметрия недалеко от Дионисополя (Ps. Scymn., frg. 98, vv. 756—757); речь должна идти, как полагают, о долине реки Батова (Zyras amnis Плиния), т. е. о той местности, где безводные степи Добруджи начинают переходить в лесистую предбалканскую возвышенность [89]. Восточная граница этой Скифии проходила на рубеже III—II вв. до н. э., согласно сказанному, не по морскому берегу (за исключением некоторых пунктов [90]), а несколько отступя от него, т. е. там, где оканчивались владения припонтийских городов, другими словами, их хоры. Такая сложность очертаний рассматриваемой восточной границы задунайской Скифии в занимающее нас время связана с тем, что она была не только географическим понятием, но и политически организованным целым. Об этом позволяет судить найденная еще в XVI в., но впоследствии утерянная надпись из Одесса, в которой упомянут некий антиохиец, отправившийся παρὰ βασιλεῖ Σκυθῶν Κανίτα и оказывавший при этом материальную помощь и всяческую поддержку прибывавшим к царю гражданам [91]. Монеты Канита и его преемников [92], нередко встречающиеся во многих местах от Одесса до Томи, на Левке, в Тире, в Ольвии и даже в Крыму [93], также свидетельствуют о существовании в Добрудже государства, а так как в декрете Канит определенно назван царем скифов, то попытку отнести его

[87] В надписи, кроме многочисленных упоминаний об истрийской хоре, названа также хора Бизоны (стки. 25—26).

[88] Это отметил (не приводя, впрочем, никакой аргументации) уже И. Руссу (ук. соч., стр. 140). Добавим к сказанному в тексте, что и согласно Страбону (VII, 4,5; SC, I, 126) только «значительная часть» занятой скифами территории на правом берегу Дуная получила название Малой Скифии.

[89] V u l p e, Histoire ancienne de la Dobroudja, стр. 56 сл.; ср. P. K r e t s c h m e r, Scythia Minor, RE, II-A, 1923, стб. 946.

[90] Это следует из слов Плиния (IV, 44; SC, II, 169), называющего среди скифских городов (oppida) Афродисиаду, являющуюся, согласно Стефану Византийскому, приморским городом в Скифии (SC, I, 255), а также Партенополь, который, судя по указанию Евтропия (VI, 10), находился между Томи и Каллатией и, наконец, Геранию (на берегу севернее Варны); ср. R. V u l p e, Gerania, Cranea, Ecrené, «Balcania», VI, 1943, стр. 14—24; J. W e i s s, Die Dobrudscha im Altertum, historische Landschaftskunde, Sarajewo, 1911, стр. 24—25. В римское время Скифией именуется, согласно периплам, именно прибрежная полоса от Истрии до Аполлонии (A r r i a n, Per. 36 M., Ps. A r r i a n, Per. 87 M; ср. P l i n., III, 149; SC, I, 400, 421; II, 169); при Диоклетиане провинция Scythia охватывала всю Добруджу (R. V u l p e, I. B a r n e a, Romanii la Dunărea de jos, Bucureşti, 1968, стр. 370 сл.).

[91] IGB, I, № 41. Нельзя согласиться, будто обломок другой надписи из Варны (там же, № 42) является копией того же декрета и может быть использован для уточнения его хронологии (P i p p i d i, Contribuţii..., стр. 152, прим. 107), так как тексты документов не идентичны (лишь в одном указано, что плита должна быть выставлена в святилище Самофракийских богов).

[92] K. R e g l i n g, Charaspes, «Corolla numismatica in Honour of B. V. Head», Oxf., 1905, стр. 259—265; V. C a n a r a c h e, Monetele scitilor din Dobrogea: SCIV, I, 1950, стр. 213—253; Т. Г е р а с и м о в, Монети от Канит, Тануза, Харасп, Акроза и Сария, ИВАД, IX, 1953, стр. 53—58.

[93] C a n a r a c h e, ук. соч., таблица на стр. 255 и карта (на вклейке); П. О. К а р ы ш к о в с к и й, Монеты западнопонтийских династов, найденные в Северном Причерноморье, СА, 1962, № 4, стр. 55—58.

монеты (равно как и тесно связанные с ними стилем и общностью многих типов монеты других царей) к какому-то неизвестному гетскому политическому образованию на правом берегу Дуная [94] следует признать лишенной серьезных оснований. Такой вывод подтверждается также и иранской (resp. скифской) принадлежностью имен всех царей, чеканивших упомянутые монеты [95]. Эти последние относятся ко II, быть может, отчасти к самому концу III или к первому десятилетию I в. до н. э., но и в эту эпоху, как показывают археологические материалы (ср. выше, прим. 78 и 56), скифы не составляли численно преобладающей части населения Добруджи [96], получившей свое имя, по-видимому, не только в результате их государственно-политической организованности, но и вследствие сходства природных условий с собственно скифскими степями [97]. Мы не располагаем, к сожалению, данными о конце этого скифского царства, которое вряд ли пережило краткий подъем гетского могущества при Биребисте; однако остатки скифского населения существовали в этом районе еще в I в. н. э. (Plin., III, 149; IV, 41; SC, II, 169) [98].

Предположение об относительной немногочисленности укрепившихся в Добрудже скифов, отмеченные Плинием черты их быта (наличие городов, хлебопашество как основное занятие), наконец, систематическая чеканка монеты позволяют, как представляется, объяснить доброжелательное отношение их правителей к греческим городам побережья, вырисовывающееся при сравнении декрета граждан Одесса в честь ездившего к Каниту антпохийца с истрийскими надписями, упоминающими гетских вождей Залмодегика или Золта. Не лишено значения и то, что монеты с именами Канита и его преемников не только изготовлялись (в отличие от упомянутых выше монет Москона, ср. прим. 63), на монетных дворах греческих городов и, без сомнения, греческими мастерами, но и отмечались именами городских магистратов (APIΣ, BAK, ANΔPO, EY и др.). Так как местами их чеканки были Томи, Каллатия, Дионисополь и Одесс [99], а монеты выпускались на протяжении многих десятилетий, то и они могут указывать на то, что имевшие в лице фракийцев (и бастарнов) общих врагов скифы и греки Добруджи стремились к установлению дружественных или, по крайней мере, не враждебных отношений. Такое предположение подтверждается и активным участием скифов в вооруженной борьбе греческих городов как против Лисимаха в 313 г. до н. э. (Diod., XIX, 73, 2), так и против римского военачальника Антония Гибриды, коллеги Цицерона по консулату, в 62 г. до н. э. (Cass. Dio, XXXVIII, 10, 3),— т. е. в начале и в конце занимающего нас периода. Но в таком случае, не являлись ли немногочисленные и дружественные грекам скифы Добруджи теми безымянными варварами, которые, согласно декрету в честь Агафокла (сткк. 43—44), искали защиты за стенами Истрии и были готовы с оружием в ру-

[94] D. T a c c h e l l a, Cinque rois des gètes, «Revue numismatique», 4 серия, т. VII, 1903, стр. 31—39.

[95] R e g l i n g, ук. соч., стр. 263; ср. Л. И. Т а р а с ю к, Имена царей Малой Скифии на монетах из Добруджи, КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 22—30. Скифская принадлежность таких топонимов, как Zaldapa, Asanpaeus и Calabaeus (V u l p e, Histoire ancienne de la Dobroudja, стр. 57), равно как и упоминаемых Плинием (IV, 44) «скифских городов» Libistus, Rhocobae и Zygere, вызывает сомнения.

[96] Возможно, что монеты чеканены скифскими царями, захватившими власть над частью гетов, см. А. В. О р е ш н и к о в, Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья, М., 1915, стр. 9—10; Д. Б. Ш е л о в, Западное и Северное Причерноморье, «Античное общество», М., 1967, стр. 222.

[97] W e i s s, ук. соч., стр. 2—3; R. V u l p e, Dobrogea meridională în atichitaţi, «Analele Dobrogei», XIX, 1938, № 2, стр. 10—11.

[98] Ср., однако, замечание того же Плиния (IV, 81; SC, II, 172): Scytharum nomen usquequaque transit in Sarmatas atque Germanos etc.

[99] Кроме упомянутой выше (прим. 92) литературы см. М. М и р ч е в, Към въпроса на мястото на сеченето на скитските монети, ИВАД, XII, 1961, стр. 132.

ках выступить против фракийцев Золта вместе с гражданами? Такая мысль не должна казаться недопустимой, так как в это самое время и обитавшие неподалеку от Ольвии скифы точно так же стремились укрыться за городскими укреплениями при известии об угрозе нашествия галатов и скиров [100].

Здесь уместно напомнить, что обе занимающие нас надписи не знают еще на Нижнем Дунае бастарнов [101]. Немецкие ученые видят, правда, отождествляемых ими в большинстве случаев с германцами бастарнов в галатах декрета в честь Протогена [102], но такое отождествление весьма маловероятно. Трудно, в частности, допустить, что составители документа, называя бастарнов галатами, тут же присоединили к ним в качестве особого племени скиров [103]: либо в их словоупотреблении термин Γαλάται объединял всех вообще северных варваров [104], либо — и это представляется более вероятным — перед нами этнические термины одного уровня, т. е. «галаты» — такое же конкретное обозначение одной части угрожавших Ольвии варваров, как «скиры» другой; ведь ольвиополиты узнали о союзе и военных приготовлениях этих племен от перебежчиков (B, 5: τῶν δε αὐτομόλων ἐπαγγελλόντων), которые, естественно, обозначали своих вчерашних друзей их живыми самоназваниями, а не условно-литературными наименованиями [105].

Отрицая, таким образом, прямое отождествление галатов или скиров декрета с бастарнами, притом независимо от германской или кельтской принадлежности последних, мы все же полагаем, что само появление галатов и скиров в поле зрения жителей далекого припонтийского города может найти объяснение все-таки только в связи с передвижением бастарнов: галаты и скиры ольвийской надписи были сдвинуты со своих насиженных мест, надо полагать, именно при переселении бастарнов с далекого Северо-Запада к берегам Дуная. Вблизи от дельты Дуная их помещает как новопоселенцев (ἐπήλυδες) Деметрий, писавший на рубеже III—II вв. до н. э. Но если интересы основного ядра переселенцев, т. е. самих бастарнов, были устремлены на юг, куда они двигались по путям, проложенным столетием ранее кельтами Бренна, и в 80-х годах II в. до н. э. перешли Дунай, чтобы в союзе с Персеем Македонским обрушиться

[100] IOSPE, I², № 32 B, 5 слл. Еще Гутшмид правильно указал, что имеются в виду остатки некогда могущественного племени, жившего в эту эпоху западнее Ольвии (A. Gutschmid, Kleine Schriften, III, Lpz, 1892, стр. 444).

[101] Для целей настоящего исследования вопрос об их этнической принадлежности не имеет первостепенной важности; обзор историографии этого спорного вопроса см. Э. Мади, Припонтийские кельты, «Античное общество», М., 1967, стр. 179 слл.; прежнюю литературу см. также Niderle, ук., соч., стр. 290.

[102] K. Müllenhoff, Deutsche Altertumskunde, II, B., 1887, стр. 110—112; E. Sehmsdorf, Die Germanen in den Balkanländer, Lpz, 1899, стр. 4—8; O. Bremer, Ethnographie der germanishen Stämme, Strassburg, 1904, стр. 46, 57, 93. Позднейшие авторы обычно ссылаются на подробное обоснование этого тезиса Штегелином (F. Stähelin, Der Eintritt der Germanen in die Weltgeschichte, «Festschrift zum 60. Geburtstage von Th. Plüss», Basel, 1905, стр. 46—56); стр. также O. Fiebiger, Zur Geschichte der Bastarner, BÖJh, XIV, 1911, стб. 61—76; P. Kretschmer, Sciri, RE, II-A, 1923, стб. 824; C. Patsch, Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa, V, 1, Wien, 1932, стр. 5—7, 21—23; Schmidt, ук. соч., стр. 88; E. Petersen, Die Bastarnen und Skiren, «Vorgeschichte der deutschen Stämme», III, B., 1940, стр. 925.

[103] Попытка выйти из положения путем отождествления с бастарнами не галатов, а скиров декрета (R. Much, Deutsche Stammsitze, Halle a/S, 1892, стр. 46—47; вскоре автор отказался от этой натянутой гипотезы), поддержана в наше время, причем скиров теперь считают сидонами Страбона; см. M. Babeș, Noi date privind arheologia și istoria bastarnilor, SCIV, XX, 1969, № 2, стр. 214.

[104] Греческие авторы именуют бастарнов галатами до конца II в. до н. э., см. M. Ihm, Bastarnae, RE, III, 1897, стб. 110.

[105] Латышев, ук. соч., стр. 79; R. Much, Die Südmark der Germanen, «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», XVII, 1893, стр. 35; Браун, ук. соч., стр. 100—103; Niderle, ук. соч., стр. 307—308.

на беззащитную Грецию [106], то двигавшиеся вместе с ними (вслед за ними или даже перед ними) галаты, заключив уже на местах своих новых поселений союз со скирами [107], попытались вознаградить себя за счет ольвиополитов и их соседей [108]. Не касаясь здесь дальнейших судеб бастарнов, отметим, что неподалеку от той их ветви, которая осела на острове Певке в устьях Дуная и стала называться певкинами (Strabo, VII, 3,15; 17; SC, I, 119, 120) [109], пользовавшийся большим числом утраченных для нас источников Птолемей упоминает неких британлагов (III, 10,7; SC, I, 235: Βριτολάγαι с рукописными вариантами Βριτολάγγαι, Βριτόλαγαι, Βριττόλαγαι и даже Βριτολάται и Βριτογάλλοι) [110], в земле которых находятся города Новиодун (III, 10,5; современная Исакча на правом берегу Дуная) и лежащий, согласно приписке одного из лучших кодексов Птолемеевой «Географии» (cod. Vat. 191), напротив последнего (ἀπέναντι Νοουιδούνου πέραν τοῦ Δανούβεως ποταμοῦ) Алиобрикс [111]. И этноним британлагов, и названия обоих их городов не оставляют сомнения относительно кельтской принадлежности этого племени [112], а поскольку старое мнение о том, что приведенная выше кельтская топонимия в устьях Дуная связана с дальними походами кельтов из Тиле [113], опровергается весьма скромными масштабами их проникновения в северо-восточном направлении (ср. выше, прим. 64), и к тому же декрет в честь Протогена твердо датируется в настоящее время концом III или началом II в. до н. э. (ср. выше, прим. 11), становится вполне вероятным, что упоминаемые в декрете галаты могут быть сопоставлены с британлагами Птолемея [114].

Если в конце III или в начале II в. до н. э. северными соседями граждан Истрии действительно были галаты (британлаги), нашествия которых опасались даже более отдаленные ольвиополиты, то трудно было бы допустить, что они, контролируя одну из важнейших переправ через Ниж-

[106] P a t s c h, ук. соч., стр. 5—26 и др.; ср. F. W. W a l b a n k, Philip V of Macedon, Cambr., 1940, стр. 236—238, 314—318; A. J. R e i n a c h, Delphes et les bastarnes, BCH, XXXIV, 1910, стр. 265—295; А. В. Никитский, Римляне о царе Персее, ЖМНП, новая серия, ч. II. 1906, кн. 4, отд. классич. фил., стр. 174—210.

[107] При совместном движении к новым местам такой союз сложился бы давно и не был бы неожиданностью для ольвиополитов.

[108] Б р а у н, ук. соч., стр. 119, 164.

[109] Во II—IV вв. н. э. термин Peucini утратил мало-помалу свое этнически-определенное содержание; см. N. G o s t a r, Lupta populaţiilor de la gurile Dunării împotriva autorităţii romane, «Analele ştiinţifice ale Universităţii Al. I. Cuza din Iaşi», новая серия, секция 3, т. VII, 1961, стр. 1—10.

[110] Разночтения даются по Мюллеру (Claudii P t o l e m a e i Geographia e codicibus recognovit Car. M u e l l e r, I, 1, Parisis, 1883, стр. 463, прим. 2; стр. 468, прим. 1; стр. 469, прим. 6).

[111] Т а м ж е, стр. 468, прим. 1; ср. N i d e r l e, ук. соч., стр. 308.

[112] A. H o l d e r, Alt-celtischer Sprachschatz, I—II, Lpz, 1896—1904, s. vv.; ср. M u c h, Die Südmark der Germanen, стр. 34—36; Б р а у н, ук. соч., стр. 126—129; N i d e r l e, ук. соч., стр. 309.

[113] Можно указать еще Καρρόδουνον на Днестре (P t o l., III, 5, 15; SC, I, 233) и Κέλτρος λίμνη у Ликофрона (Alex. 189, или Κελτική λίμνη у Евксинского Понта, согласно комментариям Цеца, SC, I, 398, 402, 403). О походах кельтов из Тиле к Дунаю см., например, К а ц а р о в, ук. соч., стр. 67 (и литература в прим. 6).

[114] Так считали (за исключением Вейсса, полагавшего, будто Новиодун является римским кастелем, основанным кельтским вспомогательным отрядом), начиная с Ф. А. Брауна (ук. соч., стр. 103, 129—131, 164—165), многие ученые; ср. N i d e r l e, ук. соч., стр. 309—310; E. H. M i n n s, Scythians and Greeks, Cambr., 1913, стр. 125—126 (стр. 460, прим. 4); Ф. С л ю с а р е н к о, Грецько-скитські взаємовідносини II ст. перед Хр., «Науковий ювілейний збірник Українського університету в Празі, присвячений проф. Т. Г. Масарикові для вшанування 75-их роковин його народження», Прага, 1925, стр. 272—273. Вопрос о скирах декрета здесь не рассматривается; заслуживает внимания предположение о том, что они жили в «углу», образуемом течениями Дуная и Прута и упоминаются Иорданом (Get. 272) как Angisciri (А. Н. В е с е л о в с к и й, Из истории древних германских и славянских передвижений, ИОРЯС, V, 1900, вып. 1, стр. 20).

ний Дунай и даже владея таким опорным пунктом, как Новиодун на правом берегу реки, не замечали Истрии и других греческих городов побережья Добруджи. С другой стороны, отношения, существовавшие между родным городом Агафокла и царем Ремаксом очень близко напоминают порядки, установившиеся на юго-востоке Фракии после образования кельтского царства со столицей в Тиле: под угрозой опустошения хоры византийцы были вынуждены платить Комонторию и его преемникам сначала более или менее регулярные δῶρα в размере двух-трех тысяч золотых статеров, а затем и все увеличивающийся φόρος, достигший накануне падения кельтского господства 80 талантов, т. е. 24 000 золотых (Polyb., IV, 45—46) [115]. В связи с этим нелишне напомнить, что в надписи в честь Агафокла нет никаких данных о том, какую народность возглавлял Ремакс, чьи владения могут быть локализованы, как показано выше, к северу или к западу от Нижнего Дуная. Второе из этих допущений представляется все же менее вероятным: признавая Ремакса царем гетов на территории современной Восточной Валахии или Южной Молдавии [116], нельзя упускать из виду, что водный путь к царю оказался бы не только значительно более продолжительным, но и гораздо более опасным, чем сухопутный,— ведь пришлось бы плыть против течения через владения галатов, одно известие о готовящемся нападении которых привело в движение племена, жившие вокруг Ольвии, многие из граждан которой, в свою очередь, «впали в отчаяние и приготовились покинуть город» (IOSPE, I², № 32 B, 5—15). С другой стороны, помещая царство Ремакса в южной части Дунайско-Днестровского междуречья, необходимо поставить вопрос, не являлся ли этот могущественный и враждебный фракийцам (resp. гетам) Золта правитель царем галатов (т. е., согласно сказанному, кельтов-бритолагов) [117], которые в таком случае обладали в период между падением кельтского царства на Балканах (около 216 г. до н. э.) и переходом бастарнов через Дунай (179 г. до н. э.) гораздо более заметным влиянием на историю народов Северо-Западного Причерноморья, чем это можно предполагать и по беглой заметке Птолемея, сохранившего их племенное имя от забвения, и по кельтским древностям этого края, лишь в самое последнее время привлекшим внимание археологов [118]. Такому заключению не противоречат и те наблюдения, которые возможны над скудным материалом, доступным для лингвистического анализа [119].

[115] P i p p i d i, Contribuţii..., стр. 46 сл., 173 сл., 199 сл.; ср. также Н е в с к а я, ук. соч., стр. 137 слл.

[116] Кроме указанных выше (прим. 33) работ. см. C o n d u r a c h i, ук. соч., стр. 47; I. S t o i a n, Tomitana, Bucureşti, 1962, стр. 24; C. D a i c o v i c i u, La Transylvanie dans l'antiquité, Bucarest, 1945, стр. 45; N. I o r g a, Istoria Românilor, I, 1, Bucureşti, 1936, стр. 230; ср. также B e n g s t o n, ук. соч., стр. 23; J. et L. R o b e r t, ук. соч., REG, LXXV, 1962, стр. 188; Б л а в а т с к а я, Западнопонтийские города..., стр. 151.

[117] С. Ламбрино указывает на возможность отнесения Ремакса к правителям кельтского или даже бастарнского происхождения, но считает ее слишком шаткой (Décret d'Histria..., стр. 202, 203).

[118] Во II в. до н. э. в Причерноморье появляются неизвестные ранее (и резко отличные от памятников, связываемых с бастарнами, ср. прим. 75) предметы кельтского вооружения, конского убора, амулеты и т. п., которые могли бы сопоставляться с появлением галатов декрета в честь Протогена или всадников Ремакса (Ю. В. К у х а р е н к о, Распространение латенских вещей в Восточной Европе, СА, 1959, № 1, стр. 42; ср. стр. 31 слл., 44 слл.).

[119] Так как имя сына Ремакса дополнено издателем (за сохранившимися буквами ΦΡΑ может читаться Α, Δ, Λ или Μ — L a m b r i n o, Décret d'Histria..., стр. 186,— а Фрадмон — это известное греческое имя, ср. W. P a p e, C. B e n s e l e r, Wörterbuch der griechischen Eigennamen, II, Braunschweig, 1884, s. v.), то мы располагаем лишь именем самого царя (где греческое окончание -ξος нельзя, разумеется, рассматривать как -ξαις в именах скифских родоначальников, ср. R u s s u, ук. соч., стр. 137). Укажем на Балканах личное имя Ῥοῖμος (IGB, III, № 1115; IV, № 2015, 2212) и топонимы Rimesica и Remesiana, а из территориально отдаленных этноним Ῥῆμοι в Галлии (S t r a b o, II, 3,5); ср. H o l d e r, ук. соч., II, s.v.

Ю. К. Колосовская

РОЛЬ ИТАЛИЙСКИХ ОТПУЩЕННИКОВ В РОМАНИЗАЦИИ ПАННОНИИ

В РОМАНИЗАЦИИ дунайских провинций Римской империи главная роль обычно отводится ветеранам и колониям ветеранов. Но среди населения колоний ветеранов мы неизменно встречаем отпущенников, поселение которых в отдельных областях Империи начало задолго до того как стали основываться колонии ветеранов. Италийские отпущенники начали селиться в провинциях — сначала преимущественно в восточных — уже в период поздней Республики. Как известно, среди италийских торговцев, уничтоженных Митридатом в Малой Азии, было немалое число отпущенников (App. Mithr. 22; 23). Посылать отпущенников в провинции с целью обогащения господ, а заодно и самих отпущенников считалось обычным и естественным, как об этом свидетельствует Цицерон и на что обратила внимание в нашей литературе Е. М. Штаерман[1].

Но в то время как для поздней Республики можно говорить лишь о временном — более или менее длительном — пребывании италийских отпущенников в провинциях, с начала Империи переселение отпущенников в провинции принимает стабильный характер и происходит если и не всегда по прямой инициативе императорской власти, то во всяком случае с согласия и при поддержке провинциальных властей. Выведение отпущенников в качестве колонистов практиковал, как известно, Цезарь. Он поселил в Коринфе беднейших отпущенников из Италии (Strabo, VIII, 6, 23) и основал три колонии отпущенников в Далмации — в Салоне, Нароне и Эпидавре, куда в 47—44 гг. до н. э. были выведены италийские отпущенники и люмпен-пролетариат[2]. Ни в одном из этих городов не были поселены ветераны; колонии ветеранов в Далмации появились при Тиберии и Клавдии[3]. Италийские отпущенники и их потомки в течение первых двух веков н. э. представляли в городах Далмации господствующий слой населения.

Италийские отпущенники приняли самое деятельное участие и в колонизации провинций Среднего Дуная. Поток италийских отпущенников

---

[1] Е. М. Штаерман, Расцвет рабовладельческих отношений в римской республике, М., 1964, стр. 146—147.

[2] Géza Alföldi, Bevölkerung und Gesellschaft der römischen Provinz Dalmatien, Budapest, 1965, стр. 102—103, 134—137, 139—140, 184; J. J. Wilkes, Dalmatia, L., 1969, стр. 221—224, 234—235, 247—250, 252—253.

[3] Alföldi, Bevölkerung..., стр. 105, 108—109, 135—136, 140; Wilkes, ук. соч., стр. 231, 248.

шел, главным образом, из Северной Италии — из Аквилеи и через Аквилею. Эта римская колония, основанная в 181 г. до н. э. на землях племени венетов, стала центром экономического проникновения римлян в области севернее и восточнее Альп. Римские купцы, как это неоднократно отмечалось в литературе, появились здесь задолго до того как эти области были завоеваны силой оружия. Через Аквилею шла торговля с паннонскими и другими иллирийскими племенами, а также с дунайскими кельтами. Аквилейские торговцы поставляли бронзовые и керамические (terra sigillata) изделия, предметы роскоши и вино, получая в обмен за это рабов, скот и кожи (Strabo, V, 1, 8). Товары из Аквилеи доставлялись по суше и по рекам. В Аквилее кончался знаменитый «янтарный путь», которым с берегов Балтики приходил в Рим янтарь. Этот путь шел через паннонские города — Карнунт, Скарбанцию, Саварию, Петовион и Эмону. Важнейшей торговой дорогой была также река Сава; лежащие на Саве Сиския и Сирмий были центрами торговли дунайских племен с Италией уже в конце II в. до н. э.[4].

Необыкновенная экономическая активность некоторых богатых торговых домов Аквилеи, отпущенники которых проникли во все дунайские провинции, способствовала закреплению этих отпущенников в городах сначала в качестве агентов и доверенных лиц своих патронов, а затем и в качестве владельцев своих собственных предприятий. Как показал А. Домашевский, отпущенники Барбиев — могущественного торгового дома Аквилеи — встречены в надписях из всех важнейших городов дунайских провинций и мест пересечения дорог. Особенно много Барбиев в надписях Норика, где отпущенники этого дома появились еще при Сулле[5]. Значительным торговым домом Аквилеи были также Стации, свидетельств о которых меньше, но которые играли, очевидно, весьма значительную роль в торговле не только дунайских провинций, но и самой Италии[6]. Помимо Барбиев и Стациев, в Аквилее действовал также не менее значительный торговый дом Цезерниев. Эти известные торговые семьи достигли большого социального подъема во II в. В правление Антонина Пия, в 140 г. член семьи Барбиев Марк Барбий Эмилиан был консулом[7]. Фрагментарная надпись из Аквилеи сохранила сведения о начале сенаторской карьеры некоего Барбия Фульвия Эмилиана. Родовое имя Фульвия, как отмечал Пфлаум, указывает на родство с сенаторской семьей Фульвиев Эмилианов, первое появление которых датируется правлением Антонина Пия — Марка Аврелия[8]. Пфлаум полагает, что из семьи Барбиев происходила жена императора Александра Севера — Гнейя

[4] S. P a n c i e r a, Vita economica di Aquileia in etá Romana, Aquileia, 1957, стр. 19, 76—78, 80—81, 86, 95 слл. К сожалению, мне осталась недоступной работа: A. C a l d e r i n i. Aquileia Romana, Milano, 1930; см. также A. M ó c s y, Die Bevölkerung von Pannonien bis zu den Markomannenkriegen, Budapest, 1959, стр. 94 слл.

[5] A. V. D o m a c z e w s k i. Die Beneficiarposten und die römische Strassennetze, «Westdeutshe Zeitschrift für Geschichte und Kunst», 21, 1902, стр. 159 слл.; P a n c i e r a, ук. соч., стр. 95—99.

[6] P a n c i e r a, ук. соч., стр. 99—100. Один из отпущенников Стациев] Луций Стаций Онесим в течение многих лет торговал на Аппиевой дороге, по которой проходила торговля с Южной Италией. Выразительная эпитафия этого Стация заслуживает того, чтобы быть приведенной полностью (CIL, VI, 9663 = ILS, 7518): «Богам Манам. В этой гробнице покоится бездыханное тело, дух которого нашел прибежище среди богов, ибо он этого заслужил — Луций Стаций Онесим, в течение многих лет торговавший на Аппиевой дороге, честнейший человек, память о котором пребудет навечно, который прожил без единого пятнышка около 68 лет. Стация Кресцентина, жена, мужу, достойнейшему и заслуживающему похвалы, с которым прожила в добром согласии, без взаимных обид, соорудила [этот памятник]».

[7] H. G. P f l a u m, Un nouveau diplôme militaire accordé a un marin de Lycie, «Revue archéologique», 41, 1953, ч. I—III, стр. 70.

[8] CIL, V, 864; P f l a u m, Un nouveau diplôme militaire..., стр. 75—76.

Сейя Геренния Саллюстия Орба Барбия Орбиана. Ко времени конца I — первой половины II в. восходит блестящая карьера лиц из семьи Цезерниев. По-видимому, к этому времени они находились в родстве со Стациями. Известен Тит Цезерний Стаций Квинкций Македон, римский всадник, которого называет надпись из Сирмия конца I в. н. э. Он был прокуратором Верхней Мезии при Домициане и прокуратором Мавретании Цезарейской при Траяне, в 107 г. [9]. Его сыновья — Тит Цезерний Стаций Квинкций Македон Квинкциан и Тит Цезерний Стаций Квинкций Стациан Меммий Макрин — были сенаторами и консулами в 141—142 гг. Цезерний Стациан командовал верхнепаннонским легионом XIV Gemina [10].

Деятельность этих торговых домов Аквилеи в дунайских провинциях приходится, главным образом, на I в. н. э. От этого времени происходит большинство свидетельств об отпущенниках или их потомках с nomina Цезерниев, Стациев, Барбиев из Паннонии, которых мы находим преимущественно в городах вдоль «янтарной дороги». В предлагаемой статье будет рассмотрена эта группа надписей, а также надписи с nomen Каниев аквилейского происхождения и надписи отпущенников и их потомков с nomina Петрониев, Ювенциев, Тициев североиталийского происхождения. Объединение этих надписей в одну группу даст нам возможность проследить судьбу некоторых отпущеннических семей в провинции на протяжении веков и увидеть ту роль, которую играли североиталийские отпущенники, а затем их паннонские потомки в романизации провинции.

Следует, однако, сделать несколько предварительных замечаний. Прежде всего, мы не можем безусловно настаивать на том, что, встречая в надписях I — III вв. лиц с указанными nomina, мы всякий раз имеем дело непременно с потомками интересующих нас отпущеннических семей — решающее значение приобретают cognomina. Далее, когда мы говорим об италийских отпущенниках, это вовсе не означает того, что отпущенники эти происходили из италиков. Их происхождение могло быть самым различным. В Италии I в. были рабы и соответственно отпущенники из Греции и областей греческого Востока, из Галлии, Африки, Иудеи, иллирийских провинций, а также из варварских стран — даки, сарматы, германцы [11]. Наконец, отметим, что предлагаемое исследование опирается на работы А. Мочи и Л. Баркоци о населении Паннонии до времени и после Маркоманнских войн [12]. После того как в этих работах была дана общая этническая и социальная характеристика населения Паннонии, стало возможным и детальное исследование отдельных групп этого населения в тот или иной период.

Для Паннонии не известно о проводившемся правительством поселении отпущенников. Здесь первые римские города возникают как колонии ветеранов. Но в этих колониях мы постоянно находим отпущенников североиталийского происхождения и связанные с ними памятники. Первые отпущенники из Северной Италии появились в Паннонии уже в конце Республики в Навпорте (совр. Врхника в Югославии). Это поселение хотя и не имело городского статуса, но, по свидетельству Тацита (Ann.

---

[9] CIL, III, 10224=ILS, 9193; H.-G. Pflaum, Les carrières procuratoriennes équestres sous le Haut-Empire Romain, I, P., 1960, стр. 158—159.

[10] ILS, 1068, 1069; CIL, V, 866; Groag, RE, Hbd. V, s. v. *Caesernii*, стб. 1310; Pflaum, Les carrières procuratoriennes équestres..., I, стр. 159—160.

[11] Varro, r. R., II, 10, 3; Strabo, V, 1, 8; Mart., VII, 80, 12; Hor., Sat. II, 7; I, 10, 44; M. Bang. Die Herkunft der römischen Sklaven, MDAI, Röm. Abt., XXV, 2—3, Rom, 1910, стр. 247 слл.; М. Е. Сергеенко, Жизнь древнего Рима, М.—Л., 1964, стр. 263—265.

[12] Mócsy, ук. соч.; L. Barkóczi, The Population of Pannonia from Marcus to Diocletian, «Acta Archeologica», XVI, 3—4, 1964.

I, 20), было подобно муниципию и служило центром торговли Аквилеи и Северной Италии с иллирийскими и кельтскими племенами [13]. Согласно известному сообщению Страбона, товары из Аквилеи доставлялись в Навпорт, который отстоял от нее на 400 с небольшим стадиев, отсюда по Саве и ее притокам они достигали паннонцев и других иллирийских народов (Strabo, IV, 6, 10; V, 1, 8). В Навпорте существовало поселение римских граждан-торговцев из Аквилеи и других североиталийских городов. Луций Сервилий Сабин из Аквилеи построил в Навпорте на свои деньги храм и портик Нептуну (CIL, III, 3378). Надписи позднереспубликанского времени называют здесь италийских отпущенников. Публий Петроний Амфион и Гай Фабий Корбон, magistri vici, по решению общины Навпорта (de vice sententia) построили храм иллирийской богине Экворне (CIL, III, 3776). Отпущенники Квинт Аннай Торравий и Марк Фульгинас Филоген, magistri vici, озаботились о сооружении какого-то храма с портиком (CIL, III, 3777); очевидно, речь идет о том же храме Нептуна. Имя одного из отпущенников — Annaius (известное в надписях так же как Annaeus и Annius) — указывает на его происхождение из областей Южной Далмации [14]. Имя другого — Fulginas,— возможно, указывает на то, что он был отпущенником города Фульгиний в Умбрии. Отпущенники, о которых идет речь, принадлежали к постоянному населению Навпорта. Они оставили здесь свои надгробия, поставленные их детьми, которые уже как свободнорожденные называют в надписях имена своих отцов. Из этих надписей следует также, что отпущенники стояли во главе общины Навпорта. Возможно, Навпорт был колонизован италийскими отпущенниками, если они составляли здесь верхний слой населения. Помимо Навпорта, в конце I в. до н. э. — в начале I в. н. э. отпущенники обосновались в других городах Паннонии: Веллей Патеркул (II, 110, 6) сообщает об oppressi cives Romani trucidati negotiatores — жертвах панноно-далматского восстания 6—9 гг. н. э.

Дальнейшему притоку отпущенников в города Паннонии способствовала урбанизация провинции, начавшаяся при Тиберии и проводившаяся Клавдием и Флавиями. В 14 г. Тиберий вывел колонию ветеранов паннонских легионов в Эмону (совр. Любляна); в 50 г. Клавдий поселил ветеранов в Саварии (совр. Сомбатхей в Венгрии); ветераны Равеннского флота были выведены Веспасианом в качестве колонистов в Сискию и Сирмий (совр. Сисак и Сремска Митровица в Югославии); Траян основал колонию ветеранов в Петовионе (совр. Птуй) и Адриан — в Мурсе (совр. Осиек) [15]. Во всех этих городах одновременно с ветеранами, а возможно и раньше, появились отпущенники. Как показывают оставленные ими свидетельства, они очень скоро заняли в городах Паннонии самостоятельное экономическое и общественное положение и приняли самое деятельное участие в становлении в провинции римского образа жизни.

Самая большая группа надписей связана с Цезерниями, которые оставили в Эмоне и других городах несколько надгробий —свидетельство того, что мы имеем дело с постоянным населением провинции. Тит Цезерний Януарий, отпущенник Тита, севир Эмоны, сооружил себе и своим близким при жизни надгробный памятник, с достоинством оговорив, что памятник предназначен только для его собственной семьи и не подлежит

---

[13] B. S a r i a, RE, XVI, 2, s. v. *Nauportus*, стб. 2008—2014; P a n c i e r a, ук. соч., стр. 76 слл.: M ó c s y, ук., соч., стр. 18—19, 94.

[14] CIL, XVI, 100; A l f ö l d i, Bevölkerung..., стр. 46, 57.

[15] A. A l f ö l d i iun., Zur Entstehung der colonia Claudia Savaria, Arch. Ért., 1943, стр. 80; M ó c s y, ук. соч., стр. 18, 26, 29, 37—38, 75, 77; P. O l i v a, Pannonia and the Onset of Crisis in the Roman Empire, Praha, 1962, стр. 175; Ю. К. К о л о с о в с к а я, Ветеранское землевладение в Паннонии, ВДИ, 1963, № 4, стр. 99 слл.

наследованию[16]. Тит Цезерний Дифил из Аквилеи, отпущенник Цезернии Ассупы, был также севиром Эмоны; он оставил здесь свое надгробие, в котором упомянут уже его собственный отпущенник Дигн[17]. В надгробии первой половины II в. из Эмоны назван Луций Цезерний Примитив и его жена Оллия Примилла, отпущенники: при их именах не указаны имена отцов и оба они носят рабские cognomina. Этот Луций Цезерний Примитив был также севиром Эмоны и декурионом в коллегии ремесленников. Он оставил по завещанию четырем декуриям коллегии 200 денариев, чтобы в день празднества богини Карны они покупали розы[18]. Цезернии известны в Эмоне и во II в. Из Эмоны происходил Тит Цезерний Фестин, служивший в преторианских войсках в Риме и ушедший в отставку в 144 г. (Dobó, 57 b).

В надписях I — II вв. из других городов также мы встречаем Цезерниев, которых можно считать потомками первых Цезерниев из Аквилеи и Эмоны. Из Петовиона происходит надгробие I в., поставленное Квинтом Цезернием Юстом своей матери Фирмии Скарбантине, дочери Луция[19]. Мать этого Цезерния, очевидно, была уроженкой Паннонии и, возможно, отпущеннического происхождения: ее имя произведено от названия паннонского города Скарбанция (совр. Шопрон). Подобные имена — Скарбантилла, Саварина, Карнунтина — известны из Паннонии как имена рабов и отпущенников[20]. В надгробии начала II в. из Аквинка назван Цезерний Зосим, natione Cilix, отпущенник, умерший 80-ти лет, надгробный памятник которому поставила коллегия fabrum et centonariorum[21]. Этот Цезерний, уроженец Киликии, был некогда рабом Цезерниев. Цезернии поселились и во внутренних областях провинции — на северо-западных берегах оз. Пельсо (совр. Балатон), где Тиберий поселил ветеранов вспомогательных войск и где виллы италиков появились уже в 70-е годы I в.[22]. Отсюда происходит фрагмент надгробия семьи свободнорожденных Цезерниев[23]. Не исключено, что эти Цезернии стали землевладельцами.

Лица с nomen Стациев также названы в надписях из городов вдоль «янтарного пути». Таков отпущенник Гай Стаций Грат из Скарбанции, которому поставил надгробие Гай Стаций Вер, центурион легиона XIII Gemina, стоявшего в Паннонии[24]. Из Петовиона известны братья Стации — Сатурнин и Кассиан, поставившие алтарь Митре[25]. Гай Стаций Фирм поставил во II в. алтарь Юпитеру в Саварии[26]. Этот же Стаций Фирм в качестве наследника поставил в Карнунте надгробие Марку Ульпию Дазию, уроженцу Сирмия, легионеру[27]. Из Карнунта известен также Луций Стаций, наследник легионера Гая Фабия[28]. Большинство этих Стациев — лица свободные и военные[29], хотя за исключением братьев

[16] CIL, III, 3850; HS, 177; Mócsy, ук. соч., 2/17; G. Alföldi, Augustalen- und Sevirkörperschaften in Pannonien, «Acta Antiqua», VI, 3—4, 1958, стр. 439.

[17] HS, 176; Mócsy, ук. соч., 2/16.

[18] CIL, III, 3893; HS, 209, Mócsy, ук. соч., 9/1.

[19] CIL, III, 4201; HS, 450; Mócsy, ук. соч., 91/1.

[20] CIL, III, 10946; Ann. Sav. III, 98—99, 7—8; Dobó, 444.

[21] B. Kuzsinszky, Aquincum. Ausgrabungen und Funde, Budapest, 1934, стр. 167, № 342; Mócsy, ук. соч., 186/11.

[22] Mócsy, ук. соч., стр. 40; Edit B. Thomas, Römische Villen in Pannonien, Budapest, 1964, стр. 79 и др.

[23] B. Kuzsinszky, A Balaton környékének archaeologiaja (Die Archaeologie der Plattenseegegend), Budapest, 1920, стр. 44; Mócsy, ук. соч., стр. 40, 73/1.

[24] CIL, III, 4246; Mócsy, ук. соч., 113/1.

[25] CIL, III, 4041; Mócsy, ук. соч. 64/44.

[26] CIL, III, 10909; Mócsy, ук. соч., 90/35.

[27] CIL, III, 4491; Mócsy, ук. соч., 154/78.

[28] CIL, III, 14358; Mócsy, ук. соч., 154/36.

[29] Из Паннонии известно также двое Стациев, происходящих из колонии Агриппины и Камулодуна (CIL, III, 10548, 11233; Mócsy, ук. соч., 186/20; 155/17).

Стациев при их именах не указаны имена их отцов, что не исключает отпущеннического происхождения этих Стациев. Прямой связи паннонских Стациев с торговым домом Стациев из Аквилеи в этих надписях мы не видим. Но некоторые другие надписи указывают на то, что аквилейские Стации имели деловые и личные связи в Паннонии. Мы можем допустить поэтому, что среди паннонских Стациев могли находиться отпущенники аквилейских. Надгробие из Аквилеи называет отпущенника Луция Атилия Сатурнина, domo Flavia Scarbantia, который был убит разбойниками в Альпах во время деловой поездки в Аквилею [30]. Надгробие ему поставили в Аквилее его брат Атилий Терций и Стаций Онесим, очевидно, тот самый отпущенник Стациев, который торговал на Аппиевой дороге. Некто Луций Сатурнин, отпущенник, назван в эпитафии из Скарбанции. Возможно, он был патроном отпущенника, убитого в Альпах. Сын отпущенника Луция Атилия Сатурнина, Луций Атилий Прим как полноправный римский гражданин был легионером паннонского легиона XIV Gemina [31].

Отпущенники с nomen Каниев обосновались преимущественно в Скарбанции, где Тиберием были поселены ветераны войск auxilia [32]. Одним из ранних свидетельств о Каниях — середины I в.— может служить надгробие Тита Кания Циннама, отпущенника Тита, negotiator; оно поставлено его сыновьями Титом Канием Этерналисом и Луцием Канием Цинной [33]. В той же Скарбанции в надгробии конца I в. названа Кания Урбана, отпущенница Тита, возможно того же самого лица, что упомянуто и в первой надписи. Ее муж Секст Секстилий Непот был североиталийского происхождения [34]. Один из их сыновей — Секст Секстилий Сенецион, стал декурионом Скарбанции [35]. Его кельтское cognomen — Senecio [36] — указывает на связь этой семьи с местным, кельто-иллирийским населением Паннонии. Надгробия Каниев I в. происходят и из района Пельсо [37], и из Аквинка: Кания Утсия и ее муж Луканий Капитон, оба отпущеннического происхождения — они не называют имен своих отцов [38]. Кельтское cognomen (Utsia) указывает на местное происхождение этой отпущенницы [39]. О том же говорит иллирийское cognomen ее мужа, распространенное в Паннонии и Далмации [40]. Их сын A. Lucanius A. f. Lepidus поставил при своем имени патронимикон и позволил себе взять римское cognomen, известное в патрицианском роде Эмилиев. В надгробии начала II в. названа свободнорожденная Кания Урсулла [41], уроженка Паннонии, на что указывает ее cognomen (Ursulla — производное от Urs, как и Ursulus, Ursus, часто встречающиеся среди населения Норика, Паннонии, Далмации, а также Нарбоннской Галлии) [42].

Барбии в Паннонии — свободнорожденные лица, что не исключает того, что их предки могли прибыть в провинцию в качестве отпущенников или рабов Барбиев. Из Эмоны известен некий Луций Барбий (HS, 165).

---

[30] ILS, 7507; D o b ó, 220.
[31] CIL, III, 10936; M ó c s y, ук. соч., 103/1.
[32] M ó c s y, ук. соч., стр. 43.
[33] CIL, III, 4250; M ó c s y, ук. соч., 108/1.
[34] В Аквиле был крупный торговец мясом, отпущенник Луций Секстилий Крес-цент (CIL, V, 1379; P a n c i e r a, ук. соч., стр. 19).
[35] M ó c s y, ук. соч. 111/20.
[36] A. H o l d e r, Alt-celtischer Sprachschatz, II, Graz, 1961, стб. 1473.
[37] K u z s i n s z k y, Balaton, стр. 138, 148; M ò c s y, ук. соч., 82/1.
[38] CIL, III, 3599; M ó c s y, ук. соч., 186/24.
[39] H o l d e r, ук. соч., III, Graz, 1962, стб. 57.
[40] H. K r a h e, Lexicon alt-illyrischer Personennamen, Heidelberg, 1929, стр. 26.
[41] «Folia archaeologica», 9 (1957), стр. 83 сл.; M ó c s y, ук. соч., 239/1.
[42] H o l d e r, ук. соч., III, стб. 47.

Почетная надпись начала II в. из Эмоны упоминает Марка Тиция Тиберия Барбия Тициана, декуриона Эмоны. Надпись поставлена его матерью Ларцией Верой; в ней отражена карьера ее сына: он был центурионом легионов II Adiutrix и X Fretensis, гастатом в Первой когорте легиона II Traiana, корникулярием префекта претория военного лагеря [43]. Некий Тиберий Барбий Валентин известен в качестве декуриона, квестора и понтифика Саварии в I в. (CIL, III, 4156). Известен также Луций Барбий Конститут, уроженец Норика, ветеран легиона XV Apollinaris, переселившийся из Саварии (куда императором Клавдием была выведена колония ветеранов паннонских легионов) в Карнунт, где стоял XV легион [44]. Из Карнунта известны также некие Марк Барбий и Барбия Сукцесса [45].

Как видно из рассмотренных надписей, Цезернии, Барбии, Кании заняли в I — первой половине II в. в городах Паннонии довольно высокое общественное положение, что можно предполагать и для Стациев, хотя свидетельства о них менее определенны. Вначале отпущенники соответствующих домов, они были заняты преимущественно торговой и ремесленной деятельностью — как Луций Цезерний Примитив, стоявший во главе одной из декурий ремесленной коллегии, или Тит Каний Циннам, negotiator. Из их среды, как показал Г. Альфельди, выходили августалы и севиры паннонских городов, которыми в I в. были преимущественно отпущенники из Северной Италии [46]. Должность августала, к занятию которой получили доступ богатые отпущенники, предоставлялась пожизненно. Связанная с отправлением императорского культа, она была сопряжена с большими расходами; само право занятий этой должности требовало внесения в казну города денежной суммы (summa honoraria), лишь в редких случаях она предоставлялась бесплатно [47]. Но среди лиц с nomen Барбиев мы встречаем декурионов — свидетельство того, что потомки италийских отпущенников могли стать и становились в провинции землевладельцами, так как только обладание землей гарантировало им политические права и способствовало их социальному возвышению. Цезернии, Стации и Барбии, которых мы находим в I — первой половине II в. в паннонских легионах, могли быть уроженцами провинции, поскольку набор в легионы на территориях колоний начался уже при Адриане. Все эти данные вместе с другими свидетельствами показывают, что отпущенники из Северной Италии не в меньшей степени, чем ветераны, положили начало населению римских городов в Паннонии.

Цезернии, Барбии и Сации обосновались в городах вдоль «янтарного пути», Петронии же, Ювенции и Тиции главным образом в городах по Саве. Помимо Паннонии, Тиции и Петронии известны в надписях Норика и Далмации [48]. Первых Петрониев мы уже видели в Навпорте; Публий Петроний Амфион позаботился о сооружении храма иллирийской богини (CIL, III, 3776). Эти Петронии происходили из Аквилеи. Эпитафия, более поздняя — первой половины II в., свидетельствует, что аквилейские Петронии сохраняли свои связи с Паннонией. Гай Петроний Америмн, отпущенник (Петронии) Тертуллины, поставил в Аквилее надгробие (Dobó, 444) себе, своим детям, а также своей жене и отпущенице — Петронии Саварине, уроженке Паннонии, как свидетельствует ее имя (образование

[43] CIL, III, 3846; HS, 175; M ó c s y, ук. соч.,2/48 .
[44] CIL, III, 4461; M ó c s y, ук. соч., 154/20.
[45] RLiÖ, 16, 1936, 129, № 64, M ó c s y, ук. соч., 156/1; CIL, III, 4508; M ó c s y, ук. соч., 156/48.
[46] A l f ö l d i, Augustalen..., стр. 438—439.
[47] A. N e u m a n n, RE, II, s. v. *Augustalen*, стб. 2354—2355, 2360; A l f ö l d i, Augustalen..., стр. 434—437.
[48] A l f ö l d i, Bevölkerung..., стр. 72—73, 84—85, 87, 119—120, 185—186.

от названия паннонского города Саварии). Этот Гай Петроний Америмн в Аквилее был, очевидно, торговцем и притом богатым: его гробница имела 12 шагов в длину и 20,5 шагов в ширину и предназначалась, как сказано в эпитафии, также для его отпущенников и отпущенниц. Свободнорожденную Петронию Дизиллу, возможно кельтского происхождения[49], мы находим в Эмоне и отпущенника Гая Петрония Хрисера в Петовионе; он поставил алтарь Юпитеру Отвращающему[50]. В надгробии из района Эмоны названы муж и жена — Дуррий Авит и Петрония Максимилла. Их cognomina характерны для Паннонии. Ни при имени мужа, ни при имени жены не стоит патронимикон — не исключено, что они были отпущеннического происхождения (CIL, III, 3892; HS, 215). Петрония Прокла, дочь Гая, умершая 60-ти лет, свободнорожденная, была женой Марка Нуннидия Сукцесса, ветерана XXXII когорты Voluntariorum civium Romanorum[51]. К Петрониям относится редкая эпитафия из Мурселлы конца I — начала II в. Она принадлежит местной семье, не имевшей права римского гражданства, глава которой был отпущенником Петрониев — Луций Петроний, отпущенник Луция, Ликкон (Licco), паннонского или далматского происхождения, как о том свидетельствует его иллирийское cognomen[52]. Он умер в Мурселле 95-ти лет, его жена Галла, дочь Кнодава — 85-ти лет, внук Галлион, сын Веруклона 18 лет; надгробие поставили сын Руф и отпущенник Ликкона — Луций Петроний Катамок, кельт по происхождению[53]. Из этой эпитафии становятся известными Петронии кельто-иллирийского — паннонского происхождения. Паннонского происхождения была, очевидно, и Петрония Респекта; cognomen Respecta(-us) было широко известно на Дунае. Семья этой Петронии Респекты поставила в Аквинке в 164 г. алтарь Юпитеру за здоровье, возвращение и победу императоров, двух августов[54] (имеется в виду Парфянская война Марка Аврелия и Луция Вера). Ее муж и сын — Тит Элий Цельс и Тит Элий Цельсин — принадлежали к местному романизированному населению Паннонии и получили римское гражданство от Антонина Пия.

В I — II вв. вы встречаем Петрониев, их рабов и отпущенников в городах на лимесе — в Карнунте, в Бригеционе и в Аквинке: Петрония Мельпомена, отпущенница Луция, и Примигения, служанка (ancilla) Гая Петрония[55]; с таким именем из Карнунта известен центурион легиона XV Apollinaris[56], которому, возможно, и принадлежала эта Примигения.

Эта группа свидетельств о Петрониях I — II вв. также показывает, что мы имеем дело с постоянным населением провинции. Сами свидетельства, однако, другого рода — среди Петрониев в I — II вв. нет ни одного августала или декуриона. Отпущенническое происхождение для многих из них очевидно, но их экономическое и общественное положение, повидимому, было более скромным, чем у Цезерниев или Барбиев, хотя отпущенник Публий Петроний Амфион построил в конце I в. до н. э. в Навпорте храм.

[49] Холдер (Holder, ук. соч., I, Graz, 1861, стб. 1287) считает кельтским cognomen с основой на Diso (Diseto); кельтского происхождения cognomina Diseius, Disenius.

[50] CIL, III, 4018; HS, 285; Mócsy, ук. соч., 64/39; CIL, III, 10769; Mócsy, ук. соч., 2/2.

[51] CIL, III, 4006; Mócsy, ук. соч., 60/1.

[52] Krahe, ук. соч., стр. 67; человек с таким именем известен из аквилейской надписи, CIL, V, 8937.

[53] CIL, III, 10954 (=6480); Mócsy, ук. соч., 160/1; Holder, ук. соч., II, стб. 842.

[54] CIL, III, 3432; Mócsy, ук. соч., 186/2.

[55] CIL, III, 11277; RLiÖ, XVIII, 1936, стр. 99, № 22; Mócsy, ук. соч., 156/4; 156/42.

[56] RLiÖ, 18 (1937), стр. 43, № 9; Mócsy, ук. соч., 154/95.

Одно из самых ранних свидетельств о Ювенциях — алтарь из долины реки Савы, поставленный божеству этой реки — Savo Augusto — Марком Ювенцием Примигением, отпущенником, и его сотоварищами — торговцами и судовладельцами из Аквилеи [57]. Секст Ювенций Примитив domo Aquileia [58], отпущенник, умерший в Аквинке во II в., принадлежал уже к постоянному населению провинции — надгробие ему поставила его сестра Ульпия Эпихарис, отпущенница местного уроженца, получившего римское гражданство от Траяна. Ювенции, которых мы находим в I в. среди легионеров XV Apollinaris, были североиталийского происхождения. В Паннонии они не оставили семей и были похоронены своими соратниками и своими focaria — отпущенницами [59]. В то же время известен Секст Ювенций, происходивший из Сирмия. Он служил в I в. в cohortes urbanae в Риме и в 73 г. был отпущен в отставку (CIL, XIV, 18).

Последняя группа надписей принадлежит Тициям. Паннонские Тиции I — II вв. могли происходить из Северной Италии, но также из Норика и Далмации, которая, как уже упоминалось, была колонизована преимущественно италийскими отпущенниками. Лица с nomen Тициев из Аквилеи (Velina tribu) известны в надписях из Далмации (из городов Либурнии, Салоны и Ядера) [60]. В Паннонии Тиции оставили свои надгробия в Невиодуне (совр. Дрново) и Петовионе: Марк Тиций Зосим и Тиция Сира, Тиций Атилий и Тиция Акцепта — отпущенники и их жены, соотпущенницы или отпущенницы своих мужей [61]. Гай Тиций Прим и его мать Юста названы в надгробии I в., происходящем с северо-западных берегов оз. Пельсо [62]. Возможно, этот Гай Тиций Прим был отпущенником Гая Тиция Прима, сына Гая, происходившего из Аквилеи, но переселившегося в Салону, где он был кватровиром с судейской властью, надгробие которому поставил его отпущенник Аргир [63].

От II в. известно несколько состоятельных Тициев: августалы Гай Тиций Платан в Аквинке, поставивший алтарь Silvano Silvestri, и Гай Тиций Агафоп, августал в Сискии, а затем в Сармизегетузе в Дакии [64]. Строительная надпись из Сискии от 124 г. упоминает Луция Тиция Прокула, посвятившего какое-то сооружение императору Адриану. Фрагмент другой строительной надписи из Сискии II в. называет фламина Гая Тиция, сына Гая, и какого-то другого Тиция, от имени которого сохранился только nomen. Уцелевшие в этой надписи буквы восстанавливаются как macellum и porticum [65]. Возможно, речь шла о постройке Тициями в Сискии мясного рынка и портика.

Как следует из приведенных надписей, большинство Тициев, судя по их cognomina — Платан, Агафоп, Зосим, Прим, в I — II вв. были отпущенниками или лицами отпущеннического происхождения. Имущественное состояние некоторых Тициев позволяло им становиться августалами, фламинами и возводить дорогостоящие общественные постройки. Гай Тиций Агафоп, переселившийся в Дакию, был, очевидно, весьма богатым торговцем, имевшим деловые связи в самой Паннонии, Дакии и, возможно, в Далмации. Эта группа надписей также свидетельствует, что

---

[57] CIL, III, 4009. HS, 475; Mócsy, ук. соч., 51/1.
[58] CIL, III, 10300; Mócsy, ук. соч., 206/1.
[59] CIL, III, 11225; Mócsy, ук. соч., 154/20, 156/33.
[60] Panciera, ук. соч., стр. 85—86; Alföldi, Bevölkerung..., стр. 72 слл., 84, 113.
[61] CIL, III, 3932; HS, 247, 411; Mócsy, ук. соч., 47/3, 64/45.
[62] CIL, III, 4131; Kuzsinszky, Balaton, стр. 142; Mócsy, ук. соч., 80/1.
[63] CIL. III, 6378; Panciera, ук. соч., стр. 86.
[64] Alföldi, Augustalen..., стр. 438, 448.
[65] CIL, III, 3968a; HS, 559; CIL, III, 6476; HS, 561; Mócsy, ук. соч., 57/17. 57/18.

лица с nomen Тициев в большинстве своем принадлежали к постоянному населению провинции. Они самым деятельным образом способствовали ее романизации, отправляя культовые должности или городские магистратуры, сооружая на свои средства храмы и другие постройки общественного назначения. Поселение колонистов из западных областей Империи — Северной Италии, Нарбонской Галлии, Далмации, Норика, из рейнских областей,— так же как и выведение колоний ветеранов, продолжившееся до времени Адриана, оказывали активное воздействие на романизацию кельто-иллирийского населения провинции. Как известно, со времени Флавиев в Паннонии происходит быстрое развитие городского строя за счет возникавших на местной основе муниципиев, и кельто-иллирийские cognomina почти исчезают в надписях из провинции.

После Маркоманнских войн (167—180) поток колонистов идет из других областей Империи. В западных провинциях и особенно на Дунае во множестве появляются переселенцы с Востока. С конца II в. среди городского населения Паннонии оказываются уроженцы Сирии, Вифинии, Каппадокии, Иудеи, Египта — отпущенники и лица отпущеннического происхождения, а также недавние римские граждане с nomen Аврелиев и с характерными греческими cognomina. Это новое население, как показал Л. Баркоци, обосновалось большей частью в городах на лимесе [66]. Выяснение причин этого массового переселения колонистов с Востока на Запад, естественно, не входит в задачи данной статьи и заслуживает отдельного исследования. Совершенно очевидно, что этому переселению способствовали большие численные потери, которые понесло гражданское население дунайских провинций во время Маркоманнских войн. По сообщению Диона Кассия, квады по условиям мирного договора должны были вернуть 50 тыс. римских пленных (Dio Cass., LXXI, 13, 4). Языги выдали 100 тыс., не считая тех, кто погиб в плену, был продан в рабство или бежал (Dio Cass., LXXI, 16, 2). Чтобы восполнить убыль в населении провинций, Марк Аврелий поселил в Паннонии, Дакии, Мезии, Германии, а также в самой Италии часть побежденных племен (Dio Cass., LXXI, 11, 4—5; 21; LXXII, 3, 3).

Старое население, прибывшее некогда из западных провинций Империи, однако, не исчезло совсем в надписях из Паннонии, хотя переселенцы с Востока, как свидетельствуют оставленные ими памятники, заняли высокое положение в городах провинции. В надписях III в. нет Стациев и Каниев; среди Тициев и Петрониев часть — восточного происхождения, но Барбии и Цезернии известны в надписях из городов на лимесе [67]. Видимо, эти надписи, хотя и немногочисленные, принадлежат потомкам прежних италийских колонистов. Так, лица с nomina Каниев и Петрониев находились в 188 г. среди членов ordo декурионов Саварии [68] — Каний Кресцент, возможно, отпущеннического происхождения (как свидетельствует его cognomen) и Петронии: Петроний Онесифор, Петроний Петрониан, Петроний Урсул, Петроний Сильван. Только для одного из Петрониев — Петрония Онесифора — очевидно греческое происхождение. Cognomina других Петрониев и Петрониев в надписях из городов на лимесе указывают на их паннонское происхождение. Публий Петроний Клемент, декурион и эдил в Аквинке, носил италийское cognomen [69]. Гай Петроний Нундин, августал Бригециона, отпущенник, был, очевидно, паннонцем —

---

[66] B a r k ó c z i, Population..., стр. 257, 262—263, 265, 270—272, 277, 280—282, 284, 292 слл.

[67] B a r k ó c z i, Population..., стр. 268—269, 273, 277, 279, 293.

[68] CIL, III, 4150; B a r k ó c z i, Population..., 58/24.

[69] CIL, III, 10398; B a r k ó c z i, Population..., 105/151.

он носил кельтское cognomen [70]. Его племянник Луций Септимий Петроний, custos armorum легиона I Adiutrix, происходил из семьи перегринского права и римское гражданство получил от Септимия Севера. Публий Петроний Урс служил во Второй Альпийской когорте, стоявшей на лимесе Паннонии [71]. Его cognomen — Ursus,— как уже отмечалось, было распространено в кельто-иллирийских областях. Семья Петрониев в Аквинке (Петроний Цензорин, его жена Аврелия Максимина и их дети — Цезиан, Цезерий, Валерия и Нонноза [72]), возможно, также была паннонского происхождения, о чем свидетельствуют кельтское cognomen одной из дочерей Петрония — Nonnosa — и nomen самой Аврелии Максимины [73].

Некоторые Ювенции могут также считаться потомками италийских Ювенциев. От III в. известен Секст Ювенций и его отпущенник с именем Ювенций Панноний — бывший раб паннонского происхождения. Он поставил в Аквинке алтарь непобедимому Солнцу Митре за здоровье своего патрона [74]. В III в. мы находим в Аквинке Ювенцию Зосиму, отпущенницу, возможно, греческого происхождения. Ее муж Гай Аврелий Мартин, префект Первой алы Римских граждан, она сама и их дети Аврелии — Зосим, Атилиан, Фаустиниана — принесли в дар але изображение Марса Победителя (CIL, III, 10256).

Цезернии и Барбии в III в.— преимущественно военные. Они носят cognomina, распространенные в дунайских провинциях: Луций Барбий Виталис — центурион легиона XIV Gemina в Карнунте [75]; Барбий Валентин — консульский бенефициарий в Скарбанции [76]; Публий Барбий Максимин из Петовиона, служивший в Риме в преторианских когортах [77]; Цезерний Сабиниан — знаменосец легиона I Adiutrix [78]; братья Цезернии Сабин и Паулин — из службы наместника провинции [79]. Известна некая Цезерния, которая называлась также и Севера; возможно, она была отпущеннического происхождения; ее муж Аврелий Сильван, местный уроженец, получил римское гражданство от Марка Аврелия или по эдикту Каракаллы [80]. В надгробии из Карнунта назван четырехлетний Цезерний Юстиниан [81]. Эти свидетельства не оставляют сомнений в том, что речь идет о старом населении Паннонии.

Потомками Тициев североиталийского или далматского происхождения могут считаться те Тиции, которые служили в легионах во II в. в Карнунте, Бригецион и Аквинке: Тиций Тициан — легионер XIV Gemina [82], Тиций Кандид — I Adiutrix; его кельтский cognomen Candidus указывает на местное происхождение этого Тиция [83]. В надгробии из Виндобоны II в. назван Публий Тиций Финит и его жена Юкунда, дочь

---

[70] CIL, III, 4323; Barkóczi, Brigetio. Budapest, 1951, стр. 56, № 110; он же, Population..., 91/43; Alföldi, Augustalen..., стр. 452; Holder, ук. соч., II, стб. 808.

[71] CIL, III, 10589; Barkóczi, Population..., 100/3.

[72] Barkóczi, Population..., 105/256.

[73] Holder, ук. соч., II, стб. 759.

[74] CIL, III, 3482; Barkóczi, Population..., 105/276.

[75] CIL, III, 4400; E. Vorbeck, Militärinschriften aus Carnuntum, Wien, 1954, стр. 129; Barkóczi, Population..., 78/16.

[76] CIL, III, 14068; Barkóczi. Population..., 61/5.

[77] Dobó, 50; Barkóczi, Population..., 38/96.

[78] CIL, III, 4324; Barkóczi, Population..., 91/39.

[79] CIL, III, 3654; Barkóczi, Population..., 98/3.

[80] CIL, III, 4340; Barkóczi, Population..., 91/11.

[81] Barkóczi, Population..., 78/113.

[82] CIL, III, 11237; Mócsy, ук. соч., 153/50.

[83] CIL, III, 4326; Mócsy, ук. соч., 164/11; Holder. ук. соч., I, стб. 733.

Цивиса, лица перегринского права; Финит, возможно, был отпущенником — он не имеет патронимикона (CIL, III, 4583). Семья Тициев, отпущеннического происхождения, названа в эпитафии на саркофаге конца II в. из Бригециона: Тиций Домнин, августал муниципия, и его сыновья — Тиций Урсиниан и Тиций Домнин, называвшийся также и Пассер, negotians splendidus, убитый варварами [84]. Кельтские cognomina сыновей этого августала — Ursinianus и Passer [85] — свидетельствуют о том, что эти Тиции были скорее всего паннонского происхождения. Публий Тиций Викторин, корникулярий легиона II Adiutrix, судя по его cognomen, был также местного происхождения [86].

В III в. часть лиц с nomen Тициев могла быть восточного происхождения, как это известно для Тициев в Далмации времени поздней Империи, хотя в той же Далмации некоторые Тиции вели свое происхождение от потомков ветеранов, поселенных Клавдием на территории Салоны [87]. В двух случаях мы имеем дело, очевидно, с Тициями восточного происхождения: Марк Тиций Гелиодор, августал Карнунта [88], и Гай Тиций Антоний Пекулиарис, который назван в двух надписях из Аквинка от 200 г. [89]. Этот последний занимал высокое общественное положение в провинции. Он был декурионом колонии Аквинка (после 194 г.) и муниципия Сингидуна в Верхней Мезии, дуумвиром, фламином и жрецом алтаря Августа — вершина карьеры для богатых провинциалов. Он построил на свои деньги нимфей в Аквинке и подвел туда воду; это украшение (ornamentum) для форума он принес в дар городской общине [90]. Происхождение этого Тиция было, однако, отпущенническим, и его дед мог быть рабом: его cognomen — Peculiaris — произведен от peculium. Такое имя прилагалось к рабам, находившимся в личной собственности; оно могло указывать и на то, что свое имущество этот Тиций унаследовал не по завещанию, но на основании iure peculio; его имя могло восходить, наконец, к пекулию легионеров — деньгам, сэкономленным в течение военной службы [91]. Если большинство Тициев II — первой половины III в. могут считаться потоками прежних италийских Тициев, то, очевидно, их потомкам и их отпущенникам удалось сохранить определенные экономические и общественные позиции в Паннонии после Маркоманнских войн.

Хотя рассмотренные свидетельства содержат далеко не исчерпывающую информацию, взятые в совокупности, они дали известную возможность проследить те нити, которые протянулись от североиталийских отпущенников к дальнейшему населению паннонских городов. Они показывают, как происходило расселение отпущеннических семей из городов вдоль «янтарного пути» и городов на Саве во внутренние области провинции и в города на лимесе. Эти свидетельства показывают также, сколь значителен был приток италийских отпущенников в города провинции и соответственно в среду римских граждан. Из некоторых надписей мы могли видеть связи и родственные отношения, которые устанавливались у этих отпущенников или лиц отпущеннического происхождения с мест-

[84] CIL, III, 11043; B a r k ó c z i, Brigetio, стр. 56, № 109 a и b; о н ж е, Population..., 91/99; A l f ö l d i, Augustalen..., стр. 452.

[85] H o l d e r, ук. соч., II, стб. 951.

[86] CIL, III, 10987; B a r k ó c z i, Brigetio..., стр. 155, табл. XXXIV, 4; о н ж е, Population..., 91/1.

[87] A l f ö l d i, Bevölkerung..., стр. 117, 119—120.

[88] CIL, III, 11139; B a r k ó c z i, Population..., 78/83; A l f ö l d i, Augustalen..., стр. 445.

[89] CIL, III, 10495, 10496; B a r k ó c z i, Population..., 105/173, 105/174.

[90] *Нимфей* — каменная стена, с которой низвергались струи воды и стекали в один или в несколько бассейнов (J. S z i l á g y i, Aquincum, Budapest, 1956, стр. 40).

[91] S z i l á g y i, ук. соч., стр. 128, прим. 120.

ным населением провинции. Одним из ранних свидетельств такого рода может служить текст эпитафии из Сопианы (совр. Печ) II в., в которой названа такая семья: муж Марций Луцидиан и жена Цезерния Фирмилла, внуки которых носили имена Ульпиев; в этой семье была также некая Элия Ата [92]. Большинство подобных свидетельств приходится на III в. и известно для лиц с nomen Аврелиев. В родственные союзы и браки вступали и сами отпущенники. Гай Тиций Антоний Пекулиарис носил двойное nomen. Очевидно, он был по происхождению Тицием, так как это его имя названо первым. Но его другое имя — Антоний — свидетельствует о том, что он был усыновлен в семье Антониев. Аналогичное можно допустить и для Марка Тиция Тиберия Барбия Тициана. Он также носил двойное имя — Тиция и Барбия — и, возможно, по происхождению был Тицием, так как это его имя названо первым. Его мать Ларция Вера имела nomen североиталийского происхождения. Ларции и Цезернии также находились в каких-то родственных отношениях. Одно из надгробий II в. из Эмоны принадлежит некоему Марку Ларцию Дрибалу Цезернию (CIL, III, 3888).

Надписи свидетельствуют и о том, что отпущенники и их потомки самым деятельным образом способствовали формированию гражданских общин городов. Италийские отпущенники сохраняли связи и с городами Италии, где они также отправляли общественные или жреческие должности. Отпущенник Луций Апулей Брасида, августал Карнунта, во II в. был также августалом и севиром в Италии, в Пизавре. Он был патроном коллегии ремесленников и квинквеналом и удостоился отличий декуриона. Его почтила городская община Пизавра «за его исключительную щедрость и за то, что вместе со своим коллегой он подарил каждому [из граждан] по 50 сестерциев, добавив сверх того хлеб и вино» [93]. Состояние *богатых отпущенников, их общественная и религиозная деятельность* давали им возможность проникать в сословие декурионов и даже всадников. Если дед Гая Тиция Антония Пекулиариса был рабом, то его сын мог стать августалом, что дало внуку возможность войти уже в сословие декурионов, занимать городские магистратуры и отправлять высшие жреческие должности. Известен севир и августал муниципия Скарбанции — L. F. Fortunatus, отпущеннического происхождения, названный в другой надписи уже римским всадником [94]. В то же время включение сыновей августалов в курию пополняло ее такими членами, которые, очевидно, стремились сочетать предпринимательскую деятельность с занятием сельским хозяйством. Что такая практика существовала, свидетельствует алтарь первой половины III в., поставленный Deorum prosperitati Гаем Марцием Марцианом, декурионом, квестором, эдилом, дуумвиром с судейской властью, который был также префектом в коллегии ремесленников (CIL, III, 4557).

Благотворительная деятельность отпущенников в городах, их участие в коллегиях севиров и августалов, а ими в I в. были преимущественно отпущенники из Аквилеи [95], возможность достижения для них декурионата — все это одновременно способствовало самоутверждению отпущенников и их социальному возвышению, причем возможности для этого в провинциальных городах были гораздо бо́льшими, чем в городах Италии.

Рассмотренные надписи знакомят нас в некоторой мере и с социальной психологией отпущенников, подтверждая ту картину, которую для Ита-

[92] CIL, III, 10289 (= 3308); M ó c s y, ук. соч., 216/5.
[93] ILS, 6654; D o b ó, 461; A l f ö l d i, Augustalen..., стр. 438—439.
[94] CIL, III, 4349; M ó c s y, ук. соч., 107/1, 111/5.
[95] A l f ö l d i, Augustalen..., стр. 439 слл.

лии так живо нарисовала М. Е. Сергеенко [96]. В оставленных отпущенниками эпитафиях мы встречаем то же жадное стремление занять прочное и вполне определенное место в жизни, которое не напоминало бы о рабском происхождении. Они часто опускают в своих эпитафиях предательское слово libertus, хотя отсутствие имени отца выдает их происхождение, страстно желают видеть своих детей с римскими cognomina, избавив их от рабских прозвищ. И вот сын отпущенника Тита Кания Циннама (Κίνναμον «корица») переделывает свое cognomen в Цинна [97], а сын отпущенника Лукания Капитона берет себе патрицианское cognomen Лепид. И хотя Гай Тиций Антоний Пекулиарис, внук раба, стал sacerdos Arae Augusti и его cognomen звучит по-римски, это cognomen тем не менее не может скрыть его рабского происхождения [98]. Все подобные свидетельства показывают, что отпущенники, ставшие владельцами собственных рабов, ремесленных мастерских, торговых лавок и даже имений не в меньшей степени, чем ветераны, могут считаться опорой императорского режима. Участие отпущенников в коллегиях севиров и августалов, как верно заметила М. Е. Сергеенко, способствовало выработке у отпущенников нового общественного сознания. «Недавний раб, приобщенный к культу, который был утверждением не только императорской власти, но и римского единства, поднимался в собственных глазах: он оказывался одним из тех, кто утверждал эту власть и поддерживал это единство в такой же мере, как любой сенатор и коренной римлянин» [99]. Те отпущенники, которые не оставили подобных свидетельств, пополняли беднейшие слои населения. Будучи заняты непосредственно в ремесленном или сельскохозяйственном производстве, они также участвовали в сложении в провинции социально-экономических отношений римского типа, содействуя романизации провинции, но их роль была совсем иной.

THE PART PLAYED BY ITALIAN FREEDMEN IN THE ROMANISATION OF PANNONIA

by Yu. K. Kolosovskaya

After the general character of the ethnic and social composition of the Pannonian population before and after the Marcomanni wars was established by the researches of A. Mócsy and L. Barkóczi it became possible to investigate the different components of this population in detail, and in reference to a definite period. In the present article an attempt is made to determine the part played by Italian freedmen in the social Romanisation of Pannoni a on the basis of a group of inscriptions containing the *nomina* Caesernii, Barbii, Statii, Petronii, Juventii, Titii, all of North Italian origin. The author concludes that, judging by the epigraphic al monuments of the province, North Italian freedmen comprised, after the *veterani*, the most notable group among the city population, and that the freedmen contributed no less than the *veterani* to the formation of the citizen communities. The charitable activities of the freedmen, their participation in the col - legia of Severi and Augustales, the fact that they might enter the *ordo decurionum* encouraged their self-assertion and raised their social standing. To some extent these inscriptions also reveal the social psychology of the freedmen.

[96] Сергеенко, Жизнь древнего Рима, стр. 286 слл.

[97] Очевидно, так ое превращение было нередким и особенно раздражающим, если именно этот пример Марциал использовал в эпиграмме:

Цин нам, ты называться хочешь Цинной.
Раз ве нет в этом, Цинна, варваризма?
Вед ь коль раньше бы ты Вораном звался,
Ты таким же манером стал бы Вором.

(Mart., VI, 17; пе ревод Ф. Петровского — Марк Валерий Марциал, Эпиграммы, М., 1968; Сергеенко, Жизнь древнего Рима, стр. 288).

[98] *Cognomen* P eculiaris носил отпущенник Марк Танний из Эмоны, служивший в cohortes vigiles в Р име во II в. и ушедший в отставку в 168 г. (D o b ó, 67).

[99] М. Е. Сергеенко, Неизвестные врачи древней Италии, ВДИ, 1960, № 4, стр. 119.

ПУБЛИКАЦИИ

МРАМОРНАЯ СТАТУЭТКА ГИГИЕЙИ ИЗ ХЕРСОНЕСА

(К вопросу о культе богов-врачевателей в Северном Причерноморье)

В 1965 г. экспедиция Государственного Исторического музея, проводившая раскопки большого общественного здания и главного городского водохранилища у южных крепостных стен городища, продолжала свою работу в северо-западной части исследуемой территории. Здесь были вскрыты поздние архитектурные объекты XIV — начала XV в. К ним принадлежат сохранившиеся нижние части стен двух больших смежных помещений хозяйственного назначения; через одно из помещений проходил крытый камнями водосток, окруженный каменной вымосткой. Среди бутовых камней, заложенных в вымостку, оказалась мраморная, сильно оббитая статуэтка Гигиейи. У нее были утрачены голова и шея, руки ниже локтя и ноги от колен (рис. 1). Сохранившаяся часть статуэтки имеет высоту 280 мм, ширину в плечах — 170 мм, внизу — 160 мм, толщину сбоку — 110 мм. Задняя сторона статуэтки обработана суммарно, по-видимому, статуэтка должна была стоять в неглубокой нише и быть прислоненной к стене и потому могла обозреваться лишь с трех сторон [1]. Сглаженность задней стороны объясняется еще и тем, что фигурка лежала ничком среди камней вымостки и по ее спине ходили не одно десятилетие.

Эта статуэтка Гигиейи относится к категории строго одетых культовых скульптур. Поверх нижнего хитона, доходившего, очевидно, до ступней ног и трактованного широкими вертикальными складками, особенно с правой стороны, наброшен гиматий, полностью закрывающий правую руку и верхнюю часть плеча левой руки. Гиматий, свешивающийся спереди клином до левого колена, умело подчеркнут тяжелыми горизонтальными складками. С левой стороны фигуры рельефно изображена нижняя часть туловища змеи, что и позволило определить находку как изображение богини здоровья Гигиейи — дочери бога-врачевателя Асклепия (рис. 2). Следует отметить, что это — первая находка атрибутированного статуарного изображения Гигиейи в Северном Причерноморье. До сих пор местные изображения ее известны были только на монетах, геммах и в одном случае на вазовом рельефе.

---

[1] Интересно сообщение Павсания о статуе Гигиейи в храме Аскелепия в Титане: «Ее статую не так-то легко увидеть, настолько она вся покрыта женскими волосами, которые женщины отрезают в честь богини, а также разорванными на ленты кусками вавилонских материй» (P a u s., II, 11, 6; здесь и далее П а в с а н и й, Описание Эллады, пер. С. П. Кондратьева, М., 1938).

Рис. 1

Но если в Северном Причерноморье статуэтка Гигиейи пока что уникальна, то в странах Средиземноморья статуи Гигиейи не представляют редкости [2]. Сопоставляя сохранившуюся атрибуцию нашей статуэтки с другими, известными в Средиземноморье изображениями Гигиейи, можно с большой долей вероятности восстановить ее первоначальный облик [3]. Змея обвивала левую руку ниже локтя у запястья, хвостовая часть туловища свешивалась вдоль левого бока, а голова змеи с верхней частью туловища тянулась к чаше, находившейся в правой руке богини. Правая рука с чашей была укреплена на свинцовых штырях, основания которых еще сохранились в круглых дырочках, просверленных по краю гиматия с правой стороны. Чаша была глубокая и большая, так как держалась не только в руке, но и упиралась в правый бок фигуры (рис. 3). Поэтому правое плечо опущено ниже левого и, судя по складке гиматия у шеи, направо же была наклонена голова, также укрепленная на свинцовом штыре, следы которого отчетливо сохранились у основания шеи. Взгляд богини был устремлен на голову змеи у чаши. Таким образом, перед нами характерное изображение Гигиейи, кормящей посвященную ей змею [4]. Однако следует отметить, что змеи как у Гигиейи, так и у Асклепия играют подчиненную этим божествам роль; они — только атрибут их, как и змеи Трофония и Геркины [5] или священная змея Афины. В орфических культах змея играет роль самостоятельную, являясь как бы олицетворением божества, поэтому часто употребляемый у нас термин «сцена кормления змеи» относится именно к орфическим действиям, когда змею кормит жрица или менада [6].

Культ Асклепия, который связан с культом его дочери Гигиейи, несомненно существовал в Херсонесе в первые века н. э., как о том свидетельствует надпись, упоминающая храм Асклепия (IOSPE, I², 376), и

---

[2] Свод статуарных изображений Гигиейи дан в шеститомной работе С. Рейнака: S. Reinach. Répertoire de la Statuaire Grecque et Romaine. P., 1897—1930, т. I (1897), стр. 155, 190—195; т. II (1898), стр. 298, 299, 300; т. III (1904), стр. 91, 92; т. IV (1910), стр. 177; т. V (1924), стр. 128, ч. 2, стр. 495; т. VI (1930), стр. 72. На большинстве строго одетых фигур Гигиейи та же драпировка одежды, так же перекинут плащ и датируются они первыми векам н. э.

[3] Графическую реконструкцию статуэтки воспроизвел художник Государственного Исторического музея Е. В. Успенский.

[4] У большинства собранных С. Рейнаком изображений Гигиейи змея находится в правой руке, а чаша в левой.

[5] Paus., IX, 39, 3: «В пещере находятся истоки реки (Геркины) и статуи в виде стоящих прямо фигур с жезлами в руках, а вокруг жезлов обвились змеи. Всякий легко догадается, что это статуи Асклепия и Гигиейи, но они могут быть также статуями Трофония и Геркины, так как змеи считаются посвященными столько же Асклепию, сколько и Трофонию».

[6] Л. А. Стефани, Кормление змей при орфических таинствах, «Записки Имп. Академии наук», СПб, 1874, стр. 6 сл.

Рис. 2

Рис. 3

находки статуарных изображений этого божества того же времени [7]. Говорить о существовании культов Асклепия и Гигиейи в Херсонесе более раннего времени мы не можем из-за отсутствия соответствующих доказательств. В Ольвии и на Боспоре культ Асклепия засвидетельствован в период эллинизма [8]. Существование особого культа Гигиейи в Ольвии предполагал Б. В. Фармаковский на основании находок нескольких фрагментов статуэток (обломки торса и головки юной богини) и надписей с именем Гигиейи на некоторых сосудах [9]. Но характерных атрибутов вроде змеи или чаши на этих фрагментах нет, а имя Гигиейи, так же как и орнаментальные гирлянды, изображены краской — разжиженной глиной на привозных сосудах скорее всего александрийского происхождения, поэтому трудно сказать, предназначались ли они специально для Ольвии.

Отправление культов богов, связанных общими функциями врачевания могло совершаться в одном храме, но с отдельными алтарями, чему известно множество примеров на территории самой Греции и о чем под-

---

[7] Г. Д. Белов, Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 г., МИА, № 4, 1941, стр. 204, рис. 3; А. Н. Щеглов, Скульптурные изображения Асклепия, «Сообщения Херсонесского музея», вып. 1, Симферополь, 1960, стр. 9 слл., рис. 1, 2.

[8] Б. В. Фармаковский, Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг., ИАК, вып. 13, СПб, 1906, стр. 191 сл., табл. III; Г. Хирст, Ольвийские культы, ИАК, вып. 27, СПб, 1908, стр. 133 сл. О Боспоре см. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.», М.— Л., 1941, стр. 262—265; М. М. Кобылина, Новые находки скульптуры в Пантикапее, МИА, вып. 103, 1962, стр. 180—181. О храме Асклепия в Пантикапее см. В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.— Л., 1949, стр. 162.

[9] Фармаковский, ук. соч., ИАК, вып. 13, стр. 177—178, стр. 214; он же, Раскопки некрополя древней Ольвии, ИАК, вып. 8, СПб, 1903, стр. 39—40.

робно говорит Павсаний [10]. Первая находка в Херсонесе статуарного изображения Гигиейи дает прямое указание на отдельный посвященный ей алтарь и на особый культ Гигиейи в конце II—III в. н. э. Об этом времени свидетельствуют и технические приемы обработки скульптуры: не заглаженные следы троянки и резца, схематизм моделировки (со стороны тыльной части), самый материал — проконнесский мрамор с серыми прожилками.

Дата изготовления нашей статуэтки — конец II — начало III в.н. э.— совпадает с датами известных нам изображений Гигиейи на монетах и геммах, найденных как в Херсонесе, так и в ближайшей его округе. Это — прежде всего гемма из яшмы темного красно-коричневого цвета с изображением стоящих Асклепия и Гигиейи. Гемма была найдена в богатой могиле херсонесского некрополя II—III вв. с другими вещами того же времени [11]. Гемма-инталья не служила печатью, так как была не в щитке перстня, а заключена в серебряную оправу в виде веночка с петлей и носилась как медальон на груди (оправа из низкопробного серебра сильно окислилась и на воздухе распалась). М. И. Максимова, изучавшая геммы, найденные в Северном Причерноморье, выделила из них группу памятников местного происхождения [12]. К этой группе на основании стилистического сходства и техники изготовления М. И. Максимова отнесла как херсонесскую гемму с изображением Асклепия и Гигиейи, так и геммы с изображением боспорских правителей. Автор считает их произведениями местных, т. е. херсонесских и боспорских резчиков [13]. В пользу мнения М. И. Максимовой о местном, херсонесском происхождении геммы с изображением Асклепия и Гигиейи свидетельствуют находки из раскопок Государственного Исторического музея в 1967 г. нескольких небольших кусочков точно такой же яшмы, которые, судя по округлости некоторых сторон, служили материалом для заготовок гемм или бус [14].

В литературе нет подробного описания херсонесской геммы, поэтому будет не лишним привести его здесь. В правой руке Асклепия — короткий посох, который обвивает змея. Верхняя часть фигуры обнажена, нижняя —

[10] Paus., I, 34, 3: «...у жителей Оропа есть храм Амфиария и его статуя из белого мрамора. Его жертвенник разделен на отдельные части: одна посвящена Гераклу, Зевсу и Апполону Пэону (Спасителю, Целителю), вторая посвящена герою и женам героев, третья — Гестии, Гермесу, Амфиарию и из сыновей его Амфилоху..., четвертая часть жертвенника посвящена Афродите Панакее (Всеисцеляющей), кроме того Иасо (Лечению), Гигиеи (Здоровью) и Афине Пэонии (Целительнице). Пятая предназначена нимфам, Пану и рекам Ахелою и Кефису». Что касается Афины, то, по указанию Павсания, ее также иногда именовали Гигиейей; VII, 28, 1: «Здесь есть храм Асклепия из пентеликонского мрамора.—Есть тут и статуя Гигиеи (Здоровья). Эти статуи — творения Скопаса»; VIII, 32, 4: «Направо от храма Артемиды Агротеры есть священный участок. Там находится храм Асклепия и статуи его самого и Гигиеи»; VIII, 47, 1: «На одном пьедестале с Афиной стоят с одной стороны — Асклепий, с другой — Гигиея. Обе эти статуи из пентеликонского мрамора, работы Скопаса из Пароса»; V, 20, 3; «В храме Геры [в Олимпии]... с обеих сторон стоят: с одной — Асклепий и одна из дочерей Асклепия, Гигиея, а также Арес и рядом с ним Состязание, с другой — Плутон (Богатство) и Дионис, Персефона и две нимфы, из которых одна несет мяч...»; V, 26, 2: «Около большого храма [в Олимпии]. на левой его стороне... статуи богов—Асклепия и Гигиеи».

[11] К. К. Косцюшко-Валюжинич, Отчет о раскопках в Херсонесе в 1894 г., ОАК за 1894, СПб, 1896, стр. 64, рис. 92, могила № 441.

[12] М. И. Максимова, Античные печати Северного Причерноморья, ВДИ, 1937, № 1, стр. 261, рис. 4; она же, Резные камни, сб. «Античные города Северного Причерноморья», I, М.— Л., 1955, стр. 445, табл. 11 (7). В настоящее время хранится в Гос. Эрмитаже, инв. № 743.

[13] Максимова, Античные печати..., стр. 260.

[14] Н. В. Пятышева, Отчет о раскопках в Херсонесе в 1967 г. Архив. ГИМ. Сколько-нибудь значительных выходов яшмы в Крыму не имеется. Камень этот в виде гальки и сейчас встречается на морском берегу в окрестностях Карадага и Карагача. В настоящее время промыслового значения не имеет, но в древности вполне мог служить материалом для местных резчиков, как боспорских, так и херсонесских.

задрапирована плащом, оставляющим открытыми ступни ног и нижние части икр. Левая рука его согнута в локте и прижата к боку. На голове — шляпа с яйцевидной тульей и загнутыми вверх полями. Гигиейя — в длинной, закрывающей ноги одежде с открытыми шеей и руками. На левой изогнутой в локте и отставленной влево руке она держит плоскую чашу — патеру. Правой опущенной рукой поддерживает большую змею, проползающую под ее левую руку и поднявшую над чашей голову. На лбу Гигиейи широкая повязка, волосы собраны в низко лежащий на шее узел. Первое, что бросается в глаза при взгляде на изображенные фигуры,— отсутствие органической композиции. Несмотря на то, что по своему смысловому содержанию обе фигуры тесно связаны, резчик не сумел найти пластическое связующее звено. Он просто поставил их рядом на одном постаменте, поэтому каждая из них представляет самостоятельное целое. Фигуры Асклепия и Гигиейи стоят в фас с повернутыми друг к другу головами в профиль, но даже этот поворот не связывает их композиционно. Другие известные нам статуарные группы Асклепия и Гигиейи представляют гораздо большую композиционную целостность [15].

Если мы можем предположить, что гемма — произведение местного херсонесского резчика, который перенес в глиптику знакомые ему статуарные изображения божества, то возникает вопрос, были ли сами статуи произведениями местных мастеров или они являлись предметами ввоза. Пока что ответить на этот вопрос не представляется возможным, так как не найдены сами статуи, подобные изображенным на гемме. Но в связи с этим представляют большой интерес рельефные изображения Асклепия и Гигиейи на вазе, найденной на периферии Херсонеса в могильнике конца III—IV в. н. э. [16] и опубликованной В. А. Анохиным [17]. Изображения на сосуде посвящены в целом одной теме — богам-целителям, но каждое из двух божеств дано раздельно с присущими каждому атрибутами. Самостоятельность каждого из божеств подчеркнута не только размещением их по противоположным сторонам сосуда, но и окружением фигур высокими деревцами, отделяющими их в пространстве друг от друга [18]. У Гигиейи змея — в левой, чаша — в правой руке, что, как и одежда, сближает ее с изображением на резном камне. Другие здесь прическа и атрибуты: у ног богини маленькая фигурка Телесфора и рядом дельфин (рис. 4). У Асклепия посох с обвившейся вокруг него змеей и рядом алтарь с горящей жертвой. В правой опущенной вниз руке Асклепий держит яйцо,

---

[15] См., например, группы Асклепия и Гигиейи, кормящих змей: R e i n a c h, ук. соч., т. I, стр. 69 или на рельефе из Салоник: две сидящие фигуры — на переднем плане Асклепий с посохом, за ним Гигиейя с чашей в левой руке. Перед ними змея на пьедестале. К голове змеи подносится чаша: Gustave M e n d e l, Musées imperiaux Ottomans, Catalogue des sculptures Grecques, Romaines et Byzantines, т. I., Constantinople, 1912, рис. на стр. 240; P a u s., XI,23,4; «Самой замечательной статуей из всех статуй Асклепия, которые сохранились в Аргосе до нашего времени, является статуя бога в сидячей позе из белого мрамора, а рядом с ним стоит богиня здоровья (Гигиея)»; VIII, 31,1: «Перед входом [в храм Великих богинь — Деметры и Коры] ...имеются два рельефных изображения: одно — Артемиды, другое — Асклепия и Гигиеи (Здоровья)».

[16] Раскопки С. Ф. Стржелецкого в 1956 г. у совхоза № 10 в 22 км от Херсонеса; о н ж е, Позднеантичный могильник в Инкерманской долине (предварительное сообщение), КСИА УССР, Киев, 1959, № 8

[17] В. А. А н о х и н, Кувшин с рельефными изображениями Асклепия и Гигиеи, КСИА, № 8, 1959, стр. 166—168.

[18] В. А. Анохин предполагает в этих деревцах маслину или лавр (ук. соч., стр. 166), мне же представляется, судя по большим круглым плодам, более правдоподобным видеть в них стилизованное гранатовое дерево, которому приписывались особые целительные свойства. См. Евг. К а г а р о в, Культ фетишей, растений и животных в древней Греции, СПб, 1913, стр. 161 сл.

Рис. 4

Рис. 5

к которому, отклонившись от посоха, тянется голова змеи (рис. 5) [19]. В. А. Анохин убедительно датирует вазу первой половиной III в. до н. э.[20], но, говоря о смысловом содержании изображений, он только Асклепию приписывает значение бога, в Гигиейе же видит лишь его эманацию. Однако для указанного времени такое толкование не может быть верным. Период поздней античности — период не только сложнейшего синкретизма в религиозных представлениях древних и создания новых религиозных систем [21]. В это время наблюдается и реминисценция старых религиозных учений (особая популярность древнего фракийского культа орфиков-сабазиастов), стремление к расширению самого пантеона божеств и усложнение их функций. Не случайно, что у Гигиейи, изображенной на вазе III в. н. э., кроме обычных атрибутов в виде змеи и чаши мы видим еще и Телесфора, который обычно изображается с Асклепием именно как эманация этого бога, а за Телесфором — дельфин. Дельфин — частый атрибут Афродиты, но еще ни разу не встречавшийся рядом с Гигиейей. Следовательно, здесь он символизирует новую функцию в ее культе, роднящую ее с культом Афродиты Морской, покровительницы моряков. На приведенных у С. Рейнака примерах мы видим рог изобилия в руках Гигиейи, связывающий ее с функциями Тихи-Фортуны [22], богини-покровительницы,

---

[19] А н о х и н, ук. соч., стр. 168. Полной аналогии этой сцене мне неизвестно. На одном вазовом рисунке изображен полулежащий Асклепий, в одной руке его — яйцо, в другой — чаша, из которой пьет змея. См. С. А. Ж е б е л е в, Религиозное врачевание в древней Греции, ЗРАО, т. VI, вып. 3—4, новая серия, СПб, 1893, стр. 398.

[20] А н о х и н, ук. соч., стр. 168.

[21] D. T u d o r, Corpus Monumentorum Religionis Equitum danuvinorum (CMRED), I. The Monuments, Leiden, 1969.

[22] R e i n a c h, ук. соч., т. I, 1897, стр. 294, рис. 3, 5, 6, 7; т. IV, 1910, стр. 177, рис. 8. Может быть, и у нашей статуэтки был рог изобилия? Судя по количеству штырей с правой стороны фигуры,— это возможно.

приносящей славу и богатство. Очевидно для первых веков н. э. можно говорить о значительном увеличении роли культа Гигиейи как в центральных областях, так и на периферии античного мира.

На монетах первых веков н. э. в Херсонесе встречаются изображения Асклепия и Гигиейи в рост как групповые, так и одиночные: на аверсе Асклепий, на реверсе — Гигиейя со змеей в правой руке [23]. Изображение Гигиейи на монетах не сходно с нашей статуэткой, а так как принято считать, что древние резчики копировали статуарную иконографию божеств [24], то очевидно, что в Херсонесе были и другие статуи Гигиейи, и наша находка — только одна из них.

Н. В. Пятышева

A MARBLE STATUETTE OF HYGIEIA FROM CHERSONESUS

by N. V. Pyatysheva

During the excavations conducted in Chersonesus by the Historical Museum in 1965 a badly damaged marble statuette of Hygieia was found (III century A. D.; height: 280 mm.). The head, arms, legs (from the knees) and part of the snake's torso are lost, but the tail remains, winding along the left side of the goddess. The damage is partly explained by the fact that the statuette was used for paving the courtyard of a mediaeval building of the XIV and early XV centuries. In spite of its poor state of preservation, the statuette has a definite interest for historians of North Black Sea cults, since it represents the first clear evidence of the independant role of Hygieia among the healing gods whose cults were spread throughout the ancient cities of this region. Up till now there was certain evidence only of the cult of Asclepius; that his daughter Hygieia was also worshipped here was no more than a conjecture. The 1965 find is decisive proof that there was an independant cult of Hygieia in Chersonesus in the first centuries A. D., which is undoubtedly connected with the growing influence of her cult not only in the West Black Sea area but also in the Mediterranean lands, where Hygieia was a very popular divinity.

---

[23] ИАК, вып. 20, СПБ, 1906, стр. 98; А. Н. З о г р а ф, Античные монеты, МИА, вып. 16, 1951, стр. 58 сл., табл. XXXVIII. *2*, *5*, *8*, *11*. Середина II — конец III в. н. э.

[24] На мегарских монетах, например, есть изображения Асклепия и Гигиейи, воспроизводящие статуи Бриаксиса, о которых говорят Павсаний и Плиний (P a u s., I, 40, 6; P l i n., HN, XXXIV, 73; B. H e a d, Historia Numorum, Oxf., 1911, стр. 394).

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

САНКЦИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЛИЦАМ, НЕ ВЫПОЛНЯВШИМ СВОИХ ПОВИННОСТЕЙ

(Термин nayyālu в Угарите)

В связи с опубликованием «Ugaritica», V многие сделанные до сего времени выводы о различных сторонах социально-экономической жизни древнего Угарита нуждаются в пересмотре. Среди этих вопросов находится также и проблема *наийялу* (nayyālu) в Угарите. В наших предыдущих работах мы указывали, что этим термином обозначался в Угарите царский служилый человек, не выполнивший своих повинностей и вследствие этого лишившийся своего повинностного надела [1]. Сегодняшнее состояние источников и появление нескольких работ, относящихся к этому вопросу, требует пересмотра этого вывода. Приводим имеющиеся тексты. PRU, III, 16.248: $_1$iš-tu $_2$ūmi an-ni-i-im$_2$ ^{I}Níq-ma-^{il}Adu mār Am-m[i-iš-tam-ri] $_3$it-ta-ši bīt-šu eqel^{M}-šu $_4$gáb-ba mi-im-mi-šu ša ^{I}Ig-ma-ra-^{il}Adu $_5$^{amēl}na-ya-li i-na ^{āl}A-ri $_6$ù bīt-šu eqel^{M}-šu $_7$ša ^{I}Ig-mar^{il}Adu i-na ^{āl}Iṣṣur-be-li $_8$ù i-din-šu a-na ^{I}Nu-ri-ya-na $_9$ù bīt-šu eqel^{H}-šu $_{10}$ša^{I}Bin-bu-uk-ra-na $_{11}$i-na ^{āl}Ma-ra-ba $_{12}$iš-ši-šu šarru ù i-din-šu $_{13}$a-na ^{I}Nu-ri-ya-na a-na mārī^{M}-šu $_{14}$a-na da-ri du-ri $_{15}$ú-ra-am še-ra-am ma-am-ma-an $_{16}$la i-le-qì iš-tu qāti^{ti} $_{17}$Nu-ri-ya-na iš-tu qāti^{ti} mārī^{M}-[šu] «$_1$С этого дня: $_2$Никмадду, сын Аммистамру, изъял[2] дом, поля $_4$вместе со всем прочим, что у Игмарадду, $_5$*наийялу* в (селении) Ари $_6$и дом и поле $_7$Игмарадду в (селении) Иццурбели $_8$и дал это Нурияне. $_9$И дом и поле $_{10}$Бинбукраны $_{11}$в (селении) Маʿарабу $_{12}$изъял царь и дал это $_{13}$Нурияне и сыновьям его $_{14}$навеки. $_{15}$Завтра и послезавтра [3] никто (пусть) $_{16}$не заберет из рук $_{17}$Нурияны (и) из рук сыновей [его]».

Из данного текста явствует, что царь Никмадду II среди прочих земель изъял землю и проч е угодья *наийялу* Игмарадду, который ими владел в двух селениях, Ари и Иццурбели, и передал их Нурияне — царскому брату [4].

Табличка PRU, III, 15.89 также относится по времени Никмадду II, причем в тех же выражениях, как и в предыдущем тексте, здесь речь идет о том, что царь «$_4$изъял дома его, поля его $_5$и все, что у него, $_6$от Илишалимы, брата Далилу, $_7$*наийялу*, и дал это $_8$Ахатимилку, $_9$дочери Далилу» ($_4$it-ta-ši bīt-šu eqil-šu $_5$gáb-bá mi-im-mi-šu $_6$ša ^{I}Ili-ša-li-ma aḫi ^{I}Da-li-li $_7$^{amēl}na-ya-li ù id-din-šu $_8$a-na ^{I}A-ḫa-ti-milku $_9$mārat ^{I}Da-li-li). Далее говорится о том, как новая владелица может распоряжаться данной недви-

[1] М. Л. Г е л ь ц е р, Сельская община и прочие виды землевладения в древнем Угарите, ВДИ, 1963, № 1, стр. 56; о н ж е, Повинностное землевладение в древнем Угарите, LAMMD, IX, 1967 (1968), стр. 203—204; о связи nayyālu с царской властью см. также R. H a a s e, Zum Recht von Ugarit, RIDA, XI, 1964, стр. 3—17.

[2] Относительно перевода этого термина см. Н. Б. Я н к о в с к а я, Общинное самоуправление в Угарите, ВДИ, 1963, № 3, стр. 42—43.

[3] Т. е. «в будущем», «в дальнейшем».

[4] См. Г е л ь ц е р, Повинностное землевладение..., стр. 206; о н ж е, Некоторые вопросы аграрных отношений в Угарите, ВДИ, 1960, № 2, стр. 89.

жимостью и кому она может ее передавать. В конце же текста сказано: «$_{20}$И повинность дома $_{21}$пусть они несут» (ù ú-nu-uš-ša ša bīti $_{21}$ub-ba-lu).

Из этого текста явствует, что данная земля имела «повинность дома» и что земля передается царем племяннице по отцовской линии предыдущего держателя или владельца этой земли. Интересно и то, что речь идет о женщине, которая теоретически также могла стать *наййалу*.

PRU, III, 16.141 также датируется временем Никмадду II; в ней говорится, что царь «изъял дом, поле и все, что у $_{6}$Бин-Ямхана, *наййалу*, $_{7}$и дал это Яримму $_{8}$и сыновьям его навеки» ($_{6}$ša ^{I}Bin-Ya-am-ḫa-na ^{amēl}na-ya-li $_{7}$ù id-din-šu a-na ^{I}Ya-ri-im-mi $_{8}$ù a-na mārī^{M}-šu a-na da-ri du-ri). Далее речь идет о том, что некая Инуми дается в жены Яриму. Другими словами, ясно, что землю эту получил ц а р с к и й ч е л о в е к. Текст заканчивается перечислением возможных последствий расторжения брака по инициативе Инуми.

PRU, III, 16.174. Согласно этому тексту, Никмадду II изымает «поля $_{5}$Такияну, сыну Камалибаду, $_{6}$*наййалу*, $_{7}$и отдает это $_{8}$Туппияне, *шатамму*. $_{9}$Во-первых, Туппияну $_{10}$за 135 (сиклей) серебра $_{11}$это купил $_{12}$за полную цену — (определенную). $_{13}$И во-вторых, изъял это $_{14}$царь и дал это $_{15}$Туппияне» (*далее идут формулы неотчуждаемости этой земли от Туппияну*) ($_{5}$ša ^{I}Ta-ki-ya-na mār Ka-ma-li-ba-di $_{6}$^{amēl}na-ya-li $_{7}$ù id-din-šu $_{8}$a-na ^{I}Tup-pi-ya-na ^{amēl}šatammi $_{9}$išten^{en}-šu ^{I}Tup-pi-ya-nu $_{10}$i-na 1 me-at 35 kaspi $_{11}$il-te-qi-šu $_{12}$i-na šimti gamirti: ṣu-um-mu-dá $_{13}$ù ša-na-am it-ta-ši-šu $_{14}$šarru ù id-din-šú $_{15}$a-na ^{I}Tup-pí-ya-na).

Согласно этому документу, земля *наййалу* отчуждается царем и ее получает должностное лицо — *шатамму*. Однако за нее он платит «полную цену» — 135 сиклей серебра. Из этого текста не ясно, кому производится плата — *наййалу* или царю, но другой текст — U, V, 9 (см. ниже) — заставляет сделать вывод об уплате цены в казну. В любом случае важно то, что изъятая земля *наййалу* передается царскому должностному лицу. Конец текста разбит, и мы не знаем, связана ли с землей помимо цены какая-либо служба или повинность. В то же время факт уплаты 135 сиклей за эту землю может указывать на то, что речь идет о земле не царского повинностного фонда, а об общинной земле, конфискованной царем у *наййалу* и переданной царскому служилому человеку в собственность.

С текстом PRU, III, 15.89 в определенной мере перекликается PRU, III, 16.262. В нем также говорится, что Никмадду II «изъял дом, поля $_{5}$со всем, что у него, $_{6}$у Яшлиману, сына Ба'алаци, $_{7}$*наййалу*, $_{8}$и дал это $_{9}$Аданумму. $_{10}$И Аданумму $_{11}$службу дома пусть несет» (*далее следует обычная формула, запрещающая отчуждение земли от Аданумму и его наследников*) ($_{4}$it-ta-aš-ši bīta eqlāti^{M} $_{5}$qá-du gáb-bi mi-im-mi-šu $_{6}$ša ^{I}Ya-aš-li-ma-na mār ^{il}Ba'ala-ṣi $_{7}$^{amel}na-ya-li $_{8}$ù it-ta-din-šu $_{9}$a-na ^{I}A-da-nu-um-mi $_{10}$ù ^{I}A-da-nu-um-mu $_{11}$pi-il-ka$_{1}$ ša bīti ú-bal). Таким образом, если текст PRU, III, 15.89 упоминает «unuššu дома», то данный текст — «pilku дома», что доказывает тождество этих терминов [5]. Кроме того, нам ясно, что с этим «домом» или землей как таковыми была связана определенная служба, которая известна получателям земли, а предыдущие ее держатели, не выполнив ее, превратились в *наййалу*.

От предыдущего текста несколько отличается текст PRU, III, 15.Y. Он составлен во время короткого правления царя Архалбу, сына Никмадду II [6]. В нем также говорится, что этот царь: $_{4}$it-ta-ši bīta^{H} eqlāti^{M} $_{5}$ša ^{I}Bin-ḫa-at-ti-ya-ma $_{6}$^{amēl}na-ya-li ù id-din-šu $_{7}$a-na ^{I}Tup-pí-ya-na $_{8}$ù ip-ṭur-šu $_{9}$iš-tu ^{amēlM}aškāpūti^{ti} $_{10}$ù iš-ku-un-šu $_{11}$i-na ^{amēlM}ZAG. LU^{ti} «$_{1}$изъял дом (и) поля $_{5}$Бин-Хатиямы, $_{6}$*наййалу*, и дал их $_{7}$Туппияну $_{8}$и освободил его $_{9}$от (должности) кожевника $_{10}$и поставил его литейщиком» [7]. Далее

[5] См. M. D i e t r i c h, O. L o r e t z, Die soziale Struktur von Alalaḫ und Ugarit, WO, III, 1966, 3. стр. 194—197.

[6] См. M. L i v e r a n i, Storia di Ugarit, Roma, 1962, стр. 57—58.

[7] Относительно ZAG.LU «литейщик» см. М. Г е л ь ц е р, Организация ремесленного производства в Угарите, ПС, XIII, 1965, стр. 51—54; см. также A. F. R a i n e y, A Social Structure of Ugarit, Jer., 1967, стр. 33, прим. 207 и стр. 80, прим. № 310—314, где автор ошибочно интерпретирует данную шумерограмму, переставляя произвольно два входящих в нее знака.

речь идет о том, что некий литейщик был поставлен на место кожевника, однако нет никакого указания на то, что им был *наййалу* Бин-Хатияма. В тексте также говорится, что Туппияну должен «службу литейщика нести» ($_{16}$píl-ka ^{amēl}MZAG.LU^{ti} ú-bal). Другими словами, здесь речь явно о царской земле повинностного фонда, с которой была связана определенная царская служба. Наиболее интересно, однако, здесь то, что царь Архалбу в другом документе (PRU, III, 16.142) говорит об изъятии земли того же Бин-Хатиямы и об ее передаче Туппияну. Тут, однако, Бин-Хатияма не назван *наййалу*, а Туппияну получает эту землю при условии, что он $_{8}$pí-il-ka $_{9}$ša ^{amēl}aškāpi $_{10}$ú-ba (*описка вместо ú-bal*) «$_{8}$службу $_{9}$кожевника $_{10}$пусть он несет». Сравнение этих текстов дает весьма интересные сведения. Помимо того, что земля была изъята у *наййалу* и передана другому, а затем этот другой на той же царской земле по приказу царя сменил свою «службу», из текста PRU, III, 16.142 становится ясным, что не каждый раз, когда земля изымалась у *наййалу*, сам факт, что человек оказался *наййалу*, оговаривается в тексте. К сожалению, мы до сих пор не можем утверждать, что любое из многочисленных изъятий и передач земли, известных из многочисленных юридических текстов Угарита, производилось у *наййалу*.

Следующий документ, относящийся к середине XIII в. до н. э.,— PRU, III, 15.145 — датируется правлением царя Аммистамру II. Согласно тексту, этот царь $_{4}$it-ta-ši 4 ikī eqla^{H} ù 1/3 ikā eqla $_{5}$ù 5/6 ikā ^{is}karāna qa-du ^{is}serdi^{M}-šu $_{6}$qa-du: ḫi-i-ya-ša ša ^{I}Ili-ya-na $_{7}$mār Pu-uš-ma-na ^{amēl}na-ya-li $_{8}$i-na eqli: aṭ-ma-na $_{9}$ù 5(?) ikī eqla^{H} $_{10}$ù 1/2 ikā ^{is}karāna qa-du ^{is}serdi^{M}-šu $_{11}$[qa-du] ḫi-i-ya-šu ša ^{I}Ka-az-zi $_{12}$[amēl]na-ya-li i-na eqli: aṭ-ma-ni $_{13}$[ū i]d-din-šu-nu šarru $_{14}$[a-na] ^{I}Kur-wa-na mār ^{il}Ba^{c}ala-az-ki $_{15}$ù a-na māri^{M}-šu a-di da-r[i]-ti «$_{4}$Изъял 4 1/3 *ику* поля $_{5}$и 5/6 *ику* виноградника вместе с оливковой рощей его, $_{6}$вместе с усадьбой (*хурритск.* (?) *или угар.* (?) *соответствие слову dimtu* (?). Илияну, $_{7}$сына Пушману, *наййалу*, $_{8}$среди полей Атману $_{9}$и 5 (?) *ику* поля, $_{10}$и 1/2 *ику* виноградника вместе с оливковой рощей его, $_{11}$[вместе] с усадьбой (?) Каззу, $_{12}$*наййалу*, среди полей Атману $_{13}$[и д]ал их царь $_{14}$Курване, сыну Баалазки, $_{15}$и сыновьям его навеки». Далее, вслед за формулой о неотчуждаемости данных угодий следует $_{14}$ù píl-ka ya-nu i-na eqlī^{H} an-nu-ti «И службы нет с этих полей». Другими словами, царь отобрал землю в одной местности у двух *наййалу*, которые владели участками разной величины и передал их одному лицу, Курване, причем в противоположность документам, говорящим о виде службы лица, получающего землю, или о несении «повинности дома», здесь речь идет о формуле иммунитетного характера, освобождающей от какой бы то ни было службы.

Текст PRU, III, 15.122 дошел в весьма фрагментарном виде. В нем также говорится, что царь Аммистамру II $_{4}$[it-ta-]aš-ši $_{5}$[bīta^{H} (?)] eqla^{H} qa-du ^{bīt}dimti-šu $_{6}$[qa-du ^{is}s]erdi^{M}-šu ^{is}karāni^{M}-šu $_{7}$[ša A-dal(?)-š]i-in-ni $_{8}$[mār (?)...]a-na ^{amēl}na-ya-lu $_{9}$[ù eqlāt^{M}(?)] al-la-ni (*сткк. 10—12 нечитаемы*) $_{13}$[ù i]t-ta-din-šu-nu $_{14}$^{I}A-mis-tam-ru šár ^{āl}Ú-ga-ri-it $_{15}$a-na ^{I}Kabit-ya-na $_{16}$ù bīta eqla^{H} ^{is}serdi^{M} ^{is}karāni^{M} $_{17}$ša ^{I}Ki-il-pí-ib-ri ^{amēl}šatammi $_{18}$i-na ^{āl}Uḫ-nap-pi^{8} $_{19}$ù it-ta-din-šu-nu $_{20}$^{I}A-mis-tam-ru mār ^{I}Níq-me-pa $_{21}$šár ^{āl}Ú-ga-ri-ti $_{22}$a-na ^{I}Kabit-ya-na a-di da-ri-ti $_{23}$i-na $_{2}$ūmi^{M} balāṭi gamri-šu $_{21}$[amēlu ma-am]a-an la i-la-qi-šu-nu $_{25}$[iš-tu qāti] ^{I}Kabit-ya-na $_{26}$[ù ^{I}Kabit-y]a-nu 2 me-at kaspa $_{27}$[a-na šimti^{t}]^{i} -šu it-ta-din $_{28}$[a-na ^{I}A-m]is-tam-ri mār ^{I}Níq-me-pa $_{29}$[šár ^{āl}Ú]-ga-ri-ti $_{30}$[an-nu-ú (?)] píl-ka-šu ša ^{amēl}šatammūti^{ti} «$_{4}$[изъ]ял $_{5}$[дом?], поле вместе с усадьбой его [вместе с оли]вковой рощей его (и) виноградником $_{7}$[Адал(?)]шинну, $_{8}$[сына...] яну, *наййалу*, $_{9}$[и поля] Аллани (местность) ... $_{13}$[и д]ал их $_{14}$Аммистамру, царь Угарита, $_{15}$Кабитяне. $_{16}$И (изъял) дом, поле, оливковые рощи, виноградники $_{17}$Кильпибри, *шатамму*, $_{18}$в селении Ухнаппу $_{19}$и дал их $_{20}$Аммистамру, сын Никмепа, $_{21}$царь Угарита, $_{22}$Кабитяне навеки. $_{23}$В течение дней всей его жизни $_{24}$[никт]о пусть не заберет $_{25}$[из рук] Кабитяны. $_{26}$[И Кабитя]ну 200 (сиклей) серебра $_{27}$[цен]у этого даст $_{28}$[Амм]истамру, сыну Никмепа, $_{29}$[царю У]гарита. $_{30}$[Это (?)] службу его *шатаммства*».

---

[8] Угар. написание Uḫnp; о таком чтении названия этого селения вместо Aḫnabbu см. Гельцер. Повинностное землевладение..., стр. 184, прим. 14.

Таким образом, Кабитяне передаются: а) угодья одного *наййалу*, б) поле, изъятое еще у кого-то, и в) повинностный надел *шатамму* [9] в селении Ухнаппу, изъятый у *шатамму* Кильпибри; Кабитяна должен за это нести службу *шатамму*. Однако при этом он должен еще уплатить 200 сиклей серебра. Не совсем ясно, как это понимать. Вряд ли это плата за все угодья в целом. Очевидно, повинностный участок *шатамму* переходил за несение соответствующей службы, а 200 сиклей были уплачены за передачу Кабитяне угодий *наййалу* и другого участка земли, характер которого из-за фрагментарности текста остается неизвестным. Это предположение опирается на сравнение с текстом PRU, III, 16.174. Следовательно, земли, отобранные от *наййалу* и передаваемые за плату одному и другому *шатамму* в документах 15.122 и 16.174, были выделены этим *шатамму* сверх их служебного надела.

Вероятно, весьма сходным с PRU, III, 16.174 и 15.122 был и документ PRU, III, 15.141, от которого до нас дошло лишь начало. И здесь царь Аммистамру II $_4$it-ta-ši eqlāti^M ša Kur-ba-na $_5$mār Ni-il-ta-na ^{amēl}na-ya-lu $_6$ša i-na eqlāti^M Ṣa-i $_7$qa-du dimti-šu $_8$qa-du ^{iš}serdi^M-šu $_9$qa-du ^{iš}karāni^M-šu $_{10}$qa-du gab-bi mim-mu-šu $_{11}$ù eqlāt^M ^{I}Ya-qu-ri ^{amēl}šatammi $_{12}$ša i-na eqlāti^M Ṣa-i (*далее текст не сохранился*) «$_4$изъял поля Курбану $_5$сына Нильтану, *наййалу*, $_6$которые среди полей (селения) Цау, $_7$вместе с усадьбой его, $_8$вместе с оливковыми рощами его, $_9$вместе с виноградниками его, $_{10}$вместе со всем, что у него, $_{11}$и поля Якуру, *шатамму*, которые среди полей Цау...». Возможно, что далее в тексте говорилось о передаче повинностного участка новому *шатамму* и плате, которую новый владелец земли вносит за полученные им бывшие участки *наййалу*. Однако утверждать этого мы пока не можем.

Текст PRU, III, 15.168, также датируемый временем Аммистамру II, повествует нам, что царь $_4$[it-t]a-ši bīt ša ^{I}Qà-tu-na $_5$[amē]^{l}na-ya-li ša i-na ^{āl}Rēši [10] $_6$ù it-ta-di-in-šu $_7$a-na ^{f}Qi-ri-bi-li $_8$ù i-na-an-na ^{f}Qi-ri-bi-lu $_9$ti-ir-ta-ṣí-ip $_{10}$bīta an-na[-a (*далее следует формула неотчуждаемости владения*) «$_4$[Из]ъял дом Катуну, $_5$*наййалу* в селении Решу $_6$и дал это $_7$(женщине) Кирибэлу. $_8$И Кирибэлу $_9$пусть отстроит дом этот».

Итак, в данном тексте идет речь лишь о доме, без прочих угодий. Интересно и то, что дом *наййалу* передается женщине (так же как в тексте PRU, III, 15.89). Еще более заслуживает внимания тот факт, что новая владелица должна отстроить дом, который, возможно, оказался в запустении именно по вине *наййалу*. Вполне возможно, что дом этот имел и какие-то общественные функции и его поддержание в порядке являлось определенной повинностью, которую Катуну не был в состоянии нести и что вменялось в обязанность Кирибэлу.

Следует еще фрагментарный текст PRU, III, 16.86, тоже датируемый тем же правлением. В стк. 7 мы читаем: [...]ga-ni ^{amēl}na-ya-li i-na ^{āl}Bīri «[...]гану, *наййалу* в (селении) Биру». Вероятнее всего, и здесь речь шла о лишении *наййалу* земли.

Таким образом, мы узнаем о *наййалу* в селении Биру, Решу (PRU, III, 15.168), Цау (15.141), Ари и Иццуребели (16.248) и, возможно, и Марабу (16.248), хотя лицо, у которого изымается земля, не названо по имени.

Значительно отличается по своему формуляру от всех приведенных выше документов текст U, V, 9 (RS, 17.61). Приводим его полностью: $_1$iš-tu ūmi^{mi} an-ni-im $_2$a-na pa-ni ^{amēl}šibūte^{te} $_3$^{I}I-ri-bi-ilu ^{amēl}sākin (MAŠKIM) ^{āl}Ríq-di $_4$it-ta-ši bīta eqla^M gáb-ba mi-i[m-m]i-ši-na $_5$ša mārat Ya-ak-ni ù ša māra[t x]-ab-i $_6$^{amēl}na-ya-lu-ti $_7$ù it-ta-din-š[u] a-n[a] ^{I}Abdi-^{il}Yaraḫ mār Ku-um-^{il}U $_8$i-na 3 me-at kas[pi] $_9$eqlu^M ṣamid $_{10}$ur-ra šera-am $_{11}$ma-an-nu-um-ma $_{12}$ú-ul i-leq[-qi-š]u $_{13}$iš-tu qāti ^{I}Abdi-^{il}Yaraḫ $_{14}$ù qāti mārī^M-šu $_{15}$šību ^{I}Tub-bi-ya-nu mār Ar-su-wa-na $_{16}$šību ^{I}I-mi-da-nu mār Ku-za-na $_{17}$šību ^{I}Abdum mār Abdi-^{il}Rašap $_{18}$šību ^{I}Ili-^{il}Rašap mār Tu-ba-na $_{19}$šību ^{I}Abdi-^{il}Rašap mār Tub-bi-te-na $_{20}$šību ^{I}Abdi-a-šar-ti mār Ya-an-ḫa-am-mi $_{21}$^{aban}kunuk ^{I}I-ri-bi-ilu $_{22}$^{I}Ilu-milku ^{amēl}ṭup-šarru. «$_1$С этого дня $_2$перед лицом свидетелей, $_3$Ирибилу, *сакину* (селения) Рик-

[9] См. там же, стр. 191.

[10] Относительно чтения Rēšu вместо *Maxcucy* у Ж. Нугэроля см. Гельцер, Повинностное землевладение..., стр. 189, прим. 50.

ди [11], [4]изъял дом, поля (и) все, что у нее, [5]дочери Якну и дочер[и *X*]аби, [6]*наййалу* [12], [7]и дал эт[о] Абдияраху, сыну Кум-у [13], [8]за 300 (сиклей) серебра. [9]Поля эти находятся (во владении Абдияраха). [10]В будущем [14] [11]никто [12] пусть не заберет этого [13]из рук Абдияраха [14]и рук сыновей его. [15]Свидетель Туббияну, сын Арсувану; [16]свидетель Имидану, сын Кузаны; [17]свидетель Абдум, сын Абдирашапа; [18]свидетель Илирашап, сын Тубану, [19]свидетель Абдирашап, сын Туббитены; [20] свидетель Абдиашарти, сын Янхамму. [21]Печать Ирибилу. [22]Илумилку, писец». Данный текст по формуляру и целому ряду других признаков отличается от ранее приведенных. Во-первых, он составлен не от имени царя, но от имени *сакину* селения Рикди, который скорее всего был, однако, представителем царской администрации. Во-вторых, документ засвидетельствован свидетелями. Их должности не указаны, и это, возможно, свидетельствует, что они были просто членами селения-общины Рикди. В-третьих, на этом документе отсутствует царская или «династическая» печать и стоит личная печать Ирибилу, *сакину* селения Рикди. Интересно и то, что земли изымаются у двух женщин, жительниц Рикди. Невозможно установить, владели ли они этой землей совместно или речь идет о разных владениях. Вероятнее второе предположение. Таким образом, текст дает возможность сделать вывод, что здесь речь идет несомненно не о царских служилых людях, но об общинниках (общинницах), возможно о вдовах, которые после смерти мужа или из-за других обстоятельств не могли выполнять своих повинностей. Вероятно, именно поэтому *сакину* Ирибилу,— по-видимому, представитель царской администрации в Рикди — лишает их земли и передает ее за соответствующую плату Абдияраху. Должность последнего также не указана; вероятно, он становился собственником земли внутри общины и должен был нести общинные повинности. Уплаченную же сумму серебра получил Ирибилу, возможно, как представитель царской администрации, подобно тому как в PRU, III, 15.122 и 16.141 — за изъятую от *наййалу* землю ее получатели выплачивают соответственно 200 и 135 сиклей серебра царю. Вполне возможно, что эти суммы взимались как компенсация за убыток от недовыполненных общинных повинностей в пользу государства.

Таким образом, напрашивается вывод, что те *наййалу*, при упоминании которых не указана их «служба» (должность), а отмечено лишь селение, где они имели свою землю, были общинниками, и царь Угарита конфисковал их землю с последующей ее передачей другим лицам.

Другие документы (PRU, III, 15.89, 16.262 и, возможно, 15.168) свидетельствуют об изъятии земли, обязанной «службой дома» (pilku bīti). Еще в ряде случаев изъятие, если отмечается его должность, делалось и у служилого человека. В виде особой милости дается освобождение от повинностей (PRU, III, 15.145).

Итак, *наййалу* могли стать как общинники, так и люди, несшие «службу дома», и другие царские служилые люди, получавшие землю на условиях несения определенных обязанностей. Возможно также, что за счет изъятия земли у *наййалу* царь пополнял земельный фонд, предназначенный для раздачи служилым людям.

Пока у нас нет данных о том, какова была дальнейшая судьба *наййалу*. Теоретически они могли стать царскими служилыми людьми (bnš mlk) самого низшего ранга, однако данные об этом у нас пока отсутствуют.

Интересно здесь и еще одно обстоятельство. Царская власть рассчитывала повинности на селение-общину в целом [15], но администрация в царстве Угарит была настолько разветвлена, что органы государственной власти следили за выполнением повинностей каждым главой семьи в отдельности.

---

[11] О *сакину* селения см. М. Г е л ь ц е р, Царская администрация и дворцовый персонал в Угарите, LAMMD, X, 1969, стр. 228.

[12] Обе женщины названы *наййалу*.

[13] Возможно, что идеограмма U применялась для обозначения бога Тешуба.

[14] Буквально «завтра-послезавтра».

[15] М. Г е л ь ц е р, Общинное землевладение в Угарите, ВДИ, 1963, № 1, стр. 41—45.

В результате всего сказанного мы вынуждены отказаться от ранее высказанной нами точки зрения (см. выше и прим. 1), что *наййалу* могли происходить исключительно из числа «царских людей» (bnš mlk). Для окончательной убедительности нам следует рассмотреть еще один важный вопрос. В подборке документов, сделанной Р. Хаазе [16], все документы, в которых употреблено выражение *наййалу* (U, V, 9 Р. Хаазе, естественно, еще учесть не мог), скреплены так называемой «династической печатью» [17], что свидетельствует о строго официальном характере этих документов. Этот факт был также интерпретирован и нами как подтверждение, что *наййалу* — «царский человек» [18]. Теперь, вероятно, мы вынуждены это объяснить не тем, что речь идет о «царском человеке», а тем, что земля, отбиравшаяся у общинников за невыполнение ими их повинности, либо на время, т. е. до передачи или продажи новому владельцу, либо вообще переходила в царский земельный фонд. Однако и здесь случай с документом U, V, 9 показывает, что иногда царское должностное лицо могло своими действиями заменить специальное царское решение.

Все сказанное выше о значении термина *наййалу* в Угарите не выявляет нам его буквального значения и этимологии. Однако и здесь положение не кажется безнадежным. Слово *наййалу* (nayyālu) в аккадских текстах из Угарита всегда пишется фонетически (na-ya-lu). Издатель текстов, в которых встречается это слово, Ж. Нугэроль, этимологии слова не касается, отмечая лишь, что это человек, который «не в состоянии исполнять „правовые нормы“ (les droits) и „повинности“ (services)» (PRU, III, стр. 29). Ж. Буайе касается лишь юридической стороны дела [19]. Он отмечает, что во всех случаях мы имеем дело с бывшим владельцем, указывая также, что в одном случае (PRU, III, стр. 63) *наййалу теряет имущество, не обремененное никакими повинностями.*

Вопроса этимологии касается А. Ф. Рэйни, который пытается установить ее, сравнивая это слово с др.евр. и арамейским корнем nwl [20]; он считает, что угаритское слово nayyālu соответствует этому корню в породе *пи'эль* (niwwēl) в древнееврейском и *па'эль* (nawwēl) в арамейском. Однако ни в библейском древнееврейском, ни в арамейском I тыс. до н. э. корня nwl в значении «быть безобразным», «стать безобразным» и пр. мы не находим. Кроме того, такое значение не подходит и по контексту.

Автор данной работы весьма обязан И. М. Дьяконову за указание, что корень здесь, вероятнее всего, соответствует акк. niālu. Словарь фон Зодена отмечает под nayyālu (na'alu) «Bewässerer» «*ороситель*», *отмечая также, что в Угарите слово* nayyālu применялось в значении «повинностный держатель, у которого отбирается земля» (ein Lehnsmann, dem das Land entzogen wird). В то же время автор словаря указывает, что здесь общий корень с niālu(m), nālu «лечь», «ложиться» и в породе D «растянуться (на земле)», а в качестве отглагольного прилагательного встречается и значение nīlu(m) «лежа», «лежащий» (liegend). В другом своем исследовании фон Зоден [21] подробнее касается этого корня, дающего временами весьма нерегулярные формы. Особый интерес представляет приводимая им форма статива nīl в значении «он лежит», «он расположился (лежать)». Автор статьи при этом оговаривается, что «состояние сна здесь не подразумевается». *Исходя из приведенных выше данных, нам кажется возможным сделать вывод, что* nayyālu — это отглагольное прилагательное, имя профессии, породы D (II) от nīlu (niālu(m)). Ср. dayyānu «судья» от «судить» diānu(m). Таким образом, буквальное значение слова — «лежебока», «лодырь». Если это так, то нам

[16] H a a s e, Zum Recht..., стр. 3—17.

[17] Отметим также, что ею же («печать Якарума») скреплен также документ PRU II, 8, который, возможно, является угаритоязычной параллелью к рассматриваемым текстам об изъятии земли у *наййалу*; однако текст этот столь фрагментарен, что для более точных выводов недостаточно опубликованной в PRU, II автографии.

[18] Г е л ь ц е р, *Повинностное землевладение...*, стр. 204.

[19] G. B o y e r, La place des textes d'Ugarit dans l'histoire de l'ancient droit oriental, в кн. G. B o y e r, Melanges, II, P., 1965, стр. 130.

[20] R a i n e y, A Social Structure..., стр. 170, прим. 219; см. также стр. 187, где nayyālu переводится словом m^{e}nuwwāl «урод», «безобразный человек».

[21] W. von S o d e n, Unregelmässige Verben im Akkadischen, ZAss, 50 (16), 1952, стр. 169 слл.

становится ясно, что *наййалу* в Угарите считался человеком, по лености не выполнившим своих повинностей и обязанностей, и поэтому лишался земли.

При этом возникает следующий вопрос. Хотя слово это фигурирует в текстах на аккадском языке, оно нигде в других районах клинописного ареала в этом значении до сих пор не засвидетельствовано. Поэтому возникает предположение, не происходит ли этот термин из угаритского языка и не имеем ли мы дело с его аккадоязычной калькой.

К сожалению, среди известных нам угаритских текстов нет ни одного полностью сохранившегося акта передачи земли от одного лица другому. Единственный известный пока текст такого рода — PRU, II, 8 — разрушен в самом интересном месте. Поэтому от окончательного суждения относительно этимологии nayyālu следует воздержаться до появления документального угаритоязычного материала или хотя бы до основательной сверки текста таблички PRU, II, 8, чтение которой вызывает ряд споров [22].

М. Л. Гельцер

PENALTIES FOR NON-PERFORMANCE OF OBLIGATIONS (THE TERM *NAYYĀLU* IN UGARIT)

by M. L. Heltzer

The author analyses the Accadian texts from Ugarit concerning persons designated as *nayyālu* and concludes that they were persons who failed to perform their obligations and services. They might be persons in the royal service who had to serve as king's people (*bnš mlk*) or peasants, members of communities. In either case the landed property of such persons was confiscated by the authorities and handed over to other persons in the royal service or sold to other members of a village community. The term *nayyālu*, found in this meaning till now only in the Accadian texts from Ugarit, must be derived from the verb *niālu(m)*, *nālu*, «to lie down», and is the verbal adjective of the D-stem with the meaning «idler», «lazy».

[22] См. ее чтение и интерпретацию у Виролло в PRU, II, а также у С. Гордона — UT, текст № 1008; см. также Я н к о в с к а я, Общинное самоуправление в Угарите, стр. 42.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАЗВИТИЯ МИКЕНОЛОГИИ*

Младшая из отраслей классической филологии — микенология — имеет точную дату своего рождения. Она возникла в тот момент, когда Майклу Вентрису удалось декодировать микенское слоговое письмо (линейное письмо *B*) и определить, что эта графическая система обслуживала греческий язык II тыс. до н. э. Произошло это в первых числах июня 1952 г. Вентрис, всегда стремившийся работать в тесном контакте с немногочисленными учеными, занимавшимися расшифровкой микенского

* Среди рукописей скоропостижно скончавшегося 3 ноября 1970 г. И. М. Тронского сохранился текст доклада «Пятнадцать лет микенологии», прочитанного им 6 июня 1967 г. на торжественном заседании Ученого совета Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР (см. ВДИ, 1968, № 2, стр. 215). Как показывают отдельные пометки в рукописи, автор рассчитывал со временем подготовить текст доклада к печати, но не успел этого сделать, занятый работой над монографией о древнегреческом языке. Поскольку основное содержание доклада, характеризующее состояние лингвистического изучения микенских текстов, целиком сохраняет свое значение, редакция ВДИ публикует его текст, изменив только первоначальное заглавие и несколько сократив историческую часть.

письма, систематически посылал им с 1950 г. предварительные сообщения о своих выводах и затруднениях. Последнее его предварительное сообщение, датированное 1 июня 1952 г., было охарактеризовано самим автором как «легкомысленное отступление» и озаглавлено «Не написаны ли кносские и пилосские таблички по-гречески?». Он сам еще не верил себе и закончил свой мемуар предупреждением: «Я подозреваю, что эта линия расшифровки раньше или позже зайдет в тупик или рассыплется в абсурдных утверждениях». Но уже в ближайшие дни Вентрис убедился, что находится на правильном пути. 10 июня в выступлении по радио он публично заявил о результате своих исследований: «В течение нескольких последних недель я пришел к выводу, что таблички Кносса и Пилоса все-таки написаны по-гречески. Это трудный и старинный греческий язык за 500 лет до Гомера и записанный в несколько сокращенной форме, но тем не менее греческий язык. Лишь стоило мне сделать это предположение, как смущавшие меня особенности языка и письма стали находить по большей части логическое объяснение; и хотя некоторые из этих табличек остаются по-прежнему непонятными, некоторые другие начали внезапно становиться осмысленными»[1].

Именно с этого момента дисциплина, посвященная микенским надписям, исполненным слоговым письмом на архаическом греческом языке, вошла в систему классической филологии.

Вывод, к которому пришел Вентрис, показался ему самому неожиданным, революционным, ниспровергающим все существующие представления. Однако каждое новое открытие имеет свое место на синтагматической линии развития науки и требует для себя исторического осмысления. Оно определяется предшествующим, но перекрывает и снимает его — в диалектическом смысле — и в свою очередь определяет собой последующее. Отвечая на одни вопросы, оно ставит перед наукой новые, ранее не возникавшие, и одновременно является проверкой тех методов, которые применялись в данной области знания, и тех гипотез, которые при этом высказывались. Все это имеет место и в нашем случае.

Факты, связанные с открытием микенской культуры, общеизвестны, но основное придется напомнить.

Прошло ровно сто лет с тех пор как Генрих Шлиман, самоучка, миллионер и любитель Гомера, ликвидировал свои коммерческие дела, чтобы осуществить безумную мечту своего детства: раскопать места, воспетые в гомеровских поэмах, и тем самым обнаружить точность гомеровских описаний. Действительность далеко превзошла его ожидания. Подобно герою библейского сказания, вышедшему искать ослицу и нашедшему царство, Шлиман, отправившись «по следам Гомера», открыл культуру, о размахе и богатстве которой позднейшие греки не имели представления и которая стояла на более высоком уровне, чем ранняя культура исторической Греции. За смутными воспоминаниями гомеровского эпоса, отложившимися в эпитетах «многозлатые Микены» (Il. XI, 46), «крепкостенный Тиринф» (Il. II, 559), в упоминании о богатстве Орхомена (Il. IX, 381), оказались центры культуры II тысячелетия, получившей условное наименование «микенской».

Направление археологических изысканий, обнаруживших эту культуру, было, таким образом, продиктовано указаниями греческих мифов, оформленных в гомеровском эпосе. Картина социальных условий и материальной культуры, изображенных у Гомера, содержит в себе многочисленные воспоминания о микенской культуре. При такой глубокой связи греческого фольклора с микенской эпохой естественно было бы предполагать, что микенские носители этих сказаний являлись греками также и по языку. Однако следов письменности, которая могла бы подтвердить это предположение, Шлиман в своих раскопках не нашел. По некоей иронии судьбы раскопки в Микенах стали обнаруживать памятники письма лишь через 75 лет после Шлимана. Микенская культура считалась бесписьменной.

---

[1] Цитировано по J. C h a d w i c k, The Decipherment of Linear B, Cambr., 1958, стр. 68.

Положение изменилось в 1939 г., когда в Западной Мессении около древнего Пилоса, служившего у Гомера местопребыванием царя Нестора, над Наваринской бухтой, был открыт архив микенской эпохи, сразу опровергший представление о ее бесписьменности. Письмо оказалось тем же самым, которое уже было известно в результате раскопок Эванса в Кноссе и получило название линейного письма *B*.

Лишь немногие проницательные исследователи сумели сразу же сделать правильный вывод из этого открытия. За рубежом к ним принадлежал известный историк греческого языка Кречмер. У нас С. Я. Лурье в своей «Истории Греции», первый том которой вышел в 1940 г., писал: «... В настоящее время шансы на расшифровку критских и микенских надписей еще более увеличились: невдалеке от микенского Пилоса C. W. Blegen и K. Kuroniotis обнаружили позднемикенский дворец, в котором в числе прочих предметов найдено около 600 глиняных таблеток с письменами, написанных тем же линейным шрифтом, который был в ходу и на Крите. Так как эти тексты написаны, скорее всего, на греческом языке, то все данные за то, что удастся расшифровать и критские письмена» [2].

Однако предвзятая идея, что письмо *B* не могло служить для греческого языка, еще долгое время мешала правильной дешифровке. Сам Вентрис, с ранней юности увлекшийся мечтой расшифровать таинственные надписи, все время думал, что тексты эти составлены на каком-то неиндоевропейском «эгейском» языке, быть может, близком к этрусскому. Еще в 1940 г. он напечатал статью, скрыв при этом от редактора свой юный возраст (ему было 18 лет), в которой утверждал, что представление, будто минойский может быть греческим, основано на «полном пренебрежении к исторической вероятности» [3]. К своему конечному выводу Вентрис пришел как бы против воли, под давлением материала. Успехом своей дешифровки он был обязан тому, что работал чисто комбинаторным методом, основанным на дистрибуции слоговых знаков, на их частотности и последовательности; и определил сперва не самые звуковые значения слоговых знаков, а нашел наиболее частые гласные и установил связь между отдельными знаками по начальному согласному и по конечному гласному и лишь затем, опираясь на сопроводительные рисунки, на данные топонимики и на совпадения знаков письма *B* с уже дешифрованными книжными знаками, стал подставлять звуковые значения и декодировал письмо как греческое. Письменами этими пользовались в Пилосе, Кноссе (стало ясно, что Кносс был завоеван греками), в Микенах, Фивах и некоторых других местах. Разобранные тексты уже с первого взгляда обнаружили много общего с гомеровскими формами. Микенская культура, открытая в свое время по следам Гомера, в течение многих десятилетий оставалась «немой». Стоило ей «заговорить», как она вернулась к Гомеру.

Выступление Вентриса по радио обратило на себя внимание молодого диалектолога-эллиниста Джона Чэдвика, который сразу же убедился в правильности пути Вентриса и предложил ему свои услуги в качестве специалиста по истории греческого языка. Уже в ближайшие месяцы дешифровка была доведена до той стадии, которая позволяла обоснованно осведомить ученый мир о новом открытии и в достаточной мере обосновать его. Совместная статья Вентриса и Чэдвика, скромно и непретенциозно озаглавленная «Свидетельства об одном из греческих диалектов в микенских архивах», была опубликована осенью 1953 г.[4], но Вентрис еще до выхода статьи в свет ознакомил многих крупных ученых со своими положениями. В статье были раскрыты значения 65 слоговых знаков из 90 наличных в линейном письме *B* и изложены установленные Вентрисом правила микенской слоговой графики.

Статья произвела огромное впечатление. Можно было бы ожидать, что новая теория, идущая вразрез с общепринятыми взглядами, принадлежащая к тому же не цеховому ученому, а молодому архитектору-дилетанту, встретит ожесточенные возражения, в лучшем случае скептическое недоверие. Результаты оказались совершенно

[2] С. Я. Лурье, История Греции, ч. 1, Л., 1940, стр. 64—65.
[3] M. G. F. Ventris, Introducing of the Minoan Language, AJA, 1940, стр. 494—520.
[4] M. Ventris and J. Chadwick, Evidence for Greek Dialect in the Mycenaean Archives, JHS, 73, 1953, стр. 84—103.

иными. Георгиев и Зиттиг, лишь за три года до этого опубликовавшие свои собственные, совершенно иначе ориентированные расшифровки, сразу же отказались от своих теорий и приняли выводы Вентриса. Георгиев, правда, согласившись с почти всеми предложенными Вентрисом чтениями слоговых знаков, первое время оставался при особом мнении относительно предложенных графических правил, но потом присоединился и к ним. Ведущие лингвисты — во Франции (Шантрен, Лежен), Швеции (Нильсон, Фурумарк), Швейцарии (Риш), Шахермейр в Австрии, Руиперес в Испании, у нас С. Я. Лурье — признали себя убежденными сторонниками дешифровки Вентриса и Чэдвика. Платон, директор музея в Ираклионе, где хранятся кносские древности, сперва колебался, смущенный сообщениями иностранцев, что таблички его собственного музея написаны на его собственном языке, но затем согласился с дешифровкой.

Конечно, дело не обошлось без сомневающихся и возражающих. Возражали английский филолог Битти, немцы Грумах и Элерс, в США Генле и Левин и некоторые другие. Однако эти возражения неизменно встречали всесторонне обоснованную критику со стороны многочисленных ученых разных стран, и возникшая полемика показала полную несостоятельность всех доводов против дешифровки Вентриса [5].

Микенология сразу заняла свое место как особая дисциплина. Специфика ее основана на особенностях содержания текстов, относящихся в отличие от всех прочих греческих памятников ко II тыс. и принадлежащих к более архаической ступени греческого языка, чем все до сих пор известное, и на особенностях графики. В этом отношении она занимает самостоятельное место, рядом со старшими отраслями изучения памятников — эпиграфикой и папирологией.

Однако в отличие от этих старших отраслей — и в этом, может быть, характерная черта научной жизни нашего времени — развитие микенологии пошло гораздо более организованным путем, на основе тесного международного сотрудничества. Основатель дисциплины стремился к этому с самого начала своей работы. Еще при его жизни, в апреле 1956 г., по инициативе Шантрена и Лежена был созван близ Парижа,

---

[5] Arthur Beattie, Mr. Ventris' Decipherment of the Minoan Linear *B* Script, JHS, 76, 1956, стр. 1—17; он же, The Spice Tablets of Cnossos, Pylos and Mycenae, Minoica. Festschrift zum 80. Geburtstag von Johannes Sundwall, B., 1958, стр. 6—34; он же, A Plain Guide to the Ventris' Decipherment of the Minoan Linear *B* Script, «Mitteilungen des Instituts für Oriental Forschung», 6, 1958, стр. 3—104; E. Grumach, Bemerkungen zu M. Ventris — J. Chadwick, Evidence for Greek Dialect in the Mycenaean Archives, «Orientalische Literaturzeitung», 52, 1957, стб. 293—342; он же, L'échec du déchiffrement crétois, «La Nouvele Clio», 7—9, 1955—1957, стр. 487—491; он же в соавторстве с H. Grégoire, Le Linéaire *B* est-il déchiffré? «Bulletin de la Classe des Lettres de l'Academie Royale de Belgique», 64, 1961, стр. 374—380; W. Eilers, Kretisch-kritisches: Betrachtungen zur angeblichen Entzifferung der minoischen Strichschrift *B*. «Forschungen und Forschritte». 31 Nov. 1957, стр. 326—332; Jane E. Henle, A Note on the Sword Tablets, Minoica..., стр. 192 слл.: ср. AJA, 59, 1955, стр. 171; Saul Levin, The Linear *B* Decipherment controversy reexamined, Ohio, 1964; D. Ilievski, Dali e dešifriranjete na Ventris'kula od kartom? «Živa Antika», 6, 1956, стр. 314—336; A. P. Treeweek, Chain Reaction or House of Cords? An Examination of the Validity of the Ventris' Decipherment, «Institute of Classical Studies of the University of London. Bulletin», 4, 1957, стр. 26; L. R. Palmer, Ventris and the Critics, «Orientalische Literaturzeitung», 53, 1958, стр. 101—117; E. Risch, Die Entzifferung der minoischen Linearschrift *B*, «Anthropos», 53, 1958, стр. 143—160; A. M. Frenkian, Nota privitoare la descifrarea scrierii Lineare *B* din Cretoşi Grecia Continentală, Omagiu lui I. Iordan, Bucureşti, 1958, стр. 291—294; A. Heubeck, Ventris' Entzifferung von Linear *B* — ein Kartenhaus? «Gymnasium», 66, 1959, стр. 496—502; Sp. Marinatos, Αἱ μυκηναϊκαὶ πιναξίδες εἶναι ἑλληνικαί, «Ἡμερίνη», 10—11 giugno 1959; B. Rosenkranz, Kreta-Kretizismus. Bemerkungen zu W. Eilers Kretisch-Kritisches. «Bibliotheca Orientalis», 16, 1959, стр. 11—17; F. Schachermeyer, Die Entzifferung der mykenischen Schrift, «Saeculum», 10, 1959, стр. 48—72; C. Préaux, Du Linéare *B* créto-mycénien aux ostraca grecs d' Égypte, «Chronique d' Egypte», 34, 1959, стр. 78—85. *Научная ценность новейшего компендия греческой истории*, принадлежащего Г. Бенгстону (H. Bengston, Griechische Geschichte von den Anfängen bis in die römische Kaiserzeit, 4. Aufl., Münch., 1969), отнюдь не выигрывает из-за того, что автор продолжает отрицательно относиться к дешифровке Вентриса и Чэдвика (стр. 23).

в Жиф-сюр-Иветт, первый международный коллоквиум по микенским текстам, в котором приняли участие около 20 человек из разных стран [6]. Участники коллоквиума не ограничились научными докладами, но приняли ряд организационных решений по координации работы, единству принципов фотографирования и издания документов, единой их транслитерации, объединению библиографической работы. Эта готовность к сотрудничеству ученых разных стран — микенологи и поныне называют ее «духом Жифа» (esprit de Gif) — продолжает до сих пор отличать микенологическую работу. С 1957 г. в Висконсине издается ежемесячная хроника и библиография по микенологии — «Nestor». В сентябре 1958 г. в Павии состоялся второй коллоквиум по минойско-микенским исследованиям, третий — в 1961 г. в Соединенных Штатах близ Висконсина, четвертый — в апреле 1965 г. в Кембридже [7]. Микенологические секции были и на других конгрессах: на третьем конгрессе классиков в Лондоне в 1959 г., на первом конгрессе по Криту в 1961 г., на ономатологическом конгрессе в 1961 г., а в 1966 г. на организованной в Чехословакии (Брно) конференции «Античность и современность» имел место микенологический симпозиум, в котором принимали участие советские исследователи [8]. В сентябре 1967 г. состоялось еще более широкое мероприятие — организованный римским центром по микенологии I Международный микенологический конгресс в Риме, который вышел за рамки микенологии в тесном смысле слова как науки о микенских надписях и имел три секции — лингвистическую, историческую и археологическую [9]. Количество микенологов все увеличивается, и к середине 1967 г. микенская библиография (включая рецензии) насчитывала свыше 2000 номеров, принадлежащих авторам из нескольких десятков стран.

Первую, до сих пор не превзойденную попытку обобщения всего микенологического материала произвели сами создатели микенологии М. Вентрис и Дж. Чэдвик. Их совместный труд «Памятники микенского греческого языка» [10], вышедший в свет вскоре после гибели Вентриса, содержал полную проработку всего языкового и культурно-исторического материала, доступного на первом этапе исследования, и анализ 300 текстов. Аналогичные задачи, но в меньших масштабах, ставил себе труд С. Я. Лурье: «Язык и культура микенской Греции» (М.— Л., 1957). Это были первые попытки синтеза по свежим следам открытия. Для того чтобы обновить этот синтез, нужен ряд исследований по отдельным сторонам жизни микенского общества с исчерпывающим охватом материала [11]. Однако это представляет большие трудности в связи с самим характером памятников и возможностями их интерпретации. Черновые материалы годового отчета по дворцовому хозяйству за последний год существования дворца представляют собой моментальный снимок, который не позволяет делать особенно широких выводов.

Лучше всего исследована лингвистическая сторона. Обширный словарь Анны Дэвис Морпурго [12], словарь греческой лексики микенских текстов Чэдвика и Л. Баум-

---

[6] Études Mycéniennes. Act. du Coll. international sur les Textes Mycéniens, Gif-sur-Yvette, P., 1956.

[7] Atti del 2 Colloquio internazionale di Studi Minoico-Micenei. Pavia, 1—5 IX 1958 (=Athenaeum, 46, N. S. 36, 1958, fasc. 4); Mycenaean Studies. Proceedings of the Third international Colloquium for Mycenaean Studies held at «Wingspread» 4—8 September 1961, Madison, 1964; Proceedings of the Cambridge Colloquium on Mycenaean Studies, Cambr., 1966.

[8] Studia Mycenaea. Proceedings of the Mycenaean Symposium, Brno, April 1966. Brno, 1968 (Opera Universitatis Purkynianae Brunensis. Fac. Philos., 127).

[9] Atti e memorie del I Congresso internationale di Micenologia. Roma, 27 septembre — 3 ottobre 1967, т. I—III, Roma, 1968.

[10] Documents in Mycenaean Greek, Cambr., 1956.

[11] Краткое изложение выводов и задач микенологии дают книги: L. D e r o y, Initiation à l'épigraphie mycénienne, Roma, 1962; A. H e u b e c k, Aus der Welt der frühgriechischen Lineartafeln, Göttingen, 1966. Ряд самостоятельных, но зачастую спорных толкований в книге: L. R. P a l m e r, The Interpretation of Mycenaean Greek Textes, Oxf., 1963; о н ж е, Mycenaeans and Minoans. Aegean Prehistory in the Light of the Linear *B* Tablets, L., 1961.

[12] A. M o r p u i r g o, Mycenaeae Graecitatis Lexicon, Romae, 1963.

бах [13], ряд указателей, обратные словари Дориа и Лежена [14], словарь личных имен Ландау [15], грамматики Вильборга и Дориа [16], многочисленные статьи Галлавотти, Хойбека, Лежена и других авторов [17] свидетельствуют о значительности работы, проведенной в этой области. Показательно, однако, что наибольшие успехи достигнуты в таких областях, как личные имена или грамматика, которые не всегда требуют полного понимания текста памятников.

Отметим несколько наиболее интересных моментов. Во-первых, микенские памятники представляют редкий образец хозяйственно-канцелярской подсистемы греческого языка — ни литературные тексты, ни эпиграфика не дают ничего сходного. Только папирусные документы типа архива Зенона могут идти в сравнение. Сопоставление их с микенским материалом показывает редкую стойкость этого наддиалекта. Для того чтобы найти в греческом материале такие слова, засвидетельствованные теперь в микенском, как κοιλουργός или ῥάπτρια, надо обратиться к эллинистическим временам, к архиву Зенона и сходным с ним памятникам, минуя всю известную нам письменность классического периода. Уже в микенских архивах употребляется система сокращений и стенографических знаков наподобие того, как мы это встречаем на остраках и папирусах [18].

С другой стороны, фонетическая и грамматическая системы микенских надписей отодвигают известную нам картину греческого языка вглубь на ряд столетий. Дешифровка, предложенная Вентрисом и Чэдвиком, явилась блестящим подтверждением продуктивности научных методов, выработанных историческим языкознанием. Греческий язык XV—XII вв., на 500—700 лет предшествующий известным до этого письменным памятникам, оказался во всех основных чертах таким, каким его надлежало себе представлять. Основные общегреческие инновации, отделяющие греческий язык от других ветвей индоевропейской группы, в микенских текстах налицо: греческая протеза, рефлексы ларингального, оглушение аспират, гласная окраска слоговых сонантов с ее диалектными разновидностями, выпадение начального и интервокального s — все это представлено микенскими текстами. Существовавшие объяснения этимологического происхождения греческих слов в огромном большинстве случаев подтвердились, хотя кое в чем пришлось их исправить. С другой стороны, те явления, которые всегда считались поздними, в микенских текстах не представлены: ϝ (F) твердо сохраняется в начальной и интервокальной позиции; правда, имеются отдельные смущающие случаи и, вероятно, придется отказаться от нескольких традиционных этимологий. Позднее происхождение артикля подтверждено микенскими текстами, хотя могло быть сомнение, не опускались ли артикли в хозяйственных записях ради краткости. Интересно положение с приращением (аугментом). Из древнейших памятников греческой, древнеиндийской и древнеиранской письменности (Гомер, Веды, Авеста) известно, что приращение было сперва факультативным. В микенских текстах его, как правило, не существует. Представлять себе возникновение аугмента, являющегося признаком большой ареальной группы индоевропейских языков, более поздним, чем микенские тексты, конечно, нельзя. Дело только в том, что писцы не считали нужным прибавлять факультативную морфему [19]. Форма на -φι, которая была известна из гомеровского языка как почти отмирающий архаизм, в Микенах употребляется вполне

[13] John Chadwick and Lydia Baumbach, The Mycenaean Greek Vocabulary, «Glotta», 41, 1963, стр. 157—271.

[14] M. Doria, Indice inverso delle iscrizioni in lineare B di Pilo e di Micene, «Quaderni dell' Istituto di Glottologia del' Univ. di Trieste», № 3, Trieste, 1964; M. Lejeune, Index inverse du grec mycénien, P., 1964.

[15] O. Landau, Mykenisch-griechische Personennamen. Göteborg, 1958.

[16] E. Vilborg, A Tentative Grammar of Mycenaean Greek, Göteborg, 1960; M. Doria, Avviamento allo studio del Miceneo, Roma, 1965.

[17] Под общим заглавием «Essais de philologie mycénienne». Первые пятнадцать статей собраны в кн.: M. Lejeune, Mémoires de philologie mycénnienne, P., 1958.

[18] C. Préaux, Du Linéaire B créto-mycénien aux ostraca grecs d'Égypte, «Chronique d'Égypte», 34, 1959, стр. 79—85.

[19] Неправильно в статье: H. M. Hoenigswald, Mycenaean Augments and the Language of Poetry (Mycenaean Studies, Madison, 1964, стр. 179—182).

свободно и в более широких масштабах, чем у Гомера [20]. То же касается форм с окончанием родительного падежа sing. -οιο в основах на -o-, которые до этого нам были известны только из Гомера и в одном из фессалийских диалектов.

Очень интересен вопрос о системе падежей. Как известно, та система, которая засвидетельствована древними индоиранскими языками и которая обычно восстанавливается как общеиндоевропейская, выступает в греческом в редуцированном виде. Аблатива, инструменталиса и локатива как самостоятельных падежей уже нет, хотя их следы в застывших наречных формах имеются, и полифункциональная форма на -φι отчасти дублирует падежную систему. В микенских текстах многое остается неясным из-за особенностей графики, усекающей конечные звуки, но с тех пор как стало ясно, что микенское окончание -o-i (dat. plur.) основ на -o восходит не к -oς, а к -οισι, а окончание -οις передается через -o с усечением второго элемента дифтонга и -s, можно утверждать, что микенский еще противопоставляет в основах на -o инструментальную форму -ois дательному падежу на -oihi [21]. В прочих основах инструменталис представлен полифункциональной формой на -φι, имеющей одновременно аблативное, а может быть, и локативное значение. Во всяком случае, до редуцированной системы греческих падежей исторического времени дело еще не дошло. Важно также то обстоятельство, что микенские падежи сохраняют формы всех былых падежей в качестве морфологического дублета. Так, форма дательного падежа в согласном склонении имеет двоякое окончание: -i, восходящее к индоевропейскому локативу, и -e, т. е. -ei — окончание датива. Ссылаться на возможность фонетического чередования e и i здесь не приходится, так как оно наблюдается в единичных словах иноязычного происхождения, например di-pa (KN 740 и др.) = общегреч. δέπας. Как известно, вопрос о индоевропейском окончании дательного падежа возбуждал сомнения. Древнеиранское -e указывает на дифтонг с первым кратким элементом, не определяя его качества. На окончание -ei указывали италийские языки и отдельные застывшие греческие формы вроде кипрского Διϝεϊφιλος, διεῖ в Додоне, аттич. δόρει и т. п. Микенский материал внес в этот вопрос окончательную ясность в пользу окончания -ei, отличного еще от окончания -i, с которым оно впоследствии слилось в результате синкретизма дательного и местного падежа. Вместе с тем получил объяснение давно известный, но оставшийся загадочным факт наличия в гомеровском эпосе ряда форм дательного падежа 3-го склонения на -ī вместо -ĭ. Например:

Il. II, 116: οὕτω που Διὶ μέλλει ὑπερμενεῖ φίλον εἶναι

или Il. XIV, 459: Αἴαντι δὲ μάλιστα δαΐφρονι θυμὸν ὄρινε

или Od.VIII, 224: οὔθ' Ἡρακλῆϊ οὔτ' Εὐρύτῳ Οἰχαλιῆϊ.

Певцы заменяли в традиционных формулах древнее дифтонгическое окончание привычным -ι, но сохраняли долготу, требующуюся по размеру [22]. Локативное происхождение общегреческого окончания дательного падежа plur. -si общеизвестно.

В реконструированном общеиндоевропейском склонении аблатив, как известно, в единственном числе представлен самостоятельными формами лишь в основах на -o-, а в прочих случаях совпадает с родительным падежом. Для индоиранских языков самостоятельность аблатива выражена также и тем, что он во множественном числе, хотя не имеет самостоятельной формы, совпадает уже не с родительным падежом, а с дативом.

В греческом языке аблатив единственного числа сохранен только в застывших наречных или полунаречных формах, например, дельф. Ϝοίκω «из дому» (ω < -od), употребляющееся иногда рядом с формой родительного падежа артикля τοῦ, дор. πῶ «от-

[20] И. М. Тронский, Образования на -φι в гомеровском эпосе, «Eirene», т. I, 1960, Praha, стр. 37—50; M. Lejeune, La désinence -φι en Mycénien, «Bulletin de la société de Linguistique de Paris», т. 52, стр. 187—218.

[21] И. М. Тронский, Дательный падеж множественного числа основ на -o- в греческом языке. «Проблемы сравнительной филологии. Сб. статей к 70-летию чл.-корр. АН СССР В. М. Жирмунского», М.— Л., 1964, стр. 94—103.

[22] P. Wathelet, Mycénien et Grec d'Homère. «L'Antiquité classique», XXXI, 1962, стр. 5—14.

куда» и т. д. С другой стороны, аркадо-кипрская дативная конструкция вместо генетивной при предлогах ἀπό, περί, ὑπό, ἐξ и т. д. легче всего объясняется, исходя из омонимии аблатива и датива во множественном числе также и в прошлом состоянии греческого языка. В связи с этим представляет интерес форма родительного падежа на -о от основ на -о-, встречающаяся в микенских текстах [23]. На нее обратил внимание впервые С. Я. Лурье: te-o do-e-ra (PY Eo 276) вместо нормального te-o-jo do-e-ra = θεοῖο δούλῃ и указал на методическую неправильность толкования Чэдвика, видевшего в этих формах ошибки писцов, будто бы не дописывавших последнего слогового знака -jo. Однако то объяснение, которое давал форме на -о сам С. Я. Лурье, считавший это -о соответствующим позднейшей форме на -ου или -ω из более древнего -οο, было неприемлемо, т. к. форма на -οο оставалась бы в микенском неслитной. Встает вопрос, не имеем ли мы здесь формы аблативного происхождения типа Ϝοίκω, функционирующей уже как морфологический дублет генетива. На эту точку зрения встал и Чэдвик. На другую возможность указал Пизани, сопоставивший это окончание с кипрским генетивом на -ον (в слоговом письме -o-ne). Окончание это допускает сопоставление с хеттским, где есть форма генетива на -as и на -an, причем -an гораздо реже (только для одушевленных имен), частью во множественном числе, а частью в единственном. Обе возможности допустимы. Окончание родительного падежа на носовой представляет собой, очевидно, древнее явление, впоследствии вытесненное во множественное число (окончание -ων), где, однако, отсутствие типичного для множественного числа окончания на -s свидетельствует о том, что форма не исконно множественная.

Новым и неожиданным по существу явилось то, что в микенское время сохранилась особая серия звуков, восходящих к индоевропейским лабиовелярным, не давшим еще своих позднейших греческих отражений. Вообще фонетика микенских текстов во многих случаях дает нам посредствующее звено между восстанавливаемым с помощью сравнительно-исторического метода звуковым состоянием и исторической картиной I тыс. Одним из значительных успехов дешифровки после смерти Вентриса является разгадка большинства установленных им дублетных знаков. Например, a_2, существующее рядом с обычным a, представляет собой знак, созданный для слога, в котором гласному a предшествовал рефлекс интервокального s (sa > ha > a). ha еще существовало как самостоятельный слог во время возникновения графической системы письма *B*, но впоследствии, с потерей отличия от a, стало его заменять также и в других случаях и превратилось в действительное a_2. Выпадавший из системы знак для слога pte (микенское письмо дает знаки лишь для группы «единичный согласный + гласный») возник благодаря тому, что pte восходит к *pje через некоторую промежуточную ступень, когда p сопровождалось неким палатализирующим призвуком, не составлявшим особой фонемы. Ряд слоговых знаков, не сразу дешифрованных, получил объяснение в палатализованном или лабиализованном оттенке согласных, восходящих к i̯ или u̯ и впоследствии окончательно устраненных. Вместе с тем такие случаи, как a_2, ta_2 < tja, ra_2 < rja и т. д., показывают, что микенское письмо создано было задолго до наших текстов, и его графика является уже архаичной, не соответствующей живому произношению. Это вполне совпадает с указанной нами картиной архаичных дублетов в морфологии. С другой стороны, нередко высказывавшаяся мысль о том, что такая примитивная черта микенской графики, как опущение конечного согласного слога или слова, соответствовала реальному произношению, встретила вполне обоснованные возражения и сейчас уже никем не высказывается.

Особо трудным и продолжающим вызывать споры является вопрос о месте лингвистической системы микенских надписей в диалектном членении греческого языка. Совершенно ясно только одно. От западной диалектной группы, в состав которой вхо-

[23] С. Л у р ь е, Язык и культура микенской Греции, М.— Л., 1957, стр. 117 сл.; о н ж е, Über die Nominaldeklination in den mykenischen Inschriften, «La Parola del Passato», 1957, стр. 322 сл.; J. C h a d w i c k, Error and Abnormality in the Mycenaean Noundeclension. «La Parola del Passato», 1958, стр. 285—295; V. P i s a n i, Sul genitivo miceneo dei temi in -o, «La Parola del Passato», 1959, стр. 81—86.

дят дорийские говоры, язык микенских надписей глубоко отличен. О соотношении его с прочими диалектными группами высказываются разные мнения, и этот вопрос не сходит с повестки дня ни на одном микенологическом коллоквиуме. Наиболее приемлемым представляется мнение Георгиева, что перед нами некое койне делового административного языка микенских государств, наддиалектная норма; отсюда некоторая диалектная пестрота, главным образом, смесь аркадо-кипрского и эолийского, которая характеризует эти документы.

С другой стороны, этот первый литературный язык греков в своей деловой разновидности обнаруживает черты, близко роднящие его с традиционным поэтическим языком греков, отложившимся в гомеровском эпосе. Уже первые прочитанные микенские тексты заставили сблизить их язык с языком поэм Гомера. В этих последних давно установлены диалектные слои — аркадо-кипрский, эолийский, ионийско-аттический, которые отражают историю греческого героического песнопения от микенских времен до литературного закрепления его в Ионии и книжной фиксации в Аттике. Теперь смешанная аркадо-кипрская и эолийская основа становится ясной как восходящая еще к микенскому времени. Документальное койне исчезло вместе с распадом ахейских государств. Поэтическое койне является одним из источников как гомеровского языка, так и языка древнегреческой лирики. Эпические песнопения после распада южноахейских центров развивались в северноахейской среде и затем в Малой Азии. Этим путем, например, произошло слияние сказаний об Агамемноне и его круге с фессалийским Ахиллом. Поэтическое койне, восходящее к микенскому времени, эолизировалось, а потом и ионизировалось. Преемственность содержания, которая в свое время позволила Шлиману открыть микенскую культуру на основании Гомера, сопровождается также и языковой преемственностью. До недавнего времени в засвидетельствованной памятниками истории греческого языка Гомер был началом всех начал. Всякое исследование языка позднейшей греческой литературы проходило в невольном сопоставлении с гомеровским эпосом в его законченных формах, и всякое сходство поэтического языка различных греческих областей — с Гомером, будь то лесбосская лирика Алкея и Сапфо или оды беотийца Пиндара, рассматривалось как прямой гомеризм. В настоящее время эпический язык Гомера уже перестал быть исходным пунктом, так как он несомненно является продолжением языка микенских песнопений, о диалектной основе которых дает известное представление язык микенских деловых документов. Все существовавшие взгляды на развитие греческого литературного языка нуждаются в пересмотре наряду с историей греческих диалектов. Это одна из насущнейших задач языковедов-классиков на современном этапе развития науки.

И. М. Тронский

THE PRESENT STATE OF MYCENOLOGY

by I. M. Tronsky

The author considers the principal tendencies in the development of Mycenology, giving most attention to the following problems: (1) the system of the cases in Linear *B*; (2) the phonetics of Linear *B*; (3) the relationship between the language of the Mycenaean texts and the later poetical Greek language (Homer and early lyric poetry).

ЗАМЕТКИ О СТИЛИСТИКЕ РАННИХ *УПАНИШАД*

Говорить о стилистике *упанишад* — не только применительно ко всему жанру в целом, но и в отношении рассматриваемых здесь ранних его образцов или так называемых «главных» *упанишад* [1] — весьма трудно, настолько неоднородны эти произведения по своему языку, содержанию, объему. В этой связи здесь будут отмечены лишь некоторые стилистически-композиционные приемы [2], достаточно характерные для указанной совокупности текстов и несущие не только художественную, но и в соответствии с непосредственным назначением *упанишад* — дидактическую функцию.

Один из таких приемов — повторы, охватывающие самые различные уровни текста, от отдельных звуков до целых глав, и роднящие *упанишады* с многочисленными памятниками не только древнеиндийской литературы (начиная уже с Ригведы)[3], но и литературы других народов (например, с Авестой, Библией и т. д.) [4]. Действие этого принципа, присущего прозаическим частям *упанишад*, пожалуй, не в меньшей степени чем стихотворным, проявляется уже в звуковых повторах, позволяющих говорить об определенном звуковом символизме этих произведений [5]. Среди наиболее ярких примеров — наставление Праджапати (Бр V, 2), выражающего свою заповедь троекратным слогом da, который он уподобляет «божественному голосу — грому», призывающему «подавлять себя», «подавать [милостыню]» и «дарить сострадание» (daivī vag... stanayitnuḥ — da, da, da iti, damyata, datta, dayadhvam iti... damam, dānam, dayām iti — V, 2, 3). Эта тройная заповедь отразилась и в литературе смрити (ср. Yājñavalkya smṛti, I, 4, 122: dānam damo dayā) [6], интересно, что она вышла за пределы Индии, со-

---

[1] Т. е. 13 *упанишад*, наиболее ранних (не позднее второй половины I тыс. до н. э.) и ценных в историко-культурном отношении: Bṛhadāraṇyaka, Chāndogya, Aitareya, Kauṣitaki, Kena, Taittirīya, Kaṭha, Śvetāśvatara, Maitrī, Īśa, Muṇḍaka, Praśna, Māṇḍūkya (далее приняты следующие обозначения: Бр, Чх, Кау, Ке, Та, Кат, Шв, Мт, Иша, Му, Пр, Ман). Тексы *упанишад* цитируются ниже по изданию «The Principal Upanishads», ed. by S. Radhakrishnan, L., 1953 (далее — PU).

[2] Ср. в этой связи H. Oldenberg, Die Lehre der Upanishaden und die Anfänge des Buddhismus, Göttingen, 1915, стр. 148 сл. (далее — Oldenberg, Lehre); H. Oldenberg, Zur Geschichte der altindischen Prosa mit besonderer Berücksichtigung der prosaisch-poetischen Erzählung, B., 1917, стр. 28 сл.; R. D. Ranade, A Constructive Survey of Upanishadic Philosophy, Poona, 1926, стр. 34 сл.; S. Belvalkar, R. Ranade, History of Indian Philosophy, vol. II, Poona, 1927, стр. 137 сл.; M. K. Venkatarama Iyer, The Methodology of the Upanishads, «Vedanta Kesari», 52, № 8, 1965, стр. 353—359 и др.

[3] См., например, J. Gonda, Stylistic Repetitions in the Veda, Amsterdam, 1959, (далее — Gonda, Stylistic); B. Heiman, Studien zur Eigenart indischen Denkens, Tübingen, 1930, стр. 181 сл.: Oldenberg, Lehre..., стр. 350, прим. 114; A. B. Keith, A History of Sanskrit Literature, Oxf., стр. 198, прим. 2 (далее — Keith).

[4] Ср. R. Spitz, Wiederholung, Rythmus. Langeweile, «Imago», 23, 1937, № 2, стр. 181; R. Lach, Das Konstruktionsprinzip der Wiederholung in Musik, Sprache und Literatur, «Sitzungsber. d. Akad. d. Wiss. in Wien, Philos.-hist. Kl.», Bd. 201, 2 Abh. 1925, стр. 21.

[5] Ср. Gonda, Stylistic, стр. 177 сл.; Les anagrammes de Ferdinand de Saussure. Textes inédits, «Mercure de France», fevr. 1964; стр. 243—262 (в частности стр. 250 сл.— о ведийской поэзии); В. Н. Топоров, К анализу нескольких поэтических текстов III. Об одном примере звукового символизма (Ригведа, X, 125), «Poetics», II, Warszawa, 1966, стр. 75—77. Ср. также из более общих работ в этой области: Ю. Тынянов, Проблемы стихотворного языка, М., 1965, стр. 146 сл.: Е. Д. Поливанов, Общий фонетический принцип всякой поэтической техники, «Вопросы языкознания», 1, 1963, стр. 99—112; E. Sapir, A Study in Phonetic Symbolism, «Journal of Experimental Psychology», 12, 1929, стр. 225—239; S. Newman, Further Experiments in Phonetic Symbolism, «The American Journal of Psychology», 45, 1933, № 4, стр. 53—75; D. I. Masson, Sound-Repetition Terms, «Poetics», Warszawa, 1961, стр. 189—199; J. Fonagy, Le language poétique: forme et fonction, «Diogène», № 51, 1965, Jul.-Sept., стр. 72—116 и др.

[6] Ср. PU, p. 290—291. Примечательно, что Бхагавадгита (XVI, 21) предостерегает от трех соответствующих пороков (kāmaḥ krodhastathā lobhas) — чувственности, гнева и жадности.

ставив уже в новое время заключительные строки поэмы Т. Элиота «The waste Land» (1922) [7]. Стремление к звуковому символизму определенным образом отразилось и в этимологизирующих отступлениях *упанишад*, иногда развернутых (этот прием заслуживает специального рассмотрения), иногда как бы представленных в «свернутом» состоянии в виде игры слов — например, Чх I, 1, 5 akṣaram «слог» и «негибнущее» (т. е. высшее существо); III, 17, 5 soṣyati asoṣta «родит, родила» и «выдавит, выдавил» (т. е. *сому*) и т. д. Среди созвучий, связанных с определенным смыслом поучения, можно, например, отметить функции повторяющихся «a», «na», «vi» в описании высшего начала Атмана—например, Чх VIII, 7, 1: vijaro vimṛtyur viśoko vijighatso «свободный от старости, смерти, от печали, от голода...». С другой стороны, некоторые аллитерирующие сочетания, по-видимому, лишены такого смысла, представляя собой чистую игру созвучиями,— ср. Бр IV, 2, 2: indhaṃ... indra; V, 5, 4: aham ... hanti ... jahāti; VI, 3, 5 amaṃsi, amaṃ hi te mahi; иногда с инверсией отдельных элементов — ср. Бр IV, 2, 1: ukta-upaniṣatkaḥ. Оба названных типа могут сочетаться друг с другом, как, например, в уже цитировавшемся отрывке Чх VIII, 7, 1 (ya ātmā apahata-pāpmā vijaro vimṛtyur... pipāsaḥ satya-kāmaḥ satya-saṃkalpat...).

Следующей ступенью являются отдельные лексические повторы. Их существенная функция состоит в подчеркивании значимости вводимых *упанишадами* представлений — ср. Бр II, 1, 20 и др. satyasya satyam [8] («действительное действительного»); Бр IV, 3, 21, сочетающее лексические повторы со смысловой аллитерацией: tad vā asyaitad āpta-kāmam, ātma-kāmam, akāmam rūpaṃ sókantaram («Поистине, это его образ, [в котором он] достиг [исполнения] желаний, имеет желанием [лишь] Атман, лишен желаний, свободен от печали»); Та I, 4, 2: ā māyantu ... vi māyantu ... pra māyantu ... da māyantu... sa māyantu («да приблизятся, ... да идут... с разных сторон, ... да идут ... вперед, . . да обуздывают, ... да вкушают покой»); Кат 1, 3, 3: rathinaṃ ... ratham ... sārathiṃ («владелец колесницы ... колесница ... колесничий»). Ср. также характерные повторы в описании высшего начала: Бр IV, 3, 22 сл. atra pitā'pita bhavati, matā' mata, lokāḥ alokāḥ, devā adevāḥ, vedā avedāḥ и т. д. (ср. Бр III, 9, 26; IV, 4, 5; Му III. 1, 7; Кат I, 2, 20—22; и др.). Другой пример — описание высшего состояния (turīya) в Ман 7, где лексические повторы сочетаются с «негативной» звуковой символикой (ср. выше): nāntaḥ prajñam, na bahis prajñam, nobhayataḥ-prajñam, na prajñāna-ghanam, na prajñam, nāprajñam, adṛṣṭam, avyavahāryam, agrāhyam, alakṣaṇam ..., acintyam, avyapadeśyam... («не познающей внутреннего, не познающей обоих...»). Весьма употребительны анафоры и эпифоры в отдельных тематически и композиционно связанных между собой параграфах, а также и в рамках отдельных параграфов. Такие повторы характерны и для нарративных частей и афористически излагаемых поучений *упанишад* (ср. формулы na iti, na iti в Бр II, 3, 6; III, 9, 26; IV, 2, 4 и др.; tat tvam asi в Чх VI, 8, 7; 9, 3; 10, 3; 11, 3 и др.), а также и для приводимых в них ритуальных возглашений. Так, в беседе Яджнявалкьи с Джанакой каждый параграф в Бр IV, 1, 2—7 начинается со слов yad eva te kaś cid abravīt tat śṛṇavāmeti ... («дай нам услышать, что говорил тебе кто-нибудь [из твоих учителей]»). Ряд ритуальных формул в Бр VI, 3, 2—3 неизменно завершается возгласом svāhā; в Бр VI, 3, 6 — начинается с madhu, madhumān (ср. анафоры с мотивом «меда» в Бр II, 5). Ср. также употребление devair atrāpi vicikitsam в Кат I, 1, 21—22; āścaryo — в Кат I, 2, 7; yas tu — в Кат I, 3, 5—8; astīti — в Кат II, 3, 12—13; eṣa — в Ман 6 и др. Нередки повторы, буквальные или с незначительными изменениями, целых выражений, вплоть до отдельных параграфов с вариациями лишь в пределах какой-либо определенной замкнутой группы понятий — например, Бр IV, 3, 23—30, где соответственно варьи-

[7] См. T. S. E l i o t, Collected Poems. 1909—1935. London [s. a.], стр. 76—77. Любопытная в функциональном отношении аналогия из европейской культуры — народно-этимологическое осмысление колокольного звона: dan-do, dan-do как латинского dando («подавая»).

[8] Ср. H. O e r t e l, Zum altindischen Ausdrucksverstärkungstypus satyasya satyam «das Wahre des Wahren» — «die Quintessenz des Wahren», «Sitzungsber. d. Bayer. Akad. d. Wiss.», 1937, 3, стр. 3—48.

руются лишь обозначения зрения, обоняния, вкуса, речи, слуха, мысли, осязания, познания; Иша, где строфы 12—14 повторяют 9—11 с заменой avidyā—vidyā на asambhūti — sambhūti и т. п. Многочисленные образцы таких повторов дает текст Чх — ср., например, I, 10, 9—11; II, 4—9; II, 11, 2 (ср. 12, 2 и 13, 2) и др. [9]

Принцип повтора, отвечающий характерным особенностям ряда канонических культовых текстов и ритуальных процедур, может быть истолкован здесь в качестве средства магической техники [10] — соответствующие представления в значительной степени свойственны текстам *упанишад*. Названную функцию такие повторы выполняют, по-видимому, прежде всего в ритуальных возглашениях, включенных в Бр, Чх, Кау, Мт и некоторые другие *упанишады*. Другая существенная функция повторов, связанная прежде всего с дидактикой *упанишад*,— подчеркивание важности предмета, о котором идет речь, облегчение его запоминания (мнемоническая функция). Упор на важность отдельных положений может, по-видимому, приводить к потребности повторять почти без изменений сравнительно крупные фрагменты текста. Такой единственный в своем роде канонизированный повтор в литературе *упанишад* — двукратное изложение занимающей целую главу беседы Яджнявалкьи с Майтрейи (Бр II, 4 и IV, 5) — повтор, который вряд ли можно отнести за счет композиционного несовершенства и который был, по-видимому, вполне сознательно введен составителем и утвержден последующей традицией. Сравнительно чаще подобные параллели между разными *упанишадами* — ср. беседу Балаки с Аджаташатру в Бр II, 1 и Кау IV; учение о пяти жертвенных огнях в Бр VI, 2, 9—14; Чх V, 4—9 (ср. Шатапатха брахмана XIV, 9, 1, 12—16) и др. В данном случае существенно, что названные тексты одновременно функционируют в рамках одного ведийского канона, куда они все включены, и создают таким образом повторяемость канонизированных текстов (ср. значительно более частые и крупные по объему повторы в рамках палийского канона; аналогичные явления в других культурах — в частности, традицию «параллельных мест» в библейских текстах, повторы в синоптических евангелиях и т. д.).

Весьма употребительный прием в *упанишадах* — сравнения, как краткие, так и достаточно сложные [11]. Не останавливаясь здесь на особой категории свидетельств — отождествлениях, играющих первостепенную роль в догматике *упанишад* [12], назовем для примера некоторые характерные образы, встречающиеся в этих текстах. В Брихадараньяке, задавая Яджнявалкье два вопроса, Гарги Вачакнави сравнивает себя с лучником, готовым пронзить врага двумя стрелами (Бр III, 8, 2). Существо, объятое Атманом, сравнивается с мужем в объятиях жены (IV, 3, 21). Сам Атман сравнивается с мостом, с границей, разъединяющей миры (setur, vidharana eṣām lokānām — IV, 4, 22; ср. Чх VIII, 4, 1—2; Кат I, 3, 2; Мт VII, 7; Му II, 2, 5) [13]. *Пуруша* в сердце уподобляется зерну риса или ячменя (Бр V, 6), Брахман — молнии (V, 7), речь — молочной корове (V, 8), один из учителей — слону, несущему поклажу (VI, 14, 8), и т. д. В Чхандогье смерть видит богов, «покрывших» себя *ведами*, как видят рыб в воде (Чх I, 4, 3), собаки движутся, подобно держащимся друг за друга жрецам (I, 12, 4); свет Брахмана, пребывающий в человеке, слышен, словно шум

[9] Ср. «Чхандогья упанишада», М., 1965, стр. 27; «Chāndogya-upaniṣad». Versuch einer kritischer Ausgabe... von W. Morgenroth, Jena, 1958 (где подобные повторы подчеркнуты).

[10] Ср. R. Zaehner, The Comparison of Religions, Boston, 1962, стр. 48 сл.

[11] Ср. Oldenberg, Lehre, стр. 182 сл.; S. Dhonde, Simile in the Upanisads, «Sangameshwar College Journal», 1 (1), стр. 21—26 [в частности, деление подобных сравнений на три категории: decorative, illustrative, emotional — цит. по R. N. Dandekar, Vedic Bibliography, II, Poona, 1961 (далее — VB II), стр. 166: ср. VB II, p. 85, 166, 168]. Данный прием отличает и некоторые более поздние комментарии к *упанишадам*, например, Шанкары — ср. M. D. Paradkar, Similes in Śaṅkara's bhāṣya on the Śvetāśvataropaniṣad, «Journal of the University of Bombay», vol. 33 (N. S.) pt. 2, № 39, 1964, стр. 85—88.

[12] Ср. А. Я. Сыркин, Система отождествлений в Чхандогья упанишаде, «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 181, 1965, стр. 276—283.

[13] Ср. E. W. Hauer, Symbole und Erfahrung des Selbstes in der Indo-arischen Mystik, «Eranos-Jahrbuch. 1934», Zürich, 1935 (далее — Hauer, Symbole), стр. 67—68.

пылающего огня (III, 13, 8, ср. Мт VI, 22); плоды заслуг добродетельного Райквы сравниваются с выигрышем в кости (IV, 1, 4, 6; ср. 3, 8); опора жертвы, совершенной должным образом, подобна ногам человека или колесам колесницы (IV, 16, 3 и 5); исполнение *агнихотры* без должного знания подобно подношению на пепле вместо пылающих углей (V, 24, 1); все существа ищут прибежища в *агнихотре*, как голодные дети — вокруг матери (V, 24, 5); лишенные истинного знания существа идут в мир Брахмана, но не находят его, подобно тому как люди проходят над зарытым в земле сокровищем, не зная об этом (VIII, 3, 2), Катха уподобляет путь постижения Атмана острию бритвы (I, 3, 14); тело — граду с одиннадцатью вратами (II, 2, 1). Шветашватара сравнивает высшее божество, покрывающее себя нитями, возникшими из первичной субстанции (pradhāna), с пауком, плетущим вокруг себя паутину (VI, 10). Майтри сравнивает мудреца Шакаянью с огнем без дыма (I, 2); образы *пуруши* — с железным шаром на наковальне (III, 3) и т. д. Отдельные сравнения построены по принципу климакса или сочетания климакса с антиклимаксом, т. е. с восходящей или нисходящей градацией соответствующих представлений. Так, дыхание в Бр I, 3, 22 «равно белому муравью, равно мошке, равно слону, равно этим трем мирам». Чх III, 14, 3 дает образ «Атмана в сердце», который меньше, «чем зерно риса, чем зерно ячменя, чем горчичное семя, чем просяное зерно, чем ядро просяного зерна» и одновременно больше, «чем земля, ... чем воздушное пространство, ... чем небо, ... чем эти миры».

Встречаются и более развернутые аллегории, охватывающие подчас ряд связанных друг с другом рассуждений. Таково, например, последовательное сопоставление частей мироздания и явлений природы с частями тела жертвенного коня и его атрибутами (Бр I, 1, 1—2). Неотделимость познания отдельных феноменов от познания Атмана иллюстрируется описаниями игры на музыкальных инструментах (Бр II, 4, 7—9) [14]. В Чх мироздание сравнивается с пчелиным ульем (III, 1—10), а затем — с ларцом (III, 15, 1—3); периоды жизни человека — с жертвенными возлияниями (III, 16); ряд аллегорий содержит поучения Уддалаки своему сыну об Атмане (ср. VI, 1, 4—6; VI, 6—19) — например, сравнение со сбиванием молока, с разжиганием огня; с пчелами, приготовляющими мед; с реками, впадающими в море; с плодом смоковницы; с солью, растворяющейся в воде (ср. Бр II, 4, 12; Мт VII, 11); с заблудившимся человеком, с испытанием подозреваемого в воровстве. Рисуя образ существа, связанного плодами своих добрых и злых дел, Мт IV, 2 сравнивает его с калекой, заключенным, находящимся во владениях бога смерти, опьяненным вином, охваченным злым духом, уязвленным большой змеей и т. д.

Как мы видим, ряд сравнений использует здесь характерные реалии индийского быта (корова, слон, жертвенный огонь, музыкальные инструменты, игра в кости и т. д.). При этом анализ отдельных образов представляет значительный историко-культурный интерес в плане исследования древнеиндийской символики [15]. Таково, например, наряду с некоторыми упомянутыми выше аллегориями сравнение глаз *пуруши* с лотосом (puṇḍarīkam — Чх I, 6, 7; ср. VIII, 1, 1; Бр II, 3, 6; VI, 3, 6; puṣkara — Чх IV, 14, 3; Мт III, 2; VI, 2) [16], сравнение человека с деревом (Бр. III, 9, 28; ср. Та

[14] Ср. А. Я. Сыркин, К проблеме синестезии в индийской эстетике. (Об одном сравнении в Брихадараньяка упанишаде), «Проблемы теории литературы и эстетики в странах Востока», М., 1964, стр. 62—67.

[15] Ср. в этой связи H. Weller, Über Vergleichungen im Rigveda, «Aus Indiens Kultur. Festgabe R. von. Garbe», Erlangen, 1927, стр. 55—64; H. Zimmer, Myths and Symbols in Indian Art and Civilisation, Washington, 1946 (далее — Zimmer, Myths); J. Conda, Remarks on Similes in Sanskrit Literature, Leiden, 1949; H. Marchal, Le symbolisme dans les arts de l'Inde, «France — Asie», 5 année, t. 6, 1956, стр. 708—723; M. Eliade, Methodological Remarks on the Study of Religious Symbolism, «The History of Religions. Essays in Methodology», Chicago, 1959 (далее — Eliade, Remarks), стр. 96—107; F. Bosch, The Golden Germ. An Introduction to Indian Symbolism, 's-Gravenhage, 1960 (далее — Bosch).

[16] Относительно символики лотоса в древней Индии ср. Zimmer, Myths, стр. 90 сл.; W. Raw, Lotusblumen, «Asiatica. Festschrift F. Weller», Lpz, 1954, стр. 505—513; Bosch, стр. 34 сл., A. Roşu, Pūrṇaghaṭa et le symbolisme du lotus dans l'Inde, «Arts Asiatiques», 8, 1961, fasc. 3, стр. 163—194.

I, 10,1; Кат II, 3,1; Ш в III, 9; VI, 6; Чх VI, 11,1 и др.), имеющее интересные типологические параллели в других культурах [17]. Образ колесницы в рассуждениях о добром и дурном поведении человека (Кат I, 3, 3—9; ср. Мт II, 6; Бр IV, 2, 1; V, 10; Чх VI, 16, 3 и 5; Кау I, 4; III, 8; Chāgaleya up. 6—7 и др.) находит себе аналогию в Ригведе, в *джатаках*, в диалогах Платона и т. д.[18]. Говоря о человеческом теле и природных свойствах, Мт II, 6 и III, 3 сравнивает их с колесом (cakra), вращаемым гончаром. Все сущее заключено в Атмане, как все спицы заключены между ободом и ступицей колеса (yathā rathnanābhau ca rathanemau'cārāḥ sarve samārpitāḥ — Бр II, 5, 15; ср. I, 5, 15; Чх VII, 15, 1; Кау III, 8; Шв I, 4; Мт II, 6; VI, 24; Му II, 2,6; Пр VI, 6 и др.). Здесь снова выступают образы, играющие первостепенную роль в древнеиндийских натурфилософских и этических спекуляциях (как индуистских, так и буддийских) [19].

Действующие лица *упанишад* отнюдь не стереотипны и нередко наделены запоминающимися чертами [20]. Таковы, например, краткие характеристики двух жен Яджнявалкьи — Майтрейи, «способной рассуждать о Брахмане» (brahma-vādinī), и Катьяяни, наделенной «лишь знанием, свойственным женщинам» (strī-prajñaiva) (Бр IV, 5, 1). Еще более рельефно очерчены персонажи Чхандогьи [21]. Ке III рисует возгордившихся богов — Агни и Ваю, которые возвеличились победой Брахмана, но не смогли распознать его. Отец Начикетаса Ваджашравас полон щедрости, но легко гневается и не может владеть собой; сам же Начикетас презирает мирские блага, стремится к знаниям и предан сыновнему долгу — эти свойства отца и сына служат завязкой Катхи и определяют ход ее поучений. Живо нарисован образ царя Брихадратхи (Мт I, 2—4), предающегося подвижничеству, смиренного, страдающего от сознания тщеты всего земного.

Наиболее употребительный сюжетный ход — появление лица, стремящегося к истинному знанию: его вопросами и мотивированы соответствующие поучения *упанишады* в целом (например, Кат, Пр) или отдельных ее частей [22]. При этом в развитии действия возможны разные варианты. Иногда наставление начинается сразу же (Майтрейи и Яджнявалкья в Бр II, 4; IV, 5; Джанака и Яджнявалкья в Бр IV, 3—4; *Праджапати и его сыновья* в Бр V, 2; Нарада и Санаткумара в Чх VII; Шветакету Аруни и Читра в Кау I; Пратардана и Индра в Кау III; *валикхильи* и Крату Праджапати в Мт II, 3 сл.; Шаунака и Ангирас в Му I, 1, 3 сл.). Обучение может проходить по явной инициативе самого мудреца (Ушасти Чакраяна в Чх I, 10—11, стремящийся стать жрецом). Возможна своеобразная ретардация — лицо, нуждающееся в знании, сначала этого не осознает, и, лишь убедившись из беседы с учителем в своем невежестве, просит о наставлении (Гаргья и Аджаташатру в Бр II, 1 и Кау IV; Джанака и Яджнявалкья в Бр IV, 1—2; Шветакету, Гаутама и Правахана в Бр VI, 2 и Чх V, 3—10; Шилака Чайкитаяна и Правахана в Чх I, 8; Шветакету и Уддалака в Чх VI). Подобное наставление иногда протекает и в форме спора мудреца с несколькими противниками, почти до самого конца претендующими на первенство (диспут при дворе Джанаки в Бр III). Другой вид ретардации — когда учитель не желает сразу же присту-

[17] Ср. «Упанишады», М., 1967, стр. 274—275.

[18] См. M. Bloomfield., The Mind as Wish-Car in the Veda, JAOS, 39, 1919, pt. 4, стр. 280—282; «Упанишады», стр. 271.

[19] Ср. Mrs. Rhys Davids, Zur Geschhichte des Rad-Symbols, «Eranos-Jahrbuch, 1934», стр. 153—178; P. Horsch, The Wheel. An Indian Pattern of World-Interpretation, «Leibenthal Festschrift. Sino-Indian Studies», vol. 5, pt. 3—4, Santiniketan, 1957, стр. 62—79; Hauer, Symbole, стр. 67.

[20] Ср. Oldenberg, Lehre, стр. 170 сл.

[21] См. «Чхандогья упанишада», стр. 27—28.

[22] Мы не останавливаемся здесь специально на диалогической форме изложения в *упанишадах*. Ср. в этой связи W. Ruben, Über die Debatten in den alten Upaniṣad's. ZDMG, 83, 1929, стр. 238—255; Oldenberg, Lehre, стр. 160 сл., 176 сл. и др.; в частности «Чхандогья упанишада», стр. 28—30 — о связи диалога с более компактным делением таких текстов, как Бр и Чх, по главам и безличного наставления — с более дробным.

пать к наставлениям и ученик вынуждается к разного рода предварительным действиям — например, дары Джанашрути Райкве в Чх IV, 1—2; пастушеская служба Сатьякамы у Харидруматы — Чх IV, 4 сл.; забота Упакосалы о жертвенном огне в доме Сатьякамы — Чх IV, 10 сл. В Чх V, 11 сл. пять брахманов идут за наставлениями к Уддалаке Аруни, тот направляет их к Ашвапати Кайкейе, а последний на второе утро после их прихода посвящает их в ученики, задает каждому предварительные вопросы и лишь потом приступает к поучениям об Атмане. Асуры получают несовершенное знание от Праджапати после 32 лет ученичества; Индра же, прежде чем получить истинное знание, служит в учениках сто один год (Чх VIII, 7 сл.). Шесть брахманов год живут в подвижничестве у Пиппалады, прежде чем он отвечает на вопросы каждого из них (Пр I, 1—2 сл.). Другой вариант постепенного обучения дает Та III, 1—6, где Варуна сообщает по частям учение своему сыну Бхригу, пять раз прерывая ход изложения и побуждая его к подвижничеству для постижения очередной истины. В Кат I, 1, 20—29 Яма не решается сразу же отвечать на третий вопрос Начикетаса и тому приходится настаивать на своем желании; сходным образом уговаривает и Брихадратха Шакаяньо (Мт I).

Одновременно отдельные поучения вводятся с помощью традиционных мифологических мотивов (или подражания таким мотивам), включенных в канву повествования (например, мифы о соперничестве богов и асуров в Бр I, 3; Чх I, 2; о споре жизненных сил — Бр VI, 1; Чх V, 1; о Праджапати — Чх IV, 17 и т. д.). В конце некоторых наставлений просто упоминается, что они были переданы от такого-то учителя (ср. Бр VI, 3, 7—12; Чх I, 9, 3; VIII, 15 и др). «Свернутое» сообщение о подобной традиции содержит перечни наставников в Бр II, 6; IV, 6; VI, 5. Наконец, возможны догматические рассуждения без какой-либо сюжетной мотивировки — ср. Чх I, 1; II;, III; VIII, 1—6; Ке I, где поучение вводится безличным вопросом: kena iṣitam; Шв I сл.— со ссылкой на «рассуждающих о Брахмане» (brahmavādino); Иша 1 сл., Му I сл. и др.

Разумеется, при всех этих вариациях сюжеты *упанишад* остаются достаточно простыми, уступая в этом отношении не только образцам более поздней повествовательной литературы (в частности — буддийским *джатакам*), но, пожалуй, и некоторым гимнам Ригведы и нарративным частям *брахман*. Эта неразвитость сюжета становится понятной, если учесть специфику содержания *упанишад* и их функцию в рамках ведийского канона. Вместе с тем, как мы видим, и здесь встречаются отдельные черты, сближающие *упанишады* с санскритской повествовательной литературой (в частности с жанрами kathā, ākhyāyikā). В этой связи можно, например, отметить прием обрамления, получивший впоследствии столь широкое развитие в классической санскритской литературе [23]. Так, в Майтри поучение Шакаяньи Брихадратхе (II, 1—VI, 29) служит обрамлением включенного в него наставления Крату Праджапати *валикхильям* (II, 3—IV, 6), создавая, таким образом, «рамочный» характер композиции значительной части этой *упанишады*. В Бр III диспут Яджнявалкьи с брахманами включает в себя эпизоды из жизни этих брахманов (III, 3, 1; III, 7, 1). Некоторые авторы склонны усматривать генетическую связь с басенной литературой в выведении животных в качестве персонажей *упанишад* — например, собак в Чх I, 12; быка, гуся и нырка в Чх IV, 5—8 [24].

Отдельные сцены *упанишад* носят живой, подчас драматический характер [25]. Таковы, например, завязка диспута при дворе Джанаки, отдельные перипетии споров Яджнявалкьи (Бр III, 1, 1—2; 8, 1 сл.; 9, 18; 26 сл.), обида уличенного в невежестве Шветакету (Бр VI, 2, 1—4; ср. Чх VI, 3, 1—5). Читателю Чхандогьи запоминается, как

---

[23] См. П. А. Гринцер, Древнеиндийская проза. (Обрамленная повесть), М., 1963.

[24] Ср. S. N. Dasgupta, S. K. De, A History of Sanskrit Literature, I,Calcutta, 1947, стр. 85; Keith, стр. 242. П. А. Гринцер полагает, что здесь не может идти речи об использовании фольклорных сюжетов (ср. Гринцер, ук. соч., стр. 67).

[25] Ср. Ch. Johnston, The Dramatic Element in the Upanishads, «The Monist», 20, 1910, стр. 185—216.

бедняк Ушасти просит еды у богача (I, 10, 1—5), как собаки имитируют жрецов (I, 12), как погруженный в отчаяние Упакосала думает о смерти из-за того, что учитель не хочет обучать его (IV, 10). Интересна сцена Ке III—IV, рисующая похвальбы богов, и появление Умы, доставившей им истинное знание. Едва ли не самые драматичные страницы *упанишад* — история Начикетаса, проклятого своим отцом и идущего в обитель смерти (Кат I, 1); этот сюжет отчасти известен уже из Ригведы (X, 135) и детально изложен в Тайттирия брахмане (III, 11, 8). Среди более поздних текстов можно назвать, например, Чхагалея упанишаду — рассказ о том, как брахманы отстранили от участия в обряде сына служанки и как тот привел их к истинному знанию.

Рассмотрение отдельных характеристик и ситуаций в *упанишадах* позволяет, на наш взгляд, отметить интересную черту этих текстов, не ставшую до сих пор предметом специального изучения. Эта черта связана с определенной манерой мотивировки и подачи отдельных наставлений — манерой тем более своеобразной, что соответствующие наставления, согласно индуистской догматике, трактуют об истинном знании, призванном вести адепта к блаженству. Можно указать для примера сюжет Катха упанишады, где проклятие отца, равносильное гибели, мотивирует благодать, ниспосланную Начикетасу, а источником этой благодати (высшего знания, связанного с победой над смертью,— ср. Кат I, 2, 18 сл.; III, 3, 14 сл.) выступает бог смерти Яма. До известной степени обратную картину дает Брихадараньяка. Поучения Яджнявалкьи, наставника в высшем знании (собственно, кульминация этих поучений — слова об Атмане), завершаются здесь проклятием своему несведующему оппоненту Шакалье. Подобным проклятием — угрозой, что у Шакальи «отвалится голова» (mūrdhā te vipatiṣyati), если тот не ответит ему на определенный вопрос, Яджнявалкья грозит почти сразу же после того как произносит последнее определение высшего начала, которое «не подвержено злу» (na riṣyati). Вслед за тем у неспособного ответить Шакальи отваливается голова и воры растаскивают его кости (Бр III, 9, 26; ср. Шатапатха брахмана XI, 6, 3, 11). Подобное сочетание наставления в высшей истине, т. е. проповеди высшего блага, с проклятием (в последнем случае — непосредственно своему слушателю) свидетельствует об амбивалентном, т. е. сочетающем противопоставимые признаки, характере отдельных сцен. Такая черта присуща и образам некоторых наставников в *упанишадах*. В этой связи вообще характерен мотив проклятия, которым мудрецы сопровождают свои поучения; помимо Яджнявалкьи (ср. также его угрозу Гарги Вачакнави— Бр III, 6, 1), подобным же проклятьем грозит самому Яджнявалкье другой хорошо известный авторитет *упанишад* — Уддалака Аруни (Бр III, 7, 1),а также персонажи Чхандогьи — Шилака Шалаватья (I, 8, 6), Правахана Джайвали (I, 8, 8), Ушасти Чакраяна (I, 10, 9; 10; 11; ср. 11, 4—9), Ашвапати Кайкея (V, 12, 2). При этом последний в соответствии с ходом поучений варьирует свои проклятия, последовательно грозя потерей глаз, дыхания, распадом тела и т. д.— Чх V, 13, 2; 14, 2; 15, 2; 16, 2; 17, 2; ср. также Пр VI, 2. Характерен и образ мудрого Райквы, к которому «стекается все добро, совершаемое людьми» (evaṃ enaṃ sarvaṃ tad abhisameti yat kiñ ca prajāḥ sadhu kurvanti — Чх IV, 1, 4; 6). Прежде чем приступить к наставлениям, он показывает себя грубым и корыстолюбивым [26].

Подобную двойственность представляется возможным рассматривать в связи с наблюдениями недавно опубликованного труда Л. С. Выготского [27]. Приходя к выводу, что «всякое художественное произведение — басня, повелла, трагедия — заключает в себе непременно аффективное противоречие, вызывает взаимно противоположные ряды чувств и приводит их к короткому замыканию и уничтожению» [28] (ср. «катарсис» Аристотеля), автор полагает, что эстетическая реакция «заключает в себе аффект, развивающийся в двух противоположных направлениях, который в завершительной точке, как бы в коротком замыкании, находит свое уничтожение» [29]. Такое

[26] Ср. о различных толкованиях Чх IV, 2: PU, стр. 403; «Чхандогья упанишада», стр. 196—197.

[27] Л. С. Выготский. Психология искусства, М., 1968.

[28] Там же, стр. 270.

[29] Там же, стр. 272.

противопоставление мотивируется очевидной двойственностью отдельных характеристик, фиксируемой Л. С. Выготским, как правило, на уровнях мотива и сюжета (в «Гамлете» Шекспира, баснях Крылова и т. д.). Эта особенность произведений светской литературы составляет, на наш взгляд, неотъемлемую черту и литературы культовой, где она прослеживается на самых различных уровнях, в данном случае, в отдельных характеристиках и сюжетных построениях — именно такой характер носят сочетания проклятия и благодати в Катха упанишаде, грубости и добродетельности — в Чхандогье, угроз и благочестивых наставлений — в Брихадараньяке.

В этой связи встает еще одна интересная проблема исследования *упанишад* — в какой мере подобный подход отразился в их текстах применительно к объектам культа. Хорошо известно, что сочетание противоположных атрибутов в описании таких объектов является характерной чертой в мифологии разных народов. Исследователи неоднократно отмечали случаи реализации обеих частей соответствующего противопоставления при описании одного и того же объекта (в одном тексте или группе одновременно функционирующих текстов), иначе говоря — амбивалентный характер его описания [30]. Свидетельством подобного подхода в *упанишадах* может служить описание высшего начала (ātman, brahman), например, в Бр IV, 4, 5; Чх III, 14, 3; Кат I, 2, 20—22; Шв III, 19—20; IV, 3; Иша 4—5; Му III, 1, 7 и др. (сочетания типа «большой — малый», «движущийся — неподвижный», «далекий — близкий», «юный — старый» и т. п.). Тенденцию к сочетанию противоположных признаков мы имели возможность проследить на примере одного представления, связывающего мифологию *упанишад* как с более архаичной системой образов Ригведы, так и с другими мифологическими традициями — речь идет о сочетаниях типа «жизнь — смерть», «свет — тьма» и т. д. при описании солнца (ср. Чх I, 3, 1; 6, 5 сл.; III, 3, 3 и др.) [31].

Мы затронули здесь лишь некоторые особенности стиля ранних *упанишад*. Вместе с тем уже они помогают, на наш взгляд, лучше понять место этих произведений, в многовековой истории санскритской литературы. Относясь к числу древнейших памятников этой литературы — ведийскому канону, в котором спекулятивное начало неразрывно связано с поэтическим, ранние *упанишады* по сути дела впервые в индийской культуре дали сочетание глубокой умозрительной дидактики с несомненной художественностью изложения. Отсюда двойное значение рассмотренных выше особенностей. С одной стороны, они предвосхитили ряд стилистически-композиционных приемов, отличающих более поздние художественные памятники санскрита. С другой,— в рамках научно-спекулятивной традиции — они дают незаменимый материал для изучения принципов древнеиндийского философского и научного описания, как в его специфике, так и в прямых аналогиях (ср. использование противопоставимых признаков) с другими культурами, начиная от древнегреческой натурфилософии и кончая современной научной мыслью.

А. Я. Сыркин

NOTES ON THE STYLE OF THE EARLY UPANISHADS

by A. Ya. Syrkin

This article deals with some stylistic devices and patterns of composition characteristic of the early Upanishads (Bṛhadāraṇyaka, Chāndogya, Kauṣītaki, Kaṭha, Śvetāśvatara Maitrī, Īśa, Muṇḍaka and others). The author discusses sound repetitions on different levels of the text (i. e. sound symbolism, word repetitions and repetitions of larger

[30] Ср., в частности, наблюдения над материалом Ригведы: A. Bergaigne, La religion védique d'après les hymnes du Rig-Veda, II, P., стр. 115 сл. и др.; L. Renou, L'ambiguité du vocabulaire du Ṛgveda, «Journal Asiatique», 231, 1939, стр. 161—235. См. также M. Eliade, Trattato di storia delle religioni, Torino, 1954, стр. 148 сл.; Eliade, Remarks, стр. 99; A. A. Macdonnel, Vedic Mythology, Strassburg, 1897, стр. 156; E. W. Hopkins, Epic Mythology, Strassburg, 1915, стр. 29 сл., 38, 52 сл.; C. G. Jung, Answer to Job, L., 1953 и др.

[31] А. Я. Сыркин. «Черное солнце», «Краткие сообщения Ин-та народов Азии АН СССР», 80, 1965, стр. 20—32.

units of the text), similes of different kinds, some of which are very important with regard to history and culture (cf. symbolism of the lotus, tree, chariot etc.). Certain schemes of construction (such as frame construction) and methods of characterisation are also studied. Here the duality of some of the characters and events in the Upanishads is particularly striking (cf., for example, a combination of threats and pious precepts in Bṛhadāraṇyaka) and the author thinks this has analogies in West-European and Russian literature L. S. Vygotsky). He infers that these pecularities of the early Upanishads — literary works in which speculative didactics are combined with an artistic manner of presentation for the first time in Sanskrit literature — have a twofold importance. On the one hand they anticipate a number of patterns of composition and stylistic devices which appear in Sanskrit literature of later periods, and on the other hand they provide valuable material essential for the study of the principles used in old Indian philosophical and scientific language.

КУЛЬТУРА АФИН ВРЕМЕНИ ФИДИЯ*

Творчество Фидия является неотъемлемой частью эллинской культуры времени ее большого подъема во второй половине V в. до н. э. Вместе с тем, для полного понимания значения вклада Фидия весьма важно то окружение, в котором жил и работал великий афинский скульптор.

Расцвету художественной культуры Афин времени Фидия предшествовал подъем литературы и искусства в Греции в первой половине V в. до н. э., неразрывно связанный с именем Эсхила, одного из величайших поэтов всех времен, основателя нового жанра в мировой литературе — трагедии. В своих трагедиях Эсхил сочетал традиции дорийской хоровой лирики (в выступлениях хора) и ионийской индивидуальной лирики в монологах действующих лиц. Творчество Эсхила, обогатившись созданными им художественными образами, явилось общеэллинским достоянием, стало качественно совершенно новым явлением. Произведения Эсхила проникнуты чувством гуманности, патриотизма и верой в конечное торжество человеческого разума и справедливости.

Современник Эсхила Пиндар в торжественных гимнах прославлял победителей на состязаниях, прежде всего как представителей того полиса, гражданами которого они являлись. Законы и другие установления государства, гражданская дисциплина — таковы те идеалы, которым было посвящено творчество Пиндара.

Новым большим этапом в развитии греческого искусства явилось творчество художника-монументалиста Полигнота, расцвет которого приходится на вторую четверть и середину V в. до н. э. Он был автором многофигурных композиций мифологического содержания. Полигнот впервые освоил свободную передачу типически обобщенных человеческих фигур и наделил своих персонажей выражением тех особенностей, которые, оставаясь неизменными, составляли нравственный облик героя. Поэтому Аристотель назвал Полигнота ἀγαθὸς ἠθογράφος (Poet. 6), т. е. хорошим изобразителем характеров. Эта черта сближает Полигнота с Эсхилом и Софоклом.

Таковы были великие предшественники, наследие которых оказалось, пожалуй, наиболее плодотворным для художественного творчества Афин времени Фидия.

Как известно, современником Фидия был пелопоннесский скульптор Поликлет, который, создавая статуи атлетов, стремился выработать κανών, т. е. определенные математические отношения, на основе которых должно быть построено человеческое тело.

---

* По материалам доклада, прочитанного на совместном заседании, посвященном Фидию, которое было организовано Академией художеств СССР, Советским комитетом защиты мира, Советским комитетом солидарности с греческими демократами, Антиковедной ассоциацией при Отделении истории АН СССР и ГМИИ им. А. С. Пушкина 20 января 1970 г.

Дошедшие до нас произведения Поликлета показывают, что канон Поликлета не был раз навсегда установленным жестким модулем, а несравненно более сложной системой соответствия отдельных частей целому.

Основные взгляды Поликлета, его художественное мировоззрение, возможно, слагались под воздействием учения Пифагора, распространенного и развитого его учениками и последователями особенно в дорийском мире. Таковы прежде всего, представления о вселенной, как о гармонически стройном упорядоченном всеединстве — космосе: этот термин означал «лад, строй, порядок».

В равной мере это можно сказать и о положении пифагорейцев, согласно которому, по словам Аристотеля: τοὺς ἀριθμοὺς αἰτίους εἶναι, τοῖς ἄλλους τῆς οὐσίας (Arist., Met. I, 6, 187, b 24), т. е. числа являются основой всего существующего. Согласно пифагорейским воззрениям, не только все во вселенной образовано согласно определенным числовым нормам, но и им же подчинены все произведения людей.

Однако вряд ли имеются основания полагать, что творчество Поликлета заметно оказало воздействие на произведения Фидия. Созданный Поликлетом типически обобщенный образ атлета-победителя, отвечающий греческим представлениям о калокагафии, едва ли мог получить отголосок в творчестве Фидия, поставившего перед собой совершенно иные задачи. Мы останавливались на Поликлете только потому, что это был единственный скульптор — современник Фидия, равный ему по таланту.

Перейдем теперь к тому кругу выдающихся культурных и художественных деятелей, который группировался около вождя афинской демократии — Перикла. Прежде всего к этому кругу принадлежал философ Анаксагор, живший в Афинах примерно между 460 и 430 гг. до н. э. В противовес традиционному мифологическому мировоззрению греков Анаксагор выдвинул свое чисто умозрительное учение о космогонии, которое не могло найти непосредственного отражения в творчестве Фидия. Однако общение с широкообразованным Анаксагором, хотя бы в каких-либо частных вопросах, могло принести некоторую пользу Фидию.

То же следует сказать и о живописце Агафархе, который во время Перикла работал в Афинах. Агафарх около 460 г. до н. э. расписал декорацию скены театра и оставил сочинение о ней. Об этом говорит Витрувий (Vitr., De arch. VII,11), также сообщающий, что и Анаксагор оставил сочинение о перспективе. Подобного рода наблюдения могли быть полезны скульптору, создавшему колоссальные статуи, предназначенные для храмов. Фидий несомненно придавал большое значение тому, с какого расстояния и с каких точек зрения смотрели на его статуи посетители, приходившие в храм.

Об этом достаточно надежно свидетельствует уже давно раскрытая раскопками, а в недавнее время заново обследованная мастерская [1] Фидия в Олимпии, где он исполнил прославленную статую Зевса. Эта мастерская точно воспроизводила по форме и размерам наос храма, в котором в дальнейшем была поставлена по частям туда принесенная колоссальная статуя. В храме статую Зевса можно было видеть не только войдя в наос, но также и поднявшись на хоры, расположенные вдоль длинных стен святилища. Чтобы учесть и эти точки зрения, в мастерской Фидия имелись аналогичные хоры, с которых взыскательный скульптор мог рассматривать свое произведение.

У нас нет оснований утверждать, что Фидий испытал прямое воздействие Анаксагора или Агафарха. Вполне возможно, что это был общий поиск в единой художественной и культурной среде или даже параллельно развивавшееся совершенно независимое творчество. Нам только хотелось подчеркнуть возможность широкого обмена мнениями между Фидием и другими выдающимися деятелями того времени по вопросам, имеющим большое значение для их творчества.

Примерно в середине V в. до н. э. начинается подготовка к большим строительным и скульптурным работам на Афинском акрополе, главным руководителем которых был Фидий. Таким образом, весь комплекс этих работ был задуман единым творческим коллективом архитекторов и скульпторов, трудившихся над его созданием.

---

[1] Alfr. Mallwitz und W. Schiering, Die Werkstatt des Pfeidias in Olympia, «Olympische Forschungen», Bd. V, B., 1964.

Среди сотоварищей Фидия по работам на Акрополе были три выдающихся греческих зодчих — Калликрат, Иктин и Мнесикл.

В числе найденных в Афинах еще в прошлом столетии мраморных плит с надписями имеется одна с постановлением афинского совета и народа о постройке храма Ники по проекту Калликрата. Постановление (Dittenberger, Syll. I³, № 63) было вынесено не ранее 449 г. до н. э.; менее вероятно относить его примерно к 446 г. до н. э. Точных сведений о времени завершения строительства храма Ники Аптерос не сохранилось. Однако вряд ли имеются серьезные основания сомневаться в том, что то небольшое здание было возведено в течение ближайших лет после его обсуждения.

В храме Ники имеется ряд особенностей, которые стали достоянием главнейших сооружений Афин времени Перикла. Храм сооружен в ионийском ордере; однако ордер подвергся значительной переработке; пропорции колонн вытянуты менее, чем обычно, антаблемент стал более тяжелым, а карниз и сима приобрели черты дорийского ордера. В результате таких изменений Калликрату удалось в этом храме слить в единое целое изящество ионийского ордера со строгостью дорийского, и, несмотря на его небольшие размеры, придать зданию монументальный характер. Сочетание ионийских и дорийских элементов выступает также в других сооружениях, построенных на Афинском акрополе во времена Перикла. Это обстоятельство заставляет несколько по-иному посмотреть на роль Калликрата, который в историях античного зодчества остается немного в тени, заслоненный славой Иктина. Между тем, весьма вероятно, что именно Калликрат впервые заложил основы того стиля, который доминировал в архитектуре времен Перикла.

Согласно планам Перикла Афины должны были стать не только политическим, но также и культурным центром Эллады, что отчасти и вызвало большие художественные работы на Акрополе. В творчестве создателей ансамбля Акрополя наблюдается попытка формирования единого всеэллинского стиля, который был бы близок и понятен всем греческим племенам.

Сказанное не является попыткой умозрительно восстанавливать замыслы деятелей времен расцвета афинской демократии. Некоторым подтверждением высказанным здесь мыслям может служить свидетельство современника описываемых событий — Фукидида, одного из самых проницательных и достоверных историков древнего мира. По словам Фукидида (Thucyd., II, 35—46), Перикл в надгробной речи, произнесенной в 430 г. до н. э., утверждал, что афинское государство не заимствовало каких-либо чужих учреждений и само может служить образцом для других (II, 37). Особенно стоит подчеркнуть следующие слова в речи Перикла: φιλοκαλοῦμεν γὰρ μετ' εὐτελείας καὶ φιλοσοφοῦμεν ἄνευ μαλακίας (II, 40) — «мы любим прекрасное в соединении с простотою и деятельно добиваемся образования».

Не менее примечательно следующее утверждение Перикла:
Ξυνελών τε λέγω τήν τε πᾶσαν πόλιν τῆς Ἑλλάδος παίδευσιν . . . (II, 41), т. е. «вообще говоря весь наш город-государство является школой всей Эллады».

Вернемся к зодчеству времени Перикла. Дальнейшее развитие художественных замыслов Калликрата выступает в первенствующем здании Афинского акрополя — храме Афины Девы, позднее получившем наименование — Парфенон. Как известно, он был сооружен между 447 и 438 гг. до н. э. зодчими Иктином и Калликратом. Некоторые скульптурные работы исполнялись еще в течение шести лет по окончании строительства.

В создании Парфенона роль Фидия, нужно думать, была гораздо больше, чем в каком-либо сооружении, воздвигнутом на акрополе. Парфенон был украшен скульптурой значительно богаче любого греческого храма. Только в Парфеноне все метопы были покрыты горельефами, а помимо скульптурных метоп был и рельефный фриз.

Сочетание традиций двух стилей и форм двух ордеров приобрело в дорийском периптере — Парфеноне — новые черты. В духе ионийского зодчества в дорийский ордер Парфенона внесены более легкие пропорции, а также введены ионийский рельефный фриз и, по-видимому, ионийские колонны, стоявшие в помещении, расположенном за целлой. Ионийской чертой является сооружение храма из мрамора, а не из из-

вестняка. Наконец, отмеченное уже обилие скульптурного убранства храма в значительно большей мере свойственно ионийской, а не дорийской архитектуре.

Результатом всех этих нововведений было сочетание монументального величия дорийского зодчества с изяществом ионийского в ином варианте и в бо́льших масштабах, чем это можно наблюдать в храме Ники на Акрополе.

Новый облик дорийского периптера, воплощенный Иктином и Калликратом в Парфеноне, был неразрывно связан с той особой ролью, к которой он предназначался,— стать центром не только культовой, но и политической жизни Эллады. В Парфеноне, в помещении за целлой, хранилась казна Афинского союза. В πομπή, шедшей к Парфенону во время Великих Панафиней, помимо афинян должны были принимать участие также и посольства, присылавшиеся всеми союзниками. Эти установления совершенно необычны для древней Греции, отличавшейся полисной раздробленностью.

Третий из архитекторов круга Фидия — Мнесикл — построил в 437—432 гг. до н. э. Пропилеи Акрополя. В этом здании, как и в Парфеноне, сочетаются два ордера. Наружные колоннады возведены в дорийском, внутренние — в ионийском ордере.

По свидетельству Гарпократиона (Harpocration, Προπύλαια), на постройку Пропилей было затрачено 2012 талантов. Переводить эту сумму на нынешние деньги совершенно невозможно: слишком различны платежная способность денег и характер потребностей античного общества и нашего. Поэтому постараемся ее сопоставить с размерами заработков представителей различных профессий. 2012 талантов равны годовому заработку 33 500 высококвалифицированных ремесленников, или 40 000 наемных гоплитов, или же обычно 67 000 гребцов. Названную сумму могла также доставить сдача в аренду 201 200 малоквалифицированных рабов-горняков в течение одного года. Та же сумма отвечала годовому прожиточному минимуму 67 000 семей по условиям жизни в Афинах того времени. Все приведенные цифры весьма велики по масштабам Греции V в. до н. э.

Не менее показательна и другая цифра. Через каких-нибудь два года по завершении строительства Пропилей вспыхнула Пелопоннесская война, к которой Афины, несомненно, готовились. Согласно свидетельству Фукидида (Thuc., II, 13, 3), Афины вступали в эту войну, имея в государственной казне 6000 талантов в чеканной серебряной монете и различных ценностей на сумму около 500 талантов. Другими словами, строительство Пропилей потребовало лишь немногим меньше трети всего запаса драгоценных металлов, принадлежавших Афинам в начале очень большой войны [2].

Перейдем теперь к последнему в нашем очерке великому современнику Фидия Софоклу. В одной из самых ярких трагедий Софокла «Антигоне» хор явно выражает мысли автора в выступлении, начинающемся словами (Ant. 332—375): πολλὰ τὰ δεινὰ κοὐδὲν ἀνθρώπου δεινότερον πέλει. Основная мысль его заключается в том, что ничего нет сильнее человека, который своим разумом подчинил землю, огонь, море и животных, а также создал речь и гражданские законы, не смог только преодолеть смерть. В той же трагедии Софокл противопоставляет произволу и насилию правителя — ἄγραπτα νόμιμα (Ant. 454—455) «неписаные законы» богов, вечно живущие и неизвестно когда установленные у людей. Эти слова о богах (да и ряд других свидетельств) Софокла позволяют сопоставить его с Фидием, преимущественно создававшим статуи богов. Данное утверждение заставляет остановиться на вопросе, какой была природа богов в представлении эллинов.

Традиционное изложение этого вопроса обычно крайне неточно. Античных богов принято рассматривать через призму монотеистических религий. Между тем эллинские религиозные представления были качественно иным явлением, отличавшимся не только своим политеизмом. В основе древнегреческого мифологического мировоззрения лежал преломившийся через анимизм плюралистический взгляд на природу; исходя из такого взгляда, греки видели в природе множество отдельных явлений.

---

[2] Весьма значительными были также расходы на исполнение больших хрисоэлефантинных статуй. Так, на стоявшую в Парфеноне хрисоэлефантинную статую Афины Фидия, чистого золота пошло 40 талантов, т. е. 1048 кг (Thuc., II, 13, 5).

Для эллинского анимизма на всем протяжении его существования характерно признание полной идентичности того или иного явления природы и того божества, которое было с ним связано. Зевс был не только богом неба и небесных явлений. Он также был небесным сводом, громом и другими явлениями.

Выражение: Ζεὺς ὕει «Зевс идет дождем», видимо, было ходовым у греков. У Гомера говорится: ὗε δ' ἄρα Ζεὺς (Hom., Il. XII, 25), а у Алкея: Ὕει μὲν ὁ Ζεὺς [Alc. 3 (34) E. Buchholz, 1873], по-латыни sub Jove означало под открытым небом. У Овидия имеется следующий стих: Sub Jove pars durat: pauci tentoria ponunt (Ov. Fast. III, 529). Гефест для Гомера был равнозначен огню, как это видно по следующему стиху Илиады: σπλάγχνα δ' ἄρ' ἀμπείραντες ὑπείρεχον Ἡφαίστοιο (Hom., Il. II, 426). В эпиграмме Евена Паросского вино именуется Вакхом, а вода — нимфами (Ant. Pal. XI, 49).

Таким образом, в сущности, эллины почитали не столько богов стихий, сколько сами обожествленные явления природы, а также социальной и личной жизни человека. В глубокой древности различные божества были покровителями родов и племен. С появлением полисов эти божества стали их патронами. Такие божественные патроны государств являлись как бы персонификацией покровительствуемых ими гражданских коллективов. Эту роль играла Афина — в Афинах, Гера на Самосе, Аполлон в Дельфах, Гелиос на Родосе и т. д. По представлениям эллинов их патроны должны были испытывать те чувства дружбы или вражды к богам их соседей, какие существовали и во взаимоотношениях между соседними государствами. Ярким примером может служить аттический декрет 405/4 гг. до н. э. о предоставлении самосцам прав афинского гражданства. На мраморной плите над текстом декрета высечен рельеф [3], изображающий покровительниц Самоса и Афин — Геру и Афину, обменивающихся рукопожатиями.

Эллины представляли богов в человеческом обличии. Однако персонификация в античном искусстве была возможна и для таких сюжетов, как вселенная, море, части света, страны, города и т. п. При этом какое бы явление ни персонифицировал греческий художник, он неизменно прежде всего отражал его красоту.

На одном из аттических декретов 398/7 гг. до н. э. изображены [4] пожимающими друг другу руки богиня Афина и афинский народ — Демос в виде бородатого мужчины, подобного фигурам граждан на фризе Парфенона. Таким образом, на этом рельефе подчеркнута тесная связь богини не только с государством, но и с определенной социальной группой.

Древний миф о споре Афины с Посейдоном за владычество над Аттикой, в котором победа досталась богине, в V в. до н. э. получил новое социальное содержание. Как говорилось, Афина была покровительницей демоса, а Посейдон был патроном всадников-аристократов. По замыслу Фидия победа афинской демократии была увековечена многофигурной группой с изображением спора Афины и Посейдона, поставленной на западном фронтоне Парфенона.

Все сказанное рисует нам эллинское мифологическое мировоззрение в V в. до н. э. как обожествление плюралистически воспринимаемых явлений природы и жизни их общества. Именно таким образом представляли богов широкие круги афинского гражданства второй половины V в. до н. э., а в том числе и художники. Это обстоятельство должно всегда принимать во внимание, когда мы говорим о «неписаных законах» богов у Софокла или о статуях богов Фидия.

В сложной, многогранной интеллектуальной жизни Греции второй половины V в. до н. э. очень большое место занимал Фидий. Созданные им статуи богов, особенно Афина Дева, отражали обожествленные явления общественной жизни, а также явления природы. На зофоре Парфенона был изображен весь афинский народ, а на задуманном им западном фронтоне того же храма — победа афинской демократии. Так, Фидий является выразителем идей своего общества, воплощенных в изваяниях, исполненных с высоким мастерством.

[3] M. Collignon, Geschichte der Griechischen Plastik, II, Strassburg, 1898, стр. 125 сл., рис. 56.

[4] Там же, стр. 154 сл., рис. 71.

Наибольшей популярностью из произведений Фидия пользовались статуи Зевса в Олимпии и Афины Парфенос; от последней до нас дошли многочисленные мраморные копии, по большей части небольшие статуэтки, весьма обобщенные и неточные; большими размерами отличается почти трехметровая мраморная статуя, обнаруженная в развалинах Пергамской библиотеки. Судя по описанию Павсания (Paus., I, 24, 5—7), наиболее точными изображениями головы Афины Парфенос являются золотые рельефы на подвесках из Кульобского кургана и гемма Аспасия.

Иная судьба постигла гораздо более прославленную статую Зевса в Олимпии, согласно античной традиции, считавшуюся одним из семи чудес света [Philo Byzant., De sept. orbis spectaculis (ed. Orelli) J. Overbeck. Die Antiken Schriftquellen, Lpz, 1868, стр. 133, № 733].

Более или менее достоверные изображения колосса Зевса известны только на небольших элидских медных монетах времени Адриана. Несомненно, отчасти навеяны Зевсом Фидия некоторые скульптуры последующего времени (Зевс из Отриколи, голова Зевса из собрания Блака Британского музея), однако на этих произведениях лежит отчетливая печать творчества IV в. до н. э.

До нас не дошло прямых свидетельств современников Фидия и их ближайших преемников, каких-либо откликов на колосс Зевса, если не считать, конечно, надписи в ногах этой статуи, которую описал Павсаний: Φειδίας Χαρμίδου υἱὸς Ἀθηναῖος μ' ἐποίησε (Paus., V, 10, 2).

Более поздние источники, вероятно, опирающиеся на какие-то свидетельства, близкие по времени Фидию, преимущественно касаются биографии скульптора в связи с деятельностью Перикла. Лишь с эллинистического времени в античной литературе появляется большой интерес к изваянию Зевса в Олимпии.

Полибий, повествуя о событиях 168 г. до н. э., сообщает, что Л. Эмилий был изумлен, когда вошел в теменос в Олимпии и увидел там изваяние: Λεύκιος Αἰμίλιος παρῆν εἰς τὸ τέμενος τὸ ἐν Ὀλυμπίᾳ, καὶ τὸ ἄγαλμα θεασάμενος ἐξεπλάγη... (Polyb., XXX, 15, 3). О каком изваянии в данном случае идет речь, видно из последующих слов Полибия, по которым Л. Эмилий сказал, что только Фидий изобразил Зевса согласно Гомеру: καὶ τοιοῦτον εἶπεν· ὅτι μόνος αὐτῷ δοκεῖ Φειδίας τὸν παρ' Ὁμήρῳ Δία μεμιμῆσθαι... (Polyb., XXX, 15, 3—4).

Т. Ливий, описывая то же событие, говорит, что (Л. Эмилий) Павел, посетив Олимпию, признал все заслуживающим внимания, но особенно был поражен, как бы воочию увидав Юпитера: ... Olympiam escendit ubi alia quidem spectanda ei visa: Jovem velut praesentem intuens motus animo est. (Liv., XLV, 28).

Цицерон считал, что для воплощения облика Юпитера или Минервы Фидий создал в своем уме образ совершенной красоты: nec vero ille artifex quum fare fareret Jovis forma aut Minervae contemplabatur aliquem, e quo similitudinem duceret; sed ipsius in monte insidebat species pulchritudinis eximia quaedam, quam intuens, in eaque defixus, ad illius similitudinem artem et manum dirigebat (Cic., Orat. II).

Филипп Фессалоникийский в одной из своих эпиграмм говорит, обращаясь к Фидию: «либо бог спускался с неба на землю, чтобы показать Фидию свой облик, либо ты сам восходил на небо»

ἢ θεὸς ἦλθ' ἐπὶ γῆν ἐξ οὐρανοῦ, εἰκόνα δείξων,
Φειδία· ἢ σύ γ' ἔβης τὸν θεὸν ὀψόμενος
(Philippi Thessal., Ant. Pal. XVI, 4, 81).

Квинтилиан утверждал, что красота исполненного Фидием Зевса Олимпийского также нечто прибавила к общепринятой религии, до такой степени величие этого произведения равнялось божеству: ...Olympium in Elide Jovem fecisset; cujus pulchritudo adjecisse aliquid etiam receptae religioni videtur; adeo majestas operis deum aequavit (Quint., Orat. instit. XII, 10).

Мы привели далеко не все, а только несколько наиболее характерных откликов древних авторов на самое прославленное произведение Фидия.

В. Д. Блаватский

ATHENIAN CULTURE IN THE TIME OF PHIDIAS

by V. D. Blavatsky

The work of Phidias is an inseparable part of Greek culture at the time of its great upsurge in the V century. To grasp fully the contribution made by Phidias it is important to be aware of the context in which his work was done. Athenian art of that time was enormously influenced by the heritage of Aeschylus, Sophocles, Pindar and the monumental painter Polygnotus. The world outlook of Phidias's contemporary, the sculptor Polyclitus, was evidently influenced by the teaching of Pythagoras. But the artistic ideals of Polyclitus could not have been reflected in the work of Phidias. There is much more reason to suppose a community of thought between Phidias, Anaxagoras and Agatharchus. Contacts between the architects and sculptors working on the adornment of the Acropolis were closer still. One can see in the work of this group an attempt to create a pan-Hellenic style which would be both plain and familiar to all Greeks. This idea is visibly expressed in the work of the builders Ictinus, Callicrates and Mnesicles. The tragedies of Sophocles clearly reflect the deification of pluralistically perceived natural phenomena and Greek social life. Phidias's statues of the gods so profoundly reflected the society in which he lived that succeding generations continue to be astounded by them.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ «БРОНТОСКОПИЧЕСКОГО КАЛЕНДАРЯ» П. НИГИДИЯ ФИГУЛА

Наряду с Сивиллиными книгами[1] в Риме существовали и неофициальные сочинения пророческого или гадательного характера, происхождение которых связывалось с этрусской дисциплиной, т. е. с науками этрусских жрецов, а авторство возводилось к этрусским (или итало-этрусским) божествам.

Древнейшим свидетельством существования подобной пророческой литературы в Этрурии может служить изображение на бронзовом зеркале из Больсены, на котором этрусский героический персонаж по имени Artile, связанный с легендой о братьях Вибенна, фигурирует в качестве жреца, записывающего пророчества Какуса — божественного персонажа, представленного также и в латинском (пренестинском) пантеоне [2]. Р. Блок устанавливает этрусское происхождение римских Сивиллиных книг на том основании, что древнейшее (из зафиксированных анналистами) пророчество, обнародованное, по обращении к этим книгам, консулом А. Постумом (496 г. до н. э.), требует почтить этрусскую триаду: Цереру, Либера и Либеру [3]. В 462 г. до н. э. запрошенная по поводу грозных продигий Сивилла (Liv., III, 10, 2) посоветовала опасаться иностранцев, только что изгнанных из Рима (т. е., вероятнее всего, именно этрусков). Этрусский характер пророчеств римской Сивиллы выясняется также и из ее предписаний, данных во время II Пунической войны, когда были замурованы заживо, по этрусскому обычаю, две пары греков и галлов на Бычьем форуме.

Быть может, какое-то (хотя и весьма отдаленное) представление о стиле и содержании римских Сивиллиных книг (на которые не могли, вероятно, не оказать влияния

[1] Записи Сивиллиных прорицаний заимствованы были, по древнеримской традиции, из Кум, содержание их хранилось в тайне, а консультация производилась официальным порядком дуумвирами (позднее число членов этой коллегии было увеличено до 15) по запросу римского сената или высших магистратов. Соответственно той же традиции при этой коллегии уже при Тарквиниях состояли два государственных раба-переводчика (D i o n. H a l., IV, 62, 4).

[2] R. B l o c h, L'origine des livres Sibyllins à Rome, «Neue Beiträge zur Geschichte der Alten Welt. II. Römisches Reich», hrsg. von E. Ch. Welskopf, B., 1965, стр. 287.

[3] B l o c h, ук. соч., стр. 285.

социально-революционные события в Кумах конца VI в. до н. э., когда, по преданию, и возникли римские Сивиллины книги) могут дать пророческие сочинения, приписывавшиеся так называемой иудейской Сивилле, имевшие хождение в эллинистические времена на греческом Востоке и сохранившиеся в изрядном количестве. Их, как известно, характеризует резкая антиримская и в известной степени демократическая направленность. Их стиль обнаруживает некоторое влияние иудейской пророческой литературы, в свою очередь испытавшей воздействие соответственной месопотамской. Об их параллелизме этрусским пророчествам можно говорить лишь постольку, поскольку в какой-то мере вся древняя пророческая литература объединялась определенным содержанием и стилем, так что древнеассирийские пророчества (как будет показано ниже) могли сопоставляться исследователями с теми же этрусскими.

Несравненно больше материала для суждения об этрусской пророческой и знахарской литературе содержат произведения, связанные с именами Фонтея, Корнелия Лабеона и Публия Нигидия Фигула, вошедшие в трактат ранневизантийского писателя Иоанна Лида «De ostentis». Автор латинской «Бронтоскопии» Фонтей, если верить Лиду (De magistr. 1, 13), относится еще к доварронову времени. Он был знатоком этрусской дисциплины и автором книг «De signis», «De oraculis» и более общего сочинения об этрусской дисциплине (Lyd., De ostent. 3). Цитируемая частично Лидом «Бронтоскопия» Фонтея (De ostent. 39—41) содержала предсказания, приуроченные к ударам грома, приходящимся на определенное время и место. Предсказания эти, касающиеся явлений природы и государственной жизни, указывают на возможные социальные бедствия, но в достаточно общей форме, что большей частью не позволяет связывать их с какой-либо определенной датой или локальными условиями.

Несколько иного характера предсказания (на сей раз приуроченные ко времени и месту падения молний) содержатся в отрывках сочинения Корнелия Лабеона [4] «De fulminibus», занимающих главы 42—58 трактата Иоанна Лида. В это сочинение включен безымянный и более древний трактат «Liber fulguralis» (Lyd., De ostent. 47—52), который, судя по содержащимся в нем намекам на события эпохи гражданских войн в Риме, должен быть отнесен к последнему веку Республики [5]. Некоторые пассажи этого анонимного трактата содержат, может быть, намеки на Помпея или Цезаря (гл. 52: «Благородный юноша, предпринявши войну, уничтожит разбой и прославится победами» [6]), а также, вероятно, на Катилину или Клодия (гл. 51: «Бесстыдный юнец, устремившийся к власти, вместе с прибежавшими к нему пропащими людьми и развратниками...» [7]). В главе 51 упоминается, кроме того, парфянская угроза (κίνησιν... Περσῶν). Менее определенный намек на обстоятельства гражданской войны содержится как будто и в главе 49: «Двое подымутся к императорскому достоинству, возглавив две сенатские партии...» [8]. Упоминание парфян и намеки на названных политических деятелей могут действительно дать некоторые опорные точки для датировки этого сочинения, но, конечно, не всего вошедшего в него материала, заимствованного, вероятно, из разновременных этрусских источников.

Однако гораздо более содержательным и во всех отношениях интересным представляется «Бронтоскопический календарь», занимающий главы 27—39 все того же трakта-

[4] Этот позднеримский антиквар (второй половины III в. н. э.) известен также в качестве автора «Disciplina Etrusca» (Arnob., II, 62), Лид называет его в числе интерпретаторов Тагетовых прорицаний (De ostent. 3).

[5] A. Piganiol, Sur le calendrier brontoscopique de Nigidius Figulus, «Studies in Roman Economic and Social History in Honor of A. Ch. Jonson», ed. by P. R. Coleman Norton, Princeton, 1951, стр. 79 сл. Автор принимает в этом случае (стр. 84) дату, установленную К. Бецольдом и Ф. Боллем (C. Bezold, F. Boll, Reflexe astrologischer Keilinschriften bei Griechischen Schriftstellern, «Sitzungsber. der Heidelberger Akad. der Wiss. Philosoph.-hist. Klasse», II, 1911, Fasc. 7).

[6] νέος δέ τις εὐγενὴς στρατευσάμενος ἀπολέσει τὸ πειρατικὸν καὶ ἔνδοξος ἐπὶ τὴν νίκην γενήσεται.

[7] νεανίας ἀναιδὴς τῆς βασιλείας ἐπιλάβηται ἀσώτων καὶ διεφθορότων συντρεχόντων αὐτῷ.

[8] δύο δέ τινες κατὰ τῆς βασιλείας ἐπαναστήσονται, ὡς μερισθῆναι τὴν βουλὴν καθ' ἑαυτήν.

та «De ostentis» Иоанна Лида и приписываемый им римскому антиквару и религиозному писателю Публию Нигидию Фигулу, современнику и политическому противнику Юлия Цезаря. В заглавии он обозначен как «Лунный бронтоскопический календарь, составленный по Тагетовым (т. е. по этрусским) прорицаниям» [9]. Материал в этом календаре распределен по 12 месяцам (с июня по май), содержащим каждый по 30 дней. Предсказания касаются атмосферных явлений, условий жизни диких и домашних животных, насекомых, а также морской фауны. Упоминаются эпидемии, угрожающие всему населению полиса [10] или его отдельным слоям (например рабам [11]). Некоторые прорицания касаются отдельных представителей общества, как например (под 17 октября), некоего богатого мужа (πλούσιου ἀνδρός) и мужей благородного происхождения (ἀνδρῶν εὐγενῶν), другие — материального благополучия страны (полиса), связанного с войнами, заморскими грабительскими и торговыми предприятиями. Однако наибольшее внимание в календаре уделяется явлениям социального характера, главным образом таким, которые выводят общину из равновесия. При этом имеются в виду обстоятельства, касающиеся как правителя общины, именуемого чаще всего царем (βασιλεύς), тираном (τύραννος), династом (δυνάστης τῆς πολιτείας) или же просто владыкой, правителем (δυνατὸς τοῦ πολιτεύματος, κρατῶν τὰ πράγματα), так и могущественных и зажиточных граждан (δυνατοί, κρείττονοι) и, наконец, народа, который именуется то демос (δῆμος, δημόται), то плебс (πλῆθος), то «низшие» (ἐλάττους), то «слабые» (ὑπήκοοι, χειροί). Под последними следует, видимо, понимать зависимое сельское население. Упоминаются также рабы (δοῦλοι) и однажды ἀνδράποδα в качестве рабов чужеземного происхождения. Много раз речь идет о женщинах, играющих известную политическую роль и приобретающих несвойственные им по природе могущество и силу [12]. В них иной раз хотели видеть куртизанок византийского времени, однако нельзя не вспомнить, что в древней Этрурии матроны, равно как и зависимые женщины-наложницы, вроде, быть может, знаменитой Ларции из могилы Реголини Галасси в Цере VII в. до н. э., приобретали, по-видимому, большое общественное влияние. Такова же была, вероятно, и несколько более поздняя Ветузия в могиле Бернардини в Пренесте [13].

---

[9] Лучшее издание: A. S w o b o d a, P. Nigidii Figuli Operum Reliquiae, Lpz, 1889; ср. L. L e g r a n d, Publius Nigidius Figulus philosophe néo-pythagoricien orphique, P., 1930. В отношении «Бронтоскопического календаря», вероятно, можно с большой уверенностью говорить о влиянии на него, скорее чем на какие-либо другие сочинения пророческого характера, этрусско-куманских сивиллиных прорицаний, поскольку по данным, которыми располагал Иоанн Лид, они были изложены также по календарному принципу (L y d., De mens. IV, 8: τῇ πρώτῃ τοίνυν, τῶν καλανδῶν ἐθέσπιζον οἱ ἱερεῖς κατὰ τοὺς Σιβυλλείους χρησμούς).

[10] Говорить в данном случае о полисе правомерно потому, что, как это видно из дальнейшего, «Бронтоскопический календарь» имеет в виду политические организмы, состоящие из административного центра (города), окружающей его хоры и расположенных на ней поселений подчиненного значения, в том числе укреплений.

[11] 6 июля: νόσους θανατηφόρους ταῖς δουλικαῖς τύχαις ἀπειλεῖ. 7 сентября: νόσον καὶ πτῶσιν τῷ δουλικῷ ἐξ αὐτῆς ἀπειλεῖ.

[12] 6 сентября: δύναμις ἔσται ταῖς γυναιξὶ κρείττων ἢ κατ' αὐτάς.

[13] F. A l t h e i m, Epochen der Römischen Geschichte, Frankf. am Main, 1934, стр. 234 сл.; J. H e u r g o n, La vie quotidienne chez les étrusques, P., 1961, стр. 96 сл. В связи с тем, что указанные авторы говорят об удержании у этрусков различных древних обычаев, связанных с почитанием родо-племенной матроны, как символа и средоточия божественной производительной силы рода и племени, выразившихся в сохранении счета родства по женской линии, наличии фаллических символов в погребальном культе и т.д., необходимо также учесть и свойственную именно этрускам легендарную черту: рождение героя (царя) от домашней рабыни, оплодотворенной прародительским божеством, какова, в частности, Окризия — мать Мастарны, ставшего римским царем под именем Сервия Туллия. Политиканствующие этрусские женщины были известны еще и при дворе императора Августа и Тиберия (Ургулания, наперсница Ливии, T a c., Ann. II, 34). Muliebris audacia — выражение Тита Ливия (I, 46. 6) в отношении этрусских женщин (корреспондирующее с δύναμις τῶν γυναικῶν нашего «Календаря») коренится, видимо, не только в политических, но и в религиозно-бытовых установлениях, выдвигавших социально-зависимых женщин на видное место в родовом культе.

В «Календаре» в одном случае женщины названы вместе с рабами (см. ниже, прим. 18), что, может быть, как раз и указывает на их зависимое общественное положение. Однако особенный интерес «Календарь» Нигидия Фигула приобретает в связи с тем, что в нем иногда отчетливо выявляется демократическая тенденция. Автор явно симпатизирует тем, кого он именует δημόται, ἐλάττοι, ὑπήκοοι, χειροί. Если для низших слоев населения предуказываются какие-либо неприятности от власть имущих, то они сопровождаются обычно пророчествами общего характера, угрожающими бедами всему населению. Например, за приходящимся на 1 мая предсказанием об отделении (φυγήν) народа вследствие чинимых ему бесчестий (ἀτιμίαν) следует приуроченное к 2 мая предсказание об угрозе голода (λιμὸν ἀπειλεῖ). Неожиданные угрозы доброму состоянию народа (8 мая: ἀπαίσιον τῷ δήμῳ) сопровождаются эпидемией чумы, ураганами, разливами рек и т. п. И наоборот, за сообщением о гражданской войне и о гибели богатств (ἐμφύλιον στάσιν καὶ ἀποπτώσεις οὐσιῶν), приуроченным к 1 апреля, следует предсказание о наступлении справедливого порядка (δίκας σημεῖον), приносящего добрым добро, а негодяям — зло (ἐσθλοῖς ἐσθλὰ καὶ φαύλοις φαῦλα). Эта тенденция в расположении пророчеств, на наш взгляд, характеризует не только политическую направленность «Календаря», но и его литературно-психологические приемы. Происхождение этих приемов необходимо связывать с той социально-утопической мыслью, какая сквозит в культе и ритуале сатурнических божеств, призванных принести угнетенным людям освобождение от рабских тягот, справедливый порядок и всяческую благодать в природе. Эти же представления могут быть выявлены в основе идей, наполняющих греческие социально-утопические сочинения типа Эвгемеровой «Священной летописи», с описанием счастливого острова Панхайи или «Государства солнца» Ямбула. Неудивительно, что подобные представления наличествуют и в «пророчаниях Тагета». Несколько удивляет, что в той форме, какую они приняли в «Бронтоскопическом календаре» — произведении, казалось бы, представляющем собой образчик чисто религиозной литературы — этот социально-утопический элемент, как будто, совершенно утратил культовые связи. Имена божеств отсутствуют в «Календаре», почти нет в нем и указаний на какие-либо обрядовые действия для отвращения бедствий.

Могло бы, вероятно, показаться, что соседство предсказаний, касающихся общественной активности низших слоев населения и тех или иных благоприятных предзнаменований, касающихся явлений природы, более или менее случайно и не должно предполагать их прямой логической связи. Но вот предзнаменование, приуроченное к 4 октября, содержит и те и другие предсказания уже в непосредственной грамматической связи и очевидной взаимозависимости: низшие слои населения возобладают над высшими, и воздух станет здоровее [14].

Каким образом низшие слои населения получат преобладание над высшими, можно увидеть опять-таки из некоторых предсказаний. Они не оставляют сомнения в том, что речь идет о событиях политических: превосходство народа пропстечет из несогласий между власть имущими [15]; состояние государственных дел приведет к такому положению, когда низшие возьмут верх над высшими [16]. Гром, прогремевший 28 апреля, служит предсказанием того, что народ «препояшется оружием» (ὅπλοις ὁ δῆμος ἀναζώσεται), причем не говорится, что это оружие предназначено для борьбы с внешним врагом (в других случаях, когда имеются в виду какие-то извне государства происходящие блага или беды, это обстоятельство неукоснительно оговаривается в «Календаре»). И нередко, к тому же, народное благополучие возвещается одновременно с сообщением о несогласии власть имущих [17].

Народ (δῆμος), именуемый также ὑπήκοοι, ἐλάττοι, ὑπεξούσιοι τῶν εὐγενεῶν (это последнее обозначение ясно указывает на зависимое, приниженное положение), ни-

[14] οἱ ἐλάττους τῶν κρειττόνων καθέξουσιν, ὑγιεινὸν δε ἔσται τὸ τοῦ ἀέρος κατάστημα.
[15] 24 октября: ἐκ δυχονοίας τῶν κρατούντων ὁ δῆμος περίεσται.
[16] 3 ноября: πράγματα ἀναφύεται, δι' οὓς οἱ ἐλάττους περιέσονται τῶν μειζόνων.
[17] 16 февраля: τῷ μέν δήμῳ αἴσιον, τῶν δὲ δυνατῶν ἐκ δυχονοίας κακόν.

когда не объединяется в этих пророчествах с рабами, относительно которых не раз сообщается как об активной политической силе, способной на заговоры и восстания. Из предсказания на 15 января о восстании и мести (τιμωρίαν) рабов в сочетании с предсказанием об изобилии плодов (εὐθηνίαν καρπῶν) можно было бы, казалось, заключить, что политические выступления рабов, подобно выступлениям народа, сопровождаются милостями со стороны богов. Однако предсказанная на 7 января δουλομαχία (война, т. е. может быть, восстание рабов) сопровождается на этот раз эпидемией (νόσος συχνή), без уточнения, впрочем, того, кому она более определенно угрожает.

Рабы, не будучи как-либо дифференцированы, однажды выступают совместно с женщинами, социальное положение которых тоже никак не разъясняется (или же предполагается ясным). И именно лишь из самого этого сочетания можно заключить, что речь идет хотя и о зависимых, но, по-видимому, пользующихся каким-то очень определенным влиянием женщинах и о домашних рабах, поскольку их совместные действия сопровождаются убийствами [18]. Предсказание же на следующий день имеет в виду падеж скота и государственный переворот [19]. И хотя рабы характеризуются не однажды в качестве активной политической силы, организующей заговоры или поднимающей восстания, они все же не предстают перед нами как элемент, сопричастный «народу», поскольку ни в одном из прорицаний эти две силы не фигурируют как действующие совместно. Нельзя не вспомнить при этом, что и в раннем Риме клиенты и рабы неоднократно предстают, по крайней мере в изображении анналистов (в этом случае вряд ли, однако, имевших в виду какие-либо примеры из позднереспубликанской практики), в качестве антидемократической силы, выступавшей против плебса на стороне своих владельцев-патрициев (Dion. Halic., VI, 47, 1). Это относится даже к вооруженным выступлениям рабов, поднимавшихся по наущению и под предводительством их владельцев, которые преследовали свои личные политические цели (как, например, Аппий Гердоний при его попытке захватить власть в Риме в 460 г. до н. э.).

Вряд ли, впрочем, реальные примеры, полученные на этрусской почве и послужившие материалом для пророчеств «Бронтоскопического календаря», могли относиться к столь раннему времени. Скорее можно предположить, что в Этрурии еще и в более позднее время зависимое сельское и городское население противополагало себя рабам, принадлежавшим всякий раз к фамилии владетельных аристократов.

Зачинщиками в политических выступлениях, преследующих цели обновления и демократизации общины, выступают люди, находящиеся в подчинении у аристократов или вообще власть имущих, но не причисляемые составителем «Календаря» к их рабам[20],— в цитируемом здесь месте речь идет, видимо, о сельских рабах-клиентах, т. е. о тех людях, которых Дионисий Галикарнасский называет пенестами владетельных этрусков.

Что касается самих этих владетелей или правителей, то среди них можно различить лиц, действующих на благо народа и при поддержке народа, и правителей, угождающих сильным, а простому народу приносящих вред. Так, под 30 марта говорится: власть в государстве захватит могущественный человек, приносящий (народу) радость [21], но под 4 апреля: гнев могущественных будет угрожать честным людям [22]. Так же точно и по соседству, 6 апреля: произойдут гражданские войны (πόλεμοι ἐμφύλιοι ἀναστήσονται). О том, каков будет их возможный результат, свидетельствуют пророчества, повторенные дважды подряд 10 и 11 апреля: честные люди добьются преуспеяния (ἀνδρῶν ἀγαθῶν προκοπαὶ ἔσονται). Но под 19 апреля звучит угроза: могущественный

[18] 19 августа: φόνους αἱ γυναῖκες καὶ τὸ δουλικὸν τολμήσει.
[19] 20 августа: ὄλεθρον βοῶν καὶ ταραχὰς τοῖς πράγμασιν.
[20] 11 сентября: οἱ ὑπεξούσιοι τῶν εὐγενῶν σκέψονταί τι καινὸν ἐν τοῖς κοινοῖς.
[21] δυνατός τις τῆς βασιλείας ἐγκρατὴς ἔσται, δι' οὗ εὐφροσύνη.
[22] ὀργὴν τῶν κρειττόνων ἀπειλεῖ τοῖς ἀξίοις. Упомянутые только что ἀξιοι, а в прорицании от 10 и 11 апреля ἄνδρες ἀγαθοί, толкуемые нами как «честные люди», не представляют, разумеется, народа вообще. Но термины эти ближе к понятию «народ», чем к смыслу классических выражений καλοί κ' ἀγαθοί и boni, поскольку для более высоких общественных категорий в нашем «Календаре» в обычном употреблении фигурируют другие обозначения (δύνατοι, κρείττονοι), ἄξιοι же в приведенном только что месте «Календаря» прямо противопоставлены κρείττοσι.

муж нанесет вред славе и делам государства [23]. За злые дела дурного правителя ожидает справедливое возмездие: так, под 26 января находим: многие погибнут от руки правителя общины, но потом и сам он погибнет [24]. Под 30 февраля предвещается благо после продолжительных несогласий в народе [25].

Различными вариантами подобных пророчеств пестрят страницы «Бронтоскопического календаря». По выяснении его основного содержания и его политической направленности уместно поставить вопрос о его авторстве и о времени его возникновения. В заглавии «Календаря» сказано, что он составлен «римлянином Фигулом», а в послесловии же к нему говорится, что пророчества «Календаря» Нигидия имеют отношение только к Риму.

Ни в начале, ни в конце «Календаря» имя автора не названо полностью (в начале он поименован как Фигул, в конце как Нигидий), и это настораживает: быть может имя Нигидия Фигула придано этому сочинению в том же значении и смысле, как и имя божественного этрусского прорицателя Тагета?

Действительно, все то, что известно о Публии Нигидии Фигуле, характеризует его как человека достаточно реакционных политических взглядов, близкого по своим позициям Цицерону (Cic., Ad Quint. fr. I, 2, 6), что видно, в частности, также из письма, написанного Цицероном самому Нигидию в 46 г. до н. э. (Cic., Ad fam. IV, 13, 3), в котором он призывает его мужественно отнестись к политическим невзгодам, причиненным им обоим диктатурой Цезаря. Как известно, позиция Цицерона была враждебна демократии даже и в том ограниченном смысле, в каком соответствующие идеи были начертаны на знамени Цезаря, изгнавшего Нигидия Фигула из Рима в 48 г. до н. э.[1] Поэтому было бы странно видеть именно в нем автора или точнее, компилятора этрусских пророчеств, насыщенных в некоторых случаях, как показано выше, последовательно и крайне демократическими идеями [26].

Но, может быть, П. Нигидий Фигул, сообразуясь с тем, что Сивиллины книги хранились в тайне и содержали, видимо, также немало политических резкостей,

---

[23] δυνατὸς ἀνὴρ τῆς πολιτείας οὐσίας ἁμὰ καὶ δόξης ἀφαιρεθήσεται.

[24] πολλοὶ πρὸς τοῦ κρατοῦντος ἀναιρεθήσονται τέλος δὲ καὶ αὐτός.

[25] ἀγαθὰ σημαίνει μετὰ μακρᾶς τινὸς τοῦ δήμου διχοστασίας.

[26] Хотя П. Нигидия Фигула нельзя назвать крупной политической фигурой своего времени, но он все же проделал карьеру, незаурядную и для представителя сенаторского сословия. Родившись не позже 98 г. до н. э., он был сенатором уже в 63 г. (Cic., Pro Sulla,42). В. Кролль (RE,Hbd.33, стб. 200 сл.) относит его эдилитет к 60, а претуру к 58 г. до н.э.). Государственная деятельность не помешала риторико-философской карьере Нигидия. Как писатель, он был в достаточной мере разносторонен. Известны его «Грамматические комментарии», не менее чем в 29 книгах, риторическое сочинение «De gestu», книга «О богах», представлявшая собой классификацию римских божеств с использованием восточных религиозных параллелей и с изложением древнеиранского учения о веках, сочинение «О внутренностях», основанное на этрусской гаруспицине, а также книга «Augurium privatum» — о гаданиях по птицам в делах частных лиц — и книга о пророческом значении снов. Он был еще автором сочинений «О ветрах» и «О животных» (не менее чем в четырех книгах), «О человеческой природе», «О земле» и «О небесных сферах» — астрологического содержания. Упоминания об этих сочинениях и отрывки из них содержатся у Геллия, Квинтилиана и Сервия. Как автор религиозно-философских сочинений Нигидий Фигул был широко известен не только у современников, но и у отдаленных потомков. Особенные похвалы снискал он у Цицерона (ad Fam. IV, 3, 13), называвшего его ученейшим человеком и возродителем пифагорейства. Дион Кассий (XLV, 1,4) характеризовал его как ученого, лучше многих других разбиравшегося в различиях небесных тел, их соединениях и расхождениях. Он утверждал за ним также славу кудесника и колдуна, враги которого обвиняли его в различных sacrilegia. Апулей (Apol. 42) сообщает, как о факте, о том, что Нигидий установил тайным способом человека, укравшего 500 денариев. Иероним (Chron. s. a. 1972 =45 a. Chr.) называл Нигидия пифагорейцем и магом, сообщая о его смерти в изгнании в 45 г. до н.э. Подобная деятельность не препятствовала политической активности Нигидия как антикатилинария и антицезарианца. Цицерон признавался, что в особенности в год своего консульства (63 г. до н. э.) он часто прибегал к советам Нигидия. Все это, вместе взятое, может быть, и послужило причиной соединения с его именем также и рассматриваемого нами «Бронтоскопического календаря».

собрал весь этот материал именно для устрашения умеренных политических деятелей Рима своего времени, ради предупреждения тех политических крайностей и эксцессов, угрозы относительно которых высказаны в пророчествах «Календаря»? От подобной мысли как будто бы заставляет отказаться подчеркнутая последовательность материала «Календаря», свидетельствующая о его политической направленности. Не возникает как будто бы никакого сомнения в том, что наш «Бронтоскопический календарь» наполнен политическим содержанием, заостренным против оптиматов и в защиту крайней демократии. В определенном отношении прослеживается его связь с социально-утопическими сочинениями эпохи эллинизма, также наполненными идеями достаточно демократического характера. Пожалуй, можно было бы заподозрить даже и то, что «Календарь» этот является лишь удобной формой для выражения крайних социально-политических требований под видом религиозных пророчеств. Хорошо известно, однако, что в древности простонародные социальные идеи были непременно облечены в религиозную форму и связаны с культами древнейших божеств плодородия — героев или царей Золотого века.

Однако более существенным, чем проблема авторства П. Нигидия Фигула, следует считать вопрос о месте и времени возникновения «Календаря», т. е. о том, насколько реально его происхождение из «прорицаний Тагета», иными сова ми, как велика вероятность этрусского происхождения содержащегося в нем материала?

Некоторое время тому назад исследователям «Бронтоскопического календаря» казалось, что его содержание навеяно в значительной мере позднеримской и ранневизантийской обстановкой. В частности, женщины, участвовавшие в политических интригах вместе с рабами, представлялись (как уже говорилось) византийскими куртизанками, а рабы — дворцовыми рабами-евнухами тех времен, когда рабство в сущности удерживалось преимущественно во дворцах. Подобного мнения придерживались издатели «Календаря» К. Ваксмут и А. Свобода, а также и Л. Легран в специальной работе, посвященной П. Нигидию Фигулу [27]. Но когда было обращено внимание на то, что в известных отношениях древнеассирийские пророческие тексты представляют параллели нашему «Календарю», сомнения в реальности его древнего этрусского происхождения могли быть постепенно отброшены [28].

А. Пиганьоль на основании данных этрускологии (подобных приведенным нами выше) показал, что женщины, влиявшие на политическую жизнь и занимавшиеся интригами, вполне мыслимы в Этрурии классической поры [29]. Социальная заостренность «Календаря», которую В. Кролль и А. Пиганьоль раскрывают, однако, лишь отчасти, заставила последнего предположить, что возникновение основной доли заключенного в нем материала может быть отнесено к IV—III вв. до н. э.— к эпохе бурных социаль-

---

[27] L e g r a n d, P. Nigidius Figulus, philosophe néo-pythagoricien orphique.

[28] K. K r o l l, P. Nigidius Figulus, RE, Hbd. 23, стб. 200 сл. В числе примеров ассирийских прорицаний политического и социального характера, заимствованных Кроллем из названной выше работы К. Бецольда и Ф. Болля, а также у Р. Томпсона (R. G. T h o m p s o n, The Reports of Magicians and Astrologers, L., 1910, № 86, 204, 269), имеются пассажи, перекликающиеся с «Календарем» (а также и с «Liber fulguralis»): «страна пойдет на страну, брат на брата», «будет мор на людей и скот», «произойдет вражеское нападение, восстание и предательство», «восстание в Аккаде, сын убьет отца, брат — брата», «на троне окажется узурпатор», «некто поднимет восстание, убьет царя и захватит трон». Из ассирийских прорицаний, собранных у Р. Лаба (R. L a b a t, Hémérologies et ménologies d'Assur, P., 1939, стр. 99 сл.), использовавшего тексты, изданные Э. Эбелингом (E. E b e l i n g, Keilschrifttexte aus Assur religioser Inhalts, Lpz, 1916, № 178), видно, что многие из них составлялись по месяцам и дням года, подобно нашему «Календарю». Будучи адресованы определенному лицу и связаны с индивидуальными интересами, они содержат иногда и сообщения общеполитического свойства: «собравшийся народ выскажет жалобы и огорчения», «царь останется в доме, его имя будет произнесено благоприятно», «все, что он скажет царь, бог исполнит», «переворот, несчастье, затмение солнца» «раб в доме будет послушен господину». Из этих сопоставлений, однако, становится особенно ясной сугубая политическая направленность и социальная тенденциозность «Бронтоскопического календаря».

[29] P i g a n i o l, ук. соч., стр. 84; ср. выше, стр. 109.

ных битв в некоторых этрусских общинах, таких, например, как Арреций и Вольсинии в эпоху их упадка.

«Календарь», предназначенный в действительности отнюдь не для употребления в позднереспубликанском или тем более императорском Риме (ибо он не содержит решительно никаких намеков на этот счет), составлен достаточно общо, в расчете, видимо, на использование его не в одном лишь каком-нибудь, а во многих сравнительно небольших полисах, каковыми и были этрусские города с тяготевшими к ним сельскохозяйственными территориями. Государственные образования, которые имеет в виду «Календарь», помимо столичного пункта [30], знают сельскую хору с небольшими поселениями [31].

Географическое положение территории, на которую распространяются предсказания «Календаря», определяется лишь странами света, упоминаются местности или области, лежащие от нее к востоку, западу и северу. Сама территория один лишь раз подразделяется на восточную и западную [32]. Но на этой территории находится далеко не один полис (30 августа: νόσους τῇ πόλει ἐφ' ἧς ῥαγήσεται). Помимо небольших городков и селений (πολίχναι), имеются также и укрепления [33]. Близость страны к морю определяется, в частности, значением для ее населения рыболовства. В нескольких случаях «Календарь» предсказывает ἀφθονία (или φθορὰ) ἰχθύων. Помимо известной фрески из могилы della Caccia e Pesca в Тарквиниях с изображением сцены ловли морской рыбы, известно также, что на тирренском побережье существовали пункты наблюдения за ходом тунца. Порт Пирги славился в качестве средоточия рыболовных судов, а тосканские озера служили садками для речной и морской рыбы [34].

Община помимо единовластного управителя (царя, тирана, династа) имеет и нечто вроде совета старейшин или сенат [35]. Речь, по-видимому, идет о стране и общинах, где низшие слои населения (о которых не раз говорится как о берущих верх) захватывали имущество зажиточных [36]. Что касается Италии, то там подобные явления засвидетельствованы прежде всего в Этрурии и в некоторых греческих (или грецизированных) общинах юга полуострова.

Принимая соображения Пиганьоля в качестве общих, ориентирующих «Бронтоскопический календарь» во времени, следует сказать, что более определенная его дата, быть может, должна быть извлечена из содержащихся в нем неоднократных указаний на войну с неким восточным царем, угрожающую поражением и гибелью. Вряд ли в этих упоминаниях следует усматривать намеки на греко-персидские войны или на столкновения Рима с Парфией в эпоху Империи. Парфян, как показано, было выше, Лид именует в «De fulminibus», как и подобает, персами. Это же имя должно было бы фигурировать с тем большей вероятностью и применительно к Ахеменидам. Безымянный восточный царь (ὁ τῆς Ἀνατολῆς βασιλεύς) — скорее всего Пирр. Именно на эпоху войны с Пирром приходятся и значительные народные движения в этрусских общинах, в частности в Вольсиниях, в 265/4 г. до н. э. Упоминание же о некоей северной войне, не опасной, по мнению предсказателя, в политическом отношении [37], заставляет думать о набегах галлов, находившихся уже к этому времени в пределах Северной Италии.

Если эти хронологические предположения заслуживают внимания, то перед нами весьма своеобразный памятник религиозной литературы, почти лишенный культовых черт и принадлежащий к разряду произведений пока что малоизученных в древней литературе [38]. Ознакомление с ним позволяет предположить, что он в форме бронтоскопиче-

[30] 2 июня: τὰ τῆς βασιλίδος πόλεως ἔσται κρείττονα.
[31] 5 июня: ἀπαίσιον τοῖς ἀγροῖς· οἱ δὲ χωρίοις ἢ πολίχναις ἐφεστῶτες ταραχθήσονται.
[32] 20 мая: τοῖς μεν περὶ τὴν ἀνατολὴν εὐθηνία, τοῖς δὲ ἐπὶ δύσιν οὐχ οὕτως.
[33] 24 ноября: φρούριον τῇ πολιτείᾳ χρηστὸν ὑπὸ πολεμίοις τελέσει.
[34] H e u r g o n, La vie quotidienne chez les étrusques, стр. 150.
[35] 28 ноября: τῆς συγκλήτου πολλοὶ ἀθυμίᾳ φθαρήσονται.
[36] 1 апреля: ἐμφύλιον στάσιν καὶ ἁποπτώσεις οὐσιῶν.
[37] 29 мая: πόλεμον ἀρκτῷον, ἀλλ' ἀκίνδυνον τοῖς πράγμασιν.
[38] Среди этой литературы на первое место должны быть поставлены пророчества различных Сивилл, число которых в Греции, в особенности в эпоху эллинизма, было

ских предсказаний высказывается против могущественных аристократических и плутократических владетелей в пользу низших слоев зависимого населения этрусских полисов.

Позднее «Календарь», равным образом, мог быть использован в целях политической агитации во времена гражданских войн в Риме, тем более что многие из содержавшихся в нем призывов и намеков могли быть отнесены к тогдашней римской действительности. Появление его в свет под именем известного в те времена реакционного политического деятеля, религиозно-философского писателя и антиквара, также могло служить либо целям мистификации, либо для придания этому сочинению некоторой двусмысленности, поскольку инвективы против высших слоев общества могли быть поняты и приняты в качестве предостережений против обострившейся агрессии тех общественных слоев, которые шли за Клодием и Катилиной. Только в этой последней роли наш «Бронтоскопический календарь» мог бы быть мыслим в качестве действительного произведения Публия Нигидия Фигула, если бы, впрочем, как уже было сказано, его направленность не делала бы эту возможность, с нашей точки зрения, малоправдоподобной.

Как бы то ни было, для понимания роли и значения рассматриваемого сочинения необходимо принять во внимание и то, что оно было составлено на греческом языке, подобно, по всей вероятности, также и всей прочей литературе этого рода, не предназначавшейся для широкого распространения в среде людей, образованных только лишь по-латыни. Зато оно, этим самым, становилось доступно довольно многочисленному кругу тогдашней римско-италийской интеллигенции — риторам, педагогам, разного рода писцам и секретарям, рекрутировавшимся главным образом в греческой среде и пребывавшим на италийской почве преимущественно в качестве вольноотпущеников и рабов.

То обстоятельство, что «Календарь» был составлен по-гречески, в какой-то мере как бы изолировало его от римской политической среды. На протяжении эпохи Империи он, видимо по этой же причине, не привлекал к себе сколько-нибудь широкого интереса. На востоке Империи содержание «Календаря» в значительной мере обезвреживалось его этрусским происхождением и направленностью, принадлежностью его к среде небольших и более или менее независимых полисов, с их политической жизнью, характерной именно для позднего времени этрусской независимости и самостоятельности. Обезвреживалось, однако, по-видимому, все же не вполне, ибо Лид, включая этот небольшой трактат в свое культово-антикварное сочинение «De ostentis», снабдил его оговоркой или припиской, разъясняющей, что приводимые в нем пророчества относятся только к Риму, стало быть, никак не к Византии. Вероятно, в ее политической жизни даже и в те времена подобный «Календарь» мог получить звучание, нежелательное для правящих и вообще высших слоев общества.

Изложенные выше наблюдения представляют собой в сущности первую [39] и поэтому, разумеется, далеко не исчерпывающую попытку определения и изучения содержащегося в «Календаре» материала, прямо относящегося к социальной истории этрусских общин. Та эпоха, которой, по нашему мнению, принадлежат сосредоточенные в «Календаре» данные, характеризуется резкими социальными столкновениями вплоть до довольно глубоких социальных переворотов, о которых известно из истории Арреция и Вольсиний в IV—III вв. до н. э. и которые, видимо, получили отражение в этом сочинении. Его изучение в указанном направлении, начатое В. Кроллем и А. Пиганьолем, в дальнейшем, быть может, позволит более отчетливо представить картину той

весьма велико. О содержании этих пророчеств, утраченных полностью, позволяют судить Oracula Sibyllina, возникшие на греко-сирийской почве. Следует полагать, что социальная и политическая окраска была свойственна всей литературе этого рода. Ср. A. Bouché-Leclercq, Histoire de la divination dans l'Antiquité, IV, P., 1882, стр. 268 слл.

[39] Поскольку ни В. Кролль, ни А. Пиганьоль не касаются социальных аспектов «Календаря».

общественной жизни, которую отображает «Календарь». Оно привнесет, вероятно, и большую ясность в вопросы хронологии и политической географии, связанные с его содержанием. Но и из приведенных нами сопоставлений отдельных его пророчеств явствует с несомненностью, что в нем содержатся в более или менее отвлеченной и обобщенной форме весьма любопытные отражения упомянутых социальных конфликтов, важные для истории как Этрурии, так и древнего Рима.

Л. А. Ельницкий

SOCIAL AND POLITICAL ASPECTS OF THE BRONTOSCOPIC CALENDAR OF P. NIGIDIUS FIGULUS

by L. A. Yelnitsky

The Brontoscopic Calendar (Ἐφήμερος βροντοσκοπία), ascribed by Joannes Lydus to Cicero's friend, the Roman religious and philosophical writer Nigidius Figulus, and reproduced in Greek in Lydus's work Περὶ διοσημείων (cc. 27—38) is a revised version of an Etruscan treatise on prophecy which was connected with the name of the mythical Tages (ἐκ τῶν Ταγῆτος), a compilation resembling the Sibylline books, arranged in the form of a calendar. Several passages in the Brontoscopic Calendar have a sharp political bias, in some cases of an expressly democratic tendency, which suggests that the prophecies concerned may have been connected with revolutionary events in certain Etruscan communities (e. g., Arretium and Volsinii) in the period of their decline. The political bias revealed in these passages makes it most unlikely that in the version used by Lydus the calendar was taken from Nigidius Figulus, who was known for his reactionary views.

COLUMELLA, II, 12, 7—8. (ОПЫТ КОММЕНТАРИЯ)

Перечислив в II, 12 число рабочих дней, которые требует югер разных полевых культур, Колумелла заканчивает свой обзор таким образом: «Этот подсчет рабочих дней позволяет заключить, что участок в 200 югеров, если на нем нет посадок, можно обработать, имея две пары волов и шестерых рабочих. Если же это виноградник, где лозы вьются по деревьям (arbustum), то участок такой же величины, по уверению Сазерны, можно хорошо возделать, добавив трех человек. Этот расчет учит нас, что пары волов достаточно, чтобы посеять 125 модиев пшеницы и столько же стручковых (всего 250 модиев озимого посева), а после этого еще свободно 75 модиев ярового. Это затем доказывается так: хлеба, которые сеют после четырехкратной вспашки (quarto sulco), на 25 югерах потребуют от пахаря 115 дней работы: такой участок пусть с самой твердой почвой он поднимает за 50 дней, передвоит за 25, вспашет в третий раз и засеет за 40 дней. Оставшиеся стручковые займут 60 рабочих дней, т. е. два месяца. Присчитываются 45 дней, дождливых и праздничных, когда не пашут, и 30 дней по окончании сева, когда отдыхают. Всего выходит 8 месяцев 10 дней; остаются еще 3 месяца и 25 дней, которые истратим на посев яровых, на перевозку сена, кормов, навоза и прочего необходимого».

Приведенный отрывок интересен в нескольких отношениях: он позволяет ознакомиться, хотя и в малой степени, с разницей в «уроках», которые назначались рабу-

пахарю, дает возможность решить, приемлемы ли советы Сазерны в хозяйстве Колумеллы и, наконец, бросает свет на характер использования Колумеллой своего источника.

Начнем с того, что сразу же бросается в глаза,— с разницы в числе дней, которые положены у Сазерны и у Колумеллы на обработку участка в 25 югеров.

Югер жирной плотной земли (а это именно та почва, которую представляет себе Колумелла в 12, 8) требует четырех дней работы: пахарь поднимет его за два дня, передвоит за день, перетроит за $^3/_4$ дня и заберет засеянную землю в лиры за $^1/_4$ дня (Col., II, 4, 8; такое же число дней указано в разбираемой нами главе — 12, 1). Соответственно обработка 25 югеров под пшеницу требовала 100 дней, а не 115, как у Сазерны. Как объяснить это расхождение?

Поле можно было считать окончательно обработанным только после occatio, своеобразной бороньбы, когда по засеянной ниве проходил occator, разбивавший комья земли, лежавшие на гребнях (хлебное поле в древней Италии представляло собой ряд гребней, между которыми шли довольно глубокие борозды для стока воды: по ним проходили и occator и полольщик; хлеб рос на гребнях). Включал расчет Сазерны и работу occator'а? Но и в таком случае нормы выработки у обоих авторов не совпадут: Колумелла назначал occator'у на бороньбу югера пшеницы один день (II, 12, 1); следовательно, полная обработка 25 югеров, засеянных пшеницей, требовала, согласно его подсчетам, 125 дней, а не 115, положенных Сазерной. Кроме того, occator'а с мотыгой Сазерна явно не принимал в расчет: речь идет только о работе пахаря (bubulcorum operae). И почему он говорит о посеве quarto sulco?

Слово sulcus «борозда» в переносном и расширенном смысле означает пахоту; ячмень, например, следовало сеять altero sulco «дважды перепахав землю» (Col., II, 9, 15). Quarto sulco по этой терминологии, выработанной, видимо, в округах, где хозяйничал Колумелла (Лаций, Южная Этрурия), только и могло означать «после четырехкратной вспашки». Колумелла, однако, четырехкратной пахоты под зерновые не знает и нигде в своем трактате ее не рекомендует. Она для него настолько непривычна, что, упомянув «семена, которые сеются quarto sulco», он не остановился на этих словах, не задумался об их значении и двумя строчками ниже в полном согласии с привычной для него агротехникой (ср. II, 4, 8) написал о троении, после которого земля обсеменяется (tertiatur et conseritur). Conseritur включает посев и заделку в гребни (lirae); последняя обозначается по терминологии Средней и Южной Италии и специальным термином lirare (Col., XI, 2, 46; Varr., I, 29, 2) или in liram redigere (Col., II, 4, 8). Может быть, Сазерна под quartus sulcus разумел именно эту работу? Каким образом производилась у него в Цисальпинской Галлии вспашка и подготовка земли к севу?

Поищем ответ на этот вопрос у Плиния Старшего, уроженца тех же мест, где жил и хозяйничал Сазерна. Плиний хорошо знал сельскохозяйственные обычаи родных мест; в тех случаях, когда его сведения расходятся с тем, что говорят Варрон и Колумелла, можно уверенно считать, что он описывает то, что видел в долине По. Поле там обрабатывали таким образом: после двукратной вспашки его боронили и, засеяв, «бороньбу повторяли с помощью бороны или доски, прикрепленной к ралу» (Plin., XVIII, 180). Такая обработка резко отличалась от принятой в Средней и Южной Италии — той, которую обычно имеет в виду Колумелла[1]: на поле никаких гребней, оно представляет собой знакомую нам ровную поверхность и этим обусловлена его дальнейшая обработка: не occator разбивает на поле земляные глыбы мотыгой, а поле боронит бороной или заменяющим ее орудием пахарь с упряжкой волов. Естественно, что работа у него шла быстрее, чем работа вручную, и для полной обработки 25 югеров у Сазерны требовалось не 125 дней, как у Колумеллы, а 115. Понятно, почему упомянут только пахарь: поле подготовлял к посеву пахарь и он же заделывал и семена.

Теперь мы можем нащупать разницу в понимании слова sulcus у Колумеллы и

[1] Пахали без гребней только бесплодные холмы, на которых делать гребни не стоило: они бы все равно оползали.

Сазерны: у Колумеллы оно означает «пахоту». Сазерна употребляет его в основном значении «борозды»: плуг проводил борозды дважды и борона дважды: поле было засеяно «по четвертой борозде».

Тут мы вплотную подходим к вопросу, как использовал свой источник Колумелла?

Во-первых, с особенностями агротехники у Сазерны он знаком не был, а это заставляет думать, что он или не знал целиком его книгу, или основательно ее забыл и цитировал в этой своей 12-й главе то, что удержалось в его памяти, смешивая чужое, бездумно повторенное, со своим привычным. В этом, видимо, надо искать объяснения и следующей неувязки.

От посева озимой пшеницы Колумелла переходит к озимому же посеву стручковых, на который отведено два месяца. На какой календарный срок придутся эти месяцы? Не забудем, что Колумелла имеет в виду хозяйство в 25 югеров, на которых работает одна пара волов с одним пахарем.

Сеять озимую пшеницу начинали обычно с конца октября (с 23-го) и заканчивали сев в первых числах декабря (Col., II, 8, 2; тот же сорокадневный срок указан и в 12, 8). Бобы (а в древней Италии это важнейшее стручковое) сеяли «часть в разгаре сева, а часть в конце его» (Col., II, 10, 8), т. е. в ноябре и в первых числах декабря (ср. Col., XI, 2, 85). Озимую чечевицу сеяли, как и часть бобов, «в разгар сева» (Col., II, 10, 15), а лен, который Колумелла отнес к legumina, с октября до начала декабря (II, 10, 17), иными словами, озимый посев пшеницы и озимый посев бобовых шли параллельно, приходясь на одно и то же время. Справиться с тем и другим один пахарь был не в состоянии: занявшись посевом пшеницы, он пропустил бы время для посева бобовых; занявшись бобовыми, не посеял бы пшеницы. Назначить два месяца для посева бобовых можно было в том случае, если это был яровой посев, следовавший во времени за озимым, как это и было в Цисальпинской Галлии: vere fabis satio (Verg., Georg. I, 215), и Плиний еще уточнил этот срок — «вплоть до Квинкватр», т. е. до 19—20 марта (XVIII, 205). Колумелла, руководствуясь практикой своих мест, где «стебли озимых бобов предпочитали зернам яровых» (Col., II, 10, 9), отнес яровой посев Сазерны к озимому. Весной сеяли в долине По и лен (Plin., XVIII, 205) и засевали им, по-видимому, большие площади: лен из этих мест славился и был предметом оживленной торговли (Plin., XIX, 9). Видное место среди яровых занимали в этом краю просо и могар: каша из могара с бобами была излюбленным кушаньем (Plin., XVIII, 101 и 117); Страбон писал, что «Цисальпинская Галлия особенно богата просом» (p. 218 — V, 1, 12). Яровой клин в долине По был, видимо, обширен, и вполне вероятно, что посев яровых у Сазерны занимал два месяца. У Колумеллы на том 25-югерном участке, который он представлял себе, озимый посев бобовых был невозможен не только по времени: для него не оставалось и места, так как весь он был отведен под пшеницу.

Думал Колумелла извлечь урок из расчетов Сазерны? Вспоминая его, он увлекся своего рода арифметической игрой с «числами в себе». Нельзя и предполагать, чтобы он, человек трезвого и большого ума, неизменно обусловливавший свои наставления особенностями почвы и климата, сразу же, при серьезном обдумывании, не увидел, что цисальпинская практика к Лацию неприложима. Разными оказывались и сроки сева, и агротехника, и величина «уроков». Варрон, который не был первоклассным сельским хозяином, но умным человеком, несомненно, был, уже указывал на необходимость учитывать при расчетах рабочей силы природные условия данной местности (Varr., I, 18, 6). Его предшественник Скрофа объяснял неудачи хозяев, своих современников, тем, что, следуя слепо советам Магона, они упускают из вида разницу почв и климата (Col., I, 1, 6). Сельское хозяйство не существует «вообще», в каком-то математическом пространстве, оно всеми корнями уходит в данную местность, данную округу, и ее особенностями определяется и общий его характер и все его особенности от выбора рабочего скота и сельскохозяйственных орудий до величины «уроков» рабу. То, что годилось в долине По, было уже неприемлемо в Сабинии и Лации. Только уяснив, насколько это позволяют наши источники, характер хозяйства отдельных округов, получим мы право, абстрагируя некоторые общие черты, говорить о сельском хо-

зяйстве Италии [2]. Нормы рабской выработки можно определять только с учетом той конкретной обстановки, где занят рабочий. Вывод из расчета Сазерны — если на 200 югеров хлебного поля понадобилось 8 рабочих, то на 100 югеров их надо 4, а на 300 югеров — 12,— бесспорно, правилен арифметически, но мы видели, как несостоятельны оказались при встрече с действительностью правильные арифметические выкладки Колумеллы. Его неудача — урок и предостережение для нас: не доверять схемам и не втискивать живую жизнь в рамки абстракций.

М. Е. Сергеенко

COMMENTS ON COLUMELLA II 12, 7—8

by M. Ye. Sergeyenko

In II 12, reckoning the number of working days needed to sow a *jugerum* of various field crops and citing the labour-force calculations of Saserna, Columella attempted to apply these calculations to his own farm-unit. Saserna's technical base was unknown to him (in the Po valley the sowing was *sub sulco*, in central Italy it was *in lira*) and he quoted Saserna's work from memory, mixing up practices familiar to himself with those that were alien and unfamiliar. He did not stop to think about the difference in the number of days needed to cultivate 25 *jugera* of heavy soil (he reckons 100 days—see II 12,1 and II 4,8—while Saserna reckoned 115, and different meanings were assigned to the word *sulcus* by Saserna—i. e., evidently, by farmers in the Po valley—and by farmers in central Italy: «furrow» in the former case, «ploughing», «number of ploughings» in the latter). In §§ 7—8 of c. 12 there are several discrepancies. One ploughman with one yoke of oxen could not manage to sow winter corn and winter legumes, since both sowings must be done at the same time (from the end of October till the first days of December, inclusive: II 8,2). On the 25-*jugera* farm which Columella has in mind there would not even be room for the legumes: according to his scheme the whole area was put under corn. To schedule two months for sowing beans (§ 8) would be natural for Po valley farming, where beans (the chief leguminous crop of Italian farming and in the Italian's diet) were sown in the spring (Verg., *Georg.* I, 215 and Pl., *N. H.* XVIII, 205) and the summer-crop acreage was generally large.

[2] Такому изучению очень поможет знакомство с сельским хозяйством Италии средневековой и даже с итальянским хозяйством позднейшего времени до введения машин.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ГРУППЫ В СИРИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКО-РИМСКОГО ВРЕМЕНИ *

История сирийского общества эпохи эллинизма и римского господства уже давно привлекает внимание специалистов. Проблемы его социально-экономического и политического развития ставились в многочисленных специальных исследованиях, а также в обобщающих работах, посвященных истории эллинизма, Селевкидской монархии и восточных провинций Римской империи. Итоги этой огромной работы были в свое время подведены в трудах М. И. Ростовцева по социально-экономической исто-

* Доклад прочитан на конференции по проблемам античности в Москве 27 мая 1968 г.

рии эллинистического мира [1] и Римской империи [2], а в советской литературе — в монографиях А. Б. Рановича [3].

В изображении М. И. Ростовцева Сирия эллинистического времени как интегральная часть Селевкидского государства — это страна, подвергшаяся интенсивной греческой колонизации, отличающаяся развитой полисной организацией. На царских землях собственником оставался царь, однако здесь было возможно условное владение землей; основная ее масса обрабатывалась наследственными арендаторами — λαοί, прикрепленными к своей общине и к тому участку, на котором они трудились. На полисных землях господствовала частная собственность на землю и существовало крупное землевладение. В Сирии III—I вв. до н. э. бурно развивались ремесло и торговля. Период римского господства — время мира и экономического подъема, в особенности расцвета ремесла и торговли, время постепенной концентрации земельной собственности в руках горожан-землевладельцев и прихода в господствующие слои «новых людей».

Картина, которую рисует А. Б. Ранович, во многом напоминает построение М. И. Ростовцева, хотя А. Б. Ранович и резко полемизирует с ним по ряду пунктов. Отметив интенсивную урбанизацию государства Селевкидов и распространение полисной системы, А. Б. Ранович решительно выступает против представлений о Селевкидской державе как о феодально-крепостнической (концепция М. Вебера, М. И. Ростовцева). С его точки зрения, на Востоке не было феодальной зависимости крестьян и феодальной собственности; крестьяне владели землей по праву своей принадлежности к общине; от нее же получил право верховной собственности на землю сам царь или бог; частная земельная собственность появляется здесь в эллинистическое время как античная собственность благодаря приписке бывшей царской земли к территории греческих (т. е., видимо, эллинистических) полисов. Крестьяне — λαοί, — не были ни рабами, ни крепостными, они привязаны к своей ἰδία, но именно потому, что только в ἰδία, пережитке древней общины, они могли владеть землей. Верховным владельцем земли был царь, но именно как носитель царской власти, а не лично; собственности на землю на Востоке вообще не было, а лишь владение ею. В целом же для Селевкидского государства (А. Б. Ранович говорит о Малой Азии, но это же, несомненно, относится и к Сирии) характерен переход от восточных аграрных отношений к античным. Говоря о времени римского господства, А. Б. Ранович вслед за М. И. Ростовцевым обращает внимание на экономическую разнородность и политическую раздробленность отдельных областей провинции, постепенную ликвидацию привилегированного положения «вольных» городов, концентрацию земли в руках крупных землевладельцев — императора, членов его семьи и приближенных.

Очевидно, важнейшей задачей современной историографии эллинистическо-римской Сирии продолжает оставаться установление социальной структуры сирийского общества. Упоминания о рабах, крупных рабовладельцах и т. п., которые мы находим в общих и специальных работах [4], далеко не достаточны. Между тем, решение этой задачи невозможно без достаточно строгой и последовательной классификации отдельных явлений социально-экономической жизни. Так как исследователи не проводят ясного разграничения между понятиями собственности и суверенитета [5], возникает

[1] M. Rostovtzeff, The Social and Economic History of the Hellenistic World, Oxf., 1941 (далее — SEHHW).

[2] M. Rostovtzeff, The Social and Economic History of the Roman Empire, Oxf. 1926 (далее — SEHRE).

[3] А. Б. Ранович, Эллинизм и его историческая роль, М.— Л., 1950; он же, Восточные провинции Римской империи, М.— Л., 1949.

[4] M. Rostovtzeff, SEHHW; он же, SEHRE; он же, La Syrie Romaine, «Revue Historique», 175, 1935.

[5] Подробно о современном состоянии проблемы см. И. М. Дьяконов, Проблемы собственности, ВДИ, 1967, № 4, стр. 13—35; ср. также Э. А. Менабде, Проблема собственности в древнем мире, «Дзвели историис сакитхеби», Тбилиси, 1970, стр. 31—63. Особая сложность вопроса объясняется в данном случае тем, что власть верховного владыки предполагала в древности осуществление правомочий как суверена, так и собственника.

теория так называемой «царской» земли, которая, как считают, была царским доменом и не могла, оставаясь царской, становиться в то же время собственностью частных лиц [6]. Противоречивые суждения о статусе лиц, обозначаемых термином λαοί [7], объясняются не только крайней скудостью и случайностью дошедшей до нас информации, но и отсутствием четкого разграничения между подданством и личной зависимостью, а также неправомерным, по-видимому, отождествлением барщинного хозяйства непременно с крепостничеством и феодализмом. Теоретически ничто не мешает предполагать наличие барщинного хозяйства с рабами или зависимыми, посаженными на землю, задолго до возникновения феодальной в строгом смысле слова общественной организации [8]. Непоследовательное применение уже выработанных в науке дефиниций привело к тому, что появление частнособственнических отношений и полисной организации на Ближнем Востоке, вопреки даже очевидности, относят к эллинистическому времени и связывают, как мы уже говорили выше, с установлением здесь под преобладающим греческим влиянием «античных» отношений [9].

Между тем, проблема внутренней структуры общества, динамики его развития и его внутренних взаимосвязей значительно сложнее, чем это представляется на первый взгляд.

Когда рассматривается вопрос о социальной структуре того или иного древнего общества, то, очевидно, имеется в виду выделение, во-первых, классов, т. е. таких групп людей, которые различаются «по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают» [10], и, во-вторых,— поскольку «в рабском

[6] M. Rostowzew, Studien zur Geschichte des Römischen Kolonates, Lpz, 1910, стр. 247—249; E. Bikerman, Institutions des Seleucides, P., 1938, стр. 183 (по мнению Э. Бикермана, на царских землях возможна квази-собственность местных жителей); C. B. Welles, Royal Correspondence of the Hellenistic Period, New Haven, 1934, стр. 96; T. Zawadzki, Z zagadnień struktury agrarno-społecznej krajow Małoazjatyckich w epoce Hellenismu, Poznań, стр. 15—21. Ср. применительно к римской Сирии F. M. Heichelheim, Roman Syria, ESAR, IV, Baltimore, 1938, стр. 145. А. Б. Ранович (Эллинизм..., стр. 175) полагал, что царь в эллинистическое время был верховным владельцем земли, но лишь в качестве суверена.

[7] Как уже говорилось, обычно в литературе λαοί характеризуются как glebae adscripti или «крепостные» (Rostowzew, Studien, стр. 258; он же, SEHHW, стр. 507—508; Welles, Royal Correspondence, стр. 94; Bikerman, Institutions..., стр. 136—138; В. Тарн, Эллинистическая цивилизация, М., 1949, стр. 136—138). А. Б. Ранович (Эллинизм..., стр. 155—156) видел в λαοί, о чем мы также упоминали, лично свободных общинников, их отчуждение, по его мнению, представляло собой лишь передачу доходов, которые ранее поступали в царскую казну. К. К. Зельин полагает, что основное ядро λαοί составляли мелкие арендаторы царской, храмовой и частных земель, которых он называет «полурабскими издольщиками (К. К. Зельин, Основные черты эллинизма, ВДИ, 1953, № 4, стр. 148). По мнению А. Г. Бокщанина (Парфия и Рим, М., 1960, стр. 138—140), λαοί считались царской собственностью.

[8] В. И. Ленин, характеризуя барщинное хозяйство и отмечая как одно из условий его преобладания личную зависимость крестьянина от помещика, необходимость внеэкономического принуждения крестьян к труду на эксплуататора, подчеркивал: «Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 185). Отсюда следует, между прочим, что личная зависимость крестьянина от эксплуататора вовсе не обязательно связана с утратой формальной свободы. В. И. Ленин указывает и на другое условие преобладания барщинного хозяйства — прикрепление крестьянина к земле (там же, стр. 184). Но ведь и прикрепление к общине — это, учитывая общую ситуацию, в конечном счете прикрепление к земле. Отсюда следует, в свою очередь, что любая из предложенных реконструкций правового и хозяйственного статуса λαοί не исключает их эксплуатации в барщинном хозяйстве, тем более, что среди их повинностей предусматривается φόρος λητουργικός. Впрочем, возможна и их эксплуатация в оброчном хозяйстве (взимание φόρος ἀργυρικός). Однако, с нашей точки зрения, и то, и другое можно относить только к лично зависимым λαοί — σώματα λαϊκὰ οἰκετικά.

[9] См. Ранович, Эллинизм..., стр. 158.

[10] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 15.

и феодальном обществе различие классов фиксировалось и в *сословном* делении населения» [11] и «классы рабского и феодального (а также и крепостного) общества были также и особыми сословиями» [12],—сословий, т. е. групп людей, которые различаются своим юридическим местом в государстве. Само собой разумеется, что исследование классовой структуры невозможно без решения вопроса об отношениях собственности на орудия и средства производства, прежде всего на землю, а выявление сословной организации — без изучения структуры государства, так как юридический статус определенных групп населения прямо зависел от статуса территорий, на которых они жили.

В период эллинизма на территории Сирии существовали две группы территорий, которые имели различный юридический статус: полисные (находившиеся под юрисдикцией городов как суверенных политических организмов и, соответственно, изъятые *из-под непосредственного контроля царской администрации*) и царские (те, которые находились под царским суверенитетом и, соответственно, под прямым контролем царской администрации). Это разделение определялось самой структурой эллинистической государственности, когда города, не будучи интегральной частью государства, находятся с главою последнего в сложных отношениях союза и зависимости [13].

Соответственно и само общество по признаку гражданского статуса может быть разделено на две основные группы. В первую войдут лица, находящиеся под юрисдикцией городских властей,— как свободные (граждане, а также метеки или иные группы свободного населения, лишенного — полностью или частично — гражданских прав), так и рабы. Во вторую, естественно,— группа населения, находящаяся под властью царя. В связи с этим встает вопрос о правовом положении эллинистических λαοί [14].

В документах, происходящих из Сирии и Малой Азии, они выступают либо как объект царской собственности (и в этом случае отчуждаются вместе с имуществом в пользу частных лиц [15]), либо как объект частной собственности (в одном случае они закладываются либо входят в состав имущества, подлежащего разделу [16], в другом — *они суть объект собственности, правовой статус которого определяется царским постановлением* после перехода данной территории из одного государства в состав другого [17]). При этом создается впечатление, что λαοί всегда подневольные люди; однако это впечатление ошибочно. Не говоря уже о том, что в одном из документов речь идет об обеспечении за λαοί (в данном случае λαοὶ βασιλικοί) права на убежище в крепости, которую предполагается передать частному лицу (OGIS, 221), известный и многократно цитировавшийся папирус SB, 8008 указывает на четкое подразделение λαοί на две группы: λαοί-рабов (σώματα λαϊκὰ οἰκετικά), продажа или отчуждение иным способом которых не является противозаконным деянием, и λαοί-свободных (σώματα λαϊκὰ ἐλεύθερα), продажа которых возбраняется. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что наряду с отчуждением поселений вместе с λαοί, документами засвидетельствована и аналогичная операция без оговорки относительно λαοί [18]; в последнем слу-

---

[11] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 311.

[12] Там же. Далее В. И. Ленин говорит о классах-сословиях рабовладельческого и феодального обществ.

[13] См. подробно P. Zancan, Il monarcato ellenistico nei suoi elementi federativi, Padova, 1934; A. Heuss, Stadt und Herrscher des Hellenismus in ihren staats- und völkerrechtlichen Beziehungen, Lpz, 1937.

[14] Подробно см. И. Ш. Шифман, «Царские люди» в эллинистической Сирии и Малой Азии, ПС, 19, 1969, стр. 32—38. Там же указана и основная литература вопроса.

[15] Именно такова ситуация в известном документе о продаже Паннукоме Лаодике (OGIS, 225 = WC, 18—20): здесь отчуждаются τόποι с относящимися к ним λαοί со всем их имуществом, а также те λαοί, которые переселились в другие места.

[16] Так обстояло дело в хозяйстве Мнесимаха: W. H. Buckler, D. M. Robinson, Greek Inscriptions from Sardes, I, AJA, 16, 1912, стр. 1—82.

[17] См. Y. H. Landau, A Greek Inscription Found near Hefzibah, IEJ, 16, 1966, стр. 54—70.

[18] Таковы пожалования поселений Аристодикиду (OGIS, 221 = WC, 11—13), а также храму в Бэтокеке (IGRR, III, 1020 = OGIS, 262 = Wadd., 2720a).

чае, как позволяет предположить аналогия с талмудическим узаконением [19], речь шла о продаже земельного фонда и недвижимости. Население должно было, очевидно, вступать с новым собственником в отношения арендные. Как бы то ни было, приведенные факты свидетельствуют с достаточной определенностью, что принадлежность к сословию λαοί не определялась свободным или несвободным состоянием данного лица. Существенно, однако, то обстоятельство, что λαοί постоянно оказываются в сфере царской юрисдикции. Это (наряду с прямым обозначением λαοί βασιλικοί) свидетельствует, как нам кажется, что термином λαοί обозначались лица, находившиеся непосредственно под властью царя, в сфере царского суверенитета; среди них могли быть как свободные, так и подневольные, в том числе и лично зависимые от царя.

Сирийские города эллинистическо-римского времени восходили, с одной стороны, к греко-македонской колонизации, в особенности первых Селевкидов (Антиохия, Лаодикея, Апамея, Селевкия Пиерия, Росос, Александрия при Ипсе и др.) [20], и, с другой стороны, продолжали традицию местной городской организации (финикийские города средиземноморского побережья, Дамаск, Халеб-Берэя, Пальмира и др.). Принесенная греками форма политической организации целиком соответствовала сложившимся еще в доэллинистическое время представлениям о полисе как о естественно сформировавшемся гражданском коллективе, осуществляющем свой суверенитет над определенной территорией и располагающем как коллективными (совет, народное собрание) органами власти, так и более или менее развитой системой магистратур. Хотя наши сведения об организации сирийского доэллинистического города крайне скудны и в ряде случаев мы вынуждены исходить из данных, например, о государственном строе Карфагена [21], предполагая его естественную близость в наиболее существенных чертах к государственному строю финикийской метрополии, тем не менее, несмотря на все это, можно утверждать, что греки застали, во всяком случае на территории Сирии, городскую организацию, типологически близкую полисной, если не тождественную ей.

Как показывает эль-амарнская переписка, уже в середине II тыс. до н. э. Сирия и Палестина представляли собой конгломерат городов-государств, каждое из которых осуществляло свою власть не только в пределах городских стен, но и над более или менее значительной сельскохозяйственной округой. Библейская нарративная традиция, клинописные источники, повествования античных авторов от Геродота до Полибия и Страбона, многочисленные надписи показывают, что подобные города с более или менее ограниченным суверенитетом (но тем не менее суверенитетом!) имелись здесь и в первой половине I тыс. до н. э. в рамках древневосточных территориальных монархий, с царями которых эти города были связаны отношениями данничества при сохранении определенной самостоятельности как во внутренних, так и в международных делах. Особенно показательны указания надписи KAI, 14, согласно которой «владыка царей», по всей видимости персидский царь, пожаловал сидонскому царю (т. е. подчинил суверенитету Сидона) ряд территорий на средиземноморском побережье.

Гражданские коллективы при определенных условиях выступали как суверенные политические организмы, коллективно решающие основные проблемы своей жизни (Mercer, I, 100; II, 333; Jes. 10, 6; I Sam. 6, 20—21; 11, 1—4). Источниками засвидетельствованы для этих городов как коллективные органы самоуправления — совет ста-

[19] Мишна, Бава Батра, 4, 7: «Тот, кто продает город (hʿyr), продает дома, ямы, колодцы и пещеры, бани, голубятни, давильни и постоялый двор, но не движимость. А если он (продавец.— *И. Ш.*) скажет ему (покупателю.— *И.Ш.*): он, и все, что в нем, даже если есть в нем скот (bhmh) и рабы (ʿbdym),— вот, все это продано». Поражает почти полное совпадение по содержанию этой формулы с OGIS, 225: и там, и здесь для того, чтобы люди, оказавшиеся объектом сделки, считались проданными, необходима специальная оговорка.

[20] V. T s c h e r i k o v e r, Die hellenistische Städtegründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit, Lpz, 1927. Об основании Герасы Александром Македонским см. H. S e y r i g, Antiquités syriennes — 87, «Syria», 42, 1965, стр. 25—28.

[21] И. Ш. Ш и ф м а н, Возникновение Карфагенской державы, М.— Л., 1963.

рейшин (Jes. 9, 11; I Sam. 11, 1—3; Jez. 27, 9; Iust. 18, 4, 15) и народное собрание (Gen. 23, 10; 34, 20; Iud. 6, 26—31; 8, 5—19) [22], так и магистраты (Jud. 8, 6; 9, 30; I Reg. 22, 26—27). Описание Карфагена у Аристотеля (Polit. 2, 8) позволяет проследить развитие этой системы на пуннйской почве, несомненно, по финикийским образцам. Иными словами, тот тип организации, который был создан греками, не представлял собой для Сирии чего-то необычного, а его введение и внедрение не могло носить характера переворота и ломки всех общественных отношений. Сказанному не противоречит наличие монархического строя в отдельных городах-государствах Сирии; достаточно вспомнить тирании классической Греции и указания Аристотеля в «Политике» на возможность возникновения в рамках полисного строя режима единовластия — монархии и тирании.

На этой основе оказалось возможным создание, видимо в ходе постепенного развития, единообразной полисной системы, продолжавшей как греческую, так и местную традиции. Естественно, что в условиях греческого господства сама система приобрела греческий характер; впрочем в Пальмире завершение эллинизации относится, видимо, уже к I в. н. э. [23]

В области земельных отношений на территориях, находившихся под юрисдикцией полисов, следует отметить наличие частной собственности на землю [24]. Как показали материалы, происходящие из Угарита [25], частная собственность на землю известна здесь по крайней мере **начиная** со второй половины II тыс. до н. э.; соответственно представление о том, что становление частнособственнических отношений неразрывно связано со становлением введенной будто бы греками античной системы, оказывается несостоятельным. Греки, осевшие в Сирии, попали в среду, где имущественные отношения существенно не отличались от таковых же в самой Греции.

Осуществление частной собственности на землю создавало естественные предпосылки для возникновения крупного землевладения и социальной дифференциации в среде свободных. Аналогичные предпосылки создавало и развитие интенсивной торговли (известны, в частности, контакты сирийских городов с Делосом [26], Афинами [27] и т. д.). Однако прямыми сведениями на этот счет мы не располагаем.

Совокупность граждан, разделенных на филы и демы [28], представляла собой замкнутый коллектив, доступ в который был затруднен. Отношение городов к царю представлялось формальным союзом [29]; весьма часто речь идет о взаимном «благоволении», «преданности» [30] и т. п.

Понятно, что в условиях эллинизма царь осуществлял свою власть над городом: она выражалась в том, что город должен был свою политику согласовывать с царем; граждане города обязаны были выплачивать подати, взыскиваемые в порядке осуще-

---

[22] О коллективных органах власти в Библе см. J. W i l s o n, The Assembly of a Phoenician City, JNES, 1954, № 4, стр. 245; М. А. К о р о с т о в ц е в, Путешествие Ун-Амуна в Библ, М., 1960, стр. 60.

[23] Так, видимо, только в I в. н. э. семитский термин gbl — «народное собрание» (CIS, II, 3323; Inv. IX, 12) был вытеснен в Пальмире греческим δῆμος (соответственно dmws).

[24] См. P s.- A r i s t., Oec.. 2, 3, 5; IMI, IV, 1261 (надпись происходит из Лаодикеи Приморской и датируется 174 г. н. э.).

[25] Обзор материала см. М. Л. Г е л ь ц е р, Некоторые вопросы аграрных отношений в Угарите, ВДИ, 1960, № 2, стр. 87—89.

[26] Ср. S. R e i n a c h, Fouilles de Délos, BCH, 7, 1883; стр. 462—476; F. F o u c a r t, Les association religieuses chez les Grecs thiases, eranes, orgéons, P., 1873; стр. 223—225, № 43; надписи: IG, XI, 777, 815, 772, 773, 774, 816, 601. 600, 11141.

[27] KAI, 53—60; Syll. 355; SEG, II, 330; IV, 601; PCZ, 59012.

[28] Так было в Селевкии Пиерии (IMI, IV, 1183), Антиохии (L i b a n., Orat. pp. 286, 354, 651) и, видимо, повсеместно. Есть основания полагать, что система городских фил существовала и в Пальмире (ср. Inv. X, 44).

[29] Ср. OGIS, 221: πόλιν τῶν ἐν τῇι χώραι τε καὶ συμμαχίαι; τῶμ πόλεων τῶν ἐν ἡμετέραι συμμαχίαι.

[30] OGIS, 12, 223, 229. Термин εὔνοια, однако, не имел публично-правового характера и не определял статуса полиса.

ствления публично-правовой власти [31]; в городе находился царский чиновник-эпистат [32], с которым городские власти должны были согласовывать свою политику. В то же время царь не мог предписать городу осуществление тех или иных действий; как правило, он обращался к нему с просьбами или советами [33].

В конечном итоге возникает определенное равновесие, которое можно условно обозначать как систему двойного суверенитета царской власти и полиса при очевидном верховенстве царя.

Как уже говорилось, царская земля представляла собой объект прямого царского суверенитета. Вряд ли есть необходимость повторно останавливаться на характеристике ее населения. Представляется, однако, существенно важным отметить следующее. В документах об отчуждении царской земли имеется указание, согласно которому лицо, в чью пользу земля отчуждается, приобретает право приписать эту землю либо к одному из определенных городов, либо к любому городу, к какому пожелает [34]. Уже сама эта формулировка, свидетельствующая о праве, а отнюдь не об обязанности соответствующего лица, вызывает мысль о том, что это право дарується как своеобразная привилегия. Однако более того: в одном из документов (OGIS, 225) предусматривается случай, когда покупатель не приписывает землю к какому-либо полису; в этом случае те лица, которые приобретут у данного человека эту землю, приобретают и дарованное первому получателю право приписать ее к любому городу. Иными словами, существование собственности частных лиц на землю, находившуюся под царским суверенитетом, признавалось возможным и, надо полагать, фактически имело место. В связи с этим можно думать, что система крупных земельных владений, находившихся за пределами полисной округи, восходила уже к эллинистическому времени [35].

Однако и известная надпись Мнесимаха [36], и надпись, посвященная статусу храма в Бэтокеке (IGRR, III, 1020), показывают, что царь мог отобрать землю у одного владельца и передать ее другому, иначе говоря, наряду с правами суверена царь сохраняет за собой и в этом случае некоторые правомочия собственника, а вся правовая ситуация может быть охарактеризована как разделенная собственность: верховная — царя — и подчиненная — частных лиц. Археологические наблюдения Ж. Чаленко [37] позволяют предполагать, что верховная собственность на землю перестает существовать под властью римских императоров.

В период римского господства (I—III вв. н. э.) источники, преимущественно надписи этого времени, а также указания нарративной традиции, позволяют разглядеть в городах более отчетливо местную аристократию как греческого, так и собственно сирийского (арамейского, финикийского) происхождения. Эти аристократы проходят местную карьеру и совершают затраты в пользу города, исчисляемые подчас десятками тысяч драхм [38], что само по себе достаточно показательно. То обстоятельство, что земля остается объектом купли-продажи [39] и продолжается процесс ее перераспределения и концентрации, позволяет, несмотря на отсутствие прямых указаний, утверждать, что экономической основой благосостояния этой аристократии было по-прежнему крупное землевладение. Наряду с этим, особенно в таких пунктах, как Пальмира (но,

---

[31] О налоговой системе государства Селевкидов см. Ps.-Aristt., Oec. 2,1,4; I Macc. 10, 29—30; 11, 34—36; Flav. Ios., Ant. 12, 155.

[32] Так было, в частности, в Лаодикее Приморской (IMI, IV, 1261).

[33] Ср., например, OGIS, 221.

[34] Ср. OGIS, 221 и 225: καὶ κυρία ἔ[σ]τω προσφερομένη πρὸς πόλιν ἣν ἂν βούληται.

[35] Ср. Н. В. Пигулевская, Города Ирана в раннем средневековье, М.— Л., 1956 стр. 23—28.

[36] Buckler, Robinson, Greek Inscriptions..., стр. 1—82.

[37] G. Tchalenko, Villages antiques de la Syrie du Nord, I—II, P., 1953.

[38] Соответствующий пальмирский материал: Inv. I, 2; CIS, II, 3914, 3934, 3942; H. Ingholt, Deux inscriptions bilingues de Palmyre, «Syria», 13, 1932, стр. 278—291, № 1. Материалы из Дура-Европос: ED, III, № 157; VII—VIII, № 867—869, 875; II, стр. 92—93; V, № 418; Cumont, 1, 91, 116, 118, 134. Материалы из Герасы: G, 2, 6, 52, 49, 15, 26, 62.

[39] Прямые указания на этот счет содержат документы из Дура-Европос: DEPP, 15, 17, 23, 25, 26.

видимо, не только там), важным источником средств для местной аристократии была торговля, преимущественно посредническая. В Пальмире известны семьи, представители которых на протяжении ряда поколений профессионально занимались организацией караванов в Спасинов Харакс и другие пункты Месопотамии [40].

Наряду с этим мы можем более отчетливо представить себе и массу рядовых свободных: держателей мелких ремесленных мастерских, торговцев вразнос (их упоминает, в частности, пальмирский пошлинный тариф, CIS, II, 3913), разорившихся горожан, отдающих детей в обучение ремеслу. Как показывают документы из Дура-Европос, социальная дифференциация в среде свободных в I—III вв. приобретает особую остроту: разорившиеся люди оказываются вынужденными прибегать к займам под условием выполнения, вместо уплаты процентов, «рабской работы» вплоть до возвращения занятой суммы, т. е. практически, по-видимому, в большинстве случаев бессрочно [41]. В результате появляется своеобразная зависимость, при которой зависимый сохраняет формально свой статус свободного, фактически же превращается в подневольного работника. Уже в I в. н. э. засвидетельствован патронат: в Пальмире первоначально в виде зависимости от богатого и влиятельного соседа [42]; кроме того, фактической клиентелой была, по-видимому, зависимость от «друзей» и «благодетелей» [43]; наконец, сравнительно поздно, в III в. н. э., появляется и самый термин «патрон» [44]. Как показывает материал, происходящий из Пальмиры, в III в. среди клиентов лиц, группировавшихся вокруг династии Одената — Зенобии, были и представители местной аристократии. По данным из Антиохии в IV в. н. э. там бесспорно существовал колонат, выросший из арендных отношений [45]. Имелась ли подобная форма зависимости в Сирии в более ранний период, источники не дают возможности установить. Не ясно также, в какой степени указанные выше формы зависимости могли подготовить возникновение колоната, хотя какая-то генетическая связь между ними и последним, видимо, существовала.

Особую роль в среде свободных начиная с I в. н. э. играют римские граждане — как те из них, которые получили вместе с гражданством налоговый иммунитет [46], так и ветераны, обладавшие гражданскими правами, в том числе и ius conubii, но (вплоть до времени Домициана) без налогового иммунитета [47]. При Домициане, как известно, иммунитет был распространен на всех ветеранов, приобретавших римское гражданство [48]. С течением времени численность римских граждан, обладавших также и местным гражданством, очевидно, возрастала. Располагая значительными средствами, они, естественно, вливались в верхние слои местного общества, проходили местную карьеру и т. п. [49]; особенно существенным кажется, что в городах появляются и римские граждане — ветераны местного происхождения, принимающие активное участие в жизни полиса [50]. В результате в городах создавалась все более расширяющаяся и вли-

---

[40] Такова, в частности, семья Марка Ульпия Йархайа (Inv. X, 81, 107, 111; CIS, II, 3928, 3960—3961).

[41] DEPP, 17B, 20, 21. Там же указана и литература вопроса.

[42] Термином gr, этимологически близким к арабскому ǧār^{un} — «сосед», «клиент» (см. А. Г. Л у н д и н, Южная Аравия в VI веке, М.— Л., 1961, стр. 106) и еврейскому gēr (ср. Deut. 5, 14), которым обозначался неполноправный поселенец, в Пальмире именовался патрон (CIS, II, 4035, 4218, 3972, 3973).

[43] CIS, II, 3973, 3937, 3960, 3940; Inv. III, 23.

[44] CIS, II, 3940, 3941, 3943, 3944.

[45] Г. Л. К у р б а т о в, Ранневизантийский город, Л., 1962, стр. 25—28.

[46] Согласно IMI, I, 718 из Рососа (конец 30-х гг. н. э.), в соответствии с законом Лутация и Эмилия было предоставлено римское гражданство наварху Октавиана, рососцу Селевку, сыну Феодота, с предоставлением налогового иммунитета и подсудности римским властям

[47] Согласно SEG, IX, B, III (7/6 г. до н.э.), лица, получившие римское гражданство, были обязаны участвовать в выполнении местных повинностей; исключения допускались только в тех случаях, когда иммунитет был специально оговорен.

[48] «L'Année epigraphique», 1910, № 75.

[49] Многочисленные надписи, содержащие соответствующие материалы, см. в IGRR, III.

[50] Особенно показательны данные из Герасы: G, 42, 52, 58, 199.

ятельная прослойка общества, представители которой, используя полисную систему для укрепления своего положения, оказывались в большей или меньшей степени изъятыми из-под контроля полисных властей, оказывались непосредственно в сфере юрисдикции властей имперских. Тем самым был подготовлен эдикт Каракаллы, превративший все население Империи в подданных императора.

Рабы в документах I—III вв. засвидетельствованы как объект отчуждения и собственности [51]. Однако, судя по имеющимся данным, рабы могли и владеть определенными имуществами, передавать их по наследству и принимать наследство (ср. надпись из Антиохии; Ant. II. 33), а также активно участвовать в деловой жизни, в том числе *финансировать широкомасштабные торговые операции* (Dig. 45, 1, 122, 1). Все это не вяжется с представлением о рабах как только об эксплуатируемых, только объектах собственнических прав. Значительные размеры приобретает в этот период вольноотпущенничество [52]. Вольноотпущенники, видимо, сохраняли связь со своими прежними владельцами; в их руках, насколько об этом можно судить, сосредоточивались значительные денежные средства.

В I—III вв. приобретают ясные и законченные очертания как сфера полисного суверенитета, так и сфера верховной власти императора над полисом. Мы видим полисные органы власти (совет, народное собрание, магистратов) действующими, причем, не только в сфере принятия почетных декретов или строительства. Они принимают постановления и законы, определяющие экономическую и правовую жизнь данного общества (пальмирский пошлинный тариф — CIS, II, 3913; аналогичное установление из Соады — IGRR, I, 1283; постановление совета Тира о statio тирян в Путеолах — IGRR, I, 421). Подавляющее большинство сирийских городов чеканило собственную монету. Соответственно вряд ли можно признать обоснованным представление о неразвитости или угасании полисной жизни в Сирии под римским господством [53]. Показательно и щедрое предоставление сирийским городам «автономии» и «свободы», статуса колонии и италийского права, что в свою очередь объясняется политической позицией императоров в условиях конфликта с Парфией. Императорский суверенитет над городом выражался прежде всего в том, что правовой статус последнего (в том числе его суверенность) зависел от волеизъявления императора, что восходило к римскому обычаю «возвращать» завоеванным обществам их государственность и законы, кроме того, во взимании налогов и повинностей, выросших из военной контрибуции [54], наконец, в том, что, как показывает и пошлинный тариф из Пальмиры, полисные власти должны были свои действия согласовывать с общей политикой римских властей по каждому данному вопросу. В конечном итоге эта система имела тенденцию к постепенной ликвидации полисной суверенности и к замене ее исключительно императорской властью, однако даже в III в. н. э. эта тенденция еще не была реализована.

На землях, находившихся непосредственно под императорской юрисдикцией, может быть отмечено существование крупного и мелкого землевладения, причем в отдельных случаях наблюдается тенденция к захвату общественного земельного фонда (Wadd., 2505), против чего местные власти принимают необходимые меры. Материалы, опубликованные Ж. Чаленко, показали, что в поселениях были поместья римских ветеранов; *не исключена зависимость от этих последних местного мелкого крестьянства* [55].

Исходя из всего изложенного, сословную структуру сирийского общества эллинистическо-римского времени можно себе представить следующим образом: по признаку личной зависимости — рабы (и в том числе лично зависимые λαοί эллинистического времени), с одной стороны, и свободные (в том числе формально свободные пара-

---

[51] CIS, II, 3913; DEPP, 17B, 18, 25, 28, 31.
[52] CIS, II, 3901, 4171—4174, 4385, 4339, 4340, 4482.
[53] Ср. Р а н о в и ч, Восточные провинции..., стр. 138.
[54] Ср. Th. M o m m s e n, Römisches Staatsrecht, Bd. 3, Abt. 1, стр. 728; J. M a r q u a r d t, Römische Staatsverfassung, 2, Lpz, 1876, стр. 186.
[55] T c h a l e n k o, Villages antiques de le Syrie du Nord.

монарии — «временные рабы» из Дура-Европос), с другой; по признаку гражданского статуса — подданные царя или императора (среди них в период эллинизма лично свободные λαοί, землевладельцы на царских землях и т. п.), с одной стороны, и люди, находившиеся под юрисдикцией полиса, с другой. Среди последних, в свою очередь, могут быть выделены по признаку своего юридического статуса, т. е. по сословному признаку, полноправные граждане и неполноправные поселенцы. Классовая структура сирийского общества этого же периода выглядит следующим образом: эксплуатируемые непосредственные производители, лишенные средств производства (в том числе рабы и формально свободные парамонарии; существование батраков и наемных работников в ремесле применительно к Сирии пока не засвидетельствовано, однако в нем едва ли возможно сомневаться); мелкие и средние хозяева, непосредственно участвующие в процессе производства и эксплуатирующие, если имеется возможность, чужой труд; крупные хозяева, непосредственно в процессе производства не участвующие, живущие за счет эксплуатации чужого труда. Среди обеих последних групп могли быть и рабы, и лично свободные [56].

В целом римский период в истории Сирии предстает как естественное продолжение и развитие эллинистического, который, в свою очередь, продолжал и развивал не только тенденции, характерные для классической Греции, но и тенденции, характерные для внутреннего развития самого сирийского общества доэллинистического времени. Одновременно мы наблюдаем здесь вызревание тенденций, впоследствии приведших к установлению системы домината.

И. Ш. Шифман

SOCIO-LEGAL GROUPS IN SYRIAN SOCIETY OF THE HELLENISTIC-ROMAN PERIOD

by I. Sh. Shifman

In discussing the main socio-legal groups (estates and classes) in Syria at this time the author notes that the λαοί of the Hellenistic period were subjects of the king (the population on the lands which came directly under royal jurisdiction), and also that on the royal lands, besides the overall sovereignty of the king, there was divided ownership of land: supreme ownership by the king and subordinate ownership by private persons. The estate structure of Syrian society may be represented as follows. By the criterion of personal dependence there were slaves (including, in the Hellenistic period, the personally dependent λαοί) and freemen (including the formally free paramonarii of Dura-Europus); by the criterion of civil status there were subjects of the king or emperor (among them, in the Hellenistic period, the personally free λαοί, cultivators of the royal lands, etc.) and persons under polis jurisdiction (among them the citizens and those living on polis territory without full citizenship rights). In this period the class structure of Syrian society looked like this: the exploited direct producers who owned no means of production; the small and middle owners who took a direct part in the process of production and exploited, if they could, the labour of others; the large owners, who did not participate in the production process. Any of these groups might include both slaves and free persons.

[56] Как известно, все правовые системы древности исходили из предпосылки, что юридическим собственником имущества, принадлежащего рабу, был его владелец. Однако мы видим в реальной жизни рабов, свободно владеющих и распоряжающихся своим имуществом, т. е. располагающих правомочиями собственника. Соответственно такие рабы могут быть отнесены к двум последним группам.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

D. B. WEISBERG. Guild Structure and Political Allegiance in Early Achaemenid Mesopotamia, New Haven — London, 1967, XVIII+129 стр. +9 табл.

Книга американского ассириолога Д. Вейсберга «Цеховое устройство и политическая лояльность в раннеахеменидской Месопотамии» посвящена исследованию важной и малоизученной проблемы ремесла и политического и социального аспектов организаций ремесленников Вавилонии VI в. до н. э. Автор публикует в автографии восемь новых документов из Вавилонской коллекции Йэльского университета, а также дает их транслитерацию и перевод, снабдив его подробным грамматическим комментарием.

Исследование автора сосредоточено вокруг одного уникального документа, который он называет «Хартией ремесленников» (A Craftsmen's Charter). Поэтому представляется целесообразным сначала дать перевод основной части документа, который в дальнейшем мы условно будем обозначать как «текст 1», а затем перейти к рассмотрению выводов Д. Вейсберга.

Текст 1. «Нидинту-Бел, управитель (храма) Эанна, сын Набу-мукин-зера, потомок Дабиби, и Набу-ах-иддин, царский контролер, полномочный представитель Эанны, сказали плотникам (*далее в документе следуют собственные имена, патронимиконы и родовые имена пяти человек*), резчикам по металлу (*приводятся имена 14 ремесленников*), ювелирам (*следуют имена 11 человек*) и всем (остальным?) плот[никам, резчикам по металлу и ювелирам] и всем ремесленникам (храма) Эанна, следующее на их (собственном) языке [1]: „[Вы будете заниматься] ремонтом и работу по серебру, золоту, бронзе, (драгоценным) камням и дереву и всякую другую работу [будете выполнять. Если] вы не будете делать эту работу и не будете заниматься ремонтом и [... если кто-нибудь] будет выполнять работу или заниматься ремонтом [в] другом храме, [то он подвергнется наказанию царя]".

[Плот]ники, резчики по металлу, ювелиры, все ремесленники (храма) Эанна в полном составе [поклялись (богами) Белом, Набу и царем Вавилонии Киром] [2] Нидинту-Белу, управителю Эанны, и Набу-ах-иддину, полномочному представителю [Эанны], в следующем: „Никто (из нас) без нашего разрешения не будет самовольно работать или заниматься ремонтом в (других) храмах города или в культовых местах и (вообще) в каком-либо другом месте.

Мы не скроем и не утаим [3] все, что мы увидим или услышим относительно того, что кто-либо работает где-либо в другом [месте].

Мы заявляем Нидинту-[Белу], управителю Эанны, и Набу-ах-иддину, полномочному представителю Эанны, следующее: Тот, кто увидит или услышит о том, что кто-нибудь самовольно без разрешения Нидинту-Бела, управителя Эанны, и Набу-ах-иддина, полномочного представителя Эанны, работает в другом храме либо занимается ремонтом, но не скажет (об этом) Нидинту-Белу и Набу-ах-иддину, то он нарушит клятву царю и (поэтому) подвергнется наказанию богов и царя".

[1] Ina lišānišunu. Д. Вейсберг справедливо полагает, что здесь имеется в виду арамейский язык в отличие от аккадского, языка писцов, на котором написана табличка (стр. 14—15).

[2] Перевод Д. Вейсберга «величеством Кира» (by the majesty of Cyrus, стр. 8; см. также стр. 16) может ввести читателя в заблуждение, так как в раннеахеменидских текстах из Вавилонии встречается слово bagani со значением «величество» (см. W. Eilers, ZDMG, 90, 1936, стр. 160 сл.), которого, однако, в тексте 1 нет.

[3] В оригинале идиоматическое выражение ana pašīri niltakan «Мы на стол выложим».

Свидетели (*далее следуют имена 12 человек*) [4].

Урук, 29-й день [месяца...] 4-го (?) года [5] [Кира, царя Вавилона, царя стран]».

Автор рецензируемой работы подробно с привлечением большой литературы и документального материала анализирует переведенный текст, его грамматические особенности, исторический фон и содержание. Разбросанные по всей книге выводы могут быть кратко суммированы следующим образом.

В тексте речь идет о свободных ремесленниках, которые добровольно нанимаются на работу, а не о рабах или государственных работниках. Документ фиксирует дарование некоторым плотникам, резчикам по металлу и ювелирам исключительного права заниматься своим ремеслом в главном святилище Урука, а именно в Эанне. В тексте содержится разрешение, а не приказание работать, так как глагольные формы настоящего времени taṣabbata и terpuša, как полагает Д. Вейсберг, надо переводить «вы можете ремонтировать» и «вы можете выполнять работу». По его мнению, в нововавилонском диалекте понятие принуждения может быть передано прекативом, а формы настоящего времени передают, в частности, понятие позволения (стр. 3).

По своему формуляру текст 1 составлен, как полагает Д. Вейсберг, в форме диалога, т. е. добровольного соглашения между независимыми сторонами: A и B предложили 30 поименно названным ремесленникам [6] контракт; ремесленники приняли это предложение и обязались соблюдать условия контракта; предусматривается наказание для нарушителей контракта; сам контракт был заключен в присутствии большого количества свидетелей, среди которых находились и высокопоставленные государственные чиновники города Урука. Правда, в этом тексте не содержится характерная для диалогных документов фраза ina ḫud libbišu (дословно: «в радости сердца своего»), отмечающая добровольный характер сделки. Но, по мнению Д. Вейсберга, фраза эта может быть опущена в тех случаях, когда и так ясно, что стороны заключают сделку добровольно (стр. 31).

Кроме того, текст 1 содержит, как полагает автор книги, клятву верности (oath of loyalty) царю Киру. А такую клятву (adû) могут давать только лица, которые пользуются определенной независимостью. Если бы упомянутые ремесленники были подневольными работниками, то не было бы никакой надобности брать с них клятву и составлять в присутствии свидетелей соответствующий документ, ибо власти могли бы просто приказать им работать, без всяких формальностей (стр. 4, 34—36, 39, 104).

Ремесленники обязались сообщить храмовым чиновником, если они «увидят или услышат», что кто-нибудь из них без ведома и разрешения властей работает на стороне. Почему этим лицам запрещалось работать на других заказчиков? Д. Вейсберг склонен полагать, что в храме Эанна были предприняты срочные работы, и поэтому до их завершения ремесленники не могли наниматься на стороне. Но он допускает также возможность того, что в документе речь идет не о временной мере и что аналогичные соглашения заключались «персидским правителем» (by the Persian ruler) и с ремесленниками других храмов: каждая группа ремесленников имела монопольное право работать в определенном храме и не должна была нарушать монополию других групп ремесленников. Такой политикой Кир мог заслужить преданность ремесленников. Наконец, возможно, что, запрещая своим ремесленникам работать в других местах, храмовые власти стремились сохранить секреты ремесленного производства в храме Эанна (стр. 37).

Общий вывод автора, что упомянутые в тексте 1 ремесленники являлись свободными людьми, представляется нам правильным, хотя и недостаточно аргументированным. Кроме того, некоторые доводы автора либо спорны, либо ошибочны. Прежде всего, глагольные формы taṣabbata и terpuša можно переводить также «вы должны чинить», «вы должны работать» [7], а не только «вы можете...», с чем, разумеется, согласен и Д. Вейсберг, хотя он и считает, что в рассматриваемом контексте выбранный им перевод точнее передает смысл оригинала (ср. выше менее категоричный наш перевод: «вы будете работать»).

Далее, текст 1, строго говоря, не составлен по формуляру диалогного доку-

[4] Утверждение Д. Вейсберга, что документ составлен в присутствии 14 свидетелей (стр. 25), неточно.

[5] Документ датируется 4-м годом царствования Кира (535 г. до н. э.), исходя из просопографических данных. Во всяком случае, датировка временем Кира не вызывает сомнений, поскольку в самом тексте упомянуто его имя. Попутно отметим, что изданные Д. Вейсбергом документы позволяют уточнить годы деятельности некоторых храмовых чиновников.

[6] Однако после их имен в документе содержится ссылка на «всех плотников, резчиков по металлу и ювелиров». Может быть, поименно названные лица являлись только представителями соответствующих групп ремесленников (к такому мнению склоняется и Д. Вейсберг).

[7] Ср., например, нововавилонскую форму настоящего времени inamdin, которая в сотнях документов несомненно передает оттенок долженствования — «он должен отдать».

мента, для которого характерно равноправие сторон и добровольность заключаемой сделки. Ср., например, типичную для всех диалогных контрактов схему документа: «N сказал добровольно NN следующее. „...314 (голов) мелкого скота... дай мне внаем“ (далее предлагаемые N условия контракта). Затем NN согласился... (скот) сдал ему внаем (повторяются условия контракта). (*Свидетели, место составления документа, дата*) [8]». Что же касается текста 1, это скорее не добровольный контракт, а запись заявления храмовых чиновников, сделанного ими перед ремесленниками, и обязательство последних следовать полученному предписанию (они, вероятно, могли отказаться подчиниться предъявленному им требованию, но в таком случае лишились бы работы в храме). Храмовые власти, по-видимому, боялись, что другие заказчики переманят к себе ремесленников и стремились избежать этого.

Д. Вейсберг, несомненно, прав, считая ремесленников текста 1 свободными людьми. Иначе не было бы никакой надобности в присутствии свидетелей брать с них клятву в том, что они не станут работать на других заказчиков. Кроме того, в документе приводятся не только собственные имена, но и патронимиконы ремесленников, что характерно именно для свободных.

Хотя автор книги привлекает в своем исследовании значительное количество текстов (см. особенно стр. 52—76), он тем не менее оставил вне поля своего внимания основную массу нововавилонских документов, фиксирующих взаимоотношения между храмами и ремесленниками, и именно это обстоятельство не дало ему возможности более убедительно обосновать свое мнение.

Свободные ремесленники заключали с разными лицами контракты на изготовление за соответствующую плату различных изделий (мебели, утвари, одежды и т. д.). По всей вероятности, часть ремесленников работала и на рынок. Храмовая администрация в течение круглого года вынуждена была обращаться в больших масштабах к свободному ремесленному труду: ювелирам, пивоварам, пекарям, кожевникам, кузнецам, медникам, плотникам, архитекторам, ткачам и т. д., о чем свидетельствуют сотни документов [9]. Нередко храмы обращались и к ремесленникам из других городов. Так, например, ряд документов храма Эбаббарра в Сиппаре фиксирует выдачу продовольствия «ремесленникам, которые прибыли из Вавилона» (Nbd 56, 407, 409 и др.). Это, очевидно, объясняется тем, что в самом Сиппаре невозможно было найти достаточное количество работников. Относительно статуса этих ремесленников не возникает никаких сомнений: они работают добровольно, по договору и за свой труд получают наемную плату (idu) деньгами и харчи финиками, ячменем, мукой, пивом и т. д. (kurummatu) в отличие от храмовых рабов, которые получали только пайки.

Кроме того, в документах нередко упоминаются «пекари (богини) Белит Урукской», «ткачи (бога) Нергала» и т. д. (см., например, Nbd 410), подобно тому как в тексте 1 говорится о «ремесленниках (храма) Эанна». Можно было бы полагать, что это храмовые рабы, но они в отличие от последних получают, в частности, за свою работу денежную плату.

Далее часть ремесленников выполняла работы на храм в течение определенного времени за доходы (isqu), которые выплачивались лицам, обладавшим правом входа во внутренние пределы храма.

Наконец, храмы располагали также определенным количеством ремесленников-рабов.

По мнению Д. Вейсберга, текст 1 свидетельствует о существовании в Вавилонии ремесленных гильдий (стр. 4, 86—105). Как известно, Б. Мейсснер, А. Т. Олмстед и И. Мендельсон считали, что в Месопотамии ремесленники были объединены в специальные корпорации, подобные средневековым цехам [10]. Но М. Сан-Николо и вслед за ним А. Л. Оппенгейм полагают, что в древней Месопотамии даже во времена наивысшего экономического расцвета в VII—VI вв. не было независимых ремесленных организаций и такие организации появились только в эллинистический период, а упоминаемые в источниках объединения ремесленников (пивоваров, кузнецов

[8] A. T. Clay, Business Documents of Murashu Sons of Nippur, «University of Pennsylvania. The Museum. Publications of the Babylonian Section», vol. II, № 1 (далее — UM), Philadelphia, 1912, № 144.

[9] Для краткости сошлемся на тексты времени Набонида, изданные лишь в одном томе J. N. Strassmaier, Inschriften von Nabonidus, König von Babylon, Lpz, 1889 (далее — Nbd), № 10, 25, 31, 49, 55, 56, 60, 88, 89, 94, 96, 98, 99, 109, 110, 115, 117—119, 126, 143, 155, 156, 159, 162, 164, 174, 186, 212, 220, 222, 230, 235, 237, 281, 301, 317, 320, 333, 337, 339, 349, 357, 370, 376, 381, 384, 394, 401, 406, 410, 411, 413, 414, 416, 425, 428, 429, 431, 432, 447, 462, 465, 472, 489, 499, 514, 544—547, 549, 555, 570, 573, 579, 588, 591, 612, 618, 632, 644 и т. д. (еще более 70 текстов).

[10] См. ссылки в рецензируемой книге, где, однако, не учтены работы советских исследователей, которые отрицают существование автономных ремесленных организаций на древнем Ближнем Востоке. См. литературу в статье: М. Л. Гельцер, Организация ремесленного производства в Угарите, ПС, 13 (76), 1965, стр. 47.

и т. д.) состояли из государственных и храмовых работников, лишенных всякой независимости и управлявшихся бюрократическим аппаратом. По мнению А. Л. Оппенгейма, в древней Месопотамии не могло быть самостоятельных ремесленных корпораций по экономическим причинам, а именно, ввиду трудностей с получением сырья и отсутствия денежной экономики.

Однако, по мнению Д. Вейсберга, расцвет системы гильдий в эллинистический период по всему Ближнему Востоку невозможно объяснить на базе только лишь эллинистического Египта, и эти организации ремесленников не возникли внезапно, а были продуктом многовекового развития на местной почве. Поэтому, продолжает автор, существование независимых ремесленных корпораций в крупных городах и храмах вполне вероятно для раннеахеменидского периода — времени расцвета торговли, денежной экономики, рынков и возникновения сильного класса купцов, хотя наряду с членами таких корпораций, по-видимому, были и ремесленники, работавшие на свой страх и риск.

В пользу своего предположения автор приводит следующие доводы. В тексте 1 говорится о групповой солидарности ремесленников и о том, что никто без общего разрешения ремесленников не может работать на стороне. Упоминания в различных текстах о «кварталах» горшечников, кузнецов и т. д. также могут свидетельствовать о существовании ремесленных организаций [11]. Далее автор ссылается на данные некоторых документов VII—VI вв., которые, как он полагает, говорят о том, что ремесленники располагали определенными общими средствами и выступали в защиту своих членов и их семей; связь между ремесленниками той или иной гильдии не ограничивалась чисто профессиональными интересами, но распространялась также на социальную и религиозную сферы (в частности совместное поклонение богам — патронам данного ремесла).

Но приведенные автором данные текстов весьма скудны, а их толкование в ряде случаев спорно (в частности, это касается вопроса об общих имущественных фондах ремесленников; возможно, что речь идет лишь о получении начальником отряда платы на всю группу ремесленников для последующей раздачи). Поэтому предположение о существовании автономных замкнутых корпораций ремесленников, состоявших из определенного числа членов и ставивших перед собой цель монополизировать ту или иную отрасль ремесла, в ахеменидской Вавилонии (не говоря о более древних периодах) пока остается не доказанным. Примечательно также, что попытка Д. Вейсберга найти аккадский коррелят для слова «гильдия» оказалась безрезультатной. Он считает таким коррелятом слово ḫaṭru (стр. 103). Однако, во-первых, как это отмечает и сам автор, это слово пока засвидетельствовано только в документах второй половины V в. из Ниппура (архив дома Мурашу). Во-вторых, Д. Вейсбергу, к сожалению, осталось неизвестным исследование Р. Кардашиа, где рассматривается, в частности, вопрос о ремесленных организациях в Месопотамии [12]. Г. Кардашиа пришел к заключению, что в V в. в Ниппуре и его окрестностях ремесленники, как и многие другие профессиональные группы (например купцы), были наделены землей из государственного фонда и распределены на «артели» (ḫaṭru), которые совместно отбывали государственные повинности за право пользования землей. Следовательно, это — зависимые от государства объединения, а не автономные корпорации.

Сравнивая текст 1 с контрактами об обучении рабов различным ремеслам, автор книги приходит к заключению, что высококвалифицированные ремесленники, занятые тонкой работой с драгоценными металлами, камнями и деревом, были свободными людьми, а более простые виды ремесленного труда (пекарное дело, ткачество, сапожное дело и т. д.) поручались рабам (стр. 103—104). Хотя такой вывод может показаться логичным, тем не менее здесь необходимы существенные оговорки. Во-первых, среди рабов было также некоторое число ювелиров, резчиков печатей и т. д. [13]. Во-вторых, как это показал Сан-Николо, в Вавилонии ремесла в значительной степени наследовались среди свободных от отца к сыну, а рабов ремеслам учили лишь в редких случаях [14]. Исследование автора рецензируемой книги еще больше подтверждает это мнение (см. стр. 55—56, 77—85, 103). Некоторые ремесленники, упомянутые в тексте 1 (среди них названы и

[11] Ср., однако, А. Л. Оппенгейм, Торговля на Ближнем Востоке в древности (Доклад на V Международном конгрессе экономической истории), М., 1970, стр. 24: «Такие слова, как „город мастеров по металлу", „город кожевников" и т. п., которые встречаются в нововавилонских текстах, относятся скорее не к специальным кварталам, куда поселяли ремесленников, а к определенным производственным сооружениям, которыми эти ремесленники пользовались».

[12] C. Cardascia, Les villes de Mésopotamie, «Recueils de la Société Jean Bodin», 7, La ville, Bruxelles, 1955, стр. 54—61.

[13] J. N. Strassmaier, Inschriften von Kyrus, König von Babylon, Lpz, 1890 (далее — Cyr), № 325; UM 64.

[14] M. San Nicolò, Der neubabylonische Lehrvertrag in rechtsvergleichender Betrachtung, München, 1950, стр. 6.

братья), имеют общих предков, имена которых восходят ко времени за 700 лет до составления данного документа. Наконец, преобладающее число ремесленников было, как об этом свидетельствуют нововавилонские документы, независимо от профессии свободными людьми.

Рассматривая некоторые тексты, автор приходит к выводу, что в нововавилонском диалекте было несколько терминов для обозначения слова «ученик, подмастерье» (apprentice). В частности, одним из таких слов он склонен считать qallu (стр. 65, 100—101), хотя оно — сотни раз засвидетельствованный термин для обозначения рабов. При этом автор ссылается на документы Nbd 788 и 789, где упоминается один ткач, работавший вместе со своим qallu, по мнению Д. Вейсберга, учеником, а не рабом. В обоих документах речь идет о ткаче Бакуа, который известен по большому числу текстов. Он по меньшей мере в течение 21 года (с 552 по 531 г.) упоминается как раб некоего Набу-нацир-апли [15]. Если согласиться с толкованием слова qallu, предложенным Д. Вейсбергом, в течение всего этого времени Бакуа был учеником мастера по ткацкому делу. Однако из синхронных контрактов известно, что для обучения в совершенстве ткацкому делу требовалось 5 лет (см. Cyr 64). Бакуа более 20 лет вместе со своим хозяином и еще несколькими ткачами (среди которых были рабы и свободные) круглый год был занят выполнением заказов храма Эбаббарра в Сиппаре, получая от заказчика шерсть и изготовляя одежды для богов. За свою работу он получал из храма продовольствие и плату, из которой, очевидно, необходимо было платить оброк хозяину.

По мнению Д. Вейсберга, текст 1 — контракт, дарованный Киром или «государственными чиновниками» ремесленникам, чтобы обеспечить их преданность (стр. 15, 47—48, 56). Однако в Вавилонии VII—IV вв. в отличие от II тыс. храмовое хозяйство существовало отдельно от царского (а царское хозяйство в общей экономической структуре уже не имело большого удельного веса). Хотя начиная со времени царствования Набонида в храмовое правление были введены царские контролеры, вряд ли храмовых чиновников в целом можно считать царскими. Трудно также согласиться с утверждением, что текст 1 содержит «клятву верности» Киру. Скорее это клятва именем царя выполнять полученное предписание. Наконец, неверно и предположение, что этот текст — самый поздний документ, где содержится клятва (стр. 4, прим. 14) [16].

Теперь необходимо вкратце остановиться на других текстах, изданных в рецензируемой книге. Все они, кроме одного документа, составленного в Сиппаре, происходят из Урука и относятся ко времени правления нововавилонских царей и первых Ахеменидов.

В тексте 2 мы встречаемся с храмовым рабом по имени Гимиллу, который выступает в большом числе документов как ловкий мошенник, которого неоднократно судили за хищение храмового имущества (в частности сотен голов скота). Строки 1—6 текста 2 (m)gi-mi-lu... it-teme ki-i suluppu... a-na kaspi ad-di-in ù a-na re-e'-mu-t[u] a-na MAN-ma a-re-e-me Д. Вейсберг переводит следующим образом: «Гимиллу... поклялся: „Я не продал фиников и передам (их) царю в качестве подарка“» (I did not sell, and as a gift to the king I shall present, см. стр. 18). При этом форму addin он считает претеритом, а arēme презенсом. Однако читать MAN-ma как šarri-ma «царю» нет оснований. Несомненно, что это слово следует читать mam-ma «кто-нибудь» и в таком случае перевод автора книги отпадает. Кроме того, обе упомянутые глагольные формы являются претеритом (формы 3 лица ед. числа от глагола rēmu в претерите и презенсе совпадают). Таким образом, указанное место следует перевести: «Я не продал фиников за серебро и не подарил никому». Далее, вместо 1(en)-eš «сразу» надо читать adi 30 «в тридцатикратном размере». Как видно из текста, Гимиллу был заподозрен в том, что он продал или подарил кому-то финики, принадлежавшие храму Эанна, но он клятвенно отрицал это. Однако если будет установлено, что Гимиллу действительно присвоил финики, он должен был возместить ущерб, нанесенный им храму, в тридцатикратном размере (а не «сразу», как полагает издатель).

Текст 3 фиксирует поручительство двух лиц за храмового должника. Если поручители не приведут его в храм по первому требованию, то должны уплатить 6 мин серебра.

[15] См., например, Nbd 174, 217, 242, 302, 349, 361, 465 532, 544, 723, 751, 783, 879, 880, 888, 889, 892, 908, 1015; Cyr 104, 186, 191, 232, 259, 296, 352. Ср. K. L. Tallqvist, Neubabylonisches Namenbuch, Helsingfors, 1906, стр. 18.

[16] См. совершенно аналогичные выражения ina (d)bēl (d)nabū u adê ša (m)kambuzija / (m)darijamuš (поклялся «богами Белом, Набу и клятвами Камбиза / Дария»): J. B. Nies and C. E. Keiser, Historical, Religious and Economic Texts and Antiquities, New Haven, 1920, № 108 : : 45, 116 : 2; A. Tremayne, Records from Erech, Time of Cyrus and Cambyses, New Haven, 1925, № 116 : 1; 152 : 2; 153 : 3; 165 : 2; 171 : 2; 190 : 8; 192 : 1; J. N. Strassmaier, Inschriften von Darius, König von Babylon, Lpz, 1892, No 159 : 2; 182 : 2; 187 : 2; 229 : 4; 260 : : 19; 309 : 1; 339 : 3; 357 : 2, 392 : 2; 434 : 2; 446 : 11 и т. д.

Текст 4 относится к редкому для нововавилонского времени типу документов. Один несостоятельный должник храма обязался привести своего сына и передать его храмовым чиновникам и писцам [17] (очевидно в качестве раба или для отработки долга) или же срочно рассчитаться с кредитором. За должника ручается третье лицо.

Текст 5 — фиксация в присутствии свидетелей заявления одного лица о получении им ячменя.

В тексте 6 встречается до сих пор незасвидетельствованное выражение šaṭarānu ša dulli, дословно: «документ работы». По мнению автора книги, это письменное разрешение на работу или же удостоверение личности, а возможно, и пропуск для входа в храм (стр. 52, 54) [18]. В табличке сказано, что некий Белшуну должен принести в месяце *аддару* (через полтора месяца после составления текста) свой «рабочий документ» и показать его чиновникам храма Эанна. Три поименно названных лица дали поручительство за Белшуну и обязались привести его в храм, а в противном случае должны были уплатить в Эанну $2^1/_2$ мины серебра. Однако издатель не совсем правильно транскрибировал некоторые места текста и неверно переводит их. В стк. 2 вместо li-na$_7$-šam-ma следует читать i-na$_7$-šam-ma, а в стк. 13 вместо 1(en)-šú-nu — (m)bel-šú-nu. Последнюю строку Д. Вейсберг переводит так: храмовые чиновники «призовут одного из них (т. е. поручителей) к отчету» (...shall call one of them to account; см. стр. 53). Это место необходимо перевести: храмовые чиновники «разыщут [19] Белшуну». Другими словами, если поручители не приведут Белшуну в храм, они должны уплатить указанную сумму, а храмовые чиновники все равно не оставят его в покое.

Трудно согласиться с данной автором книги интерпретацией текста 7. Этот документ он переводит так: «Шамаш-мукин-апли (вместе с) Ардией золото Владычицы урукской, (которое) он унес в дом Ану-рицуа, подмастерья (человека по имени) Эа-курбанни, должен вынести и отдать... управителю Эанны. [Если он] не вынесет (золота) и не отдаст, то он подвергнется наказанию царя» (стр. 64). Это место трудно перевести иначе как: «Шамаш-мукин-апли ...должен привести (ibbakamma) Ардию, (который) унес золото (богини) Белит урукской в дом Анурицуа, раба (qallu, ср. выше) Эа-курбанни, и передать (его) ...управителю Эанны. [Если он] не приведет (его) и не передаст, то подвергнется наказанию царя».

Таким образом, судя по тексту, некий Ардия унес при неизвестных нам обстоятельствах золото, принадлежавшее храму Эанна, в дом одного раба, а Шамаш-мукин-апли (в какой связи находился он с Ардией, неизвестно) должен был привести похитителя в храм. Утверждение Д. Вейсберга на основании этого текста, что храм выдал золото, вероятно, для работы в частной мастерской, а документ об этом был составлен задним числом, через 5 дней (стр. 65—66), представляется лишенным оснований.

Текст 8, возможно, фиксирует выдачу тонкой муки для выпечки кондитерских изделий. Но в целом текст, как это отмечает издатель, труден для понимания и пока неясен.

Традиционный перевод слова mār-banī как «патриции» (стр. 44) неточен, так как этим термином в действительности обозначались все полноправные люди (в том числе и свободная беднота). Например, один брачный контракт предусматривает право невесты выйти замуж вторично за свободного (mār-banī), если ее будущий супруг разойдется с нею [20]. В этом отношении еще более характерен контракт об усыновлении: женщина, занимавшаяся священной проституцией, передаст своего сына усыновителю, когда она выйдет замуж за mār-banī [21]. Вряд ли она рассчитывала выйти замуж за «патриция».

К рецензируемой книге приложено исследование о конечных согласных в нововавилонском диалекте (стр. 106—111). Обычно ассириологи полагают, что в нововавилонском конечные гласные не произносились, кроме определенных случаев (когда они содержатся в чужеземных собственных именах или же несут грамматическую нагрузку). Д. Вейсберг предлагает совершенно оригинальный и, по-видимому, плодотворный подход к этой проблеме. Поскольку в устной речи аккадский язык в I тыс. до н. э. постепенно вытеснялся арамейским, а в клинописи согласные одной и той же группы (например, d, t, ṭ) часто не различались, писцы стали искать пути более точной передачи консонантов. Например, в тексте 1 вместо грамматически правильного в контексте ḫi-ṭa написано ḫi-ṭu, так как писец, по мнению Д. Вейсберга, стремился

[17] LÚ.ŠID.MEŠ. Перевод Д. Вейсбергом этого слова как «жрецы» в данном контексте не подходит, поскольку храмовое правление было чисто гражданским, а жрецы не вмешивались в хозяйственные дела.

[18] Там же рассматриваются различные аналогичные выражения, однако ссылка на текст VAS 4, 154 является опечаткой вместо VAS 4, 155.

[19] ú-ba-a'-ú. О глаголе bu''û «искать» см. W. von Soden, Akkadisches Handwörterbuch, Wiesbaden, 1959, стр. 145.

[20] R. P. Dougherty, Records from Erech, Time of Nabonidus, New Haven, 1920, № 17.

[21] A. Pohl, Neubabylonische Rechtsurkunden aus den Berliner Staatlichen Museen, Roma, 1933. № 14.

передать правильное консонантное произношение слова и поэтому не пожелал воспользоваться знаком DA, поскольку его можно было читать двояко (da/ṭa).

В заключение необходимо сказать несколько слов об общей оценке рецензируемой книги. Автор издал тексты, существенно обогащающие наши знания о вавилонском обществе. Некоторые из опубликованных им документов уникальны даже для столь обильного источниками нововавилонского периода. Несмотря на то, что трудно согласиться с некоторыми основными выводами и интерпретацией ряда текстов Д. Вейсбергом, его книга — крупное и важное исследование, которое от начала до конца читается с неослабевающим интересом и большой пользой. Это — одна из тех предварительных работ, которые кладут прочную основу для изучения вавилонского общества середины I тыс.

М. А. Дандамаев

H. TSCHINKOWITZ, «*Sammlung Eduard Glaser, VI*». Kleine Fragmente. I Teil («Sitzungsberichte der Österreichische Akademie der Wissenschaften», phil.-hist. Kl., 241. Bd, 4. Abh.), Wien, 1969

Новый выпуск «Коллекции Эдуарда Глазера»[1] — первая работа молодого ученого Хельги Чинковиц, ученицы проф. Марии Хефнер. Может быть, именно поэтому издатели отказались от полной публикации надписей определенного района, вполне оправдавшей себя в предыдущих выпусках, и избрали для издания «Мелкие фрагменты» из разных мест. Публикация охватывает 58 фрагментов и сопровождается семью таблицами, на которых даны воспроизведения 20 надписей. Можно лишь пожалеть, что воспроизведены не все тексты; в частности, следовало бы дать фото надписей Gl 936 + 935 и Gl 1646, важные для датировки этих, по-видимому, весьма ранних памятников. Но для них отсутствует даже палеографическая характеристика по системе Ж. Пиренн, данная автором в ряде других случаев. С другой стороны, излишне было приводить фото надписи Gl 1641 (эстампаж A 517), уже воспроизведенное в работе Ж. Пиренн [2].

Чтение и интерпретация фрагментов, в которых отсутствует связный контекст, представляет значительные специфические трудности, требует хорошего знания опубликованных надписей и тщательности в работе. Х. Чинковиц успешно справилась с этой нелегкой задачей. Ее чтения достаточно надежны и осторожны, иногда, может быть, даже слишком осторожны, и могут быть несколько дополнены: так, в первом слове надписи Gl 931 отчетливо видна часть знака ṯ, что позволяет читать его ṯww (собственное имя от корня ṯwy) [3]. В Gl 1374,5 перед начальным знаком w можно заметить часть знака ḥ, что позволяет восстановить mr'ḥw/yd'l/ḏrḥ[/mlk/sb'/... В надписи Gl 1642 в конце первой строки, видимо, можно прочесть еще знак s, а в начале второй — знак ḏ; это ясно показывает, что левая часть текста не сохранилась. В Gl 1534, 1 родовое имя следует читать не ḏ'rb'n, а ḏ'rb'nhn (ср. в списке свидетелей RES 3951 : lḥy'ṯt/bn / mlḥn/ḏ'rb'nhn). Далее, по-видимому, следует читать ḥqny/'l[mqḥ].

Комментарии Х. Чинковиц достаточно подробны и обстоятельны, в них приводятся многочисленные параллели к разбираемым словам и терминам, а также основная литература, в которой они исследованы. Особенно подробен лингвистический и филологический комментарий. К сожалению, автор не всегда указывает имеющиеся параллели к формулам или даже целым текстам, что для понимания надписей имеет не меньшее, если не большее значение, чем комментарий к отдельным словам. Отметим некоторые из таких параллелей: с Gl 1447 почти полностью совпадает по формуляру текст Gl 1363, с Gl 1449 — надпись Gl 1368. Надпись Gl 936 + 935 содержит формулу ywm/hy'/ḥrmtm, известную по ряду текстов периода мукаррибов (CIH 366α, 869; Fa 34; ср. также RES 3946,7). По-видимому, эта формула говорит о принесении в жертву 'Aṯtару благовоний [4]. Надпись Gl 1646 содержит фрагмент «формулы федерации», а конечный знак b представляет собой начало финальной инвокации (ср. CIH 336, 957 и т. д.). При толковании термина sfḥ (Gl 1642,2) следует привлечь надписи CIH 460,2 и

[1] Рецензии на предыдущие выпуски см. ВДИ, 1962, № 4, стр. 165—168; 1966, № 2, стр. 195—196; 1967, № 1, стр. 154—159.

[2] J. Pirenne, Paléographie des Inscriptions Sud-Arabes, Brussel, 1956, табл. VIII c.

[3] W. W. Müller, Die Wurzeln Mediae und Tertiae Y/W im Altsüdarabischen, Tübingen, 1962, стр. 37.

[4] См. А. Лундин, Надписи Йада'-'ила Зариха, сына Сумху'алай, мукаррриба Саба', ВДИ, 1960, № 3, стр. 20; А. Лундин, Государство мукаррибов Саба' (Сабейский эпонимат), Л., 1968, стр. 28.

CIH 924,3, более близкие к изданному тексту по времени и содержанию.

Из недочетов комментария укажем лишь случаи, когда одна надпись выступает под разными обозначениями: CIH 601 = RES 2726 (стр. 18) и CIH 633 = RES 2729 (стр. 22).

Мелкие фрагменты, естественно, не дают значительных материалов для исторических или филологических выводов; только в редких случаях они могут содержать какую-либо деталь, важную для решения уже поставленного в науке вопроса. Такие детали можно обнаружить и в опубликованной группе фрагментов. Прежде всего, следует отметить надпись Gl 1374, упоминающую ранее неизвестного сабейского царя Йада'ила Зариха; палеография текста позволяет, видимо, отнести его правление к III—I вв. до н. э., т. е. к наиболее темному периоду истории Сабейского государства.

Весьма интересен фрагмент Gl 1322, содержащий родовое имя św'm и имя племени yhśḥm; он позволяет окончательно разрешить старый спор об интерпретации датировочной формулы надписи CIH 343 [5], отнеся ее к эпонимату племени Йухаśḥим, а не к общесабейской системе эпонимата.

Большое значение имеют вновь опубликованные фрагменты надписи о постройке стены города Мариба — Gl 1103, 1105, 1106 и 1110. Хотя по содержанию они лишь повторяют фрагменты, изданные ранее, но воспроизведения надписей и указание их размеров позволяют более точно реконструировать текст. В частности, фрагмент Gl 1110 с высотой знаков около 16 см позволяет установить такой вариант текста: ... b]n/yt'mr/wt[r (Gl 598 = RES 4452)g]n'/mryb/bš[ft /wm'd (Gl 537 = CIH 626) 'ttr/whbs/w ['lmqh (Gl 1110). Надпись с большими знаками (около 22 см высотой) содержит иное имя автора: Йада'ил Ватар, царь Саба', сын Сумху'алайа Йануфа. Это позволяет установить полное имя автора реконструируемой надписи: [Сумху'алай Йануф], сын Йаśа''амара Ватара. Такая последовательность правителей — Йаśа''амар Ватар — Сумху'алай Йануф — Йада'ил Ватар — до сих пор в сабейских надписях не была засвидетельствована [6].

Нет сомнения, что и другие тексты, опубликованные Х. Чинковиц, окажутся весьма важными в ходе дальнейших исследований. В частности, интересна весьма ранняя надпись Gl 1642 с архаичными формами знаков d, h(ḥ) и f, представляющая фрагмент текста, запрещающего вход на какую-то (священную?) территорию (ср., например, CIH 617, CIH 400 и т. п.). Она показывает, что формуляр надписей вполне сложился уже в эту раннюю эпоху.

Рецензируемая книга достойно продолжает серию публикаций коллекции Эдуарда Глазера и займет место среди книг, необходимых каждому специалисту. Можно лишь пожелать быстрейшего появления второй ее части, а также и других работ, которые завершили бы полное издание этой важнейшей коллекции.

А. Г. Лундин

[5] A. G. Lundin, Die Eponymenliste von Saba (aus dem Stamme Ḥalil), «Sammlung E. Glaser», V (SBAW, Bd. 248, Abh. 1), Wien, 1965, стр. 69; Г. М. Бауэр, Некоторые проблемы эпонимата в древней Южной Аравии, ВДИ, 1967, № 2, стр. 132—133.

[6] См. H. Wissmann, Zur Archäologie und antiken Geographie von Südarabien, Istanbul, 1968, стр. 6—11.

HANS JENSEN, Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart, 3. neubearbeitete und erweiterte Auflage, B., 1969, 608 стр.*

Новое издание фундаментального труда известного историка письма Ханса Енсена содержит целый ряд изменений и дополнений, выгодно отличающих его от второго издания, вышедшего в 1958 г. В рецензируемом издании учтены работы по истории письма, опубликованные до 1967 г. (исследования по частным вопросам цитируются в примечаниях, список же обобщающих работ приведен в конце книги — на стр. 608: это монографии, опубликованные за период с 1930 по 1966 г.). В книге широко используются исследования советских ученых.

Наряду с несомненными достоинствами (стремление объективно и полно изложить материал, дать возможно большее число иллюстраций и библиографических ссылок) в рецензируемой работе имеются и определенные недостатки, на которых хотелось бы остановиться подробнее. Стремясь к объективности изложения, но не будучи специалистом по отдельным видам письма, автор подчас подробно излагает явно ошибочные концепции,

* См. также перевод: H. Jensen, Sign, Symbol and Script. An Account of Man's Effort to Write. Transl. from the 3rd German ed. by G. Unwin, L., 1970.

упуская в то же время наиболее существенные детали в изложении основополагающих исследований. В ряде случаев такие исследования вообще не упоминаются автором. При копировании письменных знаков для своих иллюстраций (а этих иллюстраций в книге около 600) автор в ряде случаев допускает неточности, неприятно искажающие общую картину. Добавляя к старому материалу новый, автор подчас оставляет без изменения старые данные, поправки к которым содержатся в новом материале. Недостаточно используется материал рецензий, посвященных исследованиям конкретных письменностей (а такие рецензии часто позволяют получить достаточно ясное представление о научной ценности той или иной работы).

Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров (число которых, к сожалению, может быть значительно увеличено).

Рассказывая о тангутском письме (стр. 182—185), автор упоминает находки Козлова, цитирует сообщение А. Иванова, относящееся к 1909 г., работы западноевропейских и китайских ученых, относящиеся к более позднему времени, однако ничего не говорит о блестящих исследованиях Невского, Кычанова, Софронова, получивших широкое признание как в нашей стране, так и за рубежом [1]. Благодаря этим исследованиям стала возможной не только интерпретация, но и фонетическое чтение тангутских текстов [2].

Освещая (к сожалению, очень поверхностно) исследования Ю. В. Кнорозова в области письма индейцев майя (стр. 230—231) и письма о-ва Пасхи (стр. 349) [3], Енсен не упоминает об исследованиях группы Кнорозова по протоиндийскому письму, опубликованных в 1965 г. [4] (см. раздел, посвященный протоиндийскому письму, на стр. 343—346 рецензируемой книги).

Приводя на стр. 470 свою копию таблицы карийских знаков из книги рецензента [5], Енсен вместо ⊓ дает иной знак (в первой и второй графе), неоправданно снимает звездочку у транскрипционного значка *d′ (при знаке) ([6]); вместо ś дает š (при знаке ⊤); снимает помету (*) во всех тех случаях, где она имеется; вместо знака вопроса дает знак ˀ (при знаке X). Енсен неточно излагает методику, которой пользовался рецензент в упомянутой книге: чтение карийских букв было установлено отнюдь не «на основе этимологических сравнений с хеттскими и ликийскими словами вкупе с комбинаторно-статистическими методами» (рец. книга, стр. 471), а исключительно на основе этих последних. Упоминая работы Бранденштайна, Борка, Менца, ровно ничего не давших для дешифровки и интерпретации карийских надписей, Енсен совершенно не упоминает важных, хотя во многом и ошибочных, статей Сундваля (рец. книга, стр. 468).

В настоящее время не выдерживает научной критики повторяемое Енсеном несколько раз утверждение о неиндоевропейском характере карийского языка (стр. 462, 467) и уж совсем полным анахронизмом звучит утверждение о неиндоевропейском характере лидийского (стр. 462). Оба эти языка относятся к хеттолувийской группе индоевропейских языков, как и хорошо изученный ликийский, о котором Енсен пишет, что он, «возможно», индоевропейский (стр. 461 сл.).

На стр. 464 приводится таблица знаков ликийского и лидийского письма, отличающаяся от той же таблицы второго издания книги (стр. 446) в частности тем, что обозначения букв №№ 25—29 сдвинуты на одну графу вниз, что создает

---

[1] См. библиографию в кн.: М. В. Софронов, Тангутская грамматика, I—II, М., 1968.

[2] См. в этой связи обзор работы Софронова и Кычанова «Исследования по фонетике тангутского языка» (М., 1963), опубликованный бывшим президентом Королевского Азиатского общества Ж. Клоссоном в 1965 г. («Asia Major», XI, 1, 1965, стр. 54 слл.); в рецензии на упомянутую выше монографию Софронова Клоссон отмечает, в частности: «Софронов в Москве посвятил себя необычайно трудному делу — глубокому исследованию тангутского языка. Согласовав... разнородные данные, Софронов достиг успеха, создав... таблицу чтений начальных согласных и рифм в последней четверти XII в.; ...произношение того времени дано почти для всех знаков в его всеобъемлющем списке... Это — большой подвиг» (см. «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», 32, 2, стр. 416 сл.).

[3] На стр. 348 Енсен излагает чтения Т. Бартеля, которые предлагаются им для табличек *кохау ронгоронго*, так, как если бы эти чтения были доказанными.

[4] См. «Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов», М., 1965 (74 стр., ротапринт): статьи Ю. В. Кнорозова, Г. В. Алексеева, М. А. Пробста, А. М. Кондратова, И. К. Федоровой, Б. Я. Волчек. См. рецензию на эту работу: H. Knížkova, One More Step Toward the Deciphering of the Proto-Indian Script, «New Orient», v. V, 5, 1966, стр. 139 сл. В последнее время число работ на эту тему значительно возросло.

[5] См. «Исследования по дешифровке карийских надписей», М., 1965, стр. 190 сл.

[6] Здесь же неполностью приводится графа греческих транслитераций. Переводя типографские знаки в оригинальные, Енсен допускает неверную трактовку знака Т.

путаницу [7]. А ведь уже в конце 50-х — начале 60-х гг. были внесены значительные уточнения в чтения ликийских и лидийских букв, которые Енсен вполне мог использовать для третьего издания своей книги. Достаточно посмотреть таблицы знаков ликийского и лидийского письма, помещенные в статьях специалистов по этим языкам Г. Ноймана и А. Хойбека, написанных еще в 1963 г. [8], чтобы увидеть, сколь значительно различие между современной интерпретацией ликийских и лидийских букв и той устарелой интерпретацией, которая содержится в книге Енсена. Кроме всего прочего, следовало бы вообще изъять графу транскрипций Борка (*или, по крайней мере,* специально подчеркнуть, что его транскрипции не в пример хуже, чем предложенные значительно ранее транскрипции Калинки) и дать вместо нее графу транскрипций Педерсена, которые в настоящее время используются исследователями чаще, чем транскрипции Калинки.

Уже из сказанного читатель может сделать вывод, что Енсен совершенно не упоминает новой литературы по ликийскому и лидийскому языкам, новых находок ликийских и лидийских надписей. Последние упомянутые им работы относятся к середине 30-х гг...

Несмотря на то, что еще в 1965 г. были опубликованы две большие, найденные в 1964 г. при раскопках на территории древней Памфилии сидетские надписи [9], Енсен ограничивается в своем повествовании о сидетских надписях тем материалом, который был известен исследователям к 1950 г. (см. стр. 472—474 *рецензируемой книги*).

С первой половины 60-х гг. начинают публиковаться малоазийские надписи, близкие по репертуару знаков лидийским, ликийским, фригийским, карийским, однако имеющие свою специфику, указывающую на их возможную тесную связь с семитским письмом [10]. Эти публикации выпали из внимания Енсена, однако они, судя по реакции целого ряда исследователей, проливают новый свет на происхождение греческого письма. Как бы то ни было, раздел о греческом письме у Енсена значительно устарел [11]; соответствующий раздел в вышедшей в 1966 г. книге И. Фридриха «История письма» [12] изложен в гораздо большем *соответствии с достижениями современной* эпиграфической науки.

Трудно, разумеется, требовать, чтобы один исследователь следил с неослабным вниманием за всеми публикациями *по истории и теории письма*, за публикациями всех новых эпиграфических находок. Тем не менее невнимание к единичным работам в наше время приводит к тому, что отдельные разделы обобщающих монографий безнадежно устаревают, не успев выйти в свет: ведь могут остаться без внимания как раз те исследования, которые являются предвестниками новых направлений, несущих в себе принципиально новое решение вопроса. Именно так получилось у Енсена с целым рядом исследований.

Мы не будем останавливаться на работах, которые внесли во многих случаях нечто принципиально новое в решение ряда эпиграфических вопросов, но которые не могли быть использованы *Енсеном уже по техническим причинам.*

Благодаря бурному прогрессу исследований по эпиграфике и дешифровке древних письменностей некоторые страницы рецензируемой книги устарели и продолжают «стареть» буквально на наших глазах, однако эта солидная монография, написанная живым языком, несомненно принесет большую пользу всем тем, кто занимается или хотя бы интересуется проблемами происхождения и эволюции письма; порукой тому — исключительная популярность предыдущих изданий книги и почти моментальный перевод ее на английский язык.

В. В. Шеворошкин

---

[7] Кроме того, в транскрипционной таблице Борка сдвинуты вверх обозначения букв №№ 12—13 и совсем не приведены обозначения букв №№ 10—11. С целого ряда обозначений Борка произвольно сняты диакритические знаки. В графе обозначений Калинки вместо транскрипционного значка τ ошибочно дан значок ι (т. е. *иота* вместо *теты*).

[8] Эти статьи (G. Neumann, Lykisch; A. Heubeck, Lydisch, «Handbuch der Orientalistik», Bd. II, Lief. 2, «Altkleinasiatische Sprachen», Leiden/Köln, 1969, стр. 358 слл., 397 слл.) опубликованы, правда, лишь в 1969 г., но в них содержится подробная литература прошлых лет; кстати, новая транскрипция дается не только в специальных статьях (которые могли остаться неизвестными Енсену), но и в книгах: ср. монографии Педерсена, Гусмани, Хойбека и других исследователей, указанные в названных статьях Ноймана и Хойбека.

[9] См. подробности и литературу в статье: G. Neumann, Zur Entzifferung der sidetischen Inschriften, «Kadmos», Bd. VII, Hf. 1, 1968, стр. 78 и 92 сл.

[10] См. сообщения о некоторых из этих публикаций у О. Массона: «Kadmos», Bd. VIII, Hf. 2, 1969, стр. 168 слл.

[11] См. стр. 446 слл. Енсен не учитывает, в частности, материалов книги, представляющей новый этап в изучении греческой эпиграфики (L. Jeffery, Ancient Script of Archaic Greece, Oxf., 1961).

[12] J. Friedrich, Geschichte der Schrift, Heidelberg, 1966, стр. 101 слл.; ср. нашу рецензию в ВДИ, 1968, № 4, стр. 150.

IMRE TRENCSÉNYI-WALDAPFEL, *Von Homer bis Vergil.* Gestalten und Gedanken der Antike, Berlin und Weimar, Aufbau-Verlag, 1969

Имя недавно скончавшегося члена Венгерской Академии наук Имре Тренчени-Вальдапфеля, неутомимого исследователя культуры античного мира, хорошо известно далеко за пределами его родины. Кроме статей, читателю знакомы его фундаментальная «Мифология» (М., 1959), а также небольшая монография «Гомер и Гесиод» (М., 1956).

Рецензируемая книга представляет собой, как говорится в кратком предисловии, ряд литературных портретов, которые публиковались в различных венгерских изданиях 1952—1966 гг., преимущественно как введения к греческим и римским классикам. Некоторые очерки были переработаны ученым для немецкого издания. Это — не связная история литературы, а отдельные ее главы, имеющие своей целью ввести читателя в круг бессмертных творений и идей в их «важнейших моментах». И. Тренчени-Вальдапфель стремился избежать полемики, дискуссий, ссылок на специальную научную литературу. Точности ради следует отметить, что это не всегда удалось. Так, в содержательной статье о Теренции — речь о ней ниже — назван длинный ряд исследований римской бытовой комедии, большая глава очерка выходит за рамки научно-популярной книги и для широкого читателя без специальной подготовки, на которого она главным образом рассчитана, представит определенные трудности.

Характер первоначальных публикаций определил объем каждого очерка и его материал: некоторые (из 10) главы посвящены отдельным проблемам творчества (Гомер) или одному произведению («Дискол» Менандра), другие — обзору всей деятельности писателя (Гесиод, Эсхил, Еврипид, Аристофан, Теренций, Цицерон, Вергилий), либо месту его в духовной жизни своего времени (Софокл). В одних случаях дается подробная, насколько позволяет материал, биография и детально анализируется все творчество, в других — упоминаются лишь отдельные факты и обращается внимание на основные произведения. Каждый автор показан И. Тренчени-Вальдапфелем в контексте эпохи, при этом отмечаются многочисленные творческие связи с предшественниками и последователями.

К каждому автору ученый подходит как к создателю таких художественных и идейных ценностей, которые продолжают доставлять нашим современникам эстетическую радость,— они, эти ценности, не только оставили заметный след в минувшей истории литературы, но могут служить ее развитию в наши дни (стр. 294). Иначе говоря, ученый стремится раскрыть живое содержание творений древних писателей и «следы» их деятельности в ряде национальных, в том числе и венгерской, литератур.

Автор учел новейшие исследования советских и зарубежных литературоведов, филологов, историков. Библиография книги и лаконичный комментарий к ней включает сравнительно небольшое число названий, наиболее значительных.

Книга открывается содержательной статьей о Гомере. Анализу поэм предшествует краткий очерк устной поэзии — рабочей, обрядовой песни, генеалогических и героических легенд. Сопоставление сложной эпической традиции, впитавшей в себя различные элементы длительной и сложной истории греческих племен, с русским былинами, поэзией южных славян, представляется интересным и плодотворным. Главное внимание уделяется в очерке композиции гомеровских поэм. И. Тренчени-Вальдапфель нашел здесь свой ракурс изложения. Главная особенность построения «Илиады» — симметрия: она проявляется и в эпизодах, изображающих ахейский и троянский лагери, и в описаниях олимпийцев. Анализируя ряд ситуаций и образов (например, Аякс — Гектор — «Илиада», VII, 279—282, 306—312, Нестор — Приам), автор показывает, как певец сопоставляет сходные по характеру эпизоды и персонажи. Так, Нестор, как и Приам, не «только старейший по возрасту, но и самый мудрый» («Илиада, VII, 326 и 367). Симметрия многочисленных мест в «Илиаде» свидетельствует о единстве поэм и с о з н а т е л ь н о с т и творческой деятельности того поэта или тех двух поэтов, которых мы именуем Гомером.

Композиция «Одиссеи» отличается тем, что она ретроспективна, и эта особенность служит тому, чтобы раскрыть новый, более поздний, чем в «Илиаде», героический идеал. Плодотворны замечания автора о «мастерах труда» в обеих поэмах: в старшей — это Гефест, в младшей — Одиссей: там мастерство приписывается небожителю, здесь — смертному. Лаэртид в «Одиссее» представляет собой идеального героя обитателей ионийских городов, моряков и купцов. Несмотря на сравнительно небольшой объем очерка стр. (9—54), И. Тренчени-Вальдапфелю удалось раскрыть и такие важные проблемы, как народность и гуманизм Гомера. Вызывает возражение сопоставление древнего поэта с Джамбулом и Сулейманом Стальским (оно, кстати, повторяется и в главе о Гесиоде); здесь не учитывается, что, как в свое время отмечал И. И. Толстой, «сама спе-

цифика социального бытия античного рабовладельческого общества глубоко отлична по своей формации... от общества нового времени...» [1].

С разделом о Гомере органически связана статья, посвященная Гесиоду. Труд у Гесиода прежде всего — земледельческий и оценивается с точки зрения крестьянина; это принципиально отличает его от Гомера. Понятие Дики у Гомера и Гесиода не идентичны. Автор, подробно анализируя «Труды и дни», убедительно доказывает, что сам тип певца отличен от его предшественников; он целиком связан со своим классом. В мифологии Гесиода содержатся такие элементы, которые получат свое дальнейшее развитие в философии, в частности, в диалектике Гераклита. И. Тренчени-Вальдапфель рассматривает обе дошедшие до нас поэмы в эволюции. И в «Теогонии», и в «Трудах и днях» певец отстаивает справедливость, однако в первой поэме он требует ее так, чтобы не очень оскорбить слух «царей». В «Трудах и днях» ничто не ограничивает его речь, он обращается к крестьянам как к равным себе, он откровеннее, резче с «царями». Подводя итоги своим рассуждениям, ученый доказывает, что Гесиод открывал пути «лирической субъективности» и оказал воздействие на поэтов разной социальной ориентации — на Архилоха, Пиндара, Солона.

Опираясь на известное высказывание Энгельса о тенденциозности «отца трагедии», И. Тренчени-Вальдапфель подчеркивает: Эсхил перенес на сцену события современной исторической действительности. Четкость, логическая стройность, прекрасный язык, интересные параллели, — все это отличает и главу об Эсхиле. Отдельные положения в ней спорны. Так, автор был убежден, что «Персы» — первая из дошедших до нас трагедий поэта (стр. 106). Между тем известно, что единого мнения по этому вопросу нет, и ряд исследователей утверждает, что «Персам» предшествовали «Просительницы» [2]. Неубедительна мысль о том, что гомеровский гуманизм, выразившийся в добром отношении к троянцам, оказал влияние на концепцию «Персов» (стр. 107): вряд ли правомерно объяснять литературу литературой, а не теми историческими и мировоззренческими факторами, которые, в конечном итоге, определяют идейное содержание произведения искусства. Эсхил был противником наступательной войны в Азии и отстаивал мир с Персией,— именно этим можно объяснить то, что он изобразил персов без враждебности, даже с долей симпатии. «Гомеровское» в «Персах» скорее отражается в приемах эпического мастерства — в сложных метафорах, эпитетах и т. п.

В великолепном анализе «Прометея» ученый оценил титана лишь как похитителя огня, все остальные дары людям («все искусства», ст. 505—506) можно рассматривать лишь в том смысле, что всеми своими познаниями человек обязан огню. «Мы не будем далеки от истины,— подчеркивал автор,— что Эсхил, по существу, распространил учение Гераклита о природе на общество; все, что существует, т. е. что находится в непрерывном становлении и развитии, сводится к разновидностям огня» (стр. 133). Объявляя автора «Прикованного Прометея» гением не только драмы, но и философии, И. Тренчени-Вальдапфель считал его своеобразным предшественником старших софистов, в частности Протагора, борцом с религиозным консерватизмом. Интересны выводы, вытекающие из анализа фрагментов «Освобожденного Прометея» (и косвенных свидетельств об этой части трилогии): здесь не идет речь о компромиссе или примирении титана с Зевсом, ибо освобождает Прометея Геракл, таким образом, «человек не только создает, но и освобождает себя самого» (стр. 140) [3].

Очерк о Софокле не столько раскрывает эволюцию творчества трагика, сколько устанавливает его место в истории общественной мысли. Автор исходил из тезиса, что в драматургии Софокла отразились те же процессы, которые имели место в эволюции философской мысли, начиная с Гераклита и кончая старшими софистами, однако диалектика приобрела в трагедии свои специфические формы (стр. 186). И. Тренчени-Вальдапфель справедливо обратил внимание на тенденциозность театра Софокла: через мифологические образы художник сумел обнажить противоречия, которые уже в период высшего расцвета афинского полиса как бы «сигнализировали» о присущих рабовладельческой демократии болезнях, приведших к поражению Афин в Пелопоннесской войне.

Отдельные оценки автора слишком категоричны и вызывают сомнения. Такова характеристика трагедии «Аякс», о которой говорится, что Софокл в ней обнаружил свое недовольство политическим строем Афин и показал «революционные

---

[1] И. И. Толстой, Аэды, М., 1958, стр. 16.

[2] И. М. Тронский, Оксиринхская дидаскалия к тетралогии Эсхила о Данаидах, ВДИ, 1957, № 2, стр. 146—159 (дана литература вопроса); В. Ярхо, Эсхил, М., 1958, стр. 68 слл.

[3] Подробнее эту концепцию И. Тренчени-Вальдапфель изложил в статье «Прометей прикованный и освобожденный», «Труды конференции по изучению античности», М., 1967, стр. 324—338.

силы» (стр. 189). В «Антигоне» автор видел прославление революционного действия (стр. 188). Вряд ли правомерно считать Софокла «ниспровергателем основ».

В главе о Еврипиде обращает на себя внимание большой материал из истории эллинской философии. Однако, считает автор, новаторство младшего трагика не в том, что он — «философ на сцене», ибо вся греческая трагедия, начиная с Эсхила (особенно его трилогия о Прометее), была органически связана с развитием общественной мысли. Еврипид — создатель психологического реализма (стр. 219, 229, 230, 234 и др.), последователь этического рационализма. Изображение внутреннего мира героев имело своих предшественников, прежде всего Гераклита, догадывавшегося о сложности человеческого характера, в который Еврипид впервые «проник» своей поэзией. Анализируя творческий путь художника, И. Тренчени-Вальдапфель придерживается традиционного взгляда, в наиболее четкой форме высказанного в свое время В. Нестле [4]: Еврипид — верный последователь и ученик выдающихся современных философов (стр. 205). Их воззрения он переносил в более или менее модифицированном виде в свои пьесы, иной раз шел на компромиссы, приспосабливал их к вкусам афинской консервативной публики, как это произошло, например, с «Мудрой Меланиппой» или со второй редакцией «Ипполита». Однако связь трагика с воззрениями старших софистов была значительно более сложной, чем в этом убеждены отдельные последователи и в их числе И. Тренчени-Вальдапфель. Великий художник не был рядовым учеником, он самостоятелен в своем видении мира. Не вдаваясь в подробности, которые увели бы нас в сторону, отметим лишь, что уже в первых из дошедших до нас пьесах — «Алкестиде», «Медее», «Ипполите» — драматург выводит индивидов, живущих только в сфере личных чувств и переживаний. Таковы Адмет, Медея, Федра, которые по-своему воспринимают и извращают известную мысль Протагора: «Человек есть мера всех вещей». Поэтому никакие моральные нормы не удерживают их от эгоизма (Адмет), преступления (Медея) или от стремления сохранить в памяти потомков добрую о себе славу (Федра). Не ведет ли Еврипид здесь «спор» со старшими софистами? Не осуждает ли он через мифологическую образную систему индивидуализм? Вряд ли имеется основание видеть в великом и сложном художнике покорного иллюстратора.

Достоинством очерка об Еврипиде является то, что автор подчеркивает гуманизм художника,— мысль, которую исследователи часто высказывают робко, вполголоса. Между тем театр Еврипида — одно из ярких проявлений античного гуманизма или, пользуясь словами ученого, его драматургия — «манифест человечности» (стр. 238).

Не останавливаясь на главе об Аристофане, где автор преимущественно уделяет внимание теме мира и близости комедиографа нашей эпохе, перейдем к двум очеркам, пожалуй, самым интересным в книге — о «Дисколе» Менандра и Теренции. Известно, что до 1957 г., до опубликования В. Мартэном так называемого «Папируса Бодмера», наши представления о Менандре были относительно ограничены — о нем часто судили в соотношении с римской паллиатой как о мастере бытовой комедии, который избегал политических тем, злободневных намеков на общественную жизнь. Тонкий и наблюдательный художник-просветитель, он не сумел преодолеть статичности при изображении своих масок. И. Тренчени-Вальдапфель одним из первых в своих работах внес много нового в объяснение творческого метода Менандра. Образ Кнемона, как и весь конфликт в комедии, несет на себе конкретно-исторические приметы: его тяжелый характер не «задан» традицией маски,— его сформировали социальная действительность, «низость человечья», «корыстный ум людской» (стр. 319). Комедия была направлена на смягчение общественных противоречий, имущественное и социальное уравнение разных слоев свободного населения — горожан и сельских жителей. Обращают на себя внимание соображения об эволюции маски Кнемона, гуманизме комедиографа, его мастерстве психолога, воздействии его драматургии на последующее развитие западноевропейского театра.

С главой о «Дисколе» органически связана большая работа (стр. 328—393), посвященная Теренцию, творчество которого в течение всего XIX и в начале XX в. рассматривалось как мало оригинальное, эпигонствующее [5]. Лишь в последнее десятилетие в науке произошли перемены — стремление рассмотреть театр римского комедиографа не в соотношении

[4] W. Nestle, Euripides der Dichter der griechischen Aufklärung, Stuttg., 1901.

[5] Отзвуки этих взглядов встречаем и в наших изданиях. В «Истории римской литературы», Изд-во МГУ, М., 1959: «...его (Теренция. — *И. Д.*) целью было познакомить римскую публику с самыми блестящими образцами новоаттической комедии» (стр. 71). В «Истории римской литературы», Изд-во АН СССР, М., 1959: «Теренций был искусный... переделыватель греческих комедий», «... у него не было собственного творческого таланта» (т. I, стр. 108). Из новых работ см. также D. C. Earl, Terence and Roman Politics, «Historia», XI, 1962, стр. 469—485.

с Менандром, а как своеобразное явление национального театра. Большая заслуга в новом прочтении римского драматурга принадлежит автору книги. В ряде работ (см. библиографию) И. Тренчени-Вальдапфель решительно отверг эти взгляды и в своем очерке, представляющем определенный итог его изысканий, стремился, опираясь на факты исторической действительности, выявить те актуальные проблемы римской жизни, которые нашли отражение в паллиате. Для того чтобы установить своеобразные ее черты, автор обратился к истории римского перевода и пришел к выводу: до Катулла писатели не видели разницы между переводом и самостоятельным творчеством; поэтому нельзя требовать от художника абсолютной творческой свободы, *ибо она проявлялась не столько* в сюжете, сколько в его обработке, привнесении в него черт и дыхания римской жизни, своего взгляда на изображаемые конфликты и судьбы персонажей. Если у Плавта (блестяще сделан сопоставительный анализ «Дискола» и «Аулюлярии») романизация явно бросается в глаза, то Теренций чаще всего «снимает» греческий колорит. Тонкий анализ всех шести комедий убеждает, что драматург привносил в греческий оригинал актуальные политические мотивы. Характерен анализ «Свекрови». Комедия, на первый взгляд, далека от тенденциозности. На самом же деле тенденция комедии явно направлена против враждебно относившегося к кружку Сципиона консула Тита Манлия Торквата (комедия поставлена в год его консульства). Суровость в семье Манлия вошла в поговорку — Manlia imperia; предок консула имел прозвище imperiosus. О семье Манлия сообщают Цицерон, Тит Ливий, Саллюстий, Валерий Максим. В свете приведенных свидетельств, «семейная идиллия» в «Свекрови» противопоставлена severitas римской традиции. Постановка этой паллиаты была своеобразной пропагандой идей сципионовского кружка. Разумеется, подчеркивает исследователь, комедия была направлена против всей системы взглядов сторонников домостроевских нравов.

Заключают книгу два раздела—о Цицероне и Вергилии. Статья о Цицероне дает четкое представление о нем как политическом деятеле, ораторе и теоретике риторики. Автор объективно оценивает огромное значение мастера римской прозы, устанавливает его место в истории литературы, не преувеличивая и не умаляя его достоинств.

Завершает книгу глава «Вергилий». Сопоставляя «Энеиду» с гомеровским эпосом и отмечая связи и различия между поэтами, И. Тренчени-Вальдапфель композиционно как бы замкнул круг материала, избранного им для своего «Введения в античную литературу». Автор уделяет много внимания своеобразию и новаторству римской поэмы, где впервые эпос осваивает формы, обращенные в грядущее (стр. 407).

В заключение еще раз отметим, что книгу И. Тренчени-Вальдапфеля, несмотря на некоторые спорные положения и повторения (стр. 52—67, 178—198, 292—329—337, 300—340, 301—348—349), отличают тонкий анализ, талант популяризатора, умевшего писать ясно и просто, без удручающего академизма. Нашим издательствам следовало бы обратиться к ее переводу на русский язык, тем более, что подобных книг об античной культуре у нас мало. Это было бы и данью памяти большого друга нашей страны, крупного ученого-марксиста.

И. Л. Духин

H. MÜHLESTEIN, Die Etrusker im Spiegel ihrer Kunst, B., 1969, 324 стр.

В литературе, посвященной этрускам, сравнительно редко появляются труды, авторам которых удается сказать новое слово в кардинальных вопросах этрускологии. Чаще всего работы, претендующие на абсолютную новизну, оказываются на поверку слабыми и поверхностными. После бесчисленных неудачных попыток подобрать ключ к этрусскому языку научный мир относится с вполне понятным недоверием и к стремлениям дать универсальное объяснение явлениям этрусской истории и культуры. О том, что попытки такого объяснения, однако, возможны, свидетельствует рецензируемая работа, принадлежащая перу одного из старейших этрускологов и знатоков античного и европейского искусства. Книга эта, как явствует из предисловия издателей, написана довольно давно, но новизна материала побудила их выпустить ее без изменений.

Исследователи, склонные видеть в этрусках пришлый элемент, теперь обычно не затрагивают вопрос о гипотетических странствиях этрусков, поскольку эти странствия при нынешнем состоянии наших знаний не могут быть удостоверены источниками. Г. Мюлештейн, прежде считавший этрусков обитателями Северо-Западной Африки и прослеживавший их передвижения вместе с другими

«народами моря» [1], в новой своей работе начинает историю этрусков с появления на италийской почве группы отважных и предприимчивых основателей городов, выходцев из Эгейского бассейна. Следы их пребывания здесь он видит не только в известных античной традиции городах — Популонии, Ветулонии, Рузеллах, Вольцах, Тарквиниях, Цере,— но и в купольных гробницах, подобных тем, какие существовали в ту же эпоху на Крите и в Малой Азии.

Камнем преткновения для всех теорий, объясняющих происхождение этрусков и их связи с местным населением, оказывается древнейшая культура железного века в Италии — культура Виллановы. Ее первооткрыватель Дж. Гоццадини, раскопавший могильники Виллановы в 1853 г., приписывал их этрускам. Это мнение было отвергнуто А. Ценнони, который выявил два типа трупосожжений типа Виллановы и трупоположения культуры Чертозы. После того как Э. Брицио в Марцаботто открыл древнеэтрусскую Мизу, стало невозможно относить к этрускам более раннюю культуру Виллановы. В. И. Модестов приписал ее умбрам [2]. Эта точка зрения была аргументирована и развита школой археологов Болоньи (П. Дукати и др.) и французским историком А. Гренье [3]. С распространением в 20—30-х гг. нашего века теории автохтонности этрусков некоторые ученые вернулись к мнению Дж. Гоццадини, но, учитывая примитивные черты культуры Виллановы, стали именовать ее носителей протоэтрусками. Г. Мюлештейн, своеобразно сочетая взгляды автохтонистов и сторонников восточного происхождения этрусков, также говорит в этой связи о протоэтрусках, но полагает, что в Италии они были пришельцами.

Основой развития протоэтрусской культуры автор считает земледелие, знающее плуг с железным лемехом и новые для Италии культурные растения — виноградную лозу, оливковое дерево, кипарис и др. Вместе с тем проникновение протоэтрусков в глубь страны Г. Мюлештейн рассматривает как распространение городской культуры.

Переход к собственно этрусской культуре Г. Мюлештейн объясняет не вторжением какого-либо нового народа, а подъемом экономического благосостояния населения и развития морской торговли, в которой участвовали все этрусские города, находившиеся на известном отдалении от моря. Автор полагает, что не только Цере, город, имевший три гавани (Альско, Пирги, Пуникум), но и Ветулония, и Популония обладали торговым флотом. Контрагентами этрусков были, по его мнению, не только колонии Великой Греции и Карфагена, но и города Малой Азии, Египта, Крита (что, надо заметить, требует еще доказательств). Почему-то автор оставляет без внимания торговлю этрусков с племенами Центральной Европы и не выясняет ее значения.

Обширный раздел книги (стр. 19—43) посвящен этрусскому Риму. Отвергая тенденциозный и малоубедительный взгляд Ф. Альтхейма о решающей роли эллинского элемента в создании Рима [4], Г. Мюлештейн обобщает археологические, исторические и лингвистические данные, свидетельствующие о присутствии этрусков в Риме на заре его истории. При этом он считает, что традиция не содержит достоверных сведений о царях, предшествовавших трем последним, этрусского происхождения, так что Тарквиния Древнего, Сервия Туллия и Тарквиния Гордого правильнее было бы называть первыми правителями Рима. Эта точка зрения согласуется с показаниями археологии, согласно которым Рим как город возник около 575 г. до н. э. [5].

Следуя С. Мадзарино и его толкованию античной традиции [6], Г. Мюлештейн рассматривает правление Сервия Туллия как установление в Риме единоличной власти, опиравшейся на поддержку широких народных масс, а царствование Тарквиния Гордого — как восстановление аристократических порядков. Развивая это положение, автор приходит к выводу, что основатели римской Республики — Луций Юний Брут и Тарквиний Коллатин — были такими же этрусками, как Тарквиний Гордый, что, однако, не мешало им быть непримиримыми врагами деспотии лукумонов и носителями сервианско-демократических идей. Таким образом, падение царской власти в Риме Г. Мюлештейн рассматривает, вопреки широко распространенному в зарубежной науке мнению, не как победу римского национального начала над этрусским, а как торжество идей демократии, возникших в самом римско-этрусском обществе.

Вполне логичны соображения, приводимые автором для доказательства тезиса о ранней колонизации этрусками Лация (стр. 44 сл.). Рим трактуется как значительнейшая, но не древнейшая колония этрусков. Пренесте, занимавший выгод-

[1] Г. Мюлештейн, Историческое значение вопроса об этрусках, ВДИ, 1938, № 4, стр. 49 сл.; H. Mühlestein, Die Verhüllten Götter, München—Wien—Basel, 1957.

[2] В. И. Модестов, Введение в римскую историю, ч. 2, СПб., 1904.

[3] A. Grenier, Bologne villanovienne et Etrusques, P., 1912.

[4] F. Altheim, Römische Religionsgeschichte, I, Baden-Baden, 1951.

[5] E. Gyerstad, Early Rome, I—II, Lund, 1953, 1956.

[6] S. Mazzarino, Dalla monarchia allo stato repubblicano, Catania, 1945.

нейшую позицию на пути между Альбанскими горами и Кампанией, рассматривается автором как древнейший опорный пункт этрусков в борьбе против основанных около 750 г. до н. э. Кум. Основываясь на археологическом материале и на данных топонимики Г. Мюлештейн приходит к заключению, что во всяком случае западная часть Лация принадлежала этрускам еще до того, как был основан Рим.

Большое значение Г. Мюлештейн придает этрусскому владычеству в Кампании. В битве при Алалии он видит не случайную схватку тирренов с морскими разбойниками-фокейцами, а полный разгром морских сил греков, приведший — после 530 г. до н. э., когда этруски овладели Геркуланумом и Помпеями,— к утверждению этрусков в Кампании (стр. 54 сл.). На основании языковых данных Г. Мюлештейн считает этрусской колонией и Суррент. Поражение под Кумами, нанесенное этрускам тираном Аристодемом, он рассматривает как неудачу широкого сухопутного наступления этрусков на греческие колонии Кампании, но отнюдь не как начало крушения этрусского могущества. Напротив, «их могущество и власть укрепились как никогда» (стр. 56).

В подкрепление этого тезиса Г. Мюлештейн ссылается на серию вотивных этрусских надписей на сосудах типа буккеро из раскопок Майури под храмом Аполлона в Помпеях [7]. Это первая цельная — и наиболее древняя — группа этрусских надписей из Кампании.

В связи с этими вотивными надписями Г. Мюлештейн изучает вопрос о времени, когда этруски познакомились с культом Аполлона. Вопреки А. Майури, считавшему, что это произошло в VI в. до н. э. в Помпеях, автор убедительно показывает, что культ Аполлона и в Помпеях, и в Этрурии восходит к более древним догреческим, малоазийским представлениям и поэтому не может быть речи о перенесении культа Аполлона из Кампании в Этрурию (стр. 57).

Хотя автору были еще недоступны золотые таблички из Пирги, доказавшие наличие теснейших связей между Карфагеном и Этрурией в сакральной сфере, он, опираясь на литературные источники, устанавливает политическое значение этрусско-карфагенского союза. Ослабление Карфагена после битвы при Гимере (480 г. до н. э.) сделало Этрурию беззащитной перед коалицией греческих колоний, возглавлявшейся Сиракузами. Морская победа Гиерона Сиракузского над этрусками рассматривается Г. Мюлештейном как конец этрусской талассократии. А это означало конец заморской торговли, упадок экономического и политического могущества Этрурии. Однако этруски продолжали жить в Кампании рядом с греками, пока лавина самнитских племен не обрушилась с гор на равнину, сметая все на своем пути (стр. 59).

Особая глава посвящена Паданской Этрурии раннего железного века, представленной археологическими памятниками культур Villanovы, Галасекка, Эсте и др. Как уже говорилось, носителями культуры Villanovы в Северной Италии автор считает протоэтрусков, которые заняли эти места почти одновременно с захватом тирренского побережья. Таким образом, согласно Г. Мюлештейну, долина реки По была колонизована протоэтрусками раньше, чем Лаций и Кампания. Соответственно в колонизации Северной Италии выделяются два периода — протоэтрусский и этрусский (стр. 60 сл.).

Автор рассматривает проблему связи протоэтрусков с лигурами, которым приписываются свайные поселения на суше — террамары (стр. 64).

Касаясь отношений протоэтрусков с венетами, носителями культуры Эсте, автор высказывает предположение, что протоэтруски в своем продвижении на север в раннюю эпоху заняли побережье Адриатики, впоследствии заселенное венетами. Из этого района они вытеснили легендарных евганеев или ретов, к которым прилагалось имя евганеев. Ранними контактами этрусков с ретами Г. Мюлештейн объясняет этрусское влияние на последних в ономастике и топонимике. Оно ввело в заблуждение таких ученых, как Б. Нибур, Т. Моммзен и Э. Мейер, считавших, что этруски произошли от ретов (стр. 65 сл.). Таким образом, наш автор не просто отвергает ретийскую теорию происхождения этрусков (это делалось не раз), но пытается выявить систему отношений этрусков с северными племенами, неправильное толкование которой породило эту теорию.

Проблема падения этрусского могущества выделена автором в специальную главу (стр. 97—114). Наряду с политическими факторами исследуются социальные и экономические. Согласно утверждению Г. Мюлештейна, в V—IV вв. до н. э. к власти в этрусских городах приходит прослойка, разбогатевшая за счет торговли. Она постепенно вытесняет старые аристократические роды. Этот процесс не имеет ничего общего с сервианской революцией VI в. до н. э., которая превратила римских плебеев в самостоятельный класс. Напротив, новая знать была глубоко враждебна демократическим порядкам и считала своими союзниками римских патрициев. Отсюда — народная ненависть в Риме к этрускам, препятствовавшим демократическому развитию римского государства. Здесь же коренит-

[7] A. M a i u r i, Greci ed Etrusci a Pompei, «Atti della Reale Accademia Italia», ser. VII, vol. IV, fasc. 5, Rom, 1943, стр. 121.

ся и причина упадка этрусского могущества. Поражения этрусков в войнах V—IV вв. до н. э. были поражением обреченного на гибель аристократического родового устройства.

Пытаясь восстановить свое былое положение в Италии, господствующие круги этрусских городов, прежде всего земельная аристократия, усиливали эксплуатацию низов, этрусского плебейства. Это вело к социальным конфликтам, напоминавшим по своей остроте революционную борьбу римских плебеев в V в. до н. э. Но социальная борьба в этрусских городах не имела исторических перспектив и вела лишь к замене этрусских эксплуататоров римскими.

В подтверждение этой трактовки социальных отношений в Этрурии автор ссылается на изображения знаменитой фрески Франсуа в Вольцах. Фреска рассматривается как обращенный к современникам призыв подражать великому Мастарне (Сервию Туллию) в его борьбе против деспотии лукумонов и их союзников римских аристократов.

Во второй, основной части исследования дается анализ памятников этрусского искусства. В отличие от греческого искусства, для оценки которого исследователям всегда не хватало превосходных степеней, этрусское искусство в прошлом подчас расценивалось как явление второстепенное, как провинциальный отголосок непревзойденного эллинского искусства. Любое мало-мальски значительное произведение искусства, найденное в Этрурии, приписывалось греческим художникам или их местным ученикам. В этом отношении характерны оценки, которые были даны Дж. Джильоли им же открытым терракотовым статуям из Вей. Полный удивления перед мощью Аполлона его счастливый открыватель писал, что у статуи «греческий художественный тип» и что она была создана великим художником «греком, прибывшим на Запад, чтобы приспособить формы своего искусства к склонностям и вкусам людей, оказавшим ему гостеприимство, или, что также возможно, этруском или италиком, прошедшим школу мастерства у греков» [8]. Отрицательная реакция на эту грекоманию в оценке этрусского искусства сказалась на трудах П. Дукати, М. Паллотино, А. Риса [9]. Но ни один из исследователей этрусского искусства не порывает так решительно с преувеличенными оценками греческого влияния, как Г. Мюлештейн. Этруски рассматриваются и как осколок погибшего эгейского мира, и соответственно развитие их искусства характеризуется в значительной мере при помощи сравнений с достижениями минойского Крита. В противовес обычному делению этрусского искусства на периоды: ориентализирующий, классический, период упадка и эллинистический, автор предлагает свою периодизацию. Начало первой эпохи — протоэтрусской — подтянуто к X в. до н. э., т. е. почти непосредственно ко времени существования ахейского критского государства, пришедшего на смену минойскому. В других известных нам трудах изложение истории этрусского искусства начинается с памятников VIII—VII вв. до н. э. История собственного этрусского искусства по Г. Мюлештейну охватывает период с 720 г. до н. э. до I в. до н. э. и подразделяется автором на пять эпох: идейскую, дедалову, архаическую, позднеархаическую, эллинистическую. Эта периодизация, сколь странно бы ни звучали названия отдельных эпох, основывается на глубоком анализе материала искусства, включающего памятники живописи, скульптуры и торевтики (архитектура этрусков в труде Г. Мюлештейна не нашла освещения).

Не давая развернутого анализа стиля так называемой керамики Виллановы [10], автор делает ряд любопытных замечаний об этрусском геометризме. В то время как греки из примитивного, в известной степени естественного, геометризма смогли выработать высокохудожественный стиль, этруски застали примитивный геометризм как италийское наследие эпохи бронзы и раннего железа и использовали его лишь как исходный пункт для создания оригинальной техники чеканки бронзы, составляющей особенность искусства Виллановы. Автор выявил, что для искусства Южной Этрурии характерно изображение птицы из терракоты, а для Паданской Этрурии—бронзовая птица и бронзовый кораблик. Птица, терракотовая и бронзовая, представляет собой трактовку известного в эгейском искусстве религиозного мотива «птицы-души», переселяющейся в подземное царство. С верованиями в переселение душ связано и появление в искусстве кораблика, на борту которого нередко изображаются птицы, олени и другие животные. Анализируя многочисленные памятники этого типа, Г. Мюлештейн находит возможным признать известное единство религиозных представлений протоэтрусков Южной и Паданской Этрурии (стр. 123 сл.).

Рассмотрение этих памятников позволяет автору отказаться от некоторых принятых в науке определений. Так, бронзовые кораблики из Ветулонии считались экспортом из Сардинии, где распро-

[8] «Notizie degli Scavi», 1919, стр. 28 сл.

[9] P. Ducati, Storia dell' arte etrusca, I—II, Firenze, 1927; M. Pallottino, La peinture etrusque, Geneva, 1952; P. Riis, An Introduction to Etruscan Art, Kopenhagen, 1953.

[10] См. A. Akerström, Der Geometrische Stil in Italien, «Acta instituti Romani Regni Sueciae», 1943.

странены подобные типы изделий [11]. Анализ фигурок животных и техники их изготовления приводит автора к выводу, что это типично этрусские произведения искусства (стр. 127 сл.).

Идейская эпоха (720—660), с которой начинается собственно этрусское искусство, получила название по горе Ида на Крите. Это название, по мысли автора, должно подчеркнуть свойственное этой эпохе смешение всех элементов минойско-эгейского и восточного происхождения в особый стиль, преизбытком форм напоминающий европейское барокко. Этому стилю принадлежат многочисленные сосуды буккеро, украшенные фигурками фантастических зверей или реальных животных и птиц, а также украшения из драгоценные металлов. Рассматривая технику грануляции, которую нередко считают изобретением этрусков, автор подчеркивает, что эта техника имеет очень древнюю историю; в Этрурию она пришла непосредственно из Крита, где с ее помощью изготовлялись браслеты и другие украшения (стр. 134 сл.)

Причиной отсутствия монументальной живописи в идейскую эпоху автор считает захоронение покойников в скальных гробницах, стены которых не представляли идеально гладкой поверхности.

Название дедаловой эпохи (660—550) также должно говорить о влиянии Крита на искусство Этрурии. Влияние это распространяется на все области искусства, но в первую очередь на пластику. Г. Мюлештейн датирует статуи из известняка (Tumulo del Pietrero) 660 г. до н. э., тогда как древнейшие аттические куросы, по его мнению, относятся к 620—600 гг. до н. э. На этом основании он считает невозможным говорить об аттическом влиянии на этрусскую каменную пластику и говорит о критском. Последнее он прослеживает и на этрусском оружии, формы и украшения которого считает типично критскими. Изображение тронов на кьюзинских канопах он сравнивает с медалями тронов из критских погребений.

Архаическую эпоху в истории этрусского искусства Г. Мюлештейн относит к второй половине VI — первой половине V в. до н. э., различая два ее периода: раннюю и позднюю архаику. В начале раннеархаического периода законодательницей искусства была школа в Вольцах, создавшая такие памятники, как Аполлон из Вольцев и Минерва из Вольсиний.

Эти произведения, созданные в традиционной для архаики манере, по мысли автора, лучше всего отвечают консерватизму эпохи, предшествовавшей времени Сервия Туллия с его социальными потрясениями. Сопоставляя Аполлона из Вей с корами Афинского акрополя, Г. Мюлештейн замечает, что в греческом искусстве конца VI в. до н. э. не было произведения, приближающегося к шедевру этрусской пластики с его динамикой и выразительностью (стр. 214 сл.).

Считая бесспорным, что Аполлон, Гермес, Латона вышли из одной мастерской в Вейях, автор не решается приписывать эти произведения одному мастеру (стр. 221 сл.). На основании фрагментов терракот из Фалерий (Чивита Кастеллана), Сатрика (Конка) он пытается установить стилистические и художественные особенности школы коропластов в этих городах (стр. 223 сл.), роль греческого влияния, показывая, как в мелкой пластике и рельефах были продолжены художественные традиции протоэтрусской эпохи.

Наряду с мелкой бронзовой пластикой архаической эпохи в книге рассматривается каменная скульптура, которая в это время занимала в собственно Этрурии второстепенное место, за исключением района Кьюзи. Там камень стал главным материалом для скульпторов. Из него изготовляли огромные вместилища для праха в форме сидящей человеческой фигуры со съемной головой. Эти монументальные портреты рассматриваются автором как развитие начал каменной пластики дедаловой эпохи с использованием тех гениальных открытий в трактовке характера, какие были сделаны коропластами (стр. 253 сл.).

Изложение истории этрусской живописи, охватывающей шесть веков развития (VII—I вв. до н. э.) в рамках такого общего труда, как рецензируемая книга, было делом весьма трудным даже в отношении выбора материала. Автору пришлось ограничиваться оценкой тех произведений, которые, с его точки зрения, выражают специфику определенной эпохи или важнейшие особенности художественного восприятия этрусков, и отказаться от детальной оценки столь значительного (насчитывающего сотни изображений) комплекса живописных произведений как фрески Тарквиний.

Начало этрусской живописи Г. Мюлештейн относит к последней четверти VII в. до н. э., а ее первыми памятниками считает настенные фрески гробниц в Цере — Tomba dei Leoni dipinti и Tomba degli Animali dipinti. Изображение человека и львов рядом с ним по мнению автора, восходит к древневавилонскому искусству, переданному этрусским художникам через финикийцев (стр. 166 сл.).

[11] C. Giglioli, L'arte etrusca, Milano, 1935, стр. 6. Впрочем, Дж. Песче считал, что кораблики имеют этрусское происхождение и служат свидетельством этрусско-сардского направления в искусстве (G. Pesce, Die Sardische Kultur der Nuragenzeit, «Prähistorische Bronze aus Sardinien», Zürich, 1954, стр. 19).

Фрески Grotta Campana в Вейях автор относит к более позднему времени (конец VII в. до н. э.) и видит в них первый триумф типичного этрусского реализма в искусстве, несмотря на сохранение известной диспропорции форм и несоответствия гаммы красок реальным цветам предметов (стр. 170 сл.).

Анализ архаического периода этрусской живописи Г. Мюлештейн начинает с обстоятельного рассмотрения расписных плит Бокканера и Кампана из гробниц в Цере (первые в Британском музее, вторые—в Лувре). Характерную особенность всего периода, проявляющуюся и в этих памятниках, автор видит в том, что человек как объект изображения занимает уже главное место. Предмет подавляющего большинства всех изображений — жизнь людей в бытовой и сакральной сферах. Автор подчеркивает, что в этрусской живописи архаической эпохи мифологический элемент занимает второстепенное место. Лишь в позднюю эпоху живописи Тарквиний (IV—III вв. до н. э.) у художников появляется интерес к греческому подземному миру: рядом с греческими героями мы видим многочисленных этрусских демонов. Сильнее всего мифологическое восприятие мира отразилось, по мнению автора, в фресках левой стены гробницы Франсуа в Вольцах, той самой, где мы находим единственное в своем роде воспроизведение реальных событий этрусской истории.

Таким образом, взамен греческого влияния, которое искусствоведы считали мерилом развития этрусской живописи, Г. Мюлештейн избирает критерием место, занимаемое в живописи человеком, и соотношение реального и мифологического элементов.

К наиболее удачным в книге принадлежат оценки памятников последних десятилетий самостоятельного существования этрусской государственности и римского господства (III—II вв. до н. э.). Давно уже известно, что это период расцвета этрусского искусства, поднявшегося на недосягаемую высоту. Остается загадкой, почему именно в это полное отчаяния и кровавых столкновений время этрусским мастерам удается создать подлинные шедевры реалистического искусства. Автор не ищет социологических объяснений этого феномена, а прямо вводит читателя в сложный психологический мир образов этрусской живописи и пластики [12].

[12] Некоторые образы, по мнению автора, предваряют стилевые особенности, появившиеся много столетий спустя в фигурах Джотто и Мазаччо (стр. 300). Следует отметить, что для автора эти смелые сопоставления — не просто прием, позволяющий охарактеризовать художественные особенности древнего искусства. Перу Ганса Мюлештейна принадлежит специальный труд, в котором он отстаивает парадоксальный тезис о том, что культура Возрождения в Тоскане XII—XV вв. обязана своим расцветом этрусскому народу, создавшему на этой же территории, но в других исторических условиях столь же свежее и новое искусство (M ü h l e s t e i n, Die Verhülter Götter). Искусство Возрождения, по утверждениям автора, сливается из двух наследий — этрусского и иранско-богомильского.

Излагая содержание труда Г. Мюлештейна, мы уже отмечали, что автор, поставивший цель представить общую картину развития этрусского искусства в связи с историческими судьбами этрусского народа, мог рассмотреть лишь ограниченное число произведений этрусской пластики, живописи и торевтики. Выбор этих произведений в общем представляется нам правильным. Однако трудно объяснить умолчание о целых видах искусства, например, об архитектуре и о группах памятников — прежде всего — об изображениях на зеркалах. Эти последние необходимы, чтобы судить о соотношении реального и мифологического элементов в этрусском искусстве и о характере греческого влияния. У читателя может создаться впечатление, что автор не остановился на этой группе памятников, поскольку она не укладывалась в схему, отводящую греческому влиянию второстепенное место.

Исследователю этрусского искусства в последнее время приходится все чаще сталкиваться с проблемой подлинности ряда памятников [13]. Г. Мюлештейну известны споры, возникшие вокруг Коры из Копенгагена (стр. 224) и Артемиды из Фалерий (стр. 282), но не входя в их существо, он рассматривает все терракотовые скульптуры как подлинные и более того канонические произведения архаического периода этрусского искусства. Не вызывает сомнений у автора и подлинность гигантских терракотовых фигур музея Метрополитен в Нью-Йорке (стр. 279). Это приходится отнести к недостаткам рецензируемой работы.

В заключение отметим, что несомненную заслугу автора надо и видеть в самой попытке рассмотреть искусство в тесной связи с социально-экономической историей. (Может быть, в этой попытке сказалось известное воздействие марксистских идей на автора, как и в рассеянных по книге замечаниях о рабовладельческих отношениях в древнем мире, об ограниченности афинской демокра-

[13] Есть даже специальные работы о создателях фальшивок: W. L u s e t t i, Alceo Dossena scultore, Roma, 1955; W. M a r t e n s, Alceo Dossena, Der Roman eines Genialen Fälscher, Dresden, [б. г.]; E. P a u l, Die falsche Göttin, Lpz, 1962.

тии — см., например, стр. 290.) При этом автор далек от примит ивного социологизма и стремления вывести те или иные явления искусства непосредственно из экономики или социальных отношений. Автор стремится не только научно объяснить развитие этрусского искусства, но и дополнить с помощью анализа его памятников то, что известно об этрусках из других источников.

А. И. Немировский

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРИЯХ В ФУКИДИДОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

(Фукидид и Афинская держава)

Наивысшим достижением античной историографии, образцом беспристрастного исследования обычно признается сочинение Фукидида. Между тем именно труд Фукидида рассматривается в последние десятилетия прежде всего под углом «партийности» историка. Начало этому было положено работой Шварца [1]. Продолжая изучение так называемого «фукидидовского вопроса», выдвинутого Ульрихом [2], Шварц попытался выделить разновременные части сочинения Фукидида и, исходя из этого, проследить этапы становления самого историка: к ранней стадии он относил побуждающую к войне речь коринфян и предостерегающую от нее речь Архидама, а к поздней (после падения Афин) — имеющие соответственный характер речи Стенелаида и афинских послов. Последняя пара, по его мнению, исключала первую и должна была заменить ее при окончательной редакции «Истории», не законченной Фукидидом (ук. соч., стр. 108). Тем самым «вина войны» переносилась с Коринфа на Спарту и одновременно от нее освобождались Афины. Историческое изображение тем самым превратилось у Фукидида в апологию родного полиса (ук. соч., стр. 133).

Если крайности Шварца и его последователей в изучении «фукидидовского вопроса» в значительной степени были преодолены уже самими аналитиками [3], то представление о Фукидиде как апологете Афин и афинского «империализма» находило все большее признание [4]. Правда, большинство ученых смущали циничные заявления афинян в митиленских дебатах и в мелосском диалоге, где позиция афинян всецело основана на принципе выгоды и теории права сильного. Поэтому обычно Фукидида объявляли сторонником так называемого «умеренного империализма» Перикла, считая, что он проводил резкую грань между принципами политики Перикла и его преемников [5].

Концепция «умеренного империализма» Перикла, защищаемого Фукидидом, основывается на данных речи афинских послов в Спарте (I, 73—78). Цель этой речи видят в оправдании афинской политики, в показе того, что афиняне владели всем справедливо и на законном основании [6]. Между тем, внимательный анализ данной речи показывает, что выраженные здесь политические максимы афинян ничем не отличаются от принципов афинской политики, отраженных в мелосском диалоге [7].

---

[1] E. Schwartz, Das Geschichtswerk des Thukydides, Bonn, 1919.

[2] F. W. Ullrich, Beiträge zur Erklärung des Thukydides, I—II, Hamburg, 1845—1846.

[3] См. в особенности R. Zahn, Die erste Periklesrede, Diss., Lpz, 1934.

[4] F. Taeger, Thukydides, Stuttg., 1925; F. Bizer, Untersuchungen zur Archäologie des Thukydides, Diss., Tübingen, 1937; F. M. Wassermann, The Melian Dialogue, TAPhA, 78, 1947, стр. 18 слл. и т. д.

[5] Литература последнего рода весьма многочисленна. Для примера см. J. de Romilly, Thucydide et l'imperialisme athenien, P., 1947; J. H. Finley, Thucydides, Cambr. Mass., 1947; W. Schmid — O. Stählin, Die griechische Literatur, V, 2, 2, München, 1948; A. Piatkowski, Das Faustrecht in der griechischen Literatur von Hesiod bis Thukydides, «Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums», Budapest, 1968, стр. 20 слл.

[6] G. Deininger, Der Melier-Dialog, Diss., Erlangen, 1939, стр. 59 сл.; de Romilly, ук. соч., стр. 203 сл. и др.

[7] Мелосский диалог неоднократно подвергался анализу. Кроме указанной литературы, см. E. Braun, Nachlese zum Melier-Dialog «Jahresh. d. Österr. Arch. Inst.», 40, 1953, Beibl., стр. 231 слл.; J. Meautis, Les dialogue des Atheniens et des Meliens, REG, 48, 1935, стр. 250 слл.: J. Scharf, Zum Melien-Dialog des Thukydides, «Gymnasium», 61, 1954, стр. 504 слл.

Речь афинских послов помещена у Фукидида после выступления коринфян. Самой речи Фукидид предпосылает небольшое введение (I, 72), в котором поясняет обстоятельства и задачу выступления афинян. Он указывает, что во время собрания пелопоннесских союзников в Лакедемоне случайно находилось прибывшее по другим делам афинское посольство. Узнав о нападках спартанских союзников, оно решило выступить перед лакедемонянами, но вовсе не с целью защиты от тех обвинений, которые возводили на афинян их противники, а чтобы показать лакедемонянам, что им не следует принимать поспешного решения, а нужно поглубже вникнуть в положение дел. Вместе с тем афинские послы желали дать понять, как велико могущество их государства, старались напомнить о том, что им было известно, а младшим поведать, чего они не знали.

Следовательно, цель афинской речи, по указанию самого Фукидида, состояла в предостережении Спарты от поспешного развязывания войны. Дополнительно (καὶ ἅμα) афиняне хотели показать мощь их государства, что несомненно должно было служить той же задаче предостережения спартанцев. Решающим для понимания целенаправленности речи является то, что Фукидид еще раз от своего имени указывает именно на это намерение афинян: «Таким образом послы рассчитывали своими речами склонить лакедемонян скорее к сохранению мира, чем к войне» (I, 72,1).

Дважды повторенное авторское объяснение цели выступления афинян в третий ряд появляется уже в самой речи послов. Они указывают в начале речи, что выступают не для ответа на жалобы союзников Спарты, а для того, чтобы, доверяя союзникам, спартанцы в важном деле не приняли поспешно невыгодного решения. Кроме того, здесь, как и в предисловии Фукидида, указана дополнительная тема речи. Афиняне хотели еще показать, что они владеют своими приобретениями не «без понятных оснований» [8] и что их город достоин уважения (I, 73,1). Определив задачу своего выступления, послы переходят к ее выполнению. Они показывают спартанцам, сколь многим обязана им Греция, а значит и сама Спарта, в персидских войнах. И теперь уже сами послы подчеркивают, что дополнительная тема речи — изображение заслуг Афин — служит основной цели предостережения спартанцев. О своих заслугах афиняне говорят не столько с целью оправдания, сколько для того, чтобы показать, с каким государством спартанцам предстоит борьба, если они не склонятся к благоразумному решению (I, 73,3). Это им несомненно удается. Когда афиняне, например, указывают, что они не прекратили борьбы даже тогда, когда их город был занят персами, но поднялись на суда и продолжали борьбу до победы, то эта скрытая угроза не могла быть не понята спартанцами: если Спарта решится на войну, Афины будут бороться до конца [9]. Таким образом, первая часть речи (I, 73—74) полностью отвечает основной задаче, поставленной афинскими послами.

Не менее четко мотив предостережения спартанцев звучит во второй части речи (I, 75—77), где возникновение и существование афинской державы получает теоретическое обоснование. Афины получили власть без насилия. После того как спартанцы отказались от дальнейшей борьбы с персами, союзники сами обратились к афинянам и предложили им гегемонию (I, 75,2).

Став гегемоном, Афины самим ходом дел были вынуждены довести свою власть до состояния господства. Всякое наделенное властью государство подчиняется особым законам в своей жизнедеятельности. Афиняне называют три фактора, которые предопределили их поведение как носителя политический власти: страх, честолюбие и собственная выгода (I, 75,3). После того как гегемония превратилась в принудительную власть, ослабление ее было уже небезопасным, так как большинство союзников относилось к афинянам с ненавистью, а некоторые даже отложились и были покорены силой (I, 75,4) [10]. Поэтому, принимая перед лицом величайших опасностей полезные для себя меры, Афины не делали ничего предосудительного (I, 75,5). Так, спартанцы, пользуясь гегемонией над государствами Пелопоннеса, дали им ту организацию, которая была полезна для лакедемонян. Если бы Спарта оставалась во главе союзников и была поставлена перед выбором между отказом от гегемонии, связанным с опасностью, и насильственным удержанием власти, то она поступила бы точно так же, как Афины, а следовательно, возбудила бы такую же ненависть у союзников (I, 76,1).

Далее в речи следует, как было объявлено ранее (I, 73,1), теоретическое обоснование того, что афиняне «не без понятных оснований» владеют своей державой. В их поведении, указывают афи-

[8] В тексте стоит οὔτε ἀπεικότως. Обычно это выражение переводят «по праву», чем создается основание видеть здесь стремление афинян к оправданию их господства. Данный у нас перевод подтверждается другими примерами из Фукидида: II, 8,1; VI, 55,2; VIII, 68,4. См. H. P. S t a h l, Thukydides, «Zetemata», 40, 1966, стр. 45.

[9] Тот же самый прием предостережения спартанцев выступает также в первой речи Перикла (I, 143,5)

[10] Соответствующее заявление содержится в третьей речи Перикла (II, 63,3).

няне, нет ничего странного или противоестественного, когда они приняли предложенную власть и не выпускают ее из рук под влиянием могущественных стимулов: честолюбия, страха и выгоды. С другой стороны, не они первые ввели такой порядок, а искони существует то, что более слабый притесняется более сильным. Вместе с тем, они считают себя достойными власти и таковыми казались до сих пор спартанцам. Только теперь, преследуя собственные интересы, спартанцы взывают к справедливости, а она еще никем не противопоставлялась стяжанию грубой силой, когда представлялся тому случай, и ради нее никто еще не забывал своих выгод (I, 76,2). Таково содержание второй части речи. Оно не только отвечает стремлению показать закономерность существования афинской державы, но и соответствует основной цели речи — предостережению спартанцев. Это предостережение звучит с высокомерной позиции права сильного [11].

В последующей части тон афинской речи принимает характер острой издевки. Афиняне заслуживают скорее похвалы, заявляют послы, поскольку, по свойству человеческой природы устремясь к власти, они оказываются более справедливыми, чем могли бы быть по своей силе (I, 76,3). В качестве примера своей умеренности афиняне указывают на равноправие в судебных процессах с союзниками (I, 77,1). Другие правители пользуются властью над подданными с меньшей умеренностью. Ведь кто имеет возможность пустить в ход силу, тому вовсе нет нужды обращаться к суду (I, 77,2). Однако откровенное обозначение здесь «равноправных» с Афинами союзников «подданными» (ὑπήκοοι) ясно показывает действительные отношения в державе. Афины могли для престижа позволить себе роскошь формального равноправия и как раз потому, что твердо держали власть в своих руках. Но если бы дело коснулось важных интересов, Афины не преминули бы пустить в ход силу. В этом не оставляют никакого сомнения ни посланники, ни сам Фукидид (I,98, 4; 99,1).

Подданные должны еще радоваться, продолжают послы, что афиняне с самого начала не пренебрегли всяким законным порядком. Хотя это нужно было бы сделать, так как несправедливость больше раздражает людей, чем насилие: первая, исходя от равного, кажется посягательством, а второе, исходя и от сильнейшего, представляется необходимостью (I, 77, 3—4). Далее афиняне без обиняков заявляют, что они заняли место общегреческого врага—персов: «Так, под властью персов союзники терпеливо переносили более тяжкие притеснения, а наше господство они находят тягостным, и это понятно: настоящее всегда тяготит подданных» (I, 77,5).

Таким образом, рассмотрение содержания речи афинских послов в Спарте показывает, что основная ее цель заключалась не в оправдании афинского господства, а в предостережении Спарты от развязывания войны. Кроме того, оно позволяет говорить о тождественности выраженных здесь политических принципов с принципами мелосского диалога. В обоих случаях афиняне заявляют, что они по праву получили гегемонию над союзниками. Это право обосновывается большими заслугами Афин в персидских войнах. Но в речи послов в Спарте демонстрация доблести афинян и могущества их сил в соответствии с целью предостережения спартанцев занимает весьма значительное место. В случае с Мелосом в этом не было необходимости, и афиняне не останавливаются на периоде персидских войн. Следовательно, это различие объясняется изменением ситуации и цели выступления афинян, а отнюдь не изменением их политики в сторону полного отказа от морально-правовых принципов [12].

Общая тенденция развития отношений в афинском морском союзе приводит к превращению его в державу. Афинские союзники становятся подданными, а сами Афины из гегемона превращаются в господствующее государство. Эта тенденция, как указано в речи афинских послов, была предопределена тремя стимулами: честолюбием, страхом и выгодой. В мелосском диалоге дается не широкое историческое полотно, а отдельный пример из политики Афин. В данном случае их поведение определяется выгодой и страхом — страхом перед союзниками. Самостоятельное существование Мелоса подрывало у союзников представление о могуществе афинян, уменьшало их страх перед Афинами, и этого боялись афиняне. Понятие τίμη отсутствует в объяснении поведения Афин в случае с Мелосом. Но могло ли оно здесь выступать, и разве поведение в конкретной политической ситуации должно определяться сразу всеми жизненными стимулами? Отсутствие его здесь отнюдь не означает, что Афины перестали им руководствоваться после смерти Перикла. Да и само оно вовсе не является показателем того благородства Афин времени Перикла, которое ему приписывают некоторые ученые [13]. Τίμη — это скорее не столько честь, сколько честолюбие, нередко стоящее на грани перехода в гибрис. Свое господство афиняне считают естественным,

[11] См. Stahl, ук. соч., стр. 48; A. W. Gommes, A Historical Commentary on Thucydides, I, Oxf., 1945, стр. 253 сл.

[12] Так считал, например, Дейнингер (ук. соч., стр. 11).

[13] См. Romilly, ук. соч., стр. 214 сл.; Finley, ук. соч., стр. 127 сл.

обосновывая его в обоих случаях извечным законом, по которому слабый должен подчиняться сильному. Господство над слабым в то же время не должно исключать проявления к нему умеренности. Полное совпадение политических тенденций Афин в мелосском диалоге и в речи послов в Спарте исключает представление о существовании особой стадии «умеренного империализма» Перикла. А это еще раз показывает, что в данной речи Фукидид не стремится к оправданию афинского господства.

Характеристика политики Афин, при этом вложенная Фукидидом в уста самих афинян, выступающих к тому же на международной сцене, породила еще одно направление в оценке творчества Фукидида. Немногочисленные сторонники этого направления видели в нем противника афинской архэ и критика агрессивных устремлений своего полиса. Наиболее крайние из этой группы считали даже, что историк искажал историческую действительность, сгущая краски в обрисовке взаимоотношений в афинской державе [14]. Работы указанного направления в недавнее время пополнились монографией Бергера [15]. Хотя все основные положения демократической идеологии V в. до н. э., оправдывавшей существование афинской державы, взяты Бергером именно из сочинения Фукидида, самого историка он считал врагом афинской демократии и созданной ею державы.

Значительное влияние на концепцию Бергера оказала известная статья Штрасбургера [16]. Сам Штрасбургер, правда, занимал несколько более умеренную позицию, чем это представлено в работе Бергера (ук. соч., стр. 259). В конечном итоге он не отрицал у Фукидида теплых чувств к родному городу и даже восхищения им, правильно отмечая, что Фукидид признавал политику афинян закономерной, проистекающей из естественных мотивов, движущих каждым человеком и государством (ук. соч., стр. 38 сл.). Штрасбургер не отрицал даже того, что нарисованная Фукидидом картина взаимоотношений в афинской державе соответствовала действительности. Идея его работы состоит в том, что отмеченная выше характеристика политических принципов Афин и их взаимоотношений с союзниками не могла содержаться в официальных речах афинских должностных лиц. По мнению Штрасбургера, к периоду Пелопоннесской войны в Афинах уже выработалось политическое самосознание, основным элементом которого было представление о благодетельной роли Афин в истории Греции. Содержание этого представления для V в. до н. э. сводилось к следующему. В персидских войнах Афины показали себя достойными стать гегемоном Эллады, т. е. ее военным и политическим руководителем. Гегемония Афин и могущество их сил были счастьем и спасением для Греции. В свою очередь, всякий подрыв могущества Афин представлял собой общеэллинское несчастье (ук. соч., стр. 24). Именно эти идеи, как считал Штрасбургер, и должны были использоваться для внешнеполитической пропаганды. Фукидид, вскрывая истинные мотивы поведения афинян, настолько вытравил в своих речах следы политической пропаганды, всевозможные фразы о любви к ближнему и свободе эллинов, что без помощи другой традиции нельзя было бы узнать об ее существовании. Эта традиция представлена в эпитафиях Лисия и Демосфена, в «Менексене» Платона, в «Панафинейской речи» и «Панегирике» Исократа и, наконец, в законченном виде в «Панафинейской речи» Элия Аристида. Существование ее в V в. до н. э. Штрасбургер доказывал тем, что она не могла самостоятельно возникнуть у ораторов IV в. до н. э. вопреки авторитету Фукидида. Она могла быть лишь усвоена ими в готовом виде из V в. до н. э.

Существование в Афинах в V в. до н. э. четко выработанного политического самосознания не подлежит сомнению. Отражение его мы находим в канонизированном виде уже у Геродота и в аттической трагедии V в. до н. э. [17]. Согласно этому самосознанию идеалами Афин было почитание богов, справедливость и свобода. С древнейших времен афиняне выступали как благодетели всего эллинского народа, друзья и защитники слабых и несправедливо обиженных, освободители угнетенных, враги и усмирители всех нарушителей нравственного порядка. Для доказательства этого использовался стереотипный ряд примеров, широко употреблявшихся в греческой литературе. Наиболее характерны из них следующие.

Из всех эллинов одни афиняне были автохтонами. Они не должны были изгонять прежних жителей, чтобы поселиться самим. Поэтому справедливость заложена уже в основе их и только их исторического существования. Еще в древнейшее время милостью богов им

---

[14] См. G. F. Abbot, Thucydides, L., 1925, стр. 149 сл.; A. Zimmern, Solon and Croesus, Oxf., 1928, стр. 81 сл.—Thucydides the Imperialist.

[15] А. К. Бергер, Политическая мысль древнегреческой демократии, М., 1966.

[16] H. Strassburger, Thykydides und die politische Selbstdarstellung der Athener, «Hermes», 86, 1958, стр. 17—40.

[17] Herod., VII, 161,3; VIII, 142,3; 144; IX, 27; Aischyl., Eleus.; Sophokl, Triptolem, Oid. Kol., 1125 слл. и т. д.

было суждено стать благодетелями всего человеческого рода, ибо, найдя в Аттике гостеприимный прием, Деметра подарила Триптолему колос и обучила его искусству земледелия. Из Аттики оно распространилось до отдаленнейших варварских народов. В героической борьбе афиняне неоднократно обороняли Грецию от вторжения огромных варварских орд: амазонок, фракийцев, скифов. Они защитили детей Геракла от преследования Эврисфея и сделали возможным возвращение Гераклидов. Выступив бескорыстными защитниками умоляющих вдов, афиняне добились почетного погребения «семи», павших под Фивами. Свобода, передовыми борцами которой всегда были афиняне, царит в их собственной стране, начиная с древнейших времен, когда Тесей ввел в Афинах демократию. С мифологических времен традиция, опуская период конституционной борьбы и тирании, сразу переходит к началу V в. до н. э. Но зато тем больше авторы останавливаются на панегирическом изображении заслуг Афин перед Элладой в персидских войнах. Внимание при этом фокусируется на битвах при Марафоне и Саламине. Остальные сражения освещаются короче. Героическая оборона спартанцев при Фермопилах упоминается бегло, иногда совсем замалчивается или даже критикуется как бессмысленное в военном отношении кровопролитие. Широкое признание доказанной при Саламине способности афинян к предводительству в морской войне обеспечило им гегемонию над греческими государствами в дальнейшей борьбе с персами.

Эта традиция хорошо известна Фукидиду и в своей второй части широко использована в речи афинских послов в Спарте (I, 73,2—I, 75,1). Традиция мифического времени лишь слегка затрагивается в эпитафии Перикла (II, 36,1), а послы в Спарте совсем отказываются от ее использования, не желая говорить о событиях очень давних, свидетелем которых оказывается не столько собственное наблюдение слушателей, сколько отголоски передаваемых им рассказов (I, 73,2). В данном случае несомненно сказался известный скептицизм Фукидида в представлениях афинян о далеких временах. Характеристика политики Афин в период их гегемонии нам уже известна. Она, конечно, не могла стать предметом государственной гордости. Но существовала ли вообще к началу Пелопоннесской войны официальная версия о периоде пентаконтаэтии в том виде, в каком ее представлял Штрасбургер? В источниках V в. до н. э. мы ее не находим. Посмотрим теперь, как выглядит традиция об этом периоде в торжественных речах более позднего времени, насколько она независима от Фукидида и действительно ли ее можно возвести к V в. до н. э.

Первой по времени создания из этих речей является «Эпитафий» Лисия [18]. Описание периода афинской гегемонии здесь построено следующим образом. Вначале Лисий указывает, что афиняне 70 лет владычествовали над морем, и среди союзников их не было внутренних междуусобий (55). Происходило это «потому, что афиняне не требовали того, чтобы народная масса была в рабстве у немногих, а заставляли всех иметь равные права: они не ослабляли союзников, но делали и их сильными...» (56) [19]. Основная идея этой фразы, как правильно отмечено Диллером [20], заимствована Лисием из Фукидида. Обращаясь к акарнанам, Брасид указывал, что он сулил бы им сомнительную свободу, если бы вздумал подчинять большинство меньшинству или наоборот меньшинство — большинству (IV, 86,4). Из предоставления всем гражданам союзных городов равных прав уже в качестве следствия вытекало усиление, а не ослабление союзников.

В дальнейшей части восхваление афинской гегемонии носит ретроспективный характер к изображению периода после ее падения. Характеризуя его, Лисий указывает, что уже спустя немного времени после поражения афинян обнаружилось, что могущество их города было благом для Эллады (58). «Когда во главе ее стали другие, то победили эллинов на море, те, которые прежде не осмеливались вступать в Эгейское море: они поплыли в Европу; города эллинские попали в рабство: в них утвердились тираны...» (58).

Соответственно в период афинской гегемонии персидский царь не пытался завладеть чужими землями, а отдал часть своих и боялся за остальные свои владения (56). «В то время военные суда не приходили из Азии, не возникали тирании в Элладе, ни один эллинский город не был порабощен варварами...» (57).

Диалог Платона «Менексен» длительное время рассматривался как сатирическая пародия на предшествующие ему эпитафии афинских ораторов, безудержно восхвалявших заслуги родного города, не останавливаясь даже перед искажением исторической действительности [21].

---

[18] Об аутентичности этой речи Лисия см. J. W a l z, Der lysianische Epitaphios, Lpz, 1936; J. K l o w s k i, Zur Echtheitsfrage der lysianischen Epitaphios, Diss., Hamburg, 1953; K. J. D o v e r, Lysias and the Corpus Lysiacum, Berkeley and Los Angeles, 1968, стр. 194.

[19] Перевод С. Соболевского — Л и с и й, Речи, М.— Л., 1933.

[20] H. D i l l e r, Freiheit bei Thukydides als Schlagwort und als Wirklichkeit, «Thukydides», hrsg. von H. Herter, Darmstadt, 1968, стр. 642.

[21] См. F. B l a s s, Attische Beredsamkeit, II², Lpz, 1887, стр. 443; P. W e n d l a n d, Die Tendenz der platonischen

Неосновательность такого представления вытекает уже из того, что сами древние считали его лучшим образцом подобного рода торжественной речи и, как указывает Цицерон (Orat. 151), позднее читали его ежегодно на публичных похоронах павших воинов. Проблема характера и направленности «Менексена» связана прежде всего с диалогом, обрамляющим сам эпитафий Платона. В разговоре с Менексеном, предваряющим эпитафий, Сократ высмеивает торжественные речи афинских ораторов и в ответ на замечание Менексена указывает, что сам он произнес бы во всяком случае не худшую речь. На следующую затем просьбу своего собеседника он произносит речь, якобы услышанную им от Аспасии. Эта речь была сочинена ею частично экспромтом, частично обдумана раньше, когда она составляла надгробную речь, произнесенную Периклом. Теперь она использовала кое-какие остатки от этой речи (236B). Упоминание надгробной речи Перикла, связанное к тому же с анахроническим появлением Аспасии, несомненно является авторским указанием на связь «Менексена» с эпитафием Перикла. При этом в данном случае имелась в виду не подлинная речь Перикла, а ее литературная обработка у Фукидида. На это намекает Сократ, указывая, что, будучи воспитанником Аспасии, он должен говорить лучше того, кто учился ораторскому искусству у Антифонта из Рамнунта (236 A) [22]. Анализ обоих эпитафиев подтверждает их взаимосвязанность.

Обе речи начинаются с антитезы слова и дела. Это противопоставление часто употреблялось в греческой литературе и само по себе ничего не доказывает. Тесная связь между обоими авторами видна в способе использования данной антитезы. В обоих случаях слово, т. е. сама надгробная речь, противопоставляется делу дважды. Во-первых, в качестве противопоставления приводится государственное погребение павших. Во-вторых, эпитафий противопоставляется героическим поступкам погибших воинов [23]. Далее в обоих эпитафиях подчеркивается, что не только общественное погребение павших, но и сама речь предписывается законом, который должен уважать оратор. Но если Перикл сожалеет о включении в погребальную церемонию надгробной речи, то Сократ защищает мудрость этого обычая [24]. Таким образом, эпитафий у Платона с самого начала ставится в полемическое отношение к речи Перикла.

Смысл полемики становится ясным из дальнейшего сопоставления речей. У Фукидида (II, 36) Перикл разделяет историю Афин на три периода. Первый из них представляет эпоха предков, которые всегда обитали в своей стране и, передавая ее от поколения к поколению, сохранили благодаря своей доблести (арете) свободною до времени оратора. Затем следует период отцов, которые к полученному наследию присоединили державу. Третий период представляет поколение оратора, которое укрепило державу и сделало полис независимым во всех отношениях как в мирное, так и в военное время. Таким образом, история Афин строится здесь по линии усиления их автаркии, связанной прежде всего с приобретением и дальнейшим укреплением державы.

В дальнейшей части речи, опуская прославление всех предыдущих подвигов афинян, что составляло обычно основную часть эпитафия, Перикл стремится показать, каким образом они достигли своего могущества. Основную роль в достижениях афинян он приписывает демократическому строю их государства (II, 37,1). Немалую роль, по его мнению, сыграли также образ жизни и характер афинского народа (II, 37,2—II, 40). Заканчивается эта часть речи указанием на воспитательное значение Афин для всей Греции: «Говоря коротко, весь наш город есть школа воспитания Эллады. Каждый из нас может, мне кажется, приспособиться к многочисленным родам деятельности и, выполняя свое дело с изяществом и ловкостью, добиться для себя самодовлеющего состояния. Что все сказанное не громкое слово по поводу настоящего случая, а сущая истина, доказывает само могущество (δύναμις) нашего государства, приобретенное благодаря этим свойствам» (II, 41, 1—2). Далее Перикл дает краткое восхваление павших (II, 42) и снова обращается к живым, которые обязаны ежедневно в трудах взирать на могущество государства и полюбить его (II, 43,1). Перикл не оплакивает родителей павших, а утешает их (II, 44,1), а их сыновей и братьев призывает к состязанию в доблести с павшими (II, 45,1).

Таким образом, для Перикла у Фукидида величие Афин составляла их дюнамис, заключенная прежде всего в державе. Эта дюнамис явилась результатом характера афинян и их свойств, которые отличала доблесть. Арете в свою очередь была порождением афинской демократии.

Для Сократа арете афинян обусловлена их благородным происхождением

Menexenus, «Hermes», 25, 1890, стр. 171 слл.; L. M e r i d i e r, Platon, V, p. 1, P., 1931, стр. 74 слл. и др.

[22] См. Ch. H. K a h n, Plato's Funeral Oration: The Motive of the Menexenus, CPh, 58, 1963, стр. 221 сл.; J. von L o e w e n c l a u, Der platonische «Menexenos», Stuttg., 1961, стр. 34.

[23] T h u c., II, 35,1 = M e n., 236 D—E.

[24] T h u c., II, 35 = M e n., 236 D.

(237 A). Поэтому он подробно останавливается на автохтонии афинян и прославлении их страны. Благородное происхождение афинян определялось тем, что их предки не были пришельцами, что их вскормила та страна, где они обитали, не как мачеха, а как мать (237 B—C). В согласии с Фукидидом Платон указывает, что предопределенная происхождением арете афинян была закреплена их воспитанием государством, строй которого он описывает в том же духе, что и Фукидид (II, 37,1), хотя называет его аристократией (238 C—D). Но причиной возникновения такого строя опять-таки являлось происхождение афинян — то, что все они братья, рожденные одной матерью (238 E — 239 A). В соответствии со своим взглядом на роль происхождения в формировании арете человека Платон показывает, что и доблесть павших была обусловлена их происхождением от доблестных предков. Поэтому значительное место в эпитафии он уделяет подвигам предков погибших воинов, начиная с мифических времен (239 B). Особенно его привлекают заслуги афинян в персидских войнах, из которых Платон выделяет победу афинских гоплитов при Марафоне (239 D — 241 E). Уже рассмотренный материал показывает направление полемики Платона. В противовес Фукидиду он стремится показать, что арете афинян обусловлено не воспитанием их демократическими законами, а благородным происхождением.

Полемика Платона не ограничивается этим. Как и Фукидид, Платон называет афинян воспитателями Эллады (240 D, 241 C). Но положению учителей Эллады и превосходству над остальными греками афиняне обязаны у него не столько дюнамис государства, сколько своей арете, доказанной прежде всего при Марафоне и Саламине. Платон иносказательно отвергает, что величие Афин составляла их дюнамис, основанная на державе, указывая, что при Марафоне дюнамис персов не устояла перед арете афинян (240 D—E) [25]. Но и арете у Платона не соответствует доблести афинян у Фукидида. Во второй части «Менексена», представляющей речь мертвых, Платон развивает мысли об арете в совершенно сократовском духе. Арете — это не только храбрость, но прежде всего справедливость и другие добродетели. Арете венчает все. Всякие приобретения и занятия, не сопровождаемые арете, постыдны и дурны. Богатство не приносит почета тому, кто приобрел его постыдным путем. Красота и сила тела в трусливом и дурном человеке не кажутся чем-то подобающим. Всякое знание, отделенное от справедливости и от остальных добродетелей, оказывается не мудростью, а плутовством. Поэтому устами оратора мертвые призывают живых всегда и всюду соревноваться с ними в арете. И в этом состязании живые у Платона, в отличие от Фукидида (II,45,1), должны превзойти мертвых (246 D — 247 B).

В соответствии со своим отношением к дюнамис Афин Платон полностью игнорирует афинскую державу, даже не упоминая о переходе к Афинам гегемонии, обусловленном их заслугами в войне с персами, что было общим местом в греческой литературе. Из других диалогов нам известно, что Платон резко отрицательно относился к афинской державе и ее создателям: Фемистоклу, Кимону, Периклу [26]. Даже сам период пентаконтаэтии находит в «Менексене» лишь беглое отображение. Не переходя к его анализу, посмотрим на освещение Платоном событий более позднего времени. Это позволит установить общую тенденцию в изображении им исторических фактов. Период Архидамовой войны представлен в диалоге только событиями на Сфактерии. Платон указывает, что, захватив вождей лакедемонян на Сфактерии, афиняне пощадили пленников и, выдав их Спарте, заключили с нею мир (242 C). Целью сицилийской экспедиции представлена борьба за свободу леонтинцев [27]. Поражение в ней афинян было вызвано тем, что из-за дальности расстояния государство не могло помочь своим войскам (242 E — 243 A). Пелопоннесская война заканчивается у Платона победой афинян. Прославляя победителей при Аргинусах, Сократ говорит: «Благодаря их доблести мы одержали победу не только в этом морском бою, но и в остальной войне. Благодаря им наше государство стало славиться тем, что оно никогда не было побеждено на войне. И эта слава была истинной, ибо нас одолели наши собственные распри, а не другие люди» (243 D) [28]. Роль Афин в Коринфской войне и в заключении Анталкидова мира тоже в нарушение исторической правды представлена в благоприятном для них виде (244 D — 246 A).

В таком же духе освещаются у Платона и те немногие события периода пентаконтаэтии, о которых он счел нужным упомянуть. Первая Пелопоннесская война была вызвана завистью, породившей ненависть эллинов к благоденствующим

[25] Для понимания происхождения афинской традиции IV в. до н. э. важно отметить, что противопоставление арете эллинов дюнамис персов известно у самого Фукидида (III, 56,5).

[26] См., например, Gorg, 518 E — 519 B.

[27] Стремление афинян помочь леонтинцам в борьбе с сиракузянами отмечено в качестве одного из второстепенных мотивов экспедиции у Фукидида (VI, 8,2).

[28] Этот парадокс Платона несомненно представляет переработку известного отступления Фукидида (II, 65), содержащего оценку планов Перикла.

Афинам [29]. Битва при Танагре не имела решающего исхода. Но фактически она превращается в победу афинян, так как на третий день после нее они выиграли сражение при Энофитах [30]. После победы афиняне содействовали возвращению беотийских изгнанников. Этот факт ловко обыгрывается Платоном, указывающим, что при Танагре афиняне боролись с лакедемонянами за свободу беотийцев. Далее это событие еще более обобщается, и павшие при Танагре и Энофитах называются уже борцами за свободу эллинов (242 A—B). Искусственность построений Платона настолько очевидна, что его версия о целях афинян в первой Пелопоннесской войне совершенно не получила отражения в позднейшей эпитафической литературе, использовавшей любой повод для прославления Афин.

Панегирик Исократа, опубликованный в 380 г. до н. э., представляет первую политическую речь оратора, где он развил ту программу, борьба за которую стала делом всей его жизни. Суть ее заключалась в прекращении вражды между эллинами и в обращении общегреческих сил против персидской державы. Эта программа, явившаяся следствием общего кризиса Греции после Пелопоннесской войны, не была откровением в устах Исократа. Та же тема уже звучала в «Олимпийских речах» Горгия (392 г. до н. э.) и Лисия (388 г. до н. э.). Исократ сам указывает, что примыкает к предшественникам (IV, 15). Однако при изложении этой программы они избрали, по его мнению, неправильный исходный пункт и поэтому не могли предложить нужный выход. Исократ (16) исходит из того положения, что одни эллины находятся под влиянием афинян, а другие под влиянием лакедемонян. Раскол Греции вызван различием в политическом устройстве государств, из которых одни являются демократическими, а другие аристократическими.

Обрисованный Исократом дуализм в Греции был характерен для V в. до н. э., особенно для его второй половины. Он не существовал до персидских войн, а после 404 г. до н. э. господство Спарты привело к его ликвидации. Дуализму Афин и Спарты, характерному для ограниченного исторического периода, Исократ придает вневременное значение и делает его основой политической жизни Греции. В данном случае Исократ смотрит на положение в Греции глазами Фукидида, для которого эта противоположность составляла основу всей политики V в. до н. э. [31]. Опираясь на Фукидида, оратор думал, что он познал конечные причины вражды в Греции и соответственно нашел выход из положения. Примирение эллинов, по мнению Исократа, станет возможным лишь тогда, когда будет устранен дуализм Афин и Спарты, и оба государства на равных правах возглавят общеэллинский поход против персов. Как же достигнуть этого? Что касается Афин, замечает оратор (17), то их легко склонить к этому. Действительно, второстепенная роль Афин в то время вряд ли заставляла их противиться уравнению в положении со Спартой. Сложнее дело обстояло с лакедемонянами, и причину этого Исократ видит в их неправильном представлении, будто им еще со времен предков надлежит быть единым гегемоном эллинов. Поэтому перед оратором стоит задача показать, что афиняне имеют больше прав на гегемонию. Если спартанцы будут убеждены в этом, то они должны будут согласиться на двойную гегемонию в Греции (18).

Поставленная задача определила форму первой части речи (20—128). Она представляет собой фактически эпитафий. Основная часть его посвящена цивилизаторскому воздействию Афин на Элладу (23—50), подвигам афинян в мифические времена (51—72) и их заслугам в войне с персами (73—99). За оказанные Греции благодеяния и проявленную доблесть афиняне заслужили право на гегемонию, которая им была предложена эллинами после изгнания персов (72, 100). До сих пор энкомий Афинам давался Исократу легко. Но начиная со времени афинской гегемонии сделать это было тяжелее, ибо, как указывает оратор (100), некоторые упрекали Афины в том, что, получив власть на море, они причинили эллинам много зла. Исократ не мог пройти мимо этих обвинений, так как уже у Фукидида (I, 86, 1) Стенелаид заявлял об афинянах: «Хотя они были доблестны в прежнее время в борьбе с персами, но теперь по отношению к нам поступают бесчестно, а потому вдвойне достойны кары, так как из людей порядочных стали подлыми». Таким образом, чтобы прежние заслуги афинян не были зачеркнуты, Исократ должен был показать, что и после персидских войн поведение афинян не заслуживает порицания. Поэтому следующая часть речи является апологией Афин против обвинений их противников.

В качестве примера таких обвинений Исократ (100) приводит порабощение мелосцев и истребление скионцев. Выбор этих фактов был, очевидно обусловлен их

[29] Мотив зависти эллинов к Афинам выступает уже у Фукидида (I, 75,1).

[30] У Фукидида (I, 108,2) сражение при Энофитах происходит на 62-й день после битвы при Танагре.

[31] E. B ü c h n e r, Der Panegyrikos des Isokrates, «Historia», Einzelschriften, 2, 1958, стр. 29 сл.

обсуждением у Фукидида [32]. Данные обвинения Исократ (101) опровергает указанием, что нельзя считать признаком плохого управления, если некоторые воевавшие с Афинами государства были сурово наказаны. Затем инверсией того же силлогизма он придает ему характер положительной оценки афинской гегемонии: «Напротив, тот факт, что ни один из подвластных нам городов не испытал подобной участи, служит наиболее веским доказательством мудрости нашего управления делами союзников» (101). Указывая, что Мелос и Скиона были противниками Афин и не имели отношения к их державе, Исократ чувствовал слабость своей аргументации. Известно, что Мелос был уничтожен за отказ войти в афинскую державу, а Скиона — за попытку выйти из ее состава. Поэтому дальнейшая его аргументация допускает связь этих городов с державой. Исократ (102) заявляет: «Если какой-либо другой город поступал бы в подобной ситуации с большей мягкостью, он с полным правом мог бы порицать нас». Это могло быть сказано только с намеком на Спарту, поскольку, кроме Афин, только она была властителем державы. Насколько ее господство было хуже афинского, Исократ как раз и показывает ниже (115 слл.). Вся эта дополнительная аргументация несомненно восходит к Фукидиду. Так, афинское посольство в Спарте предрекало ей, что, достигнув господства, она скоро бы лишилась благорасположения эллинов (I, 77,6) и вызвала бы их ненависть (I, 76,4). В полном согласии с Фукидидом [33] Исократ указывает, что невозможно управлять большим числом городов, не наказывая виновных. А потому он в соответствии с Фукидидом (I, 76,3) считает, что афиняне заслуживают скорее похвалы за то, что, удерживая в течение долгого времени власть, поступили сурово с очень немногими. Последнее замечание дает ему повод перейти от апологии Афин к их восхвалению. Как показал детальный анализ Бюхнера (ук. соч., стр. 113 слл.), этот энкомий Афинам (103—106) полностью заимствован Исократом из «Эпитафия» (55—57) Лисия.

Следующая часть эпитафия (107—108) у Исократа снова переходит в апологию, где он пытался показать, что для афинян не была характерна плеонексия, стремление к приобретению и выгоде, т. е. тот принцип, который по указанию афинских послов у Фукидида (I, 76,2; I, 77,3) определял политику каждого господствующего государства. Нельзя сказать, чтобы эта защита удалась Исократу. Поэтому далее (110—114) он выступает уже не против обвинений, а переходит к порицанию самих обвинителей. Заканчивается эпитафий сравнением положения Греции в период афинской державы с положением ее при господстве спартанцев (115—128). Из этого сравнения, как и у Лисия (58—60), следует вывод, что с того момента, когда афиняне лишились власти, резко ухудшилось положение других городов (119) и потому следует сожалеть об афинской гегемонии [34].

В «Эпитафии», дошедшем до нас под именем Демосфена, существование афинской державы вообще не находит отражения. Описание подвигов предков здесь заканчивается упоминанием победы афинян над персами (60, 10—11). В двенадцатом параграфе оратор переходит уже к прославлению павших при Херонее. Весь промежуточный период афинской истории у него отображается одной общей фразой. В ней указывается, что афиняне боролись со своекорыстным соперничеством между самими эллинами, не боясь никаких опасностей и оставаясь все это время на стороне справедливости (60, 11) [35].

Наиболее полную картину традиционного афинского представления о периоде пентаконтаэтии, по указанию Штрасбургера (ук. соч., стр. 25 сл.), дает Элий Аристид в «Панафинейской речи». По мнению немецкого ученого, в этой картине за шестьсот лет развития народной традиции, конечно, должны были сгуститься краски, но скорее именно поэтому она должна являться образцом примитивных и вместе с тем широко распространенных взглядов. Насколько представление Элия Аристида о периоде пентаконтаэтии связано с народной традицией, хорошо показывает как раз его характеристика афинской гегемонии (258 D) [36]. Основные ее положения сводятся к следующему: 1. «Из всех городов только Афины собственным риском принесли общую выгоду всем эллинам». В этой фразе Аристид обращает в пользу афинян аргумент, используемый у Фукидида (III, 14,1) митиленскими послами в Олимпии, которые убеждали спартанцев не покидать их, «подвергающих опасности собственную жизнь и обещающих в случае удачи общую для всех выгоду». 2. «Только Афины приобрели гегемонию на основе общих благодеяний и изменили обычай, ибо они имели власть не вследствие того, что поработили города, а потому что

[32] Мелос: Thuc., V, 84—116; Скиона: Thuc., IV, 120—122; V, 2,2; 32; см. Büchner, ук. соч., стр. 110.

[33] Thuc., I, 40,5; I, 75 слл.; III, 37 слл.

[34] В «Панафинейской речи» Исократ полностью повторяет содержание «Панегирика».

[35] Восемнадцатый параграф, на который ссылается Штрасбургер (ук. соч., стр. 24, прим. 1), на самом деле относится ко времени борьбы Афин с Филиппом II.

[36] Анализ этого параграфа в следующей работе: J. H. Oliver, The Civilizing Power, TAPhS, v. 68, p. 1, 1968, стр. 132.

освободили их». Здесь Аристид опять использует извлечение из речи митиленян, которые указывали, что «стали союзниками афинян не для порабощения ими эллинов, а для освобождения их от персов» (III, 10,3). 3. «Они единственные управляли городами, которые подчинялись добровольно. И единственно этот демос добился победы, избранный один из всех правителем, принудив варваров силой оружия, соплеменников же не убеждая, а убежденный ими властвовать, имея символом власти справедливость, а не беззаконие. Если же нужно сказать раздельно, единственный из городов имел власть над варварами в силу принуждения, над эллинами — по их просьбе». Эта многословная тирада в своей основе тоже имеет не что иное, как сообщение Фукидида (I,95,1; I, 96,1) о добровольной передаче эллинами гегемонии Афинам.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что в V в. до н. э. в Афинах не существовало народной традиции о благодетельной роли афинского владычества для их союзников и остальных греков. Литературная традиция IV в. до н. э. складывалась как реакция на положение Греции в период спартанского господства и усиления влияния Персии. Положительная оценка в ней афинского владычества имеет своим источником не только зеркальное отображение последствий спартанской гегемонии. Литературное оформление содержания рассмотренных речей происходило в тесной связи и на основе сочинения Фукидида. Следовательно, второй негативный вывод нашего анализа заключается в снятии с Фукидида обвинения в разоблачении им народной традиции о благодетельной роли афинской державы.

А. Е. Паршиков

Das Archiv des Petaus (P. Petaus), hrsg. von U. und D. Hagedorn, L. C. und H. C. Youtie, Köln und Opladen, Westdeutscher Verlag, 1969 («Papyrologica Coloniensia», 4), 456 стр., 19 табл.

Как известно, в последнее время в папирологии уделяется большое внимание папирологическим архивам, которые не только дают возможность правильнее и полнее понять тот или иной документ, но и позволяют выяснить — в зависимости от богатства и разнообразия состава архива — социальные, экономические, административные, этнические, религиозные и другие отношения, правда, в узко ограниченных (территориально и хронологически) пределах [1]. Публикации архивов можно, грубо говоря, разделить на два типа: реконструкцию первоначального архива, включающую в себя отобранные из различных папирологических изданий тексты, относящиеся к тому или иному лицу (или связанные с ним), иногда с добавлением и некоторых неизданных текстов (например, архивы Сарапиона, Авиннея и др.) или непосредственное editio princeps всего архива или какой-то его части.

Предлагаемое вниманию читателей издание представляет собой публикацию второго рода. Речь идет об архиве, принадлежавшем Петавсу, комограмматевсу комограмматии Керкесуха Орус, в состав которой входили и некоторые другие деревни Арсиноитского нома: Птолемаида Горму, Сирон коме, Гераклеонос эпойкион, Псинарио. Хронологический охват архива невелик, всего три года — 184—186, т. е. время исполнения Петавсом обязанностей комограмматевса. Архиву повезло, он не оказался наподобие многих других рассеян по многочисленным папирологическим собраниям, хотя и был сразу же разделен на две части, проданные в разное время [2]. Эти части находятся в Мичиганском и Кельнском университетах; издание архива [3] готовилось американскими и западногерманскими папирологами, работавшими параллельно, но в тесном сот-

[1] Подробнее см. И. Ф. Фихман, Египетский архив середины IV в. н. э., ВВ, XXVII, 1967, стр. 295 и литературу, указанную в прим. 1. Из новой литературы см. M. V. Biscottini, L'archivio di Tryphon, tessitore di Oxyrhynchos, Aeg., XLVI (1966), стр. 60—90, 186—292; J. Schwartz, Papyri variae Alexandrinae et Gissenses, Bruxelles, 1969 («Papyrologica Bruxellensia», 7), см. также J. Schwartz, Les archives du stratège Apollonios et les P. Giessenses inédits, Giessen, 1965 («Kurzberichte aus den Giessener Papyrus-Sammlungen», 21).

[2] Мичиганская часть была приобретена в 1937 г. (инв. № 6869—6895), кельнская в 1954 г. (инв. № 300—409). Любопытно отметить, что последний мичиганский текст (6895 Re) и первый кельнский (300 Re) образуют единое целое, см. № *59* введ. (в дальнейшем все номера публикации даются курсивом без указания P. Petaus).

[3] Мысль об издании архива была впервые обсуждена в Оксфорде в 1961 г. Л. Кененом и Х. Юти (стр. 5).

рудничестве. Оно выполнено известными специалистами [4] на уровне современных требований папирологической науки.

Издание состоит из списка папирусов (стр. 9—13), введения (стр. 15—63), публикации текстов (стр. 67—383) и указателей (стр. 387—453), конкорданций издательских номеров с инвентарными (стр. 454—456) и фоторепродукций двадцати папирусов (таблица XIX состоит из двух частей: *a*: — № *121*, *b* — № *80*). Введение [5], написанное супругами Д. и У. Хагедорнами и Л. Юти (супругой Х. Юти), в свою очередь состоит из следующих частей: «Комогрpreматевс Петавс» — сводка данных о владельце архива; «Деревни комограммативи» — сбор сведений о деревнях, входивших в ее состав; «Писцы архива» — классификация текстов по почеркам (по предположению издателей — 11 рук); «Стратеги и царские писцы» (имеются в виду стратеги и базиликограмматевсы, упоминаемые в архиве) и, наконец, «Списки имен» и «Прозвища» (со специальным подразделом, посвященным способам обозначения лиц в документах, происходящих из различных деревень). Значение этого введения (в особенности последних двух параграфов), хотя оно и написано почти исключительно по материалам архива, выходит далеко за его узкие рамки.

Как известно, не бывает папирологической публикации, которая не пополнила бы наши сведения о греко-римском Египте, даже если она и не вводит в научный оборот уникальные документы и не заставляет коренным образом пересмотреть установившиеся точки зрения по тому или иному вопросу. Разумеется, данное издание не составляет исключения. Но мы не собираемся здесь перечислять или характеризовать все 122 документа архива [6] и ограничимся его общей характеристикой, останавливаясь подробнее лишь на разборе наиболее ценных или наиболее любопытных документов, так как значение архива заключается не в особенностях отдельных документов, а в тех сведениях и том представлении, которое он дает в своей совокупности.

Архив Петавса — это архив комогрammатевса. Естественно, прежде всего он проливает свет на деятельность комогрammатевса, основного низового элемента римской административной системы, важность которого, как показывает архив, трудно переоценить. Поскольку комогрammатевс — должность литургическая, а литурга нельзя привлечь к исполнению обязанностей вне его ἰδίᾳ, предполагалось, что комогрammатевс должен был принадлежать к местным жителям. Между тем, Петавс к их числу не принадлежал, но, как показывает № 31_2 (183/4 г.) и как подтверждается написанием его имени [7], был жителем Караниды [8]. Причем это не случайное исключение, во всяком случае для конца II века н. э. В самом архиве упоминаются два жителя Птолемаиды Горму, отправлявшие должность комогрammатевса в Караниде (10_9— 184 г.) и в Тамаисе (11_7 — 184 г.). Более того, в свете предложенного издателями убедительного толкования P. Strassb. I, 57 (Фаюм, II—III вв.), комогрammатевс не только не выполнял свои обязанности в своей деревне, но не имел права это делать даже в близлежащей округе [9]. Таким образом, данные архива позволяют прийти к выводу, что комогрammатевс (так же как и стратег и базиликограмматевс) не назначался из числа местных жителей (деревни, соответственно — нома).

Если этот вывод выглядит вполне логичным — житель другой деревни или нома мог в меньшей степени подвергнуться давлению родных и знакомых или личных симпатий и антипатий,— то полной и, на первый взгляд, необъяснимой неожиданностью представляется другое

---

[4] Х. Юти — почетный президент Международной ассоциации папирологов, издатель мичиганских папирусов, автор обобщающего труда: H. C. Youtie, The Textual Criticism of Documentary Papyri, Prolegomena, L., 1958 («Univ. of London, Institute of Classical Studies, Bulletin Supplement», 6); см. он же, Text and Context in Transcribing Papyri, «Greek, Roman and Byzantine Studies», VII (1966), стр. 251—258. У. и Д. Хагедорн — представители недавно созданной кельнской папирологической школы, зарекомендовавшей себя рядом работ и публикаций, а также изданием специального журнала «Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik» и серий «Papyrologica Colonensia» и «Papyrologische Texte und Abhandlungen».

[5] Сведения, содержащиеся во введении, частично опубликованы в докладе: H. C. Youtie, Pétaus, fils de Pétaus, ou le scribe qui ne savait pas écrire, ChE, XLI (1966), стр. 127—143, который предшествовал публикации всего архива.

[6] Помимо 122 текстов, входящих в состав архива, в разделе «Приложение» опубликованы еще пять текстов (№ *123*—*127*), непосредственно к нему отношения не имеющих, хронологически ему предшествующих, но оказавшихся случайно в его составе. Всего публикуется 127 папирусов.

[7] Youtie, Pétaus, fils de Pétaus.., стр. 129.

[8] О ней см. теперь: H. Geremek, Karanis, communauté rurale de l'Egypte romaine au II-e—III-e siècle de notre ère, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969 («Archiwum filologiczne», 17).

[9] Подробнее: Youtie, Pétaus, fils de Pétaus..., стр. 129—132; введение к рец. изд., стр. 17—21.

почерпнутое из архива наблюдение. Комогрaмматевс, т. е. деревенский писец, человек, через которого проходила вся документация, касающаяся деревни и примыкающих к ней административно поселений (деревень подчиненного значения, см. выше), казалось бы, должен был быть в первую очередь грамотным человеком, уметь самостоятельно читать и писать. Между тем, Петавс не умел ни того, ни другого. Единственное, чему он научился, это подписываться. Об этом свидетельствует как № *31* (183/4 г.), в котором за него писал его брат Феон, так и № *121*, *114*$_2$, сохранившие его упражнения в написании своего имени, должности и заключительной формулы. По-видимому, это не было исключительным явлением. Среди бумаг архива сохранился ответ Петавса стратегу Аполлонию (№ *11*, 184 г.) по поводу обвинения, предъявленного Исхириону, комогрaмматевсу деревни Тамаис в задолженности, бедности и безграмотности [10] (Исхирион принадлежал к деревне Птолемаиде Горму, поэтому расследование дела было поручено Петавсу). Петавс сообщает, что Исхирион действительно безграмотен, но в состоянии «подписывать бумаги комограмматии, направленные стратегу и другим» (сткк. 34—35). Другими словами, Исхирион был *примерно в том же положении, что сам* Петавс. Это, однако, не особенно должно было беспокоить римские власти, если только комогрaмматевс обладал необходимым имуществом (πόρος) [11], которое могло служить гарантией добросовестного выполнения им своих обязанностей, за счет которого можно было бы покрыть ущерб, нанесенный государству. Комогрaмматевс, ставя свою подпись под документом, тем самым брал на себя ответственность за все последствия, и уже его собственной (а не государства) заботой было найти помощников, которые могли бы правильно информировать его о полученных инструкциях, давать ему необходимые советы и точно фиксировать его решения и ответы. Это были не только профессиональные писцы, но и доверенные лица — некоторых из них издателям удалось выявить с большой долей вероятности [12].

Архив раскрывает не только разнообразный характер деятельности комогрaмматевса, в особенности в области назначения на литургии, но, сохранив нам наброски списков кандидатов и переписку по данному поводу, показывает, как эти списки составлялись, и с небывалой до сих пор полнотой знакомит исследователя с закулисной стороной административной кухни [13]. Хотя мы располагаем довольно большим количеством работ, посвященных литургии (каковы, в первую очередь, основополагающие труды Ф. Эрteля и Н. Льюиса [14]), архив не только кое в чем дополняет наши сведения [15], но впервые дает наглядное представление об огромном количестве людей, вовлеченных в громоздкую систему литургии, *главный смысл которой заключался в* том, чтобы собрать налоги (денежные и натуральные), сохранить собранное и в должном состоянии доставить в соответствующие точки назначения. Этим объясняется столь частое упоминание в документах архива практоров, ситологов и, главное, охранников (филаков): алонофилаков, архифилаков, генематофилаков, никтофилаков, педиофилаков, хоматофилаков и просто филаков [16]. В архиве

[10] Примерно такое же обвинение (за исключением безграмотности) было предъявлено Несевсу, комогрaмматевсу Караниды. Ответ Петавса: № *10* (184 г.).

[11] Судя по № *10*$_{18}$ и *11*$_{33}$ (оба: 184 г.) он составлял (само слово не упомянуто) 3 тыс. драхм. Это довольно большая сумма, так как πόρος для других должностей [по данным того же архива № *47*; *53—55*; *59*; *60*; *62*; *65*; *66*; *75* (сумма не сохранилась, но ее можно восстановить); *76—78*] колеблется от 500 до 900 драхм, в большинстве случаев от 600 до 800, причем сумма могла колебаться и для одной и той же литургии. С другой стороны, одно и то же лицо могло быть отмечено с различным πόρος в зависимости от литургии: например, Папион, сын Петамона, № *59*$_{71}$ (185 г.) — 800 др.; № *65*$_{30}$ (185 г.) — 700 др.; Пасис, сын Фанесиса: № *60*$_{37}$ (185 г.) —700 др.; № *76*$_{17-19}$ — 600 др. и т. д. Хотя πόρος и несколько разнится, указанные лица остаются в пределах примерно одной и той же имущественной группы. Самый низкий πόρος указан для письмоносцев: № *84*$_{20}$ (185 г.)— 400 др. и для охранников (φύλακες): № *66*$_{25-33}$ (185 г.) — 200 др.

[12] Подробнее: Youtie, Pétaus, fils de Pétaus..., стр. 138—143.

[13] См., например, № *45—47*; *59* (6 подготовительных набросков), *66—67*; *73—74*; *76—78*. Петавс имел своих представителей в метрополии и составлял списки с учетом хорошо известной ему ситуации.

[14] F. Oertel, Die Liturgie. Studien zur ptolemäischen und kaiserlichen Verwaltung Ägyptens, Lpz, 1917; N. Lewis, Inventary of Compulsory Services in Ptolemaic and Roman Egypt, New Haven—Toronto, 1968 («American Studies in Papyrology», 3).

[15] См., например, введения и комментарии к № *49* (185 г.); *52* (185/6 г.); *53* (184/5 г.); *55—58*; *59* (185 г.); *75—78* (184 г.); *84* (185 г.); *85* (185 г.); *86* и т. д.

[16] Сюда следует отнести и эпиплоои, δειγματο( ) (неизвестно, идет ли речь о δειγματοάρτης или δειγματοκαταγωγός) и т. д., а также литургические должности без формального обозначения, функции которых, однако, подробно описываются, например, в № *53*$_{4-18}$ (184/5 г.).

наблюдается и противоположная тенденция — стремление налогоплательщиков освободиться [17], по мере возможности, от уплаты налогов. Мы имеем в виду донесения о смерти (№ *3—8*) с целью вычеркнуть покойников из списков налогоплательщиков и в особенности № *9* (185 г.), в котором идет речь о двух жителях деревни, приговоренных префектом Лонгеем к растерзанию зверями, кстати, первое упоминание в папирусах о присуждении ad bestias.

Учитывая специфические особенности архива, нельзя предполагать, что он даст всестороннюю характеристику жизни и деятельности жителей указанных деревень [18]. Они интересовали Петавса прежде всего как кандидаты на литургию, а не все по своим данным могли подойти. Тем не менее, нельзя не обратить внимания на то, что в архиве почти нет упоминаний о рабах [19] и очень мало данных о представителях торговых и ремесленных профессий [20].

В архиве упоминаются пекарь (№ *48*$_7$; *66*$_{28}$; *71*$_{28}$); мельник (№ *103*$_{43}$); несколько ткачей (γέρδις — № *99*$_{18}$; *100*$_{55}$; λινόϋφος — № *93*$_{10,65\ 90,114}$), золотых дел мастера (№ *69*$_{34}$; *101*$_{9(?)}$; *103*$_{39}$); плотники (№ *34*$_9$; *35*$_1$; *53*$_{24}$; *66*$_{16}$; *101*$_{57}$), портные (*67*$_{28}$; *91*$_{45}$; 93$_{20,71,78.166}$) и торговцы маслом (№ *45*$_{10}$; *46*$_{17}$); вином (№ *45*$_6$; *46*$_{13}$; *47*$_{14}$) [21], овощами (№ *93*$_{67}$; *103*$_{37}$), викой (№ *48*$_{11}$), льном (№ *92*$_{20}$) [22], а также покупка места для строительства кирпичной мастерской в Птолемаиде Горму [23]. В № *37*$_{4-22}$ (список денежных выдач) упоминаются мениархи, термин, которым обычно в Оксиринхе конца III — начала IV в. обозначались главы профессиональных корпораций [24]. Несколько полнее представлены административные должности. Встречаются и данные, относящиеся к общественно-религиозной жизни (см. № *30*, *40*, *79—83*), в частности, следует особо отметить, что в архиве впервые упоминается храм бога Сокметиса, что, как любезно сообщил нам О. Д. Берлев, представляет большой интерес для египтологов [25].

Необходимо подробнее сказать о значении данных архива для ономастики. В его документах упоминается огромное количество имен собственных, а имена, как известно, имеют свою судьбу и служат ценнейшим источником для истории семейных и этнических взаимоотношений, внутритерриториальных связей, духовно-религиозной жизни и т. д. Уже давно было отмечено, что существуют имена локального или преимущественно локаль-

---

[17] Цели, преследуемые донесением о рождении девочки, сделанным в двух экземплярах и посланным по двум адресам (№ *1*, *2* — 185 г.),не ясны; см. подробное введение издателей к № *1*.

[18] Обращает на себя внимание большое число лиц, которые либо формально обозначаются как ἀπάτωρ, либо упоминаются без указания имени отца. № *1—2* (185 г.) являются новым примером брака между братом и сестрой. О неудачных семейных отношениях и об угрозе покончить с собой говорится в № *29*.

[19] Исключения: № *31*$_{26,27}$; *37*$_{2,16}$, в которых перечисляются παιδάρια, причем в двух случаях с указанием господина (василикограмматевса в № *34*$_{27}$, эгумена в № *37*$_{16}$).

[20] К сожалению, среди приложенных к изданию указателей нет отдельного указателя профессий (ср. в P. Oxy: Professions, Trades etc.). Следует отметить и одну особенность обозначения профессии в документах архива. Вместо широко распространенных *x* — ἀρτοκόπος, или *x* — ἀρτοκόπος τὴν τέχνην в некоторых случаях запись гласит: *x*, сын *y*... ἐπικαλούμενος ἀρτοκόπος (см., например, № *48*$_7$; *53*$_{24}$; *66*$_{16}$; *67*$_{28}$; *93*$_{67}$; *99*$_{18}$; *101*$_{57}$). То, что это не прозвище, а профессия, доказывается наличием в архиве и обычных форм записи, относящихся к тем же лицам, ср., например, *48*$_7$ и *66*$_{28}$; *71*$_{28}$.

[21] Упоминаются не сами торговцы маслом и вином, а литурги, выделенные для прикрепления к ним в связи с визитом префекта, очевидно, для обеспечения бесперебойной поставки соответствующих продуктов. Тем самым документы архива вносят ясность в толкование P. Lond. III, 1159 = W. Chrest. 415 (Ерм. 145—147 гг.). К визиту префекта см. подробное введение к № *45—47*.

[22] σιπποινεπώλης = στιππουεπώλης. Термин пока в папирусах не засвидетельствован. К толкованию термина см. И. Ф. Фихман, Египет на рубеже двух эпох, М., 1965, стр. 26, прим. 90. В архиве упоминаются еще μυροπώλης (№ *103*$_2$) и ταριχᾶς (№ *91*$_{46}$), которые обычно обозначают профессии, но в данном контексте являются именами собственными. Впервые упоминаются в архиве профессии προσφυρᾶς (№ *34*$_{10}$; *35*$_2$; *37*$_{9\ 26}$) и μεταφορεύς (№ *34*$_{11}$).

[23] № *20*$_{9,15}$; *21*$_3$ (185 г.). О мельничном помещении идет, возможно, речь в № *16*$_{10}$.

[24] О них см. Фихман, Египет на рубеже двух эпох, стр. 136—138.

[25] Культ Себека в Фаюме так или иначе связан с исключительным почитанием этого бога царями XII и XIII династий и с особым пристрастием их к Фаюму. Ничего аналогичного форме «Сокметис» мы не находим в сводных трудах по Себеку: И. В. Волков, Древнеегипетский бог Себек, Петроград, 1917 («Записки историко-филолог. ф-та Петроградского университета», часть CXL); Cl. Dolzani, Il dio Sobk («Atti della Accad. Naz. dei Lincei», CCCLVIII, 1961, Memorie. Classe di sc. mor. stor. e fil., serie VIII, vol. X, fasc. 4), Roma, 1961. (Сообщение О. Д. Берлева.)

ного распространения [26]. Анализ имен нередко способствует определению места составления папирусов [27]. Но никогда еще не было данных, которые позволяли бы предполагать, что именной состав мог отличаться от деревни к деревне в пределах столь ограниченной территории. Л. Юти, рассмотрев списки имен по деревням, смогла обнаружить, что в каждой деревне были свои «любимые» имена. Более того, имена, встречающиеся в огромном количестве в одной деревне, почти или вовсе не фигурируют в списках других (см. таблицу на стр. 51—52). Так, например, имя Исхирион встречается 101 раз в Птолемаиде Горму, 2 раза в Сирон коме и больше нигде; Патинис — 94 раза в Сирон коме и 1 раз в Птолемаиде Горму (возможно, что речь идет о переселенце, см. стр. 52, прим. 5); Анхиоримфис — 7 раз в Керкесуха Орус и больше нигде; Потамон — 46 раз в Сирон коме и 2 раза в Гераклеонос эпойкион; Фанисис — 33 раза в Керкесуха Орус и 6 раз в Птолемаиде Горму; Сокметис — только раз в Сирон коме и т. д. Эти данные показывают, что при всех изменениях состава греко-египетских имен, несмотря на усиливавшееся смешение имен под влиянием более тесных территориальных и этнических связей, традиция была еще очень сильна, в особенности в области деревенской ономастики.

В заключение следует сказать, что рецензируемое издание не только вводит в научный оборот большое число новых и ценных документов, но представляет собой в ряде случаев сборник небольших исследовательских экскурсов, посвященных отдельным вопросам административно-финансовой истории Египта. Помимо общего введения, о котором говорилось выше, необходимо упомянуть подробные введения к текстам и обстоятельный комментарий к ним, где читатель всегда найдет указания на литературу вопроса и нередко новые предложения и решения. Издание архива Петавса заслуживает самой высокой оценки.

И. Ф. Фихман

[26] Из последних работ отметим: J. Bingen, Remarques d'onomastique oxyrhynchite, ZPE, I (1967), стр. 189—195; он же, SB VI 9375 et l'onomastique de Tebtynis, ChE, XLIV (1969), стр. 123—129.

[27] См., например, V. Martin, Relevé topographique des immeubles d'une métropole (P. Gen. Inv. 108), RP, II (1962), стр. 59—62; J. Bingen, SB VI 9375..., стр. 127—129; статья J. Quaegebeur, Dialektische Namensformen und die Lokalisierung von Urkunden, ZPE, IV (1969), стр. 183—185, осталась нам недоступной.

ИОСИФ МОИСЕЕВИЧ ТРОНСКИЙ

3 ноября 1970 г. в Ленинграде скоропостижно скончался доктор филологических наук, профессор Иосиф Моисеевич Тронский — крупнейший советский специалист по античности, ученый с огромным научным кругозором, объединявший в одном лице исследователя ведущих проблем античной литературы, древних языков, сравнительного языкознания, методологии и истории филологической науки.

И. М. Тронский родился 28 мая 1897 г. в Одессе, здесь же в 1919 г. окончил с золотой медалью историко-филологический факультет Новороссийского университета и был оставлен при кафедре для приготовления к профессорскому званию. Через два года началась самостоятельная педагогическая деятельность Иосифа Моисеевича, которая с 1923 г. до последних дней его жизни была связана с Ленинградом: свыше трех десятилетий Иосиф Моисеевич вел различные курсы по античной литературе и древним языкам в Ленинградском государственном университете (здесь холодной и голодной зимой 1941 года в осажденном городе Иосиф Моисеевич защитил свою докторскую диссертацию), а в последние годы, когда он сосредоточился преимущественно на научной работе в Институте языкознания АН СССР, он регулярно проводил семинары по античным авторам для аспирантов и научных сотрудников института.

Уже первые годы научной работы И. М. Тронского в Ленинграде характеризуются широким охватом исследуемой проблематики, о которой дают представление, наряду с опубликованными работами, также сохранившиеся в рукописях доклады, прочитанные в 1925—1929 годах в существовавшем тогда Институте литературы и языка Запада и Востока: внимание Иосифа Моисеевича привлекают религиозные представления Эсхина и мифология в сатирах Ювенала, новые фрагменты Каллимаха и эклоги Кальпурния. Уже эти ранние работы, к тому же не предназначавшиеся для печати, отличаются чертами, характерными для научного облика И. М. Тронского на протяжении всей его жизни: четкая логика мысли, обоснованность каждой фразы, скрупулезная тщательность в деталях. И в дальнейшем Иосиф Моисеевич продолжал считать доклады существенной составной частью своей исследовательской работы, вынося на обсуждение научной общественности проблемы, которые привлекали его внимание. В начале 30-х годов это было соотношение античной литературы с мифологией и фольклором (доклады в Институте речевой культуры и Институте антропологии и этнографии АН); во второй половине 30-х годов — античные грамматические теории. После войны И. М. Тронский все больше углубляется в лингвистические вопросы, и это снова находит отражение в его выступлениях о системе ударения и функциях наклонений в древнегреческом языке, о расшифровке линейного письма *B* и проблемах реконструкции в сравнительном языкознании, о методах сравнительно-исторического исследования и философских истоках теории Де-Соссюра и во многих других докладах, прочитанных в Институте языка и мышления, затем в Институте языкознания АН СССР.

Что касается исследований Иосифа Моисеевича, отраженных в его печатных работах, то и в этом отношении первое ленинградское десятилетие чрезвычайно показа-

тельно для многосторонности его научных интересов. Четыре лекции по истории и литературе древней Греции и Рима, выпущенные Комакадемией (№ 6, 8, 47, 48) [1], содержали в зародыше будущую «Историю античной литературы», а статьи, появившиеся в первых томах «Литературной энциклопедии», представляли как бы предварительные заготовки к отдельным главам книги. Для раннего периода античной литературы эта работа завершилась в середине 30-х годов капитальным исследованием гомеровского эпоса, в которое вылились вступительные статьи и комментарии к русскому переводу обеих поэм в издательстве «Academia» (№ 14—18). Другим итоговым трудом этих лет явилось собрание античных текстов по проблемам языка, где Иосиф Моисеевич выступил как редактор, автор вступительной статьи и комментариев (№ 110, 111), а также как переводчик ряда отрывков из Диомеда Грамматика, Харисия, Хировоска, Доната и других источников. Наконец, к этому же времени относятся работы по истории классической филологии и среди них — небольшая, но очень содержательная характеристика такого сложного явления в истории русской науки об античности, каким было научное творчество Ф. Ф. Зелинского (№ 124).

Первый послевоенный год ознаменовывается выходом в свет «Истории античной литературы» И. М. Тронского, впоследствии дважды переизданной (№ 1—3) и переведенной на десять языков в СССР и за границей. Значение этой книги, формально предназначенной служить учебником для филологических факультетов, выходит далеко за рамки обычного учебного пособия. В ней — впервые не только в отечественной, но и в мировой науке — история развития древнегреческой и римской литературы представлена как две фазы одного исторического процесса, родственные по исходным социальным и типологическим предпосылкам, но различающиеся в целом ряде конкретных, специфических проявлений. В условиях, когда римская литература то долго представлялась «копией» древнегреческой, то, наоборот, в преувеличенной оппозиции к названной точке зрения, в ней всячески подчеркивалось отличие от ее предшественницы, Иосиф Моисеевич с всегда присущей ему логичностью и взвешенностью суждений показал истинное место и значение каждой ветви и каждого ответвления античной литературы в общем ходе исторического процесса. Глубокий интерес к проблемам античной литературы И. М. Тронский сохранял и после выхода в свет его «Истории»,— он не только постоянно следил за всей новой литературой, чтобы внести необходимые (иногда еле заметные постороннему взгляду) дополнения или поправки в текст книги, но и неоднократно высказывался в печати по поводу публикаций, заставляющих поновому взглянуть на старые вопросы, касаются ли они драматургии Эсхила, Менандра или Плавта (№ 30, 33, 34, 50). С увлечением работал он также над Тацитом — послесловие к новому переводу (№ 57) представляет собой значительно сокращенный вариант очерка, который находится в рукописи и еще ждет опубликования.

В изучении древних языков научная деятельность Иосифа Моисеевича имеет также исключительное значение, поскольку в его лице филолог-классик, владевший в совершенстве античным материалом, соединился с лингвистом, всегда находившимся на уровне современных достижений теоретического и сравнительного языкознания. «Очерки из истории латинского языка» и «Историческая грамматика латинского языка», «Древнегреческое ударение» и «Общеиндоевропейское языковое состояние» (№ 84, 89, 99, 100) не просто продолжали традицию лингвистического исследования античных языков, заложенную в России М. М. Покровским, но и подняли его на качественно новую ступень, обогащенную открытиями последних десятилетий как в области индоевропеистики, и теоретического языкознания (в частности фонологии), так и самих античных языков. Итоговым трудом в этой области, занимавшим внимание и силы Иосифа Моисеевича в последние годы, является грандиозная по замыслу монография по истории древнегреческого литературного языка, в которой Иосиф Моисеевич стремился один выполнить задачу, поставленную им перед наукой более десяти лет назад (№ 116, стр. 239 сл.). Из задуманных пяти глав уже были написаны три (о греческих диалектах, о древнейшем греческом письменном языке, о языке гомеровского эпоса); над четвертой (язык лирики) Иосиф Моисеевич работал еще поздним вечером 2 ноября 1970 г. Эта книга, которую не суждено увидеть ее автору, не только синтез его многолетних лингвистических и литературоведческих исследований,— она во многом будет стимулировать развитие разрабатываемых в ней проблем и заложенных в нее мыслей, как это было со всеми работами И. М. Тронского.

Для советской науки об античности смерть Иосифа Моисеевича Тронского — невосполнимая утрата в самом буквальном смысле этого слова. Имея перед собой светлый образ Иосифа Моисеевича в качестве примера, стремиться хотя бы в своей узкой области знания к достижению высоты, на которой он стоял, — только этим каждый из нас может воздать достойный долг его памяти.

---

[1] Ссылки даются на номера прилагаемого списка научных трудов И. М. Тронского.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ И. М. ТРОНСКОГО*

I. Античная литература и древняя история

1—3. «История античной литературы», Л., 1946, 496 стр.; изд. 2-е, 1951, 508 стр.; изд. 3-е, 1957, 486 стр.

4. «Стадиальное единство античной литературы», «Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция филолог. наук», 1946, стр. 124—137.

5. «Стихосложение, античное.» ЛЭ, 11, 1939, 65—69.

6. «История Греции». Лекция. Ин-т ЛИЯ Комакадемии, М., 1930.

7. «Греческая литература». ЛЭ, 2, 1930, 725—739.

8. «Греческая литература». Лекция. Ин-т ЛИЯ Комакадемии, М., 1930.

9. «Греция. Древнегреческая литература». БСЭ [2], 12, 1952, 530—533.

10. «Греческая литература» (древняя). КЛЭ, 2, 1964, 340—350.

11. «Греческая литература» (древняя). БСЭ [3], 7 (в печати)

12—13. Греция, древняя. Изучение древнегреческой культуры (до середины XIX в.); Изучение древнегреческой литературы (до середины XIX в.). БСЭ [3], 7 (в печати).

14—16. «Проблемы гомеровского эпоса» .«Илиада». Комментарии. В кн. Гомер. Илиада, М.— Л., 1935, стр. XX—LXXI, LXXII—LXXXI, 535—603.

То же — в другом издании. М.— Л., 1936.

17—18. «Одиссея Гомера». Комментарии. В кн.: Гомер. Одиссея, М.—Л., 1935, стр. IX—XXXI, 437—524.

19—25. «Илиада». ЛЭ, 4, 1930, 443—455; «Одиссея». ЛЭ, 8, 1934, 243—248; «Гомеровский вопрос». КЛЭ, 2, 1964, 246—248; «Илиада». КЛЭ, 3, 1966, 82 сл.; «Одиссея». КЛЭ, 5, 1968, 392—394; «Гомер»; «Гомеровский вопрос». БСЭ [3], 7 (в печати).

26. «К вопросу о „формульном стиле“ гомеровского эпоса». Сб. к 80-летию акад. В. М. Жирмунского (в печати).

27. [Ответ проф. С. И. Радцигу по поводу его рецензии на книгу: И. И. Толстой. Аэды. М., 1958]. НДВШ, филолог. науки. 1959, № 4, стр. 179—183.

28. «Сапфо». В сб.: «Посев», Одесса, 1921, стр. 119—124.

29. «Заметки к Сапфо I L.-P.», AAASH, XVI, 1968, стр. 133—138.

30. «Оксиринхская дидаскалия и тетралогия Эсхила о Данаидах», ВДИ, 1957, № 2, стр. 146—159. Автореферат: ВСО, 4, 1959, 344 сл.

31. «Парабаза». Сб. в честь С. А. Жебелева, Л., 1926, стр. 578—591.

32. «Грамматическая трагедия» Каллия. Сб. «Русско-европейские литературные связи. К 70-летию со дня рождения акад. М. П. Алексеева», М.— Л., 1966, стр. 332—339.

33. «Новонайденная комедия Менандра „Угрюмец“ („Человеконенавистник“)», ВДИ, 1960, № 4, стр. 55—72. Автореферат: ВСО, 7, 1962, 117—120.

34. «„Сикионец“ Менандра», ВДИ, 1966, № 4, стр. 54—67.

35—46. «Антигона». ЛЭ, 1, 1930, 679—681; «Гезиод». ЛЭ, 2, 1930, 424 сл.; «Еврипид»; «Идиллия, античная». ЛЭ, 4, 1930, 45—52, 420 сл.; «Катарсис». ЛЭ, 5, 1931, 156 сл.; «Менандр». ЛЭ, 7, 1934, 149 сл.; «Ода, античная»; «Пиндар»; «Плутарх». ЛЭ, 8, 1934, 237 сл., 641—643, 734—736; «Феокрит». ЛЭ, 11, 1939, 697—699; «Аристофан». БСЭ[2], 3, 1950, 12 сл.; «Софокл». КЛЭ, 6 (в печати).

47. «История Рима». Лекция, Ин-т ЛИЯ Комакадемии, М., 1930.

48. «Римская литература». Лекция. Ин-т ЛИЯ Комакадемии, М., 1930.

49. «Римская литература». ЛЭ, 9, 1935, 671—699.

50. «Комедия Плавта „Bacchides“ и новонайденные отрывки ее оригинала», «Материалы IV конференции по классической филологии», Тбилиси. Ноябрь 1969 (в печати).

---

* Список составлен не в хронологическом порядке, а по тематическому принципу: таким путем отчетливее выявляются основные направления научно-исследовательских интересов И. М. Тронского. (Исключение представляют только более мелкие статьи в энциклопедиях, которые внутри каждого раздела указываются в хронологическом порядке.) В список включены также работы, сданные в печать еще самим автором или подготовленные им для печати и к настоящему моменту уже находящиеся в производстве. Не включены тезисы докладов, впоследствии опубликованных целиком, а также многократно издававшаяся программа по курсу античной литературы и отдельных ее частей. Из соображений экономии места в ссылках на энциклопедии (ЛЭ — «Литературная энциклопедия»; БСЭ [1], БСЭ [2] и т. д.— соответственно первое, второе и третье издание Большой Советской Энциклопедии; КЛЭ — «Краткая литературная энциклопедия») опущены слова «том», «стр.», «столб.», ясные по контексту. Так же сокращенно даются ссылки на авторефераты, опубликованые в «Bibliotheca classica orientalis» (например, ВСО, 6, 1961, 295—297). Другие принятые сокращения: НДВШ («Научные доклады высшей школы»); AAASH («Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae»).

51. «Общественная направленность комедий Теренция». Сб. «Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности», М., 1967, стр. 318—324.

52. «Двухтысячелетие со дня смерти Лукреция», Вестник ЛГУ, 1947, № 1, стр. 203—205.

53. «Bemerkungen zum ersten Proömium des Lukrez». В сб.: «Charisteria Francisco Novotny octogenario oblata», Praha, 1962, стр. 59—64.

54. «Построение трактата Цицерона „О государстве“ и его политические тенденции», «Доклады и сообщения филолог. ин-та ЛГУ», вып. 1, 1949, стр. 180—184.

55. «„Послания“ Саллюстия», УЗЛГУ. Серия филол. наук, вып. 13, 1948, стр. 321—337.

56. «Лирика Горация». Научная сессия ЛГУ 1946 г. Тезисы докладов по секции филологических наук, стр. 24 сл.

57. «Корнелий Тацит». В кн. Корнелий Тацит, Соч. в двух томах, Л., 1969, т. 2, стр. 203—247.

58. «Studien zur Überlieferungsegeschichte Columellas». В сб. «Raccolta... in onore di F. Ramorino», Milano, 1927, стр. 449—472.

59. «Критические заметки к V книге „De re rustica“ Колумеллы». ДАН-В, 1928, стр. 115—120. Также в сб. «Ἀσπασμός И. И. Толстому», Л., 1928, стр. 46—51.

60. «Zum Pervigilium Veneris», «Philologus», 81, 1926, стр. 339—363.

61—69. «Вергилий». ЛЭ, 2, 1930, 162—166; «Овидий»; «Петроний». ЛЭ, 8, 1934, 218—222, 623 сл.; «Проперций». ЛЭ, 9, 1935, 321 сл.; «Теренций»; «Тибулл». ЛЭ, 11, 1939, 236—239, 255 сл.; «Вергилий». БСЭ ², 7, 1951, 478; «Вергилий». КЛЭ, 1, 1962, 921 сл.; «Плавт». КЛЭ, 5, 1968, 784 сл.

II. Фольклор, мифология, религия

70. «Религия греческого пастуха». В сб. «Религия и общество», Л., 1926, стр. 126—145.

71. «Миф о Дафнисе». «Язык и литература», т. VIII, Л., 1932, стр. 205—228.

72. «Античный миф и современная сказка». В сб. С. Ф. Ольденбургу Л., 1934, стр. 523—534.

73—82. «Аполлон»; «Афродита». ЛЭ, 1, 1930,686 сл., 708 сл.; «Геракл». ЛЭ, 2, 1930, 466—468; «Дионис». ЛЭ, 3, 1930, 311—313; «Елена»; «Зевс». ЛЭ, 4, 1930, 71 сл., 327—329; «Мистерии»; «Мифология»; «Музы». ЛЭ, 7, 1934, 339 сл., 359—362, 364—367, 525 сл.; «Пан». ЛЭ, 8, 1934, 418 сл.

83. «Chrestiani (Tacit., Ann. XV, 44, 2) и Chrestus (Sueton., Div. Claud., 25, 4)». В сб. к 80-летию Ф. А. Петровского (в печати).

III. Классические языки. Сравнительное языкознание

84. «Общеиндоевропейское языковое состояние. (Вопросы реконструкции)», Л., 1967, 102 стр.

85. «К вопросу о сравнительно-историческом методе в языкознании», УЗЛГУ. Серия филол. наук, вып. 15, 1952, стр. 5—27.

86. «Несколько замечаний о границах слова и его структуре». В сб. «Морфологическая структура слова в языках различных типов», М.— Л., 1963, стр. 222—229. Автореферат: ВСО, 9, 1964, 350.

87. «О дономинативном прошлом индоевропейских языков». Сб. «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов», Л., 1967, стр. 91—94.

88. «Вопросы языкового развития в античном обществе». Монография (в печати).

89. «Древнегреческое ударение», М.— Л., 1962, 147 стр. Автореферат: ВСО, 10, 1965, 20—28.

90. «К вопросу о месте греческого ударения». В сб. «Язык и стиль античных писателей», Л., 1966, стр. 171—187.

91. «Значение дешифровки крито-микенских линейных письмен типа *B* для сравнительной грамматики индоевропейских языков и раннего этапа истории греческого языка». Тезисы в сб. «Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков. Научная сессия». М., 1964, стр. 65—67.

92. «Слоговая структура греческого языка и греческое слоговое письмо». В сб. «Древний мир», М., 1962, стр. 620—626. Автореферат: ВСО, 10, 1965, 104—106.

93. «О диалектной структуре греческого языка в раннем античном обществе». В сб. «Вопросы социальной лингвистики», Л., 1969, стр. 266—284.

94. «Гомеровский язык», «Вопросы языкознания», 1971, № 3 (в печати).

95. «К семантике множественного числа в греческом и латинском языке», УЗЛГУ. Серия филол. наук., вып. 10, 1946, стр. 54—72.

96. «Образования на -φι в гомеровском эпосе», «Eirene», т. I, Прага, 1960, стр. 37—50. Автореферат: ВСО, 6, 1961, 295—297.

97. «Дательный падеж множественного числа основ на -о- в греческом языке. (Материалы к становлению древнейшего поэтического языка греков)». В кн. «Пробле-

мы сравнительной филологии». Сб. статей к 70-летию В. М. Жирмунского, М.— Л., 1964, стр. 94—103. Автореферат: ВСО, 9, 1964, 350.

98. «К вопросу об окончаниях инструменталиса в греческом языке», «Вопросы классической филологии», № 9, Львов, 1971 (в печати).

99. «Очерки из истории латинского языка», М.— Л., 1953, стр. 271.

100. «Историческая грамматика латинского языка», М., 1960, 320 стр.

101. Редакция: А. Эрну. Историческая морфология латинского языка. М., 1950. 319 стр.

102. «Становление италийской народности и распространение латинского языка на территории Италии». Тезисы. В кн. «Ленингр. гос. ун-т. Научная сессия 1951—1952 гг.», Л., 1952, стр. 71—73.

103. «К вопросу о латинском ударении». В кн. «Памяти акад. Л. В. Щербы», Л., 1951, стр. 276—282.

104. «Заметки о видо-временной системе латинского языка». В кн. «Вопросы грамматики». Сб. статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова, М.— Л., стр. 434—445. Автореферат: ВСО, 6, 1961, 350 сл.

105—108. «Латинский язык». БСЭ [2], 24, 1954, 355—357 (в соавторстве с Б. В. Горнунгом); «Греческий язык, древний». КЛЭ, 2, 1964, 360 сл.; «Латинский язык»; «Мертвые языки». КЛЭ, 4, 1967, 48, 51 сл.; 768 сл.

109. «Из истории античного языкознания», «Советское языкознание», II, Л., 1936, стр. 23—38.

110—111. «Проблемы языка в античной науке» (вступит. статья); редакция и примечания в разд. 1. В кн. «Античные теории языка и стиля», Л., 1936, стр. 7—28, 291—315.

112. «Учение о частях речи у Аристотеля», УЗЛГУ. Серия филол. наук, вып. 7, Л., 1941, стр. 20—26.

113. «Основы стоической грамматики». В кн. «Романо-германская филология». Сб. статей в честь акад. В. Ф. Шишмарева, Л., 1957, стр. 299—310.

114. «Изучение греческих диалектов в античное время». В сб.: «Третья всесоюзная конференция по вопросам классической филологии. Тезисы докладов. Секция латинского языка», Киев, 1966, стр. 75—76.

IV. Методология и история филологических исследований

115. «Сравнительно-исторические исследования». В кн. «Теоретические проблемы советского языкознания», М., 1968, стр. 5—34.

116. «Задачи советского языкознания в области античных языков», ИАН СССР, ОЛЯ, XVII, 1958, стр. 237—246.

117. «Лингвистическое изучение древнегреческого языка в России (до 1917 г.)», AAASH, XV, 1967, стр. 1—26.

118. «Из истории классической филологии в России. Споры о школьном произношении древнегреческого языка», «Вопросы классической филологии», № 5, Львов, 1966, стр. 82—86.

119. «Классические языки». В сб. «Советское языкознание за 50 лет», М., 1967, стр. 143—157.

120. «Иван Иванович Толстой», М., 1958 — вступительная статья, стр. 5—25.

121. «К 70-летию заслуженного деятеля науки проф. Н. Ф. Дератани», ВДИ, 1954, № 4, стр. 183 сл.

122. «К 70-летию проф. С. Я. Лурье», ВДИ, 1960, № 4, стр. 196—198.

123. «Франтишек Новотный», ВДИ, 1965, № 4, стр. 210—211.

124—126. «Зелинский». ЛЭ, 4, 1930, 332—334; «Филология классическая». БСЭ [1], 57, 1936, 431—433; «Роде». КЛЭ, 6 (в печати).

127. «Форум филологов-классиков», «Литературная Грузия», 1969, № 11—12, стр. 185—186.

Н. А. Чистякова, В. Н. Ярхо

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЮЛИЙ ПАВЕЛ

ПЯТЬ КНИГ СЕНТЕНЦИЙ К СЫНУ

IULII PAULLI SENTENTIARUM LIBRI V

(окончание)

*

ДОМИЦИЙ УЛЬПИАН

ФРАГМЕНТЫ

DOMITII ULPIANI FRAGMENTA

*

ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИЙ

Е. М. ШТАЕРМАН

КНИГА ПЯТАЯ

I. По поводу дел о свободе. 1. Если кто-нибудь по причине крайней нужды или ради пропитания продал своих детей, то он этим не нанес ущерба их статусу свободнорожденных, ибо свободного человека нельзя оценить никакой стоимостью. Не могут они также быть даны (родителями) в залог или обеспечение долга; если кредитор заведомо это допустит, он высылается. Труд же их может быть сдан. 2. Истинности и прирожденности свободного происхождения не наносит ущерба отпуск на волю, каким бы образом он ни был произведен. 3. (Статусу) свободнорожденного из ведомства фиска не наносит ущерба внесение его в списки фамилии фиска. 4. Если кто-либо из страха, под давлением какого-нибудь устрашения ложно заявит, что он раб, и это будет внесено в протокол при президе, то впоследствии ему не возбраняется защищать свой статус. 5. Если представитель известного лица, требующий (для этого лица) права свободы, откажется от иска, когда дело о свободе уже начато, то следует все дело передать другому представителю. С первого же взыскивается экстраординарно за то, что было (им) сделано, чтобы передать (другому) дело об освобождении, ибо не подобает, взяв на себя дело о статусе, бросать его без всякой принуждающей к тому необходимости.

II. О давности владения как способе приобретения собственности (*usucapio*). 1. Владение мы приобретаем и духом, и телом. Духом только своим, телом или своим, или чужим; одним только духом приобретать владение мы не можем, удерживать же только одним духом можем, что, например, относится к зимним и летним пастбищам. 2. Через посредство свободных лиц, не находящихся под нашей властью, для нас ничего не может быть приобретено. Но ради пользы принято, что через прокуратора для нас может быть приобретено владение. Приобретенное в отсутствие господина приобретается им не иначе, чем если он это утвердил. 3. Срок давности между присутствующими определяется в 10, между отсутствующими — в 20 лет. 4. Срок давности в 10 или 20 лет действителен даже в отношении общественного имущества, если начало владения было законно и в течение этого срока не прерывалось. Иск же об общественном имуществе в размере его стоимости вчиняется тем, кто пренебрег его защитой. 5. Если после начатого до истечения срока расследования имущество перейдет посредством покупки к новому владельцу и его не побеспокоят в течение 20 лет, то его не подобает лишать владения.

III. О том, что делается при мятежах. 1. Те, кто через посредство мятежа или беспорядков принес кому-нибудь ущерб или сделал так, что был нанесен ущерб, если дело идет о вещи, стоящей денег, должны возместить ее двойную стоимость; те же, из-за кого был нанесен вред чьему-нибудь телу, членам, жизни, караются экстраординарно. 2. За все то, что при по-

жаре, обвале, кораблекрушении, захвате корабля было похищено, украдено, утаено, с того, кто украл, похитил, скрыл, в течение года взымается четырехкратная стоимость вещи, после — простая. 3. Те, кто грабит, разрушает, захватывает чужие дома или виллы, если делает это, собрав толпу с оружием, караются смертной казнью. В наименование же оружия включается все, что может повредить здоровью человека. 4. Укрыватели нападающих, а также разбойников караются как и сами разбойники, ибо с уничтожением защитников успокоятся и страсти бесчинствующих. 5. Воры и похитители, действующие в банях, большей частью приговариваются к рудникам или общественным работам. Но иногда из-за многочисленности виновных приговор того, кто судит, смягчается. 6. Поджигатели, которые сознательно учинили пожар, караются смертной казнью. Если же огонь вырвался из-за небрежности инсулариев, то владельцу здания следует возместить причиненный ущерб.

IV. Об оскорблениях. 1. Оскорбление мы претерпеваем или телесное, или вне тела: телесное — из-за побоев или растления, вне тела — из-за брани и поносных писем; судят об этом в зависимости от чувств каждого из потерпевших и совершивших. 2. Сумасшедший и младенец не имеют ни воли совершить зло, ни чувства полученной обиды, поэтому с ними нельзя судиться из-за оскорбления. 3. Если оскорбление нанесено детям, находящимся под властью, или жене, нам следует обратиться в суд; мы можем обратиться в суд, если известно, что тот, кто это сделал, сделал это, чтобы оскорбить нас. 4. Телесное оскорбление наносит тот, кто кого-нибудь толкнет; иначе обстоит дело, если кто-нибудь кого-нибудь растлит или привлечет к суду за растление; такое дело карается экстраординарно, ибо изнасилование наказывается смертной казнью. 5. Нарушающие чужие свадьбы и покушающиеся на чужие браки, даже если им не удалось совершить злодеяние, за стремление к порочным наслаждениям караются экстраординарно. 6. Иск об оскорблениях бывает по закону или по обычаю, или смешанный. По закону XII таблиц о поносных стихах (виновные карались) повреждением членов и переломом костей. 7. По обычаю судья рассматривает совершенное и налагает по своему усмотрению соответствующее наказание. 8. Согласно смешанному праву, иск об оскорблении вчиняется по закону Корнелия [1], если кто-нибудь кого-нибудь толкнет или высечет, или силой войдет в дом, не будучи из числа тех, кого в просторечии называют деректарии и кого карают экстраординарно, так же как и за злоумышление входящих в дом воров, то их в соответствии с причиненным вредом карают или изгнанием, или рудниками, или общественными работами. 9. Осужденный по суду за оскорбление и получивший приказание внести за него возмещение лишается чести. 10. Тяжким оскорбление считается в зависимости от места или времени, или лица: от места — когда оно нанесено публично; от времени — когда днем; от лица — когда оно нанесено сенатору или римскому всаднику, или декуриону, или другому мужу, уважаемому благодаря его авторитету, и если оскорбление нанес сенатору, римскому всаднику или декуриону плебей или низкорожденный, или магистрату или эдилу, или судье — любой из обвиняемых, или всем им — плебей. 11. Тот, кто вчинит иск за оскорбление с целью клеветы, карается экстраординарно, ибо все клеветники караются изгнанием или ссылкой на острова, или исключением из сословия. 12. В оскорблениях можно обвинять, только присутствуя лично, ибо обвинение, за которым может последовать дело о мести или клевете, нельзя вчинять через других. 13. Оскорбление может совершаться против добрых нравов, как, например, если кто-нибудь обольет кого-нибудь нечистотами, вымажет калом, грязью

[1] Закон об оскорблениях, изданный по инициативе Суллы.

загрязнит воду, замарает трубы водохранилища или как-нибудь иначе нанесет бесчестие ради общественного оскорбления. 14. Если кто-нибудь склонит к растлению или иному постыдному делу одетого в претексту мальчика, похитив его у его сопровождающего или подкупив сопровождающего, сделает неприличное предложение девушке или женщине или сделает что-нибудь для совращения целомудрия, предоставит дом, даст, чтобы склонить к этому, деньги, то, если позорное дело совершилось, он карается смертной казнью, если не совершилось, высылается на острова; совращенные провожатые караются смертной казнью. 15. Если кто-нибудь сочинит для оскорбления кого-либо поносную песню или другой пасквиль, в котором тот может быть узнан, то именем светлейшего сената он высылается на острова, ибо для общественного порядка важно защищать доброе имя всякого от бесчестия, наносимого поносными стихами. Стихи сочиняет не только тот, кто слагает сатиры и эпиграммы, но и тот, кто сложит что-либо (подобное) в другом роде. Речь, составленная для того, чтобы выиграть чье-либо законное дело, и очернение противной стороны не карается, ибо следует всячески бесчестить то лицо, против которого мы выступаем. Однако и в этом деле следует соблюдать умеренность и разумность, ибо и таким образом нарушается уважение. 16. За пасквиль, в просторечии называемый песней, сочиненный для бесчестья другого и пропетый публично, экстраординарно караются как те, кто спел, так и те, кто сочинил, и тем строже, чем более следует защитить достоинство лица от такого оскорбления. 17. Продавцы, которые для оскорбления других выставляют (на продажу) пасквили, караются экстраординарно, вплоть до высылки на острова. 18. Тяжущимся не подобает бранить судью; иногда за это они караются бесчестьем. 19. Публичная брань и ругань карается как оскорбление. Осужденный за это дело лишается чести. 20. Не только тот, кто начинает брань и ругань, будучи осужден за оскорбление, лишается чести, но и тот, о ком говорят, что это было сделано по его наущению и совету. 21. Считается, что поруганы добрые нравы, если кто-нибудь преследует девушку непристойными словами или обнажив нижнюю часть тела. За это дело в интересах нравственности и общественной честности (виновного) ожидает экстраординарная кара. 22. Если раб нанесет тяжкое оскорбление или обиду, он приговаривается к рудникам, если же легкую, то, будучи высечен плетьми, он под угрозой временного пребывания в оковах возвращается господину.

V[A]. *О вынесении приговоров и окончании процессов.* 1. Считается, что законное решение выносится теми, кто имеет власть и империй или кто ими назначен (для суда) между сторонами, вследствие их авторитета, или муниципальными магистратами в той мере, в какой они могут судить, или теми, кто от имени императора разбирает иск в экстраординарном порядке. Судья, назначенный для третейского суда, приговора не выносит; но если по добровольному соглашению между сторонами обещано возмещение убытка в случае неисполнения обязательства, а затем дело передано в суд, то можно вчинить по этому делу иск о стипуляции. 2. Если должники признали (свой долг), то считается, что вынесено судебное решение; и поэтому время предоставления (платежей) рассчитывается со дня признания (долга). 3. Признаваться на суде каждый может не только устно, но и письменно и каким угодно образом. Уличенным же можно быть только посредством документов или свидетелей. 4. Залог тех, кто признал свой долг, может быть взят и продан. 5. Ответчик не может взять обратно свое признание. 6. То, что было присуждено в отсутствие другой стороны, не получает силы вынесенного решения. 7. Если тот, кто был вызван тремя письмами или эдиктами или одним, данным за все, или тремя уведомлениями о деле, не явится к судье, который его вызвал письмами или

эдиктами или которым он был уведомлен о начале дела, то о нем будет вынесено решение как о неповинующемся авторитету суда в деле, долженствовавшем разбираться, и он даже по этому поводу не сможет апеллировать. 7[a]. По поводу того судебного решения, которое вынесено против неповинующихся суду, нельзя ни апеллировать, ни (просить) об отмене (его). 8. Если о вещи некогда было вынесено судебное решение, то нельзя после долгого молчания делать ее предметом иска, ни взыскивать за нее вдвое. Долгим же временем, по примеру срока давности, считается для присутствующих 10, для отсутствующих — 20 лет. 9. В деле, грозящем казнью, потерей свободы или чести, никто не может быть осужден заочно, и не может быть заочно обвинен или обвинять через другого. 10. Если добросовестность судьи была обманута фальшивыми документами, то по закону можно требовать возобновления этого дела. 11. Ошибку в исчислении часто дозволяется пересчитать, а потому можно в любое время возобновить дело, если только оно не погашается сроком давности.

V[в]. *О вещах, которыми надлежит владеть в силу решения судьи.* 1. Малолетнему, если он не защищается и кредиторы введены во владение (его) имуществом, следует вплоть до совершеннолетия из этого (имущества) предоставлять алименты. 2. Имущество того, кто взят в плен, нельзя продавать, пока он не возвратится.

VI. Об интердиктах. 1. Ради удержания владений составлены интердикты, через посредство которых мы по желанию удерживаем то владение, которое имеем; таковые (интердикты) суть: «так как ты владеешь» для земельных владений и «у кого из двух» для движимого имущества. В первом случае имеет преимущество тот, кто владеет не вследствие насилия, обмена или по прекарию, (полученному) от противника; во втором случае имеет преимущество тот, кто владел большую часть истекшего года не вследствие насилия, обмана или прекарно. 2. Как интердиктом, так и иском оговорено, чтобы никто не препятствовал никому (пользоваться) общественной дорогой. Забота об этом деле лежит на кураторах дорог. Никто не исключается (из повинности) укреплять дороги. Если кто-нибудь на (дороге) сделает что-либо, мешающее движению, то приговаривается к разрушению сделанного. 3. Интердикт применим не только если господин изгонит (кого-либо) из имения, но и если (это сделает) его фамилия; в наименование же фамилии входят и два раба. 4. Изгнанным силой считается не только тот, кто устрашен натиском толпы или боясь палок, дротиков, оружия, но и тот, кто, узнав о неминуемом насилии, уступит владение, но только если его противник (туда) вошел. 5. Тот, кто силой изгнан с корабля, не может судиться по этому интердикту, но ему с пользой дается право иска о возвращении вещей по примеру иска о похищении вещей. 6. Изгнанным силой считается и тот, кто насильно удерживается в имении и кто подвергся устрашению на дороге, чтобы не добрался до своего имения. 7. Тот, кто владеет благодаря насилию, обману или прекарию, (полученному) от противника, не считается изгнанным силой. 8. Если в зданиях, которыми владеют вследствие насилия, какая-нибудь вещь сгорит или умрут рабы, то, хотя бы это было сделано не по злой воле того, кто изгоняет (владельца здания), все же он приговаривается к возмещению ущерба, поскольку хотел таким образом завладеть вещью, принадлежащей другому. 9. Если к соседям проведена вода из общей реки, то ее следует сперва разделить, и запрещается совершать что-либо силой в тех местах, из которых обычно вода проводится к отдельным лицам, (во вред) водопроводу. Тот, кто захватывает силой чужую воду, приговаривается к денежному штрафу. Попечение об этом деле относится к компетенции презида. 10. Когда дан интердикт, на его основании предоставляется право иска, чтобы тот, что имеет что-либо прекарно, возвратил

(это); однако по гражданскому праву иск о такой вещи вчиняется так же как и о данной на хранение, и это (соблюдается) тем более потому, что никто не должен потерпеть ущерб вследствие оказанного им благодеяния. 11. Владеющим прекарно считается не только тот, кто утверждает, что (владение) было уступлено ему посредством письма или каким-либо иным образом, но и тот, кто владеет без всякого знака волеизъявления собственника, но и при его (молчаливом) допущении. 12. Если наследник того, кто держал прекарное владение, продолжает в нем оставаться, то обычно он считается владеющим путем обмана: ибо ясно, что он не обращался к собственнику ни с какими просьбами. И поэтому судебное преследование по такому делу остается всегда постоянным, и интердикту (здесь) нет места. 13. Когда дерево нависает над чужим зданием или полем соседа, владельца следует предупредить, чтобы он его расчистил, если только он может это сделать. Если предупрежденный таким образом владелец не захочет этого сделать, сосед может уничтожить чрезмерно пышные ветви, и помешать тому не может никакой владелец. 14. Против того, кто свободного человека закует, похитит, запрет или заставит (на себя) работать, иск вчиняется и по закону Фабия, и по интердикту; по интердикту дело ведется так, что (виновный) должен выдать того, кого он задерживает, по закону же Фабия он карается и денежным штрафом. 15. Божественный Пий запретил отцам расторгать правильно заключенный брак; то же касается патрона в отношении отпущенника, родителей — в отношении сына и дочери. 16. Если кто-либо заложит все имущество, которым владеет или будет владеть впоследствии, то не закладываются ни конкубина, ни незаконный сын, ни питомец (alumnus), ни то, что он имеет в ежедневном пользовании; и поэтому о них не дается интердикта.

VII. О словесных обязательствах. 1. Для укрепления обязательств введены стипуляции, которые заключаются по определенной торжественной словесной формуле, и они названы так потому, что благодаря им прочность обязательств становится неразрывной, ибо древние называли прочное stipulum. 2. Словесное обязательство заключается между присутствующими, а не между отсутствующими. Если в документе было записано, что некто (нечто) обещает, то это имеет такую же силу, как если бы был дан ответ на предшествующий вопрос [2]. 3. Раб, на которого дан узуфрукт, приобретая что-либо за счет имущества фруктуария или собственного труда, приобретает для фруктуария. То же, что он приобретает из какого-либо иного места или за счет имущества владельца, он приобретает для владельца. 4. Если вследствие действия того, кто взял на себя обязательство, вещь, бывшая предметом стипуляции, погибнет, то на основании стипуляции ему можно вчинить о ней иск, так же как если бы она существовала. И потому взявший обязательство принуждается уплатить ее стоимость, особенно же в том случае, если его стипуляция была заключена с целью обмана.

VIII. Об обновлении обязательств. 1. Мы не только сами обновляем обязательства относительно того, что нам (кто-либо должен), но также и через тех, посредством которых можем заключать обязательства, как, например, через находящегося под властью сына или раба, которым мы это приказали сделать или акт которых утвердили. Наш прокуратор по нашему приказанию может обновлять обязательства.

IX. О преторских стипуляциях. 1. Если назначен наследник второй очереди при наследнике первой очереди, который наследует под (каким-либо) условием, то он благодаря этой стипуляции может с пользой для

[2] Стипуляция в устной форме состояла из вопросов вверителя и ответов должника, обязывающегося что-нибудь исполнить, вследствие чего и устанавливалось обязательственное отношение.

себя принудить наследника первой очереди дать обеспечение в том, что, домогаясь ввода в права владения, он не уменьшит наследственное имущество; в противном же случае он принуждается выплатить двойную стоимость дохода, (полученного) со дня заключения стипуляции (с той части имущества, на которую он его уменьшил). Эта процедура [3] отличается от прежней тем, что производится расследование, стоит ли та вещь, о которой идет дело, больше ста сестерций, и потому совершается в более долгий срок. 2. С того, кто ведет процесс, чтобы было получено достаточное возмещение за поручителя в тяжбе и присуждение владения вещью на время процесса, взыскивается двойная стоимость дохода со дня вынесения судебного решения. И как дающие, так и получающие, а также их наследники, и личность прокуратора и представителя на процессе, а также принявших на себя их долг включаются в ту же стипуляцию, а также и те, от имени кого было дано обещание. 3. Если дано обязательство представить обеспечение по оплате судебного процесса, то в случае проигрыша процесса не исключается возможность защищать свои права посредством экстраординарного расследования. 4. Если эманципированные дети, обойденные в завещании, захотят вмешаться в (дело) об отцовском наследстве и разделить с теми, кто остался под властью, наследство общего отца, то прежде чем они будут домогаться ввода во владение имуществом, должны позаботиться о поручительстве в том, что внесут (свою часть) в общую массу наследства для общего раздела. Если они не могут представить поручительства, их следует сразу же принудить честно соединить имущество в одно целое, за исключением лагерного пекулия.

X. О приобретении права. 1. Если грозит опасность возможного ущерба, сосед соседу должен дать обеспечение, прокуратор соседа — поручительство, прибавив и спонсоров [4] относительно возможного ущерба. 2. Относительно общей стены ради пользы следует соблюдать такое (правило): чтобы строил ее тот, в интересах кого (эта) постройка, и чтобы компаньона принудили признать расход соразмерно его части.

XI. О дарениях. 1. То, что помимо приданого передано матерью зятю в честь свадьбы в присутствии дочери, считается видом дарения. 2. Доказательство того, что владение передано или не передано, составляет не столько право, сколько факт; поэтому для доказательства достаточно, если я физически держу вещь. 3. Если отец что-либо дал находящемуся под властью сыну и, не изменив своей воли, умер, дар имеет законную силу. 4. Если одна вещь подарена двоим, то преимущество имеет тот, кому вещь передана; не имеет значения, кто получил (дар) позже, а кто — раньше, и имеется или нет оговорка о лицах. 5. Против желания дарителя его нельзя принудить дать гарантию на случай эвикции [5] подаренной вещи, а если он даст гарантию, его нельзя на основании ее обременять (ответственностью), ибо владелец вещи, приобретенной даром, по самому смыслу права исключается из иска об эвикции. 6. Тому, кто вырвал кого-нибудь у разбойников или врагов, не запрещено дарить на неопределенное время, если это только именуется даром, а не платой за выдающийся труд, ибо не подобает определенным образом оценивать почтение, (должное) за спасение.

---

[3] Praeiudicium — собственно предварительное решение, направленное на установление какого-нибудь правового или фактического отношения, от которого зависело решение другого вопроса, составлявшего предмет особого судебного разбирательства.

[4] Спонсор — тот, кто берет на себя чужой долг в форме торжественного обещания.

[5] Эвикция — отобрание вещи у покупателя на основании судебного решения в случае, если вещь принадлежала не продавцу, а третьему лицу. По особой стипуляции на случай эвикции продавец обязывался заплатить покупателю двойную стоимость вещи, если она будет отсужена другим.

XII. О праве фиска и народа. 1. Имущество того, кто из-за какого-нибудь совершенного им позорного деяния лишил себя жизни, переходит к фиску. Если же кто-либо это сделал из-за отвращения к жизни, стыда, вызываемого задолженностью, или плохого состояния здоровья, (его имущество фиском) не востребуется, но наследуется как обычно. 2. Наследство отбирается как у недостойного у того, кто, имея право наследовать после умершего без завещания свойственника или родственника, помешал им составить завещание или приложил усилия к тому, чтобы дело не было доведено до конца законным образом. 3. Если отец или господин доказывают подложность того завещания, по которому их сын или раб назначены наследниками или получают легат, чтобы они не получили (завещанное), то вступает в права фиск. 4. Несовершеннолетнему, который оспаривает завещание, если он проиграет дело, следует, учитывая его возраст, прийти на помощь в отношении того, что он таким образом потерял, особенно же если иск был вчинен по инициативе куратора или опекуна. 5. В той провинции, из которой кто-либо происходит, ему запрещено исполнять фискальные функции, чтобы среди своих он не слыл ни пристрастным, ни несправедливым. 6. Если без санкции судебного приговора оффициалы захватят чье-либо имущество, или опишут, или сделают так, что оно будет поставлено под надзор, то должен вмешаться прокуратор для устранения этой несправедливости, а инициаторы этого дела посылаются к префекту претория для наказания. 7. Не следует давать фиску право вести тяжбу, пагубную для частных лиц, а если (такое право) дано, принимать (тяжбу) к рассмотрению. 8. Бесчестно назначать императора наследником по причине тяжбы, ибо не подобает, опираясь на величество императора, приобретать возможность творить несправедливость. 9. Из простого обещания не рождается никакого иска; поэтому имущество того, кто хвастался, что назначит наследником императора, фиск захватить не может. 10. К привилегии фиска относится занимать первое место среди всех кредиторов. 11. Если фиск вызывает кого-либо в суд, то должен вызвать его не на основании какого-либо списка или копии какого-нибудь документа, но на основании оригинала, чтобы иметь возможность таким образом доказать подлинность контракта. И вообще ябедническое писание не может на суде получить силы законной претензии. 12. Имущество того, о ком известно, что он чеканил фальшивую монету, переходит к фиску. Если же известно, что это делали рабы без ведома господина, то они предаются смертной казни, у господина же ничего не отбирается, ибо вообще рабы не могут ухудшить положение господина, если только он не знал (об их действиях).

XIII. О доносчиках. 1. Всем вообще запрещено доносить на другого и уведомлять фиск о денежных делах [6], безразлично, сделают ли это мужчины или женщины, рабы, свободнорожденные или отпущенники, донесут ли они на своих, или на чужих — все они одинаково караются. 2. Рабы фиска, которые должны уведомлять господина и объявлять ему о подсудных делах, не считаются доносящими. Конечно, тайные подстрекатели побуждают заявить на виновного, чтобы о том, о чем они сами не могут донести, донес кто-нибудь другой. Поэтому подстрекатели караются так же, как доносчики. 3. Рабов осужденного, которые до и после вынесения приговора дают показания о преступлениях господ, никоим образом не следует слушать, если только они не доносят на виновных в оскорблении величества.

XIV. О производстве допросов. 1. Для раскрытия преступления следует применять допрос; однако не следует сразу начинать с пыток. Поэтому

[6] Т. е. если донос делается для получения денежной награды, а не на законном основании или по долгу службы.

сперва следует допрашивать на основании доводов, и если обвиняемый будет уличен в том, в чем подозревается, то, применив пытку, его следует принудить признаться в своих злодействах и (назвать) сообщников. 2. Допрашивать нескольких обвиняемых в одном злодеянии следует таким образом, чтобы начинать с того, кто кажется более робким и в более нежном возрасте.

XV. О свидетелях. 1. Свидетелей, подозреваемых в пристрастности, и особенно тех, кого обвинитель привел из своего дома или кого обесчестила жизнь в низости, не следует допрашивать: ибо относительно свидетелей следует учитывать и образ их жизни и достоинство. 2. В (обвинение) против свойственника или родственника свидетелей нельзя допрашивать против их воли. 3. Друг против друга, даже и с их согласия, к даче свидетельских показаний не допускаются родители и дети, а также патроны и отпущенники: ибо в большинстве случаев связь между лицами искажает правдивое свидетельское показание. 4. Если вызванные свидетели колеблются относительно достоверности документов, то их нельзя допрашивать по поводу документов. 5. Те, кто даст ложные или разноречивые свидетельские показания или будет служить обеим сторонам, или высылаются на острова, или в изгнание, или исключаются из курии. 6. В денежных делах, если только расследование не касается наследственного имущества, пытка не применяется; другие же выясняются с применением присяги или на основании свидетельских показаний.

XVI. О допросах рабов. 1. Соображения справедливости свидетельствуют, что раба можно допрашивать относительно его поступков; и тому не должно препятствовать, если кто-либо через посредство раба что-либо поручил или отдал на хранение без обеспечения. 2. Судья, ведающий делами по опеке, а также и центумвиры, если не могут иным путем решить дело о наследственном имуществе или об обязательствах какого-нибудь рода, могут допрашивать входящих в состав наследства рабов. 3. Чужих рабов в деле против кого-нибудь другого можно допрашивать под пыткой только поодиночке. И этого нельзя дозволять против воли господина, за исключением тех случаев, когда обвинитель, которому важно доказать то, что он утверждает, готов внести их стоимость по оценке господина или по крайней мере взять на себя оплату за то, что раб испорчен. 4. Рабу, который по собственной инициативе донесет о чем-либо на господина, не следует доверять: ибо не подобает в сомнительных делах благополучие господ ставить в зависимость от суждения рабов. 5. В делах, направленных против господина, будь то уголовные или денежные дела, не может допрашивать ни президент, ни прокуратор. 6. Общего раба нельзя допрашивать под пыткой в деле, направленном против одного из господ. 7. Если кто-нибудь купит раба с тем, чтобы его не допрашивали под пыткой в направленном против него деле, то, возместив ему стоимость (раба), раба можно допрашивать. 8. Раба в деле против того господина, у которого он был куплен и у которого когда-то был в рабстве, в память прежнего господина допрашивать нельзя. 9. Если раб был отпущен на волю для того, чтобы его не подвергали допросу под пыткой, его, тем не менее, можно допрашивать. 10. Показаниям того разбойника, которого кто-либо привел, если он показывает против него, веры давать не следует, за исключением тех случаев, когда известно, что он это сделал для того, чтобы скрыть свое соучастие с обвиняемым. 11. Ни обвинитель не может обвинять через другого, ни обвиняемый не может защищаться через другого, разве что патрон обвиняет неблагодарного отпущенника или обвиняемый защищается в свое отсутствие. 12. Если обвиняемый оправдывается вследствие того, что дал деньги судье, и это будет доказано, то (судья) приговаривается к такому наказанию, к какому мог бы приговорить обвиняемого. 13. Можно или

нельзя подвергать пытке в деле против уличенного обвиняемого, следует решить в соответствии с тяжестью совершенного им злодеяния. 14. Обвинителей следует принудить указать, в чем вина тех, кого они обвиняют: ибо следует знать, за какие преступления им придется отвечать.

XVII. О прекращении (процессов). 1. Прекращение есть уничтожение, забвение или погашение обвинения. 2. После государственного прекращения обвиняемый может быть вновь привлечен своим обвинителем в течение 30 дней, позже — не может. 3. Высшая мера наказания — это крест, сожжение, обезглавливание; за средние преступления кары — это рудники, цирковые игры, высылка; за самые меньшие — временная ссылка, изгнание, общественные работы, оковы. Обычно те, кто отдается в гладиаторы, лишаются жизни в течение года.

XVIII. О похитителях скота. 1. Похитители скота — это те, кто увел одну или две лошади, столько же быков, десять овец или коз, пять свиней. Тот, кто похитил что-либо в пределах этого числа, в наказание за воровство, в зависимости от его характера, карается штрафом в размере двойной или четырехкратной стоимости (украденного), или после сечения плетьми отдается на общественные работы сроком на год, или, если это раб, возвращается господину, чтобы тот покарал его оковами. 2. Если кто-нибудь ночного или дневного вора, который защищался оружием, убьет, по этому закону он не отвечает; однако лучше поступит тот, кто, схватив его, доставит для передачи магистратам [7]. 3. Если кто-нибудь уведет тот скот, о котором идет тяжба, его следует предать суду, и, будучи уличен, он, как вор, присуждается к двойному или четырехкратному штрафу. 4. Кто уведет блуждающего коня или быка, или какой-нибудь другой скот, считается обычным вором, а не похитителем скота [8].

XIX. О святотатцах. 1. Кто ночью с применением насилия с целью грабежа и разрушения ворвется в храм, отдается на съедение зверям; те же, кто днем унесет что-либо легкое из храма, то если они из благородных — караются высылкой, если из простонародья — приговариваются к рудникам.

XX. О поджигателях. 1. Если кто-нибудь устраивает в городе пожар с целью грабежа, то обычно карается смертной казнью. 2. Те, кто из-за вражды подожжет хижину или виллу, то если они из простонародья — приговариваются к рудникам или общественным работам, если из благородных — к высылке на острова. 3. Если при случайном пожаре из-за неблагоприятного направления ветра или нерадивости борющихся с пожаром огонь захватит соседние поля и из-за этого сгорят посевы или виноградники, или оливковые деревья, или фруктовые деревья, то нанесенный ущерб возмещается согласно оценке. 4. За совершенное рабами, если господину это кажется уместным, он выдает их для наказания. 5. Злоумышленно поджегшие посевы или виноградники, или оливковые деревья, если они из простонародья — караются рудниками, если из благородных — высылаются на острова. 6. Те, кто ночью с применением насилия срубит плодовые деревья, большей частью караются сдачей их на время на общественные работы, благородные же или принуждаются возместить убыток, или изгоняются из курии, или высылаются.

XXI. О предсказателях и астрологах. 1. Предсказателей, которые делают вид, что вдохновлены богом, следует изгонять из города с тем, чтобы они, пользуясь человеческим легковерием, не портили общественные нравы надеждой на что-нибудь и не приводили таким образом в смятение души народа. Поэтому сперва их следует высечь плетьми и изгнать из

[7] Параграф 2 восстановлен по Collatio mosaicarum et romanarum legum, VII, 2, 1.

[8] Параграф 7 восстановлен по тому же сборнику, XI, 5, 1.

города; упорствующих же или заключают в тюрьму, или высылают на острова, или ссылают на время. 2. Те, кто вводит новые, ни обычаю, ни разуму неизвестные религии, которые волнуют человеческие души, если они из благородных — ссылаются, если из простонародья — караются смертной казнью. 3. Если кто-нибудь советуется с астрологами, бродячими гадателями, гаруспиками, прорицателями относительно здоровья императора или верховной власти в республике, то он вместе с тем, кто дал ему ответ, карается смертной казнью. 4. Правильно поступит тот, кто воздержится не только от гадания, но и от самого знания относящихся к нему книг. Если рабы советуются о здоровье господ, то они караются высшей мерой наказания, т. е. крестом; те же, с кем они советовались, если дадут им ответ, или присуждаются к рудникам, или высылаются на острова.

XXII. О мятежниках. 1. Инициаторы мятежей и беспорядков и подстрекатели народа в зависимости от своего достоинства или распинаются на кресте, или отдаются на съедение зверям, или высылаются на острова. 2. Те, кто выкапывает или выпахивает межевые знаки или вырывает пограничные деревья, то если это рабы, действовавшие по собственной инициативе, караются рудниками, если из простонародья — общественными работами; благородные высылаются на острова с конфискацией трети имущества или их принуждают уйти в изгнание. 3. Римские граждане, допустившие, чтобы их или их рабов обрезали по иудейскому ритуалу, навеки высылаются на острова с конфискацией имущества; врачи, совершившие обрезание, караются смертной казнью. 4. Если иудеи, купив рабов другой национальности, обрежут их, они караются или ссылкой, или смертной казнью.

XXIII. К закону Корнелия об убийцах и отравителях. 1. Закон Корнелия карает ссылкой того, кто убьет человека и, дабы совершить это дело, тайно будет иметь оружие, или того, кто с целью убить человека будет иметь яд, продаст его, купит, или кто даст ложное показание, из-за которого кто-нибудь погибнет, или создаст причину смерти. За все эти злодеяния благородных следует покарать смертной казнью, простонародье же или распинают на кресте, или бросают на съедение зверям. 2. Человекоубийцей считается тот, кто убьет человека каким-либо оружием или создаст причину (его) смерти [9]. 3. Иногда бывает, что того, кто убил человека, оправдывают, а того, кто не убил, осуждают как человекоубийцу: ибо следует наказывать всякого за его намерение, а не действие. Поэтому тот, кто хотел убить, но по какой-то причине не смог этого выполнить, карается как человекоубийца; а тот, кто случайно ударом оружия неосторожно убил человека,— оправдывается. 4. Если пронзенный в драке человек умрет, то, поскольку следует принимать в соображение и нанесенные кому бы то ни было удары, простонародье присуждается к рудникам или цирковым играм, благородные же высылаются на время с конфискацией половины имущества. 5. Причина смерти не считается достаточной, если раненый человек, после того как некоторое время вел обычную жизнь, умрет, если только не был ранен с тайным умыслом убийства или ранен смертельно. 6. Если раб умрет от ударов, то, если только это не было сделано злоумышленно, господина нельзя сделать обвиняемым в человекоубийстве; хотя, однако, следует быть умеренным в битье и наказании рабов. 7. Тот, кто носит оружие для охраны своей безопасности, не считается носящим оружие с целью человекоубийства. Наименование оружия относится не только (к тому, что сделано) из железа, но и ко всему, что

[9] Параграф 2 восстановлен по тому же сборнику, I, 4

носят с целью причинить вред [10]. 8. Того, кто убьет разбойника, покушавшегося на его жизнь, или кого-либо, кто хотел его изнасиловать, не следует наказывать: ибо один защищал свою жизнь, другой—свое целомудрие от караемого государством преступления. 9. Если кто убьет ночного или дневного вора, защищающегося оружием, он не отвечает по этому закону, но лучше поступит тот, кто, захватив его, передаст магистратам для передачи президу. 10. Судья, взявший деньги во вред жизни и счастью человека, ссылается на острова с конфискацией имущества. 11. Подстрекнувшие к убийству караются, так же как и убийцы. 12. Если тот, кто расчищает деревья, сбрасывая с дерева ветвь, не предупредит, чтобы (люди) остерегались, и идущий мимо человек будет убит ударом (этой ветви), то хотя в законе (такой случай) не встречается, он все же приговаривается к рудникам. 13. Если кто-либо ради наслаждения или продажи кастрирует человека против его воли или поручит кастрировать, будь ли то свободный или раб, он карается смертной казнью; благородные же ссылаются на острова с конфискацией имущества. 14. Если кто-нибудь даст напиток, вызывающий выкидыш, или любовный, то хотя бы он сделал это без злого умысла, все же, поскольку такая вещь служит дурным примером, если он из простонародья, то приговаривается к рудникам, если из благородных — к временной высылке на острова с конфискацией части имущества; если же из-за этого погибнет мужчина или женщина, то карается смертной казнью. 15. Те, кто совершает нечестивые ночные священнодействия или поручают их совершить для того, чтобы кого-либо околдовать, пленить, обязать (что-либо сделать), или распинаются на кресте, или бросаются на съедение зверям. 16. Те, кто приносит в жертву человека и совершает возлияния его кровью и оскверняет алтари и храмы, отдаются на съедение зверям или, если они из благородных, караются смертной казнью. 17. Соучастников магических действий следует карать смертной казнью, т. е. распинать на кресте или бросать зверям. Сами же маги сжигаются живьем. 18. Никому не дозволено иметь у себя книг по волшебству; если они у кого-нибудь найдены, то публично сжигаются, а (те, кто их имел), если они из благородных, ссылаются на острова с конфискацией имущества, если из простонародья — предаются смертной казни. Ибо запрещается не только применение, но даже и знание такого искусства. 19. Если из-за такого лекарства, которое дано, чтобы помочь или вылечить, человек умрет, то давший, если он из благородных, ссылается на острова, если же из простонародья — карается смертной казнью.

XXIV. К закону Помпея об отцеубийцах. 1. По закону Помпея об отцеубийцах отвечает тот, кто убьет отца, мать, деда, бабку, брата, сестру, дядю с отцовской или материнской стороны, брата или сестру деда консобрина, консобрину, жену, мужа, зятя, тестя, отчима, пасынка, падчерицу, патрона, патрону. Если тех, кто убьет отца, мать, деда, бабку, брата, сестру, патрона, патрону, прежде, зашив в мешок, бросали в море, то теперь их сжигают живьем или бросают на съедение зверям.

XXV. К закону Корнелия о завещаниях. 1. По закону Корнелия о завещаниях отвечает тот, кто, сознательно злоумышляя, подложное завещание или какой-нибудь другой документ напишет, огласит, подсунет, подпишет, а также скроет, устранит, распечатает, сотрет; и тот, кто сделает подложную печать, вылепит ее, приложит, а также кто устранит или сохранит; и тот, кто золотые и серебряные монеты подделает, смоет, расплавит, сотрет, испортит, повредит или не одобрит изображения принцепса, чеканенного на монете, если она не фальшивая. (Виновные), если они из

[10] Параграфы 4—7 восстановлены по тому же сборнику, I, 7, 2; I, 13, 1—2; II, 7; III, 2.

благородных,— ссылаются на острова, если из простонародья,— или отдаются в рудники, или караются смертной казнью, рабы же, даже если они после совершенного преступления были отпущены на свободу, распинаются на кресте. 2. Тот, кто получит деньги за то, что даст ложное показание или не даст истинного, или даст деньги, или совратит, или поручит совратить судью, чтобы он вынес или не вынес приговор, то если он из простонародья, карается смертной казнью, если же из благородных, вместе с самим судьей ссылается на острова с конфискацией имущества. 3. Фальшивое — это то, что на самом деле не существует, но выдается за истинное [11]. 4. Судья, который вынесет решение по изложенному ему (делу) вопреки священным установлениям принцепсов и вопреки публичному праву, высылается на острова. 5. Тот, кто с сознательным злоумышлением счета, акты, расписки, выставленные списки (декурионов), свидетельские показания, письменные удостоверения сделки, собственноручные подписи, письма, с целью обмануть кого-нибудь сотрет, изменит, подделает, подпишет, и тот, кто позолотит или посеребрит медь, и тот, кто, плавя золото или серебро, подмешает медь или свинец, карается (по закону) о подлогах. 6. Светлейший сенат постановил, чтобы те таблички, которые содержат текст общественных и частных контрактов, при привлечении свидетелей подписывались так, чтобы, будучи с верхнего края до середины трижды просверлены, они были связаны шнурком и чтобы на наложенном сверх шнурка воске оттискивались печати и чтобы внутренний текст подтверждал верность внешнего. (Написанные) по-другому таблички, будучи предъявленными, не имеют никакой законной силы. 7. Тот, кто при жизни (завещателя) откроет, огласит, распечатает завещание, карается по закону Корнелия; и обычно (виновные) из простонародья караются рудниками, из благородных — высылаются на острова. 8. Если кто-нибудь уличит своего прокуратора или представителя на процессе, что они вероломно выдали противной стороне документы, имеющие отношение к его тяжбе, то как прокуратор, так и представитель на процессе, если они из простонародья, приговариваются к рудникам, если из благородных, то навечно ссылаются с конфискацией половины имущества. 9. Если кто-нибудь помещенные у него на хранение документы в отсутствие (поручившего) отдаст другому или выдаст противнику, то он в зависимости от своего личного положения или присуждается к рудникам, или высылается на острова. 10. Кто с сознательным злоумышлением пользуется фальшивыми документами, актами, письмами, рескриптами, карается по закону о подлогах, а потому простонародье карается рудниками, благородные ссылаются на острова. 11. Тот, кто назовет себя фальшивым именем, выдумает себе род и родителей, чтобы захватить и завладеть чужим (имуществом), карается по закону Корнелия о подлогах. 12. Если кто-нибудь будет пользоваться инсигниями высшего сословия и притворится, что состоит на военной службе, чтобы кого-нибудь застращать и принудить (к чему-нибудь) угрозами, то если он из простонародья, карается смертной казнью, если из благородных, высылается на острова. 13. Если кто-нибудь ложно притворится другом или родственником судьи и продаст (сведения) об исходе его приговора или будет делать что-либо, прикрываясь его именем, то, будучи уличен, в зависимости от размеров своего преступления или высылается, или карается смертной казнью.

XXVI. К закону Юлия о насилии против общества и частных лиц. 1. По закону Юлия о насилии против общества карается тот, кто, будучи наделен какой-нибудь властью, убьет или прикажет убить, подвергнет пытке, высечет или прикажет отвести в тюрьму римского гражданина до

[11] Параграф 3 восстановлен по тому же сборнику, VIII, 6.

того как он апеллирует в прежние времена к народу, теперь — к императору. Кара за такое дело для простонародья — смертная казнь, благородные же караются ссылкой на острова. 2. Из этого закона исключаются те, кто занимается драматическим искусством, если они были осуждены и признались, и было приказано отвести их в тюрьму за то, что они не повиновались судье или чем-либо нарушили общественный порядок; воинские трибуны и префекты флота или ал имеют право карать за военные преступления без всякой помехи со стороны закона Юлия. 3. По закону Юлия о насилии против общества и частных лиц отвечают те, кто собрав вооруженных людей, кого-либо из имения, дома, виллы выгонит, возьмет приступом, подвергнет осаде, запрет, и, чтобы это совершить, наймет, займет, сдаст людей; а также те, кто вызовет пожар вследствие сходки, сборища, скопления толпы, мятежа; кто помешает кого-либо похоронить или предать земле или нарушит и приведет в беспорядок похороны; а также те, кто лишенного воды и огня [12] примет, спрячет, будет держать (у себя); те, кто будет находиться в общественном месте с оружием, кто храмы, ворота или что-либо другое, принадлежавшее государству, вооружась, подвергнет осаде, окружит, запрет, захватит. Уличенные во всем этом, если они из благородных, ссылаются на острова с конфискацией трети имущества, если из простонародья — караются рудниками. 4. Кредитор, имеющий письменное удостоверение долга, без приказания презида силой захвативший у должника залог, который не был дан ему в обеспечение долга, нарушает закон Юлия о насилии против частных лиц. Залог же и обеспечение, у него помещенные, не возбраняется взыскивать и без санкции авторитета судьи.

XXVII. К закону Юлия о казнокрадстве. 1. Если кто-нибудь казенные деньги похитит, украдет, заменит (золото на медь) или будет употреблять для собственной пользы, он присуждается уплатить в четыре раза больше тех денег, которые он украл.

XXVIII. К закону Юлия о подкупах. 1. Если доказано, что помощники судей совращены деньгами, то обычно они изгоняются из курии или (службы у) презида, или ссылаются в изгнание, или высылаются на время.

XXIX. К закону Юлия об оскорблении величества. 1. По закону Юлия об оскорблении величества отвечают те, по чьей инициативе или чьими действиями поднято оружие против императора или республики, или его войско доведено до мятежа; а также те, кто без приказа императора (начнет) вести войну, проводить набор рекрутов, собирает войско и подстрекает его, чтобы оно отвратилось от императора. Прежде таких (лиц) навеки лишали воды и огня, теперь же, если они из простонародья — бросают на съедение зверям или сжигают живьем, если из благородных — карают смертной казнью. Это преступление преимущественно разгорается не только от действия, но от нечистивых слов и проклятий. 2. В деле виновного в оскорблении величества следует прежде всего выяснить, с помощью каких средств, какой партии, каких инициаторов он это сделал, ибо виновный в таком деле должен быть наказан не под предлогом лести кому-нибудь, а из-за самого преступления. И поэтому когда идет о нем расследование, ни одно сословие не исключается из применения пытки.

XXX[A]. К закону Юлия о добывании почетных должностей незаконными средствами. 1. Если тот, кто собирается домогаться магистратуры или жречества в провинции, будет уличен в том, что наймет для этого дела толпу избирателей, призовет рабов или наймет какую-нибудь другую толпу, он высылается на острова, так же как виновный в применении насилия против общества.

[12] Т. е. изгнанного из отечества.

XXX^B. К закону Фабия[13]. 1. По закону Фабия отвечает тот, кто римского гражданина-свободнорожденного (или) отпущенника, или чужого раба спрячет, продаст, закует, купит. 2. И некогда наказание по этому закону налагалось денежное; но (теперь) расследование (таких дел) передано префектам Рима и президам провинций, и они заслуживают экстраординарного наказания. Поэтому (виновные) из простонародья или приговариваются к рудникам, или к распятию на кресте; благородные высылаются навечно с конфискацией половины имущества. 3. Если раб с ведома господина похитит чужого раба, продаст (его), спрячет, карается сам господин; если же он сделал это без ведома господина — приговаривается к рудникам [14].

XXXI. О наказании солдат. 1. Если солдат, взяв деньги, выпустит (заключенного) из-под стражи, он карается смертной казнью. И, конечно, надо расследовать, в каком преступлении обвинялся отпущенный. 2. Те, кто силой вырвет у солдата конвоируемого им заключенного, караются смертной казнью.

XXXII. Когда следует апеллировать. 1. Когда требуется присяга, то апеллировать следует в то время, когда предложено ее принести, а не тогда, когда она принесена.

XXXIII. Об обеспечениях и штрафах при апелляциях. 1. Для того чтобы никто не мог своевольно, по собственному суждению пересматривать и брать обратно вынесенный приговор, установлены и штрафы и определенный срок для апеллирующих. Для тех, кто апеллировал неправильно, предоставляется пять дней для обеспечения (уплаты) штрафа по апелляции. Итак, тот, кто пребывает в том месте, где он апеллировал, должен обеспечить себе, чтобы со дня поступления уведомления судьи о передаче ему апелляционной жалобы было отсчитано пять непрерывных дней. Если же он (находится) вдали, то должно быть отсчитано пять дней вместе с тем, когда было получено уведомление судьи и с прибавкой дней пути. 2. Для того чтобы кто-нибудь не понес ущерба из-за формулы обеспечения (уплаты штрафа) [15], будет гораздо лучше отдать на сохранение самый штраф или что-либо вместо него: ибо нет необходимости представить поручителя или залогодателя, или лично присутствовать. Но если дело будет решено против него, он потеряет то, что дал на хранение. 3. Тот, кто дает обеспечение на случай штрафа, может представить как одного, так и многих поручителей, если они пригодны; достаточно даже, если обеспечить неприкосновенность штрафа предоставлением одного пригодного поручителя. 4. Если апеллируют многие, то одного обеспечения достаточно, и если дает ручательство один, он этим обязывает всех. 5. Если обжалуется несколько приговоров, то обеспечение следует требовать за каждый отдельно и следует поручиться за каждый штраф отдельно. 6. Размер штрафа, за который кто-нибудь должен дать обеспечение, должен быть специально оговорен в поручительстве, чтобы было известно, на сколько заключается стипуляция; ручательство, сделанное по-иному, не считается правильным. 7. Если судебное решение обжалует представитель на суде, требовавший свободы известного лица, он должен дать обеспечение на третью часть того, во сколько оценено все дело. 8. Во всех денежных делах принято, чтобы обеспечение было дано на третью часть этой суммы денег.

XXXIV. О докладе судьи о подаче апелляционной жалобы на его решение. 1. От того, на кого подают апелляцию, к тому, кто должен апелляцию расследовать, направляется официальное донесение, которое в просто-

[13] Lex Fabia de plagiariis, изданный в 183 г. до н. э.

[14] Восстановлено по Collatio, XIV, 2.

[15] Формула этого обеспечения, относившаяся к экстраординарному процессу, не была опубликована.

речии называется апостол; его востребование и получение должно, по долгу службы, иметь место в течение пяти дней. 2. Тот, кто в течение предписанного времени донесение не потребует, не получит, не возвратит, согласно предписанию отстраняется от ведения дела и принуждается внести штраф по апелляции.

XXXV. О возвращении апелляционных дел. 1. Право на апелляцию по уголовным делам и по статусу лица мы можем осуществлять только лично, ибо никто в его отсутствие не может быть обращен в рабство или осужден (за уголовное преступление). 2. Просроченные апелляции и те, которые подаются служителями суда и признавшимися, принимать не следует. 3. Тот, кто апеллирует, оскорбляя самого судью, не имеет права на апелляцию; и потому то, что сделано таким образом, согласно суждению принцепса, карается.

XXXVI. Что следует соблюдать после подачи апелляции. 1. Если апеллирует владелец, то доход, полученный в промежуток времени (до решения по апелляции), следует отдать на сохранение. Если же апеллирует истец, доход не может быть на положении депозита и не дается право требовать за него возмещения. 2. Если апелляция подана относительно городских владений или рабов, то следует отдавать на сохранение плату за наем помещения и их заработную плату, а если дело идет о кораблях, плату за провоз.

XXXVII. О неправильных апелляциях. 1. Во всяком случае действует такое установление, что когда чья-нибудь апелляция признана незаконной, он обязан в четырехкратном размере возместить убытки, которые понес противник во время расследования.

ФРАГМЕНТЫ ДОМИЦИЯ УЛЬПИАНА

Домиций Ульпиан был одним из известнейших юрисконсультов Римской империи. Он родился в Тире и деятельность свою начал со времени правления Септимия Севера в Риме, всесторонне и глубоко изучая право. Ульпиан написал многочисленные, посвященные изложению и комментариям права труды, из них наиболее значительными считались «К эдикту» в 83 книгах, в которых рассматривалось преторское право, и «К Сабину» в 51 книге, посвященный гражданскому праву. Когда к власти пришел Александр Север, опекуном которого был Ульпиан, император назначил его префектом претория. В этой должности Ульпиан пользовался большой властью и влиянием, но, пытаясь ввести более строгую дисциплину в армии, вызвал к себе ненависть военных кругов, приписывавших ему те проводившиеся правительством Александра Севера мероприятия, которые вызывали их неодобрение. В 228 г. Ульпиан был убит во время солдатского мятежа. При кодификации римского права его сочинения широко использовались, но из самих этих сочинений до нас дошли лишь незначительные отрывки. Так называемые «Фрагменты» сохранились в галльском кодексе X в. Считается, что они представляют собой выдержки из сочинения Ульпиана «О правилах», написанного в правление Каракаллы одновременно с «Институциями», служившими для учебных и справочных целей, так же как и труд «О правилах». Когда именно были составлены «Фрагменты», точно не известно, возможно, в правление Константина, но, может быть, и позже, хотя не позднее V в.

Несколько фрагментов из «Институций» записаны на двух листах, представляющих собой отрывок рукописи V в., возможно, содержавшей все это сочинение. Также на случайно найденных четырех листах были обнаружены фрагменты труда Ульпиана «О правах фиска».

ДОМИЦИЙ УЛЬПИАН. ФРАГМЕНТЫ

1. Совершенен такой закон, который запрещает что-либо делать, а если это сделано, считает недействительным, как, например, закон... Несовершенен такой закон, который запрещает что-нибудь делать, и если это сделано, не отменяет и не налагает наказания на того, что поступил вопреки закону, каков, например, закон Цинтия [1], который запрещает дарить более двух тысяч ассов (кому-нибудь), за исключением некоторых лиц, например когнатов, но, если подарено больше, не отменяет (дарения). 2. Менее совершенен закон, который запрещает что-нибудь делать, а если это сделано, не отменяет, но налагает наказание на того, кто поступил вопреки закону; таков, например, закон Фурия о завещаниях [2], который запрещает всем, кроме лиц, для которых сделано исключение, принимать более тысячи ассов по легату или (дарению) на случай смерти, и в наказание тому, кто принял, устанавливает штраф в четырехкратном размере. 3. Закон может (возникнуть в результате) рогации, т. е. он издан, или аброгации, т. е. отмены прежнего закона, или дерогации, т. е. отмены части первоначаль-

[1] Закон, изданный в 202 г. до н. э.

[2] Закон, изданный в 183 г. до н. э. и отмененный законом Фальцидия.

ного закона, или суброгации, т. е. прибавления чего-либо к первоначальному закону, или оброгации, т. е. какого-либо изменения в первоначальном законе... 4. Нравы — это молчаливое согласие народа, укоренившееся благодаря долговременной привычке.

1. Об отпущенниках. 5. Есть три категории отпущенников: римские граждане, латины-юнианы и (те, кто считается) из числа дедитициев. 6. Римские граждане — это те отпущенники, которые отпущены законным образом, т. е. виндиктой, или по законному цензу, или по завещанию с соблюдением всех правовых норм. 7. Виндиктой отпускают на свободу в присутствии магистрата римского народа, например, консула, претора или проконсула. 8. По цензу отпускали некогда тех, кто во время проводившегося каждое пятилетие ценза в Риме по приказу господ вписывался в ценз среди римских граждан. 9. Чтобы отпущенные по завещанию становились свободными, установил закон XII таблиц, который утвердил данные по завещаниям освобождения в таких словах: «да будет законным то, как (кто-нибудь) распорядился в завещании своим имуществом». 10. Латины — это те отпущенники, которые отпущены не согласно с законом, как, например, в присутствии друзей, если этому не препятствовали никакие правовые нормы; некогда претор защищал видимость их свободы, ибо согласно праву они оставались рабами. Теперь же они свободны и по праву благодаря закону Юния [3], по которому отпущенные в присутствии друзей именуются латинами-юнианами. 11. В числе дедитициев находятся те, кто был в наказание закован господами или заклеймен, или те, кто по обвинению в преступлении был подвергнут пытке и оказался виновным, или те, кто был выдан (господами) для участия в гладиаторских играх или для борьбы со зверями и поэтому был брошен на арену или в тюрьму, но затем каким-нибудь образом был отпущен на свободу. И это утвердил закон Элия-Сентиа [4]. 12. Этим законом оговорено также, чтобы отпущенный виндиктой раб моложе 30 лет не становился римским гражданином, если только это дело не будет одобрено советом. Поэтому раба такого возраста, отпущенного без (одобрения) совета, (закон) считал оставшимся рабом; отпущенного же по завещанию он приказал рассматривать так же как и (такого раба), который пребывает на свободе по воле господина, и, следовательно, он становится латином. 13. Тот же закон запретил господину, которому менее 20 лет, отпускать на волю раба, за исключением тех случаев, когда совет это дело утвердит. 13[a]. В совет же входят в Риме пять сенаторов и пять римских всадников, в провинциях же — 20 рекуператоров [5] римских граждан. 14. Если господин, являющийся несостоятельным должником, по завещанию отпускает раба и назначает его наследником, то даже если ему меньше 30 лет, или он находится в таком положении, что должен стать дедитицием, он все же становится римским гражданином и наследником, если только по этому завещанию нет другого наследника [6]. Если (в завещании) приказано, чтобы двое или больше были свободными и наследниками, то свободным и наследником становится тот, кто написан первым, что установлено законом Элия-Сентия. 15. Тот же закон запрещает отпускать на свободу с целью обмануть кредитора или патрона. 16. Кто владеет рабом по преторскому, но не по квиритскому

[3] Закон, изданный в 18 г. до н. э.

[4] Законы, изданные в 3 г. н. э., регулировали отпуск на волю рабов.

[5] Рекуператоры — судьи, назначавшиеся в известных случаях для решения гражданских дел, первоначально между римскими гражданами и провинциалами, впоследствии — и между римскими гражданами.

[6] Раб, отпущенный по завещанию и назначенный наследником, обязан был принять наследство, претерпеть вместо завещателя или его сына бесчестье, связанное с продажей имущества банкрота, и по возможности удовлетворить кредиторов. См. «Институции» Гая, II, 153—155.

праву, тот, отпуская его на свободу, делает его латином. Считается, что кто-нибудь владеет рабом по преторскому праву тогда, когда, например, римский гражданин купит у римского гражданина раба и раб будет передан (покупателю), но не манципирован, и право собственности не будет оформлено по in iure cessio [7] и раб не будет находиться в его владении в течение года. Ибо пока что-либо из этого не будет иметь места, тот раб будет находиться в преторской собственности покупателя, но по квиритскому праву будет принадлежать продавцу. 17. Женщина, находящаяся под опекой, а также опекаемый и опекаемая (малолетние) не могут отпускать на волю раба без санкции опекуна. 18. Если один из владельцев отпускает на волю общего раба, то он теряет свою часть и за ее счет возрастает часть совладельца, особенно если он отпустит его таким образом, что (раб), если бы он был его собственным, должен был бы стать римским гражданином. Если же он отпустил (раба) в присутствии друзей, то обычно считается, что он ничего (вообще) не совершил. 19. Если раб, на которого один имеет собственность, а другой узуфрукт, отпущен собственником, то он не становится свободным, но является рабом без господина. 20. После смерти наследника или до назначения наследника нельзя давать свободу по завещанию, кроме как по завещанию солдата. 21. При назначении наследников в половинных долях данная свобода, если оба притязают на наследство, не имеет силы; по древнему праву она имела силу только для заявившего притязания первым. Однако после закона Папия-Поппея [8], который делал часть не принявшего наследство выморочным имуществом, она могла иметь силу, если первый наследник имел или право многодетного, или давнее право; если же он не имел (таких прав), то силы не имела, так что на место не притязающего на наследство легатария наследниками становятся отцы [9]. Некоторые, однако, считают, что и в таком случае она имеет силу. 22. Тот, кому по завещанию приказано быть свободным, вскоре после того как даже один из наследников примет наследство, становится свободным. 23. Законная свобода по завещанию может быть дана тем рабам, которые и во время составления завещания и ко времени смерти завещателя принадлежали ему по квиритскому праву. 24. Закон Фуфия-Каниния повелевает, чтобы по завещанию из троих рабов не освобождали более двух, из числа от четырех до десяти позволяется отпускать половину, от десяти до тридцати — треть, с тем, однако, чтобы из этого числа можно было отпускать и пятерых, так же как и в предыдущем количестве; от тридцати до ста — четвертую часть и равным образом, как и в предыдущем случае, можно отпустить десятерых; от ста до пятисот — пятую часть и, так же как и в предшествующем числе, можно освободить двадцать пять. И, наконец, (закон) предписывает, чтобы вообще свободными не становилось более ста человек по чьему бы то ни было завещанию. 25. Этот же закон предусматривает, чтобы освобождения рабам в завещаниях давались поименно.

II. О статулиберах. 1. Тот, кому по завещанию приказано быть свободным на каком-нибудь условии, называется статулибером. 2. Потому что пока не выполнено условие, он — раб наследника, когда же он его выполнит, сейчас же становится свободным. 3. Если статулибер отчуждается

---

[7] In iure cessio — форма приобретения права собственности в виде мнимого иска: приобретающий выступал в виде мнимого истца, продающий — мнимого ответчика, и претор разрешал мнимый спор, присуждая вещь истцу.

[8] Изданные при Августе законы об обязанности вступать в брак и иметь детей и об ограничении ряда прав бездетных лиц.

[9] Т. е. лица, имевшие детей, которые при наследовании той части имущества, которая по прежним законам могла считаться выморочной, имели преимущество по сравнению не только с бездетными, но и с фиском.

наследником или приобретается кем-нибудь согласно сроку давности владения, условие переходит вместе с ним. 4. Получивший приказание быть свободным на таком условии: «если даст наследнику десять тысяч», даже если будет отчужден наследником, то, дав деньги покупателю, достигает свободы; и это приказывает закон XII таблиц. 5. Если наследник сделает так, чтобы статулибер не мог выполнить условия, он все равно становится свободным, как будто бы выполнил условие. 6. Если кому-либо приказано дать постороннему деньги и быть свободным, а тот, кому ему приказано дать, или не хочет принять (деньги), или умрет до того, как (их) примет, он все же становится свободным, как если бы дал деньги. 7. Свободу можно дать и непосредственно, таким образом: «да будет он свободным, пусть будет свободным, я приказываю, чтобы он был свободен» или посредством фидеикомисса, как, например: «прошу, вверяю честности моего наследника, чтобы он отпустил на волю раба Стиха». 8. Тот, кому прямо приказано быть свободным, делается посмертным отпущенником завещателя, тот же, кому свобода дана по фидеикомиссу, становится отпущенником не завещателя, а отпустившего. 9. Тому, кому по фидеикомиссу можно поручить предоставить какую-нибудь вещь, можно по фидеикомиссу поручить и (предоставить) свободу. 10. По фидеикомиссу свободу можно давать как собственному рабу завещателя, так и (рабу) наследника или легатария, или какому угодно чужому рабу. 11. Если по фидеикомиссу дана свобода чужому рабу, а господин не продает его по справедливой цене, освобождение теряет силу, потому что невозможно установить цену за освобождение. 12. Свобода может быть как дана, так и отнята как непосредственно завещанием, так и приписками к завещанию, подтвержденными завещанием, чтобы она была отнята таким же образом, как и дана.

III. О латинах. 1. Латины получают квиритское право такими способами: по милости принцепса, благодаря детям, вторичному торжественному отпуску на волю, военной службе, кораблю, зданию, пекарне; кроме того, по сенатусконсульту — женщина, трижды родившая. 2. По милости принцепса латин получает римское гражданство, если исходатайствует у императора квиритское право. 3. Благодаря детям квиритского права достигает латин, которому во время отпуска на волю было меньше 30 лет: ибо в законе Юния оговорено, что если он возьмет в жены римскую или латинскую гражданку, засвидетельствовав, что взял жену для рождения детей, и затем родится сын или дочь, то, когда им исполнится год, он может представить дело на рассмотрение претора или презида провинции и стать римским гражданином как сам, так и (его) сын, дочь и жена, т. е. если она и сама латинка; ибо если жена — римская гражданка, то и дети — римские граждане, согласно сенатусконсульту, который был издан по инициативе божественного Адриана. 4. Благодаря вторичному освобождению римским гражданином становится тот, кто после того как получил латинское гражданство, когда ему будет более 30 лет, будет вторично отпущен на свободу законным образом тем, чьим рабом он был по квиритскому праву. Таковому дано право по сенатусконсульту [10], чтобы и его дети получали квиритское право. 5. Благодаря военной службе квиритское право получает латин, если прослужит шесть лет в Риме в (когортах) стражи, (что было установлено) законом Виселлия [11]. Впоследствии сенатусконсультом ему было дано право получить квиритское право, если он прослужит в (когортах) стражи три года. 6. Благодаря кораблю латин получает римское гражданство, если построит корабль (вместимостью не меньше, чем на десять тысяч модиев пшеницы, и будет доставлять в Рим

[10] Сенатусконсульт, принятый при Веспасиане в консульство Пегаса и Пузиона.
[11] Закон, изданный в 24 г. н. э.

зерно в течение шести лет, что установлено эдиктом божественного Клавдия...) [12].

IV. О правоспособных (sui iuris) лицах. 1. Правоспособны главы своих фамилий, т. е. отец фамилии и мать фамилии. 2. Те, кто родился от известной матери и неизвестного отца, считаются незаконнорожденными.

V. О тех, кто находится под властью. 1. Под властью родителей состоят дети, рожденные в законном браке. 2. Брак законен, если между теми, кто его заключил, существует право на брак и мужчина достиг возмужалости, и женщина способна к брачной жизни, и оба, если они правоспособны, дали свое согласие или, если они находятся под властью, (согласие дали) родители. 3. Право на брак — это возможность взять законную жену. 4. Право на брак имеют римские граждане с римскими гражданками, с латинскими же (гражданками) и перегринками только в том случае, если такое право даровано. 5. С рабами нет никакого права брака. 6. Между родителями и детьми в любой степени (родства) права на брак нет. Между родственниками по боковой линии некогда нельзя было заключать брак только до четвертой степени родства, теперь же дозволено брать жену из третьей степени родства, но, однако, только дочь брата, но не сестры, ни сестру отца, ни сестру матери, хотя они относятся к той же степени родства. Нельзя также брать в жены ту, которая была нашей мачехой, или падчерицей, или невесткой, или тещей. 7. Тот, кто возьмет в жены ту, которую нельзя брать, заключает кровосмесительный брак и поэтому его дети не находятся под его властью, но считаются незаконнорожденными, как бы зачатыми вне брака. 8. Если имеется право на брак, дети всегда следуют за отцом, если же права на брак нет, они получают то же положение, что мать, за исключением того, что от перегрина и римской гражданки рождается перегрин, ибо закон Миниция предписывает, чтобы тот, кто родился от одного из родителей перегрина, следовал за тем родителем, положение которого хуже. 9. От римского гражданина и латинки рождается латин, а от свободного и рабыни — раб, ибо так как в этих случаях нет права на брак, и ребенок получает тот же статус, что мать. 10. Относительно тех, кто рождается от заключенного по закону брака, учитывается время зачатия, относительно тех, кто был зачат незаконно,— время рождения; так, например, если зачнет рабыня, а затем, будучи отпущенной на волю, родит, она рождает свободного, ибо она зачала незаконно, а так как во время родов она свободна, то и ребенок также свободный...

VI. О приданом. 1. Приданое или дается, или определяется, или обещается. 2. Определить приданое может женщина, которая собирается выйти замуж, а также должник женщины, если он говорит по ее приказанию; а также отец женщины или ее дед со стороны отца. Дать и обещать приданое могут все. 3. Приданое называется или проистекающим из права, и это такое, которое дает отец женщины, или случайное, и это такое, которое дает кто угодно другой. 4. Если женщина умрет, состоя в браке, приданое, данное отцом, возвращается отцу, пятая часть, на вечное время сохраняющаяся за каждым из детей, остается у мужа. Если отца нет, (приданое) остается у мужа. 5. Случайное приданое всегда остается у мужа, за исключением тех случаев, когда тот, кто его дал, получил обязательство, что (приданое) к нему вернется; такое приданое специально называется рецепторным. 6. Если совершен развод, то когда женщина сама правоспособна,

[12] Содержание несохранившейся части этого параграфа может быть восстановлено по «Институциям» Гая (I, 33—34): по эдикту Нерона если латин, имевший состояние в 200 000 и более сестерциев, строил в Риме дом, в который вкладывал не менее половины состояния, он получал римское гражданство. Траян постановил, чтобы латин, в течение трех лет имевший в Риме пекарню, в которой ежедневно перемалывается не менее ста модиев муки, получал квиритское право.

она сама имеет право вчинить иск об имуществе жены, т. е. требовать обратно приданое; если же она находится под властью отца, то право иска имеет отец с присоединением личности дочери, причем безразлично, дано ли приданое как проистекающее из права или оно случайное. 7. Если женщина умерла после развода, то ее наследнику дается право иска только в том случае, когда муж медлит с возвращением приданого женщины. 8. Если приданое содержит (то, что имеет) вес, число, меру, то возвращается за год, два, три; и если (муж) целиком не вернет (в срок приданое), на него можно подать в суд. Остальное (имущество, входящее) в приданое, возвращается сразу. 9. Право на удержание (части) приданого дается с учетом или детей, или обычаев, или расходов, или подаренных вещей, или украденных вещей. 10. Из-за детей удержание производится, если развод произошел по вине женщины или (ее) отца, под властью которого она состоит; тогда в пользу каждого из детей удерживается шестая часть приданого, однако не более чем три (такие части). 11. При удержании шестых частей, если брак возобновлен, приданое, бывшее раз оцененным, не может снова оцениваться, за исключением тех случаев, когда брак заключен с другим. 12. Из-за (дурных) нравов в более серьезных случаях удерживается шестая часть (приданого), в более легких — восьмая. Более тяжелый случай — прелюбодеяние; более легкие — все остальные. 13. Нарушение добрых нравов мужем карается в отношении приданого так, что он должен вернуть его за год, причем в случае более серьезного нарушения он должен отдать его сразу, при менее серьезном — за шесть месяцев. Относительно того приданого, которое возвращается сразу, он должен столько вернуть из дохода, сколько вносится при возвращении приданого, выплачиваемого в течение трех лет. 14. Есть три вида расходов: их называют или необходимыми, или полезными, или служащими для удовольствия. 15. Необходимые — это те затраты, которые, если они не будут произведены, приведут к порче приданого, например если кто-нибудь отремонтирует разрушающиеся здания. 16. Полезные — это такие, которые, если они не будут сделаны, не приведут, правда, к порче приданого, но, если будут сделаны, оно станет более доходным, как, например, если муж насадит виноградники и оливковые деревья. 17. Служащие для наслаждения — это такие, которые, если они не будут произведены, приданое не ухудшат, а если будут произведены, оно не станет более доходным, что имеет место в отношении насаждения садов, живописи и тому подобных вещей... [13].

VII. О праве дарений между мужем и женой. 1. Дарение между мужем и женой не имеет законной силы, за исключением некоторых определенных случаев, а именно, на случай смерти, на случай развода, ради отпуска на свободу раба. Сверх того, установлениями принцепсов женщине дается право дарить своему мужу для того, чтобы он был почтен императором сенаторским или всадническим достоинством или тому подобной почестью. 2. Если жена похитит у мужа вещи по причине развода, то она отвечает по иску о похищенных вещах. 3. Если муж примет обязательство за жену или потратится на ее имущество, то после развода он может себя обеспечить по этому делу трибунской стипуляцией [14]. 4. Под властью родителей состоят и те дети, относительно которых доказано, что брак был заключен по ошибке между лицами неравного положения, ибо, согласно сенатусконсульту, если римский гражданин по неведению возьмет в жены латин-

[13] Подробное определение различных видов затрат, сделанных мужем в связи с управлением приданым жены, и расчетов по этим затратам см. «Дигесты», XXV, 1.

[14] Народные трибуны, если к ним обращались мужья, которые должны были вернуть приданое, могли прийти им на помощь, если те могли доказать наличие такой стипуляции.

ку или перегринку, или ту, которая находится в числе дедитициев, или если римская гражданка по ошибке выйдет замуж за перегрина или того, кто находится в числе дедитициев, как будто бы он был римским гражданином или даже латином по закону Элия-Сентия, то если от имени тех детей, которые родились из этого брака, это дело будет доказано, римское гражданство дается как детям, так и родителям, кроме тех, кто находится в числе дедитициев; а вследствие этого дети поступают под власть родителей.

VIII. Об усыновлениях. 1. Под властью родителей состоят не только родные дети, но и приемные. 2. Усыновление совершается или через посредство народа, или через посредство претора или презида провинции. То усыновление, которое совершается через посредство народа, специально именуется аррогацией. 3. Через посредство народа усыновляются правоспособные лица, через посредство же претора отдаются для усыновления сыновья, состоящие под властью отца. 4. Аррогация совершается только в Риме, усыновление же и в провинциях в присутствии презида. 5. Через посредство претора или презида провинции усыновляются лица как мужского, так и женского пола, и как совершеннолетние, так и малолетние. Через посредство римского народа женщины даже и теперь не аррогируются; подопечные же, которых прежде также нельзя было усыновить аррогацией, теперь, согласно установлению божественного Антонина Пия, могут (быть усыновлены аррогацией) после расследования их дела. 6. Тот, кто не может зачать, как, например, евнух, может усыновлять обоими способами; то же право действует и относительно лиц, не состоящих в браке. 7. Так же и тот, кто не имеет сына, может усыновить (кого-нибудь) на место внука. 7[a]. Женщины не могут усыновлять ни одним способом, ибо они не имеют под своей властью родных детей. 8. Если отец семьи усыновляется посредством аррогации, то его дети переходят под власть аррогатора как внуки.

IX. О тех, кто под властью (*in manu*)... 1. Через посредство конфарреации женщина поступает под власть при произнесении определенных слов и в присутствии 10 свидетелей и с совершением торжественного жертвоприношения, при котором применяется пшеничный хлеб (farreus).

X. Каким образом те, кто находится под властью (*in potestate, in manu mancipiove*), *освобождаются на основании права.* 1. Дети от отцовской власти освобождаются путем эманципации, т. е. если они, после того как были манципированы, отпущены на свободу. Сын становится правоспособным, будучи трижды манципирован и трижды отпущен на свободу: это повелевает закон XII таблиц в таких словах: «если отец сына трижды продаст, то сын да будет свободен от отца». Остальные же потомки, кроме сына, как мужского, так и женского пола становятся правоспособными после одной манципации и одного отпуска на свободу. 2. Со смертью отца сын и дочь становятся правоспособными, со смертью же деда внуки становятся правоспособными только в том случае, если они после смерти деда не должны быть под властью отца, как, например, если ко времени смерти деда их отец или уже умер, или отпущен из-под власти (отца): ибо если ко времени смерти деда их отец был под его властью, то по смерти деда они переходят под власть отца. 3. Если отца или сына лишают огня и воды, отцовская власть прекращается, ибо тот, кто лишен огня и воды, становится перегрином, а ни перегрин римского гражданина, ни римский гражданин перегрина не могут иметь под своей властью. 4. Если отец взят в плен врагами, он становится как бы рабом врагов, но, однако, если он возвращается, он получает обратно все свои прежние права по праву постлиминия. Но пока он находится у врагов, на этот промежуток времени отцовская власть над сыном находится в неопределенном положении;

а когда он вернется от врагов, он будет иметь сына под своей властью; если же он там умрет, сын будет правоспособным. Если же сын будет взят в плен врагами, то тоже вследствие права постлиминия власть отца в этот промежуток времени будет находиться в неопределенном положении. 5. Под властью родителей перестают находиться и те, кто посвящается в фламины Юпитера или избирается девами Весты... [15].

XI. Об опеке. 1. Опекуны назначаются лицам как мужского, так и женского пола, но лицам мужского пола только несовершеннолетним из-за слабости их возраста; женщинам же как малолетним, так и совершеннолетним и из-за слабости их пола, и из-за неосведомленности в судебных делах. 2. Опекуны бывают как законные, так и назначенные сенатусконсультами, или введенные по обычаю. 3. Законные опекуны — это те, (обязанности) которых проистекают из какого-либо закона, главным же образом законными называют тех, кто введен законом XII таблиц, и это или по ясным (причинам) агнаты, или по последствиям, (вытекающим из общих отношений), патроны. 4. Агнаты — это когнаты со стороны отца мужского пола, происходящие по мужской линии, той же фамилии, как, например, братья по отцу, дяди по отцу, сыновья брата, двоюродные братья со стороны отца... [16]. 5. Тот, кто отпустит на свободу свободное лицо, манципированное ему или отцом, или фиктивным покупателем, по аналогии с патроном становится опекуном, который называется фидуциарным опекуном. 6. Законные опекуны могут передать другим право опеки. 7. Тот, кому передано право опеки, называется опекуном-цессицием; если он умрет или будет изменен его гражданский статус, или далее переуступит другому опеку, то опека возвращается к законному опекуну. Но если и законный опекун умрет или будет изменен его гражданский статус, то погашается и переданная опека. 8. Что касается агнатов, то в наше время переданная опека не имеет места, так как было дозволено передавать право опеки над женщинами, но не над лицами мужского пола; законную же опеку над женщинами отменил закон Клавдия, за исключением опеки патронов. 9. Законная опека теряется с изменением гражданского статуса. 10. Родов изменения гражданского статуса (capitis minutionis) есть три: наибольший, средний и наименьший. 11. Наибольший род изме-

---

[15] Лакуна может быть восстановлена на основании «Институций» Гая (I, 136—141), из которых явствует, что женщина, переходившая под власть (in manu) мужа, не всегда освобождалась от власти отца. Последнее имело место лишь тогда, когда брак заключался путем мнимой покупки — coemptio, в результате чего жена становилась в положение дочери мужа и освобождалась от власти мужа, так же как дочь — от власти отца, т. е. в случае его смерти, лишения его огня и воды, манципации. Находящиеся in mancipio или in causa mancipii, т. е. на месте рабов, освобождались виндиктой, по цензу, по завещанию, причем в этих случаях закон Элия-Сентия не действовал, так что ни возраст отпускающего и отпускаемого, ни число отпускаемых, ни наличие у отпускающего патрона или кредитора значения не имели. Состоящие in mancipio могли получать свободу по цензу даже против воли тех, под чьей властью состояли, за исключением тех, кого отец отдал, чтобы затем реманципировать и снова иметь под своей властью, а также тех, кого отец отдал в наказание, например, если был привлечен к ответу за совершенную им кражу и отдал их потерпевшему вместо денежного возмещения. Против находящихся in mancipio нельзя было позволять себе никаких обидных действий, так как в противном случае виновный отвечал за оскорбление. Обычно in mancipio человек находится один момент (т. е. при совершении формальности, требуемой эманципацией) за исключением тех, кто отдан отцом в наказание за вину.

[16] Лакуна восстанавливается по «Институциям» Гая (I, 164—165), где говорится, что из агнатов опекунами назначаются ближайшие и что на основании закона XII таблиц опекунами малолетних отпущенников являются патроны и сыновья патронов. Хотя закон XII таблиц об этом и не говорит прямо, но поскольку он говорит, что наследство умерших без завещания отпущенников переходит к патрону и его детям, древние считали, что им принадлежит и опека, по аналогии с агнатами, имевшими те же права на наследство.

нения гражданского статуса — это тот, который ведет к лишению и гражданства, и свободы, как, например, когда продается кто-нибудь, не прошедший ценза, или когда женщина, соединившаяся с чужим рабом, по заявлению господина становится его рабыней на основании клавдианского сенатусконсульта. 12. Средним изменением гражданского статуса называется такое, которое ведет только к потере гражданства, свобода же сохраняется; это происходит с тем, кто отлучается от воды и огня. 13. Минимальное изменение гражданского статуса — это такое, при котором сохраняется и свобода, и гражданство, но меняется статус человека, что происходит при усыновлении и переходе жены под власть мужа. 14. То, что в завещании опекуны должны быть названы поименно, подтверждается тем же законом XII таблиц в таких словах: «да будет законно то, что он завещал относительно денег и опеки над своим имуществом»; такие опекуны называются дативными. 15. Родители могут по завещанию назначать опекунов детям, которые находятся под их властью. 16. Назначать по завещанию опекунами можно тех, кто имеет право составлять завещание, кроме латинов-юнианов; ибо латин имеет право составлять завещание, но не может назначаться опекуном, так как это запрещает закон Юния. 17. Если назначенный в завещании опекун подвергнется изменению гражданского статуса (минимального рода), он не теряет опеки; но если он откажется от опеки, то перестает быть опекуном. Отказаться от опеки — значит сказать, что он не хочет быть опекуном; но передать право на опеку назначенный по завещанию не может; с другой стороны, законный опекун может передать право на опеку, но отказаться от нее не может. 18. Закон Атилия предписывает, чтобы женщинам и малолетним, не имеющим опекунов, они назначались преторами и большей частью народных трибунов, и таких опекунов мы называем атилиановыми. Но поскольку закон Атилия имеет место в Риме, законом Юлия и Тития предусмотрено, чтобы в провинциях сходным образом опекуны назначались их президами. 19. Закон Юния предписывает, чтобы опекуном несовершеннолетнего латина или латинки становился тот, кому он или она до отпуска на свободу принадлежали по квиритскому праву. 20. Согласно закону Юлия о браке сословий, опекуном женщины или девушки префект Рима назначает того, кто по этому же закону мог бы вступить с ней в брак, с тем, чтобы он давал, устанавливал, обещал ее приданое, так же как если бы подопечная имела законного опекуна. Впоследствии сенат постановил, чтобы и в провинциях таким же образом их президы назначали опекунов с теми же целями. 21. Кроме того, сенат постановил, чтобы вместо немого или сумасшедшего опекуна назначался другой опекун для установления приданого. 22. Вообще, согласно сенатусконсульту, опекун дается той женщине, у которой опекун отсутствует, если только это не патрон, ибо на место отсутствующего патрона отпущенница не может просить опекуна, за исключением случаев получения наследства или вступления в брак. То же дозволяется относительно подопечной сыну патрона. 23. Кроме того, сенат постановил, чтобы, если опекун подопечной или подопечного как подозрительный отстранен от опеки или освобожден от нее по законной причине, на его место был назначен другой опекун. 24. По обычаю опекун дается женщине или подопечному, которые хотят вчинить иск своему опекуну или с ним законным образом судиться, чтобы он действовал в качестве уполномоченного, ибо сам опекун не может быть уполномоченным в собственном деле; такой опекун называется преторским, обо он обычно назначается городским претором. 25. Опекуны подопечных и ведут дела и удостоверяют совершение юридических актов; опекуны же женщин только удостоверяют совершение юридических актов. 26. Если опекунов несколько, то они все во всех делах должны подтвердить совершение юри-

дических актов, кроме как в тех случаях, когда опекуны назначены по завещанию, ибо из них достаточно и удостоверения одного. 27. Удостоверение опекуна необходимо женщине в таких делах: если она вчиняет иск или судится законным образом, если дает обязательство, если ведет дела по гражданскому праву, если дозволяет своей отпущеннице пребывать в сожительстве с чужим рабом, если отчуждает вещи, правоспособные к манципации. Для малолетних, кроме того, удостоверение опекуна необходимо и при отчуждении вещей, не правоспособных к манципации. 28. Лица мужского пола освобождаются от опеки при возмужании; возмужавшими кассианцы[17] считают тех, кто по виду своего тела представляется возмужавшим, т. е. могут зачать; прокулианцы же — того, кому исполнилось 14 лет; по мнению Приска, возмужалый — тот, в ком соединяются оба условия — и вид тела и число лет. 28[a]. Женщины же освобождаются от опеки с получением права многодетных матерей; отпущенница, состоящая под опекой патрона, по закону освобождается от нее, получив право матери четырех детей (свободнорожденная — право матери трех детей).

XII. О кураторах. 1. Кураторы бывают или законные, т. е. те, кто назначается согласно закону XII таблиц, или почетные, т. е. те, кто утверждается претором. 2. Закон XII таблиц предписывает, чтобы сумасшедший, а также расточитель, которому запрещено пользоваться его имуществом, находились под куратурой агнатов. 3. Претор утверждает куратором того, кого сам претор хочет, для отпущенников расточителей, а также для свободнорожденных, которые, будучи назначены наследниками в завещании родителей, проматывают имущество; им куратор по закону назначен быть не может, ибо такой свободнорожденный был назначен наследником отца по завещанию, а не наследовал умершему без завещания; отпущенник же никоим образом не может быть наследником отца, так как не считается имеющим отца, поскольку рабское родство не считается ни во что. 4. Кроме того, претор по закону Плетория назначает куратора и тому, кто, недавно возмужав, не может должным образом смотреть за своими делами...

XIII. О бездетном, холостяке и отце, имеющем одного ребенка. 1. Законом Юлия [18] запрещается сенаторам, а также их сыновьям брать в жены отпущенниц, а также тех, кто сам или их отец, или мать занимались актерским искусством. 2. Так же и другим свободнорожденным запрещается брать в жены тех, кто открыто торгует своим телом, и сводниц, и тех, кто отпущен на свободу сводником или сводницей, и пойманных при прелюбодеянии, и осужденных государственным судом, и занимающихся сценическим искусством; к ним маурицианский сенатусконсульт прибавил осужденных сенатом...

XIV. О наказании по закону Юлия. 1. Закон Юлия дает освобождение (от обязанности вступить в брак) женщинам на год после смерти мужа, на шесть месяцев после развода; закон же Папия — после смерти мужа на два года, после развода на год и шесть месяцев...

XV. О десятине. 1. Муж и жена могут вследствие брака брать друг у друга десятину. Если у них остаются дети от другого брака, то кроме десятины, которую они берут в результате (своего) брака, они получают столько десятин, сколько у них детей. 2. Если они потеряют общих сына

---

[17] Кассианцы—последователи юриста Кассия Лонгина, жившего при Нероне и Веспасиане, считавшегося главой школы сабинианцев, названной по имени юриста Мазурия Сабина, современника Тиберия и Клавдия. Прокулианцы были последователями жившего при Тиберии юриста Семпрония Прокула, возглавлявшего школу, основанную юристом Антистием Лабеоном, современником Августа. Приск — юрист времен Траяна и Адриана.

[18] См. прим. 8

или дочь после дня, когда им дают имя [19], то на каждого прибавляется одна десятина, если же потеряют двоих после дня, когда им дается имя, прибавляются две десятины. 3. Кроме десятины муж и жена могут брать узуфрукт на третью часть имущества и еще столько же таких частей имущества, сколько у них будет детей. Кроме того, женщина помимо десятины (может брать) вторично отказанное ей приданое.

XVI. О нераздельном праве приобретать по завещанию между мужем и женой. 1. В некоторых случаях муж и жена имеют право целиком получать наследство друг друга, как, например, если они оба или один из них еще не достигли того возраста, с какого закон требует иметь детей, т. е. если мужу меньше 25 лет или жене меньше 20, а также если они по истечении возраста, установленного законом Папия, умрут, состоя в браке, т. е. если мужу будет 60 лет, а жене 50, а также если между собой соединятся когнаты до шестой степени родства. 1[a]. Между ними допускается свободное составление завещания, если они получили от принцепса право многодетных, или если муж отсутствует по делам республики, то за то время, пока он отсутствует, и в течение года после его возвращения, или если они имеют общих сына или дочь или потеряют сына 14 или дочь 12 лет, или если потеряют двух трехлетних или трех, после того как им было дано имя, если они потеряли даже одного несовершеннолетнего любого возраста, то это в продолжении полутора лет дает право на нераздельное наследование. Также если после смерти мужа жена родит от него в течение 10 месяцев, она нераздельно наследует его имущество. 2. Иногда они ничего не наследуют друг от друга: и это тогда, когда они вступают в брак в нарушение закона Юлия и Папия — Поппея, например, если свободнорожденный возьмет в жены обесчещенную или сенатор отпущенницу. 3. Если (мужчина) 60 лет или (женщина) 50 родят вопреки законам, ибо законы освобождают (от деторождения) после таких лет, то согласно персицианскому санатусконсульту отвечают во всех случаях. 4. Однако по клавдианскому сенатусконсульту если мужчина старше 60 лет возьмет жену моложе 40 лет, то ему повелевается иметь ее так же, как если бы он женился будучи моложе 60 лет. Если женщина старше 40 лет выйдет замуж за (мужчину) моложе 60 лет, то это называется неравным браком, и кальвизианским сенатусконсультом предписывается, чтобы (такой брак) не имел следствием права на получение наследства, легатов или приданого. А потому со смертью женщины приданое становится выморочным имуществом...

XVII. О выморочном имуществе. 1. То (имущество), которое было оставлено по завещанию кому-нибудь, кто мог взять его по гражданскому праву, но по каким-либо причинам не взял, называется выморочным, как бы уступленным им: как, например, если оно было отказано холостяку или латину-юниану и в течение ста дней холостяк не исполнит закон (об обязательном вступлении в брак) или латин не будет наделен квиритским правом, или если наследник, назначенный из части имущества, или легатарий до вскрытия завещания умрет или будет сделан перегрином...[20]. 2. В наше время согласно установлению императора Антонина все выморочное имущество причитается фиску, но с сохранением древнего права — детям и родителям. 3. За выморочным имуществом сохраняются лежащие (на имуществе) обязательства, поэтому освобождения и легаты или фидеикомиссы,

[19] Мальчикам имя давалось на девятый, девочкам — на восьмой день от рождения.

[20] Лакуна предположительно восстанавливается так: выморочное имущество по древнейшему праву переходило к сонаследникам или солегатариям, увеличивая их наследственные части, или легаты оставались в наследстве. По закону же Папия выморочное имущество переходит к наследникам и легатариям, имеющим детей, по определенному порядку, установленному для получения такого имущества. Если же нет наследника или легатария, имеющего детей, выморочное имущество переходит к народу. К нему же переходит имущество того, у кого нет никакого наследника.

данные тем, из-за личности которого наследство стало выморочным, сохраняются, но и легаты и фидеикомиссы с тяготеющими на них обязательствами становятся выморочными...

XVIII. Кто имеет древнее право на выморочное имущество. 1. Закон Папия предоставлял детям и родственникам до третьей степени прямого родства древнее право, согласно которому, если наследниками назначены те, кто по этому завещанию не получает (завещанное), оно предоставлялось им или целиком, или частично, смотря по тому, как оно может предоставляться...

XIX. О собственности и приобретении вещей. 1. Все вещи или правоспособны к манципации, или нет. Вещи, правоспособные к манципации,— это земли на италийской почве, как сельские, каковыми являются имения, так и городские, каковыми являются дома, а также права (связанные) с сельскими владениями, как, например, право (пользования) дорогой, прохода по соседнему участку, прогона скота, проведения воды, а также рабы и четвероногие, которые служат в качестве вьючных или верховых, как, например, быки, мулы, лошади, ослы. Остальные вещи не правоспособны к манципации. Слоны и верблюды, хотя они служат как вьючные и верховые, не правоспособны к манципации, так как причисляются к диким зверям. 2. Собственность на отдельные вещи приобретается нами путем манципации, передачи, давности пользования, передачи по мнимому иску, присуждения, закона. 3. Манципация — это вид отчуждения, подобающий в отношении вещей, правоспособных к манципации; она совершается в определенных словах, в присутствии либрипенда и пяти свидетелей. 4. Манципация имеет место между римскими гражданами и латинами из колоний, и латинами-юнианами, и теми перегринами, которым дано право торговых сношений. 5. Право торговых сношений — это право покупать и продавать друг другу. 6. Движимое имущество может манципироваться, только когда находится в наличности и не в больших (размерах), чем можно взять рукой [21], недвижимое же имущество можно манципировать в больших (размерах) и также такое, которое находится в разных местах. 7. Передача — это также подобающая форма отчуждения вещей, неправоспособных к манципации. Ибо собственность на эти вещи мы приобретаем самим (актом) передачи, конечно, если они переданы нам на законном основании. 8. Собственность в результате давности владения мы приобретаем на вещи, как правоспособные к манципации, так и не правоспособные. Это приобретение права собственности в результате непрерывного владения в течение года или двух: движимым имуществом в течение года, недвижимым — в течение двух лет. 9. Мнимый иск — это также форма отчуждения, общая для правоспособных к манципации вещей и неправоспособных. Она совершается тремя лицами, уступающим, требующим и присуждающим. 10. Уступает собственник, требует тот, которому (вещь) передается, присуждает претор. 11. Передавать путем мнимого иска можно и бестелесные вещи, как, например, узуфрукт, право наследования, законную опеку над отпущенницей. 12. Право наследования передается или до того как наследство получено, или после того как получено. 13. До того как оно получено, может быть передано законным наследником; после того как получено — как законным наследником, так и тем, кто назначен наследником по завещанию. 14. Если право на наследство передано до того как наследство получено, наследником становится тот, кому право передано на том же основании, как если бы он сам был закон-

[21] При приобретении путем манципации весовщик (libripens) отвешивал продавцу медь, символизировавшую цену покупки, а получатель схватывал купленную вещь рукой, произнося определенные слова, в которых называл эту вещь своей собственностью.

ным наследником; если же (право на наследство) передано после того как наследство получено, то тот, кто передает, остается наследником и потому остается обязанным кредиторам покойного; долги же уничтожаются, т. е. должники покойного освобождаются. 15. Телесные вещи переходят к тому, кому передано право на наследство, как если бы они были переданы (ему) поодиночке. 16. Путем присуждения мы приобретаем собственность по формуле, (применяемой) при делении наследства, имеющим место между сонаследниками, а также по формуле, (применяемой) при разделе общего имущества, имеющим место между компаньонами, а также по формуле, (применяемой) при установлении границ между соседями. Ибо если судья одному из сонаследников или компанионов, или соседей присуждает какую-нибудь вещь, он сейчас же ее приобретает, независимо от того, подлежит ли она манципации, или нет. 17. По закону мы приобретаем, например, выморочное имущество или наследство, отобранное у наследника как недостойного, по закону Папия — Поппея, а также легат по закону XII таблиц, независимо от того, подлежит ли вещь манципации или нет. 18. Мы приобретаем также через тех лиц, которых имеем под властью. Так что, если кто-нибудь из них получит что-либо по манципации или ему будет что-либо передано, или дана стипуляция, то это принадлежит нам. 19. А также если они назначены наследниками или им причитается легат, то они и наследство, принятое по нашему приказанию, и легат приобретают для нас. 20. Если раб одному принадлежит по преторскому праву, а другому по квиритскому праву, то он во всех случаях приобретает для того, кому принадлежит по преторскому праву. 21. Тот, кем мы владеем на законном основании, будь ли он свободным или чужим рабом, приобретает для нас на двух основаниях, т. е. то, что он приобретает за счет нашего имущества и своего труда; помимо же этих случаев он приобретает или для себя, если он свободный, или для своего господина, если он чужой раб. То же относится и к такому рабу, на которого мы имеем узуфрукт...

XX. О завещаниях. 1. Завещание — это есть законное выражение нашей воли, сделанное с соблюдением установлений гражданского права таким образом, чтобы оно имело силу после нашей смерти. 2. Было три рода завещаний: одно, утвержденное на куриатных комициях, другое в походе, третье, называемое «посредством меди и весов»[22]. Но с отменой первых двух родов в наше время в обычае только то, которое делается «посредством меди и весов», т. е. через посредство воображаемой манципации. При таком завещании присутствует либрипенд и покупатель фамилии и не менее пяти свидетелей, при которых составляется завещание. 3. Тот, кто находится под властью завещателя или покупателя фамилии, не может быть свидетелем или либрипендом, так как манципация фамилии совершается между завещателем и покупателем фамилии и свидетели из домочадцев не должны приглашаться. 4. Поэтому и находящийся под властью сын, если отец покупает фамилию, не может быть свидетелем. 5. И из двух братьев, находящихся под властью одного отца, если один является покупателем фамилии, другой не может быть свидетелем, так как то, что один из них приобретает по манципации, он приобретает для отца, которому свидетелем не может быть его сын. 6. Но сын и отец, у которого сын находится под властью, а также два брата, находящиеся под властью одного и того же отца, могут быть или оба свидетелями, или один свидетелем, другой либрипендом, когда кто-либо другой покупает фамилию, ибо нет никакого вреда в том, чтобы из одного дома пригласить нескольких свидетелей в чужом деле. 7. Немой, глухой, сумасшедший,

[22] При этой форме, так же как и при манципации, мнимый покупатель фамилии завещателя давал продающему медную монету и касался ею весов, отсюда завещание per aes et libram.

подопечный, женщина не могут быть ни покупателем фамилии, ни свидетелем, ни либрипендом. 8. Латин-юниан может быть и покупателем фамилии, и свидетелем, и либрипендом, ибо с ним возможен (акт) составления завещания. 9. При составлении завещания «посредством меди и весов» делаются две вещи: манципация фамилии и торжественное назначение наследника по завещанию. Торжественное назначение наследника по завещанию производится таким образом: держа таблички завещания, завещатель говорит так: «то, что на этих табличках и воске написано, я даю так, отказываю так, завещаю так; и вы, квириты, да будете мне в этом свидетелями». Это и называется торжественным объявлением наследника по завещанию и заявлением в присутствии свидетелей. 10. Сын, состоявший под властью отца, не может составлять завещания, поскольку не имеет ничего своего, что им могло бы быть завещано. Но божественный Август установил на основании обычного права, чтобы находящийся под властью отца сын-солдат мог составлять завещание касательно того пекулия, который он приобрел в лагерях. 11. Тот, кто не уверен в своем статусе, например, если он не знает, умер ли его болевший отец и стал ли он правоспособным, не может составлять завещания. 12. Несовершеннолетний, даже если он не находится под властью отца, не может составлять завещания, ибо он еще не имеет достаточно полного суждения о своих намерениях. 13. Немой, глухой, сумасшедший, а также расточитель, которому запрещено распоряжаться своим имуществом, завещания составлять не могут: ибо немой не может произнести торжественное назначение наследника; глухой, так как он не может услышать слова покупателя фамилии; сумасшедший, так как он не имеет разума, дабы завещать имущество, о котором идет речь; расточитель потому, что у него отнято право торговых сношений и потому он не может манципировать фамилию. 14. Латин-юниан, а также тот, кто находится в числе дедитициев, не может составлять завещания. 15. Латин потому, что это ему ясно запрещено законом Юния; тот же, кто находится в числе дедитициев, потому, что не может завещать как римский гражданин, так как он перегрин и не (может завещать) как перегрин, ибо он не является гражданином какой-либо определенной гражданской общины и не может завещать согласно ее законам. 16. Женщины старше 12 лет могут составлять завещание с санкции опекуна до тех пор, пока находятся под опекой. 17. Государственный раб римского народа имеет право составлять завещание на половину пекулия.

XXI. Каким образом следует назначать наследника. 1. Назначить наследника правильно можно в таких словах: «Титий да будет наследником, пусть наследником будет Титий, повелеваю, чтобы Титий был наследником», назначение же (в таких словах): «назначаю наследником, делаю наследником» обычно (считается) негодным...

XXII. Кто может быть назначен наследником. 1. Наследниками могут быть назначены те, кто имеет право (взаимного) завещания с завещателем. 2. Того, кто находится в числе дедитициев, нельзя назначить наследником, так как он перегрин, с которым нет права на (взаимное) составление завещания. 3. Латин-юниан может быть назначен наследником, и если он ко времени смерти завещателя или ко дню принятия наследства станет римским гражданином, то он может быть наследником; если же он останется латином, то по закону Юния ему воспрещается получить наследство. Такое же право действует относительно холостяка вследствие закона Юлия. 4. Неопределенное лицо нельзя назначить наследником, например, таким образом: «да будет наследником тот, кто первым явится на мои похороны», так как намерение завещателя должно быть определенным. 5. Нельзя назначать наследниками ни муниципию, ни граждан муниципии,

так как это неопределенная совокупность, и они не могут все торжественно вступить в права наследства и не могут действовать за наследника, чтобы стать наследниками; однако по сенатусконсульту им предоставлено (право) быть назначенными наследниками (по завещаниям) их отпущенников. Но наследство, отказанное по фидеикомиссу, может быть передано муниципиям, что предусмотрено сенатусконсультом. 6. Мы не можем назначать наследниками богов, кроме тех, которых дозволено назначать наследниками по сенатусконсультам и постановлениям принцепсов, как Юпитера Тарпейского, Аполлона Дидимского в Милете, Марса в Галлии, Минерву Илионскую, Геркулеса Гадитанского, Диану Эффесскую, Сипилейскую Мать богов, почитаемую в Смирне, и Небесную Селену, богиню Карфагена. 7. Мы можем назначать наследниками рабов, своих — с освобождением, чужих — без освобождения, общих — или с освобождением, или без освобождения. 8. Того раба, который принадлежит нам по преторскому праву, мы не можем назначать наследником с освобождением, ибо он получит латинское гражданство, что не дает возможности получить наследство. 9. Чужих рабов мы можем назначать наследниками постольку, поскольку имеем право (взаимного) завещания с их господами. 10. Общего раба можно назначить наследником с освобождением в той его части, которая нам принадлежит, как если бы он был наш; без освобождения же — как если бы он был чужим рабом, учитывая часть, принадлежащую совладельцу. 11. Если наследником с освобождением назначен собственный раб и он остается в том же положении, то он, согласно завещанию, становится свободным и наследником, т. е. обязательным наследником. 12. Если же он при жизни завещателя был им самим отпущен на волю или продан, то он может принять наследство или по собственному суждению, или по приказу покупателя; если же он назначен наследником без освобождения, то назначение вообще не имеет законного следствия. 13. Если наследником назначен чужой раб и он остается в прежнем положении, то он должен принять наследство по приказу господина; если же он был при жизни завещателя отпущен на свободу или продан господином, то он может принять наследство или по собственному суждению, или по приказу покупателя. 14. Законных наследников следует или назначить наследниками, или лишить наследства. Законные же наследники — это дети, которых мы имеем под властью, как родные, так и приемные; а также жена, находящаяся под властью, и невестка, находящаяся под властью сына, которого мы имеем под своей властью. 15. Дети, родившиеся после смерти отца, т. е. бывшие во чреве (ко времени его смерти), если таковые имеются, так как они, родившись, были бы под нашей властью, причисляются к законным наследникам. 16. Если из числа законных наследников сын и не назначен наследником, и не лишен поименно наследства, то завещанию не дается законной силы. 17. Если же обойдены личности других детей, как, например, дочь, внук, внучка, то завещание имеет законную силу и (обойденные наследники) получают за счет назначенных наследников от законных наследников мужскую часть, от посторонних — половину. 18. Если будут обойдены в завещании чьи-нибудь дети, родившиеся после смерти отца, завещание вследствие их рождения делается недействительным. 19. Тех, кто находится во чреве, если они после своего рождения станут нашими законными наследниками, мы можем назначать наследниками: если они родятся после нашей смерти — по гражданскому праву, если при нашей жизни — по закону Юния [23]. 20. Сына, находящегося под властью, если он не назначен наследником, надо поименно лишить

[23] Возможно, издан в 22 г. н. э

наследства, остальных своих законных наследников обоего пола — или поименно, или среди остальных. 21. Сына, родившегося после смерти отца, следует лишить наследства поименно, дочь, родившуюся после смерти отца, и остальных женщин, родившихся после смерти (завещателя) — или поименно, или среди прочих, только бы среди прочих лишенных наследства или что-либо было отказано. 22. Внуки и правнуки и остальные лица мужского пола, родившиеся после смерти, кроме сына, лишаются наследства им поименно, или среди прочих с прибавлением легата; однако более надежно лишить их наследства поименно, и это по большей части соблюдается. 23. Хотя эманципированных детей обоего пола по гражданскому праву нет необходимости ни назначать наследниками, ни лишать наследства, все же претор повелевает, чтобы, если они не назначены наследниками, они были лишены наследства: лица мужского пола — поименно все, женского пола или поименно, или среди прочих; кроме того им обещается (право) ввода во владение вопреки завещанию. 24. Между обязательными наследниками, т. е. рабами, назначенными наследниками с освобождением, и наследниками обязательными и законными, т. е. детьми, находящимися под властью, с точки зрения гражданского права нет никакой разницы: ибо и те и другие являются наследниками, хотя бы и против их воли. Однако по преторскому праву законным и обязательным наследникам дозволяется воздержаться от получения отцовского наследства; обязательным же наследникам власть воздержаться (от получения наследства) не дана. 24[a]. Манципированным детям, если они назначены наследниками того, кому они манципированы, а также тем, которые реманципированы и назначены отцом наследниками с освобождением, претор предоставляет право законных наследников, а потому и им дана власть воздержаться (от принятия наследства). 25. Если посторонний наследник назначен с указанием срока ввода в наследство, он становится наследником после принятия наследства, если же без срока,— то действуя как наследник. 26. Действует как наследник тот, кто пользуется наследственными вещами как господин, например тот, кто устраивает аукцион унаследованных вещей или выдает пропитание наследственным рабам. 27. Срок — это определенное количество дней, которое дается назначенному наследником для размышления о том, будет ли ему выгодно или нет принять наследство, как, например: «Титий да будет наследником и да примет он наследство в ближайшие сто дней, за которые ты будешь знать и мочь. Если ты таким образом не примешь (наследства), то да будешь лишен наследства». 28. Принять наследство — значит сказать до истечения срока такие слова: «Так как Мевий назначил меня наследником, то я его наследство принимаю и беру». 29. Наследник, назначенный без срока, если он решает, что не хочет быть наследником, сразу же лишается наследства и более получить его не может. 30. Наследник, назначенный со сроком так, чтобы он стал наследником, приняв наследство по истечении срока, лишается наследства только тогда, когда не примет его до истечения срока; поэтому даже если он решит, что не хочет быть наследником, но еще остались дни до конца срока, то он, раскаявшись (в своем решении), может стать наследником, приняв наследство. 31. Срок именуется или обыкновенным, или непрерывным. Обыкновенный — это тот, к которому прибавлены эти слова: «за которые ты будешь знать и мочь», постоянный — когда эти слова не прибавлены. 32. Тому, кому дан обыкновенный срок, засчитываются только те дни, в которые он узнал, что назначен наследником и может принять наследство; тому же, кто имеет непрерывный срок, засчитываются и те дни, в которые он не знал, что назначен наследником, или знал, но не мог принять наследства. 33. Наследники именуются или назначенные, или заменяющие; назначенные — это те, кто обозначен в первую

очередь; заменяющие — это те, кто записан во вторую или следующие очереди, как, например: «Титий да будет наследником и да примет наследство в ближайшие сто дней, в которые ты будешь знать и мочь. Если ты таким образом не примешь наследство, то да будешь лишен наследства. Тогда да будет наследником Мевий и да примет наследство в течение ста дней» и остальное. Равным образом можно и далее записывать одного за другим. 34. Если наследник назначен не с полной (формулой) обозначения срока, т. е. не прибавлены слова: «если не примешь наследства, то да будешь лишен наследства», но если так: «если не примешь наследства, то да будет наследником Мевий», наследник первой степени, приняв наследство, исключает (наследника) следующей степени; если же он наследства не принял, но действует как наследник, то частично допускает (к наследованию) заменяющего (наследника); однако впоследствии божественный Марк постановил, что и действующий как наследник становится наследником всего имущества. Если же он и не принимает наследства и не действует как наследник, то он сам наследства лишается и заместитель становится наследником всего имущества.

XXIII. Каким образом завещания становятся недействительными. 1. Составленное по закону завещание теряет силу двумя путями, если оно отменяется, или если становится недействительным. 2. Отменяется завещание вследствие изменения, т. е. если впоследствии было составлено по закону другое завещание; а также благодаря агнатству, т. е. появлению законного наследника, который и не был назначен наследником, и не был, как подобает, лишен наследства. 3. Законный наследник может появиться или родившись (после составления завещания), или вследствие усыновления, или поступления под власть, или заняв место законного наследника, как, например, внук, если сын умер или эманципирован, или вследствие отпуска на свободу, т. е. если сын, отпущенный на свободу после первой и второй манципации, возвращается под власть отца. 4. Недействительным становится завещание, если завещатель подвергся изменению гражданского статуса или если, хотя завещание составлено по закону, не существует никакого наследника. 5. Если тот, кто составил завещание, взят в плен врагами, его завещание имеет законную силу в случае, когда он вернется по праву постлиминия; если же он умрет там — то по закону Корнелия, которым его наследство утверждается так, как если бы он умер в гражданской общине. 6. Если завещание засвидетельствовано печатями семью свидетелей, то, хотя бы по гражданскому праву его следовало бы отменить или признать недействительным, претор дает назначенным наследниками право ввода во владение согласно завещанию, если завещатель ко времени своей смерти был и римским гражданином, и правоспособным; и они владеют имуществом фактически, т. е. на самом деле, если только по закону никто другой не является наследником. 7. Назначать наследников, замещающих малолетних детей, пребывающих под властью, уже родившихся или могущих родиться после смерти отца, отцы могут двояким образом: или так, как назначается заместитель постороннему наследнику, когда нет наследников детей, или по своему праву, т. е. чтобы, если дети, ставшие наследниками после смерти отца, умрут, не достигнув совершеннолетия, их заменил (другой) наследник. 8. Даже лишив сыновей наследства, отец может назначить замещающего наследника. 9. Кто-нибудь может назначить наследника, заменяющего малолетнего сына, не иначе, как если бы назначал своим наследником или самого сына, или кого угодно другого. 10. Каким бы образом и в чью бы пользу ни составили завещание солдаты, оно действительно, т. е. даже и без соблюдения законных норм. Ибо установлениями принцепсов им дозволено завещать, как им угодно и кому угодно, как и кому они могут. Но то за-

вещание, которое солдат сделал против норм права, действительно, только если он умер или в лагерях, или в течение года после отставки.

XXIV. О легатах. 1. Легат — это то, что отказано согласно закону, т. е. в повелительной форме по завещанию. Ибо то, что отказано в форме просьбы, именуется фидеикомиссами. 2. Мы отказываем по легатам в четырех формах: посредством виндикации, дамнации, дозволения, предписания. 3. Посредством виндикации мы отказываем в таких словах: «Даю, отказываю, пусть он получит, пусть он возьмет, пусть имеет своим». 4. Посредством дамнации в таких словах: «Мой наследник да будет обязан дать, пусть даст, пусть сделает, я приказываю своему наследнику дать». 5. Посредством дозволения так: «Мой наследник да будет обязан дозволить Луцию Титию взять эту вещь и иметь как свою». 6. Путем предписания так: «Пусть Луций Титий возьмет эту вещь наперед». 7. Посредством виндикации могут быть отказаны вещи, которые принадлежали завещателю по квиритскому праву и ко времени смерти, и во время составления завещания, кроме тех, которые заключают в себе вес, число, меру. Относительно них достаточно, если они принадлежали ему по квиритскому праву ко времени смерти. 8. Посредством дамнации могут быть отказаны все вещи, даже те, которые не принадлежат завещателю, лишь бы они были такими, какие можно давать. 9. Свободный человек или вещь, принадлежащая народу или служащая для религиозных целей и священнодействий, не могут быть отказаны по дамнации, так как их нельзя давать. 10. Посредством дозволения могут быть отказаны вещи, принадлежащие завещателю и его наследнику. 11. Через посредство предписания могут быть отказаны те же вещи, что и через посредство виндикации. 11[a]. Если та вещь, которая не принадлежала завещателю по квиритскому праву ко времени смерти и ко времени составления завещания, будет отказана посредством виндикации, то по гражданскому праву легат не имеет законной силы, однако он утверждается (как действительный) по неронианскому сенатусконсульту; в нем оговорено, что то, что отказано по легату не вполне законными словами, будет (считаться столь же действительным), как если бы было отказано самым законным образом, самый же законный образ отказа — это (отказ) посредством дамнации. 12. Если та же самая вещь отказана двоим посредством виндикации, будь то совместно, как, например: «Титию и Сею человека Стиха даю, отказываю», или по отдельности, как, например: «Титию человека Стиха даю, отказываю, Сею того же человека даю, отказываю», то части устанавливаются на основе совпадения одинаковых прав; если один не предъявляет свои права, то по гражданскому праву его часть увеличивает часть другого; однако после закона Папия — Поппея часть того, кто ее не берет, становится выморочной. 13. Если та же самая вещь отказана двоим посредством дамнации, то если (она отказана) им совместно, каждому причитается часть, а часть не взявшего остается в наследстве, теперь же становится выморочной; если же раздельно — то каждому причитается целостное удовлетворение. 14. Если легат дан посредством виндикации на выбор, например: «Титий желаемого им человека пусть выберет», легатарию принадлежит право выбора; то же самое, если выбор предоставляется молчаливо таким образом: «Титию человека даю, отказываю». Если же (отказ сделан) посредством дамнации, как, например: «Мой наследник да будет обязан дать Титию человека», то право выбора, кого он пожелает дать, принадлежит наследнику. 15. Нельзя отказывать по легату до назначения наследника, ибо сила и власть завещания начинается с назначения наследника. 16. Также и после смерти наследника нельзя отказывать по легату и невозможно отказывать по легату через наследника наследника, ибо это противоречит смыслу гражданского права. Однако можно отказывать по легату, (предусматривая) время смер-

ти наследника, как, например: «Когда наследник умрет». 17. Нельзя отказывать по легату на случай наказания. На случай наказания отказывается то, что оставляется для обуздания наследника, чтобы он что-нибудь сделал или не сделал такого, что не имеет отношения к легатарию, как, например: «Если ты выдашь свою дочь за Тития, то должен дать Сею 10 тысяч». 18. Нельзя отказывать по легату неопределенным лицам, как, например: «Тому, кто выдаст свою дочь за моего сына, мой наследник обязан дать столько-то тысяч». Однако при точном обозначении неопределенного лица отказывать по легату можно, как, например: «Из ныне существующих моих когнатов тому, кто первым придет на мои похороны, мой наследник обязан дать то-то». 19. Ни неверное обозначение, ни неверная мотивировка не лишают легат силы. Неверное обозначение таково, например: «То имение, которое я купил у Тития, даю, отказываю», когда это имение не было куплено у Тития. Неверная мотивировка, например, такова: «Титию, так как он заботился о моих делах, даю, отказываю имение», когда Титий никогда не заботился о его делах. 20. Через легатария отказывать по легату нельзя. 21. Легат можно отказывать через того, кто назначен наследником, поэтому ни находящемуся под властью сыну, назначенному наследником, ни рабу ни отец, ни господин не могут отказывать по легату. 22. Наследнику через посредство его самого нельзя отказывать по легату. 23. Тому, кто находится под властью того, кто назначен наследником, можно отказывать по легату с тем условием, что ко времени получения легата он уже не будет под властью наследника. 24. Тому, под чьей властью состоит назначенный наследником, можно отказывать по легату и без условия; если же он будет им назначен наследником, то получить легат не может. 25. Так же как можно отказывать по легату отдельные вещи, можно отказывать и всю их совокупность, т. е. часть, что называется своего рода разделом, как, например, таким образом: «Пусть мой наследник разделит мое наследство с Титием» — в таком случае считается, что Титию отказана половина имущества, но можно также отказать и иную часть, например, треть или четверть. 26. По гражданскому праву можно отказать узуфрукт на такие вещи, которыми можно пользоваться, сохраняя в целости их субстанцию, и так (можно отказывать узуфрукт) как на отдельные вещи, так и на несколько. 27. Сенатусконсультом оговорено, что можно отказывать узуфрукт и на такие вещи, которые предполагают (их) потребление, как, например, вино, масло, пшеница, тогда они передаются легатарию под условием предоставления обеспечения в том, что они будут возмещены, когда легатарий перестанет иметь узуфрукт. 28. Всем гражданским общинам, находящимся под властью римского народа, можно отказывать по легату — это было введено божественным Нервой, а затем более тщательно установлено сенатом по инициативе Адриана. 29. Отказанный легат можно и отобрать или по тому же завещанию, или по припискам к завещанию, подтвержденным завещанием, ибо он отбирается таким же образом, как и дается. 30. Наследнику легатария легат передается только в том случае, если легатарий умрет в день передачи легата. 31. По древнему праву передача легатов, отказанных безусловно или на какой-то обозначенный точно день, происходит (в срок, отсчитанный) со времени смерти завещателя, по закону же Папия — Поппея — со времени вскрытия завещания, тех же (легатов), которые отказаны на (каком-нибудь) условии, тогда, когда условие выполнено. 32. Закон Фальцидия повелевает отказывать по легатам не более трех четвертей имущества, чтобы во всех случаях четвертая часть целиком оставалась у наследника. 33. Легаты, отказанные посредством дамнации, если они выплачены неправильно, не могут быть востребованы обратно.

XXV. О фидеикомиссах. 1. Фидеикомиссы — это то, что оставлено не

в утвержденных правом словах, но в форме просьбы, то, что переходит от одного к другому не вследствие строгости (предписаний) гражданского права, а дается по воле оставляющего. 2. Слова, которыми пользуются для фидеикомиссов, обычно таковы: «Поручаю честности, прошу, хочу, чтобы было дано» и тому подобное. 3. По обычаю принято, что фидеикомисс может быть оставлен даже посредством простого волеизъявления. 4. Оставлять фидеикомисс могут те, кто может составлять завещание, хотя бы и не составил (его), ибо даже если кто-нибудь умрет без завещания, он может оставить фидеикомисс. 5. По фидеикомиссу можно оставлять те вещи, которые можно отказывать по легату посредством дамнации. 6. По фидеикомиссу можно давать тем, кому можно отказывать по легату. 7. Латины-юниане могут получать по фидеикомиссу, хотя не могут получать легаты. 8. Фидеикомиссы могут быть даны и до назначения наследника, и после смерти наследника, и по припискам к завещанию, даже не подтвержденным завещанием, хотя по легатам таким образом отказывать нельзя. 9. Также имеет силу фидеикомисс, написанный по-гречески, хотя написанный по-гречески легат силы не имеет. 10. Если наследниками назначены находящийся под властью отца сын или раб или им отказан легат, то можно передать фидеикомисс через отца или господина, хотя легат через посредство легатария отказывать нельзя. 11. У того, кто назначен наследником, можно просить в приписке к завещанию, даже не подтвержденной (завещанием), чтобы он передал наследство целиком или частично другому, хотя непосредственно назначать наследника в приписках, не подтвержденных завещанием, нельзя. 12. Фидеикомиссы полагается востребовать не по формулярному процессу, как легаты, но судебным разбирательством, (которое производят) в Риме консул или претор, называемый фидеикомиссарным, в провинциях же президы провинций. 13. По причине наказания или перегрину, или неопределенному лицу нельзя давать даже по фидеикомиссам. 14. Тот, у кого просили передать наследство другому, причем закон Фальцидия не применим, так как его просили передать не более трех четвертей, согласно требеллианскому сенатусконсульту, передает с тем, чтобы право вчинять иски давалось тому и против того, кому передано наследство. Если же имеет место применение закона Фальцидия, так как его просили передать более трех четвертей или даже все наследство, он, согласно пегасианскому сенатусконсульту, передает его с тем, чтобы была выделена четвертая часть ему, назначенному наследником, и чтобы иски сохранялись за ним; тот же, кто получает наследство, считается на месте легатария. 15. Согласно пегасианскому сенатусконсульту, когда передается наследство, то выгоды и невыгоды наследства становятся общими для наследника и того, кому переданы остальные части, причем даются стипуляции по примеру стипуляций, даваемых по случаю (владения) частью. Стипуляциями же, даваемыми по случаю (владения) частью, они собственно называются потому, что даются вследствие обобществления доходов и убытков между наследником и частичным легатарием, т. е. тем, поделиться с которым наследник получил приказание. 16. Если наследник говорит, что наследство убыточно, то претор принуждает его принять (наследство) и целиком передать с тем, чтобы право исков давалось тому и против того, кто получил наследство, так же как если бы оно было передано по требеллианскому сенатусконсульту. Чтобы это производилось таким образом, предписано пегасианским сенатусконсультом. 17. Если кто-нибудь для обмана тайно даст слово, что непринимающему (наследства) вернет фидеикомисс, то сенат постановил, чтобы ему не выделялась четвертая часть и чтобы он не претендовал по этому завещанию на выморочное (имущество), если он имеет детей. 18. Можно давать свободу по фидеикомиссу.

XXVI. О законных наследниках. 1. Наследство свободнорожденных, умерших без завещания, в первую очередь принадлежит их непосредственным наследникам, т. е. детям, находящимся под властью, и остальным, состоящим на положении детей, если непосредственных наследников нет — кровным родственникам, т. е. братьям и сестрам от одного отца, если и таковых нет — другим ближайшим агнатам, т. е. когнатам мужского пола, происходящим по мужской линии из той же фамилии; это предписано законом XII таблиц так: «Если без завещания умрет тот, у кого нет непосредственного наследника, то пусть имеет фамилию ближайший агнат». 1[а]. Если у покойного не было агнатов, то тот же закон XII таблиц призывал к наследованию сородичей в таких словах: «Если не будет агната, то пусть фамилию имеют сородичи». Теперь же ни сородичи, ни родовое право не применяются. 2. Если у покойного есть сын и от другого, умершего, сына один или несколько внуков, то наследство принадлежит всем так, что делится не по головам, а по поколениям, т. е. так, что один сын имеет половинную часть, а внуки, сколько бы их ни было, другую половину: ибо справедливо, чтобы внуки наследовали вместо своего отца и получили ту часть, которую получил бы их отец, если бы был жив. 3. До тех пор пока есть надежда, что непосредственный наследник станет наследником, агнатам места нет: как, например, если жена покойного беременна или сын находится в плену у врагов. 4. Между агнатами наследство делится по головам; как, например, если есть сын брата и двое или более детей другого брата, то сколько с обеих сторон есть лиц, столько выделяют частей, чтобы каждый получил по одной. 5. Если есть несколько агнатов той же степени родства и кто-нибудь из них не хочет брать наследства или умрет до того как получит, то за счет его части возрастают части тех, кто получает (наследство), если же никто из них не возьмет, то по закону наследство не передается (агнатам) следующей степени родства, ибо в законном наследовании нет преемственности. 6. Женщинам, кроме кровных родственниц, наследство не переходит по закону; таким образом, сестра является законной наследницей брата или сестры, тетка же со стороны отца или дочь брата и следующие (по степени родства) не являются законными наследницами. 7. К детям матери, умершей без завещания, если она не была под властью мужа, наследство, согласно закону XII таблиц, не переходит, но после речи, произнесенной в сенате императорами Антонином и Коммодом, было постановлено, чтобы наследство матери по закону переходило к детям, но исключались кровные родственники и другие агнаты. 8. Наследство умершего без завещания сына по закону XII таблиц к матери не переходит; но если она имеет право многодетной, свободнорожденная — матери трех, отпущенница — матери четырех детей, то она по тертуллианскому сенатусконсульту становится законной наследницей. Если у ее сына нет непосредственного наследника или того, который вводится претором в права наследства в числе непосредственных наследников, ни отца, которому по закону принадлежит наследство и собственность на имущество, ни кровнородственного брата, но есть кровная сестра, то предписывается, чтобы наследство принадлежало обоим.

XXVII. О наследовании отпущенникам и их имуществе. 1. Наследство умерших без завещания отпущенников в первую очередь принадлежит их непосредственным наследникам; затем тем, чьи они отпущенники, как, например, патрону, патроне, детям патрона. 2. Если имеются патрон и сын другого патрона, наследство принадлежит только патрону. 3. Так же и сын патрона предпочитается внукам патрона. 4. Детям патронов наследство покойного принадлежит так, что делится по головам, а не по поколениям. 5. Право на законное наследование, проистекающее из законов XII таблиц, утрачивается с изменением гражданского статуса...

XXVIII. О вводе во владение. 1. Ввод во владение совершается или вопреки завещанию, или согласно завещанию, или если (покойный) не оставил завещания. 2. Вопреки завещанию ввод во владение дается детям или эманципированным, обойденным в завещании, хотя бы по законному праву наследство им не принадлежало. 3. Ввод во владение вопреки завещанию дается как родным детям, так и усыновленным, но родным — также и эманципированным, но не тем, которые находятся в усыновившей их фамилии, усыновленным же — тем, которые остаются под властью. 4. Согласно эдикту, эманципированным детям дается ввод во владение, если они готовы поручиться, что передадут своим братьям, оставшимся под властью, то имущество, которое они имели ко времени смерти отца, для общего раздела. 5. Согласно завещанию (ввод во владение) дается назначенным наследниками, разумеется в том случае, если нет никого из тех, кто имеет право (на наследство) вопреки завещанию, или никто из них на него (не претендует). 6. Хотя по гражданскому праву не имеет силы завещание, в котором отсутствует манципация фамилии или торжественное устное наименование наследника, если завещание засвидетельствовано печатями не менее семи свидетелей — римских граждан, ввод во владение дается. 7. Когда покойный не оставил завещания, ввод во владение дается до седьмой степени (очередности): в первую очередь детям, во вторую — законным наследникам, в третью — ближайшим когнатам, в четвертую — семье патрона, в пятую — патрону, патроне, а также детям или родителям патрона или патроны, в шестую — мужу или жене, в седьмую — когнатам отпустившего на свободу, которым по закону Фурия дозволяется брать более тысячи ассов; если же нет никого, к кому может перейти владение имуществом, или есть кто-нибудь, но он пренебрег своим правом, имущество передается народу согласно закону Юлия о выморочном имуществе. 8. Детям ввод во владение дается, и оставшимся под властью до времени смерти, и эманципированным, а также усыновленным, но не тем, кто даны для усыновления (другому лицу). 9. Ближайшие когнаты получают владение имуществом не только если они когнаты по женской линии, но даже и агнаты, претерпевшие изменение гражданского статуса: ибо хотя с изменением гражданского статуса они теряют законное право агнатства, но по природе они все же остаются когнатами. 10. Ввод во владение дается детям и родителям в течение года, в который они могут его требовать, остальным в течение ста дней. 11. Если они в этот срок не потребуют ввода во владение, к наследованию допускается следующая степень так, как будто предыдущей и не было; и так делается до седьмой степени. 12. Те, кто вводится во владение по эдикту, регулирующему наследование по преторскому праву, не являются наследниками, но ставятся на место наследника по милости претора. А потому, сами ли они вчиняют иски, или им вчиняются иски, имеют место иски, основанные на юридической фикции, при которых они выступают как воображаемые наследники. 13. Владение имуществом дается или с вещью, или без вещи; с вещью — когда тот, кто получает, получает с тем результатом, что удерживает имущество; без вещи — когда другой может по гражданскому праву отобрать наследство; как, например, если назначен наследник, то владение имуществом умершего без завещания является владением без вещи, так как назначенный наследником может на законном праве отобрать наследство [24].

[24] В «Институциях» Гая (III, 35—37) поясняется, что ввод во владение часто производился таким образом, что введенный в права владения на самом деле наследства не получал и это именовалось possessio bonorum sine re. Такой случай был возможен, когда назначенный наследником и не отказывался от наследства, и не брал его, удовлетворяясь тем, что по гражданскому праву он являлся наследником. Тогда те лица, ко-

XXIX. Об имуществе отпущенников. 1. Наследство отпущенника римского гражданина закон XII таблиц передает патрону, если отпущенник умрет без завещания и непосредственного наследника, поэтому если он умрет, составив завещание, хотя бы у него не было прямого наследника, или если умрет без завещания и у него будет прямой наследник, хотя бы и не родной, но, скажем, жена, которую он имел под властью, или приемный сын, закон патрону ничего не предоставляет. Но по преторскому эдикту, если отпущенник умрет, составив завещание, но или ничего не оставит патрону, или оставит меньше половины имущества, патрону, вопреки завещанию, дается в собственность половина имущества, если только отпущенник не оставил в качестве наследника себе кого-нибудь из своих родных детей. Если же он умрет без завещания и оставит находившуюся под его властью жену или приемного сына, то равным образом патрону дается в собственность половина имущества в ущерб прямым наследникам. 2. На имущество отпущенницы эдикт не дает патрону никакого права, так как если она умирает, составив завещание, то права патрона обеспечены тем, что она может составлять завещание только с санкции самого опекуна; если же отпущенница умирает без завещания, наследство всегда принадлежит ему, хотя бы у отпущенницы были дети, так как они, не будучи прямыми наследниками матери, не отстраняют патрона от наследства. 3. Впоследствии закон Папия — Поппея освободил от опеки патронов отпущенниц, имеющих четырех детей, и так как он ввел (правило), что (такие отпущенницы) могут составлять завещание без санкции патронов, то он предусмотрел, чтобы с учетом существующих детей отпущенницы патрону выделялась мужская часть. 4. Дети патрона мужского пола имеют те же права на имущество отпущенниц своих отцов, что и сам патрон. 5. По закону XII таблиц женщины имеют те же права, что и дети патронов мужского пола, однако им не принадлежит право на владение имуществом отпущенника вопреки завещанию или, если он умер без завещания, в ущерб его непосредственным наследникам не из числа родных детей. Но если они заслужат право матерей трех детей, то по закону Папия — Поппея это право возникает. 6. Патроны (женского пола) на имущество отпущенников имеют то право, которое ввел закон XII таблиц; но впоследствии закон Папия дал свободнорожденной патроне, имеющей двух детей, отпущеннице — трех детей, то же право, которое имеет и патрон на основании эдикта. 7. А также свободнорожденной, удостоенной права матери трех детей, тот же закон дал те же права, которые предоставил патрону...

ОТРЫВКИ ИЗ «ИНСТИТУЦИЙ» УЛЬПИАНА

Фрагмент I. 1. Прекарий — это то, что по просьбе просящего уступлено в пользование ему на такой срок, на который допускает тот, кто уступил. И такого рода щедрость проистекает из общенародного права (ius gentium). И она отличается от дарения тем, что когда кто-нибудь что-нибудь дарит, он дарит с тем, чтобы не забирать обратно; а тот, что уступает прекарно, дает так, чтобы получить это обратно, когда ему будет угодно прекратить прекарий. (Прекарий) подобен данному на хранение, ибо и тот, кто дает вещь на хранение, дает ее так, чтобы не сделать эту вещь (собственностью) получающего, но с тем, что позволяет ему пользоваться данной на хранение вещью. 2. Сдачу и наем ввело общенародное право. Ибо из того прин-

торые имели бы право на наследство, если бы завещание не было составлено, могут претендовать на ввод во владение, но получают possessio sine re, так как наследник всегда может отобрать у них имущество. То же имеет место, когда прямой наследник не берет наследство умершего без завещания, довольствуясь законным правом на него.

ципа, на основании которого мы начинем иметь собственные владения и имущество, проистекает и право сдавать принадлежащее нам и брать в наем чужую собственность; и тот, кто берет в наем, согласно общенародному праву, обязан вносить плату сдающему; тот же, кто сдает, обязан предоставить вещь такой, чтобы другой мог ею пользоваться и извлекать доход.

Фрагмент II. 1... как если тебе даны в долг деньги, то ты возвращаешь не те монеты, которые получил, но другие деньги в том же количестве. В заем могут быть даны только такие вещи, которые определяются числом, весом, мерой. 2. Общенародное право для пользы ввело депозиты, чтобы кто-нибудь мог дать свою одушевленную или неодушевленную вещь на сохранение другу, а тот чтобы добросовестно отвечал за ее возврат.

Фрагмент III. . 1... составлен интердикт, как, например, начало которого ...

Фрагмент IV. 1 ... интердикты бывают как для получения, так и для обратного получения владений, и интердикты таковы — «каково имение» и «каково наследство». Ибо если я требую у кого-нибудь имение или наследство и он не защищается перед судом, то его принуждают передать мне владение, независимо от того, обладал ли я им когда-нибудь и затем утратил собственность (на него), или вовсе никогда не обладал.

Фрагмент V. 1... интердикт о восстановлении собственности на вещь и интердикт о выдаче известного предмета толкуются или по усмотрению судьи, или через посредство стипуляции; (интердикт) о выдаче известного предмета толкуется всегда посредством применения стипуляции. 2. Когда издан интердикт о возвращении в собственность вещи или о выдаче известного предмета, если кто-нибудь требует арбитра, то тот, с кем он тягается, принимает арбитрарную формулу, согласно которой арбитр в том случае, если он в соответствии с его суждением не вернет или не выдаст (вещь), приказывает ему возместить стоимость этой вещи.

Отрывок из «Институций» Ульпиана, приведенный в комментариях Боэция к «Топике» Цицерона, книга II: Жену можно взять тремя путями: давностью владения, конфарреацией, фиктивной покупкой. Но конфарреация подобает только понтификам. Та, которая поступает под власть мужа (in manu) через посредство фиктивной покупки, именуется матерью фамилии, та же, которая по конфарреации или по давности владения — никоим образом. Фиктивная покупка производится при соблюдении определенной торжественности, и при покупке они задают друг другу вопросы: муж — хочет ли женщина быть у него матерью фамилии; она отвечает, что хочет. Также и женщина спрашивает, хочет ли муж быть у нее отцом фамилии, и он отвечает, что хочет. Таким образом женщина поступает под власть мужа, и это называется браком, заключенным посредством фиктивной покупки, и женщина становится матерью фамилии на место дочери мужа. Этот торжественный обряд описал Ульпиан в своих «Институциях».

ФРАГМЕНТЫ ИЗ СОЧИНЕНИЯ УЛЬПИАНА «О ПРАВЕ ФИСКА»

1. Наследнику того, кто не мог получить (оставленного ему по завещанию), не дана власть уведомлять фиск [25], если только он не докажет, что покойный умер в то время, как сам желал об этом уведомить фиск.

[25] В «Дигестах», в разделе о правах фиска (XLIX, 14) приводятся различные случаи, когда должен уведомляться фиск, например, если кто-нибудь не мог взять оставленное ему наследство или встречал препятствия к тому, если назначенный наследником оказывался недостойным и должен был быть как таковой лишен наследства, если было скрыто завещание, в котором наследником назначался император и т. п. По эдикту Траяна если кто-нибудь, до того как на него донесли, сам доносил на себя фиску, что

2. Прежде чем о ком-нибудь будет сделан донос фиску другим лицом, он должен сам о себе уведомить фиск, в противном случае ему будет поздно искать защиты в том, что он сделал уведомление. Если же он донесет на себя по ошибке, то ему ничем не повредит его необдуманное рвение. 3. Права лиц, имеющих детей, не уменьшаются, если сам на себя донесет тот, кто не может взять целиком то, что оставлено. Конечно, если после сотого дня лица, имеющие детей, будут требовать выморочное имущество, то (притязаниям) фиска вовсе нет места [26]. 4. Если на себя донесет тот, кому (что-либо) оставлено тайно, то он получает награду. 4[a]. Не может покупать в провинции тот, кто над нею начальствует, и при этом не имеет значения, кто заключает сделку; если же будет доказано, что он купил через подставное лицо (какую-нибудь) вещь, то он терпит убыток, (отдавая фиску) эту вещь или ее стоимость. Если же он трижды уклонится от (выдачи вещи), фиску надлежит в виде наказания взять с него четырехкратную стоимость (вещи). 5. Имущество тех, кто заключает сделки с фиском по закону о выморочном имуществе как бы по праву обеспечения закладывается фиску, причем не только то, что они имеют, но и то, что они будут иметь впоследствии. 6. Эдиктом божественного Траяна предписано, чтобы никто из провинциалов не заключал сделки с рабами фиска без распоряжения прокуратора. Если же это будет сделано, то (виновный) уплачивает штраф в двойном размере или платит по долговым обязательствам этого раба. А потому, если кто-нибудь с... 6[a]. Рабам цезаря не запрещается управление своим имуществом, а также дается право вступать в юридические сделки, (касающиеся) общего (с другими) имущества. Так что мы можем получать от них стипуляции и покупать и получать дары, если это только не делается для обмана относительно части, принадлежащей цезарю. 7. Кто даст взаймы деньги вопреки интердикту диспенсатора или его викария, тот, если он не выплатит недоимок, несомненно должен будет внести штраф в двойном размере, потому что данное в займы он не теряет... 8. Если кто-нибудь вопреки эдикту божественного Августа купит спорную вещь у того, кому она не принадлежит, то кроме того, что покупка не имеет никакой силы, он принуждается внести фиску штраф в 50 000 сестерциев. Вещь же считается спорной, когда по поводу нее идет тяжба у соответственного судьи. И это особенно соблюдается при незаконном захвате провинциальных имений... 9. Светлейший сенат запретил покупать или продавать отсутствующих беглых, назначив покупателю и продавцу штраф в 50 сестерциев, которые теперь причитаются фиску. 10... должны предоставить свое имущество, кроме лагерного пекулия [27].

владеет вещью, которой ему нельзя почему-либо владеть, то часть забирал фиск, часть же оставалась ему. Адриан распорядился, чтобы в случае, если донесший на себя не успел получить награды, она переходила к его наследнику, если же он умирал, не успев на себя донести, то награду получал донесший наследник, если мог доказать, что покойный сам собирался это сделать.

[26] Речь идет об упоминавшемся уже преимущественном праве лиц, имеющих детей, на имущество или часть имущества покойного, которое по прежнему праву считалось выморочным. Если же до истечения срока, когда они могли предъявить свои права, тот, кто по какой-то причине не мог взять наследства, сам на себя доносил, фиск получал по крайней мере половину.

[27] Предположительное восстановление пропущенного сделано на основании «Институций» Гая (III, 42): отпущенник цезаря, даже если его состояние менее 100 000 сестерциев, и у него есть один или двое сыновей, независимо от того, умер ли он, составив завещание или без завещания, его детям и цезарю причитается мужская часть (т. е. одна треть), за исключением не поступающего в раздел лагерного пекулия. Относительно отпущенников, имевших более 100 000 сестерциев, действовало то же установленное законом Папия правило, независимо от того, был ли их патроном император или частный человек.

11. Если отпущенник цезаря назначает его наследником всего своего имущества, то по закону дочери предоставляется половина, если наследником назначен посторонний, половина дочери составляется за счет постороннего, а не цезаря. Если цезарь получает более половины, то (ее доля) возрастает и за счет того, что является излишком против половины цезаря. 12. Отпущенница цезаря — как отпущенная на волю (рабыня), так и (ставшая отпущенницей из свободнорожденной) благодаря браку (с рабом цезаря) — если умрет, составив завещание, оставляет половину (своего имущества) фиску, если умрет без завещания, все (ее имущество) переходит к фиску. Право находящегося в неведении отца и патрона, конечно, не уменьшается. 13. Рабыня цезаря, которая имеет пять детей, в число отпущенниц... 13[a]. Хотя отпущенники цезаря латины умирают как рабы и потому их имущество переходит к фиску, однако по этой причине они не могут приобретать для фиска на основании контракта, за исключением того денежного взыскания, которым обязался фиску заключивший контракт посторонний частный человек. 14. Если возникает судебное дело по поводу того имущества, которое считается причитающимся фиску, то до приговора его нельзя ни опечатывать, ни описывать, ни включать (во владения фиска). Это соблюдается и в том случае, когда на приговор подана апелляция. 15. Никому не возбраняется вступаться за то имущество, которое оспаривает фиск... 16. Адвокаты фиска, даже уйдя со своей должности, не могут выступать в делах против фиска, от которого получали жалование, за исключением дел родителей, детей, своих подопечных, им запрещено даже выступать в деле отпущенников, а если выступят, караются лишением чести. Но не запрещено получать (такое право) по милости принцепса. 17. Адвокатам фиска, которым их обязанности поручены временно, не запрещено выступать против фиска, поскольку они не получают жалованья. 18. В главе закона о цензе предусмотрено, что не только в том случае, когда у фиска что-либо похищено, но и когда не представлено, иск о вещи, не внесенной в опись для налогов, имеет место в течение пятилетия; и за те вещи, которые в целях мошенничества были отняты у фиска или исключены из налоговой ведомости, фиску вносится четырехкратная их стоимость, за другие — двойная. 19. Отпуск на волю, произведенный должником фиска для обмана фиска, аннулируется. Но, конечно, не запрещено ему отпускать на волю, если он купил (раба), чтобы его отпустить, или предоставляет свободу по фидеикомиссу. 20. С того, кто был обвинен в государственном преступлении и заслужил неблагоприятный приговор, все то, что он продал, пока находился под судом, востребуется фиском, а также четырехкратная стоимость дохода (от проданного). 21. Фидеюссора того, кто заключил сделку с диспенсатором...

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Яйленко Валерий Петрович, аспирант сектора древней истории Института всеобщей истории АН СССР, занимается историей древней Греции.

Шенерт-Гейс Эдит, доктор, научный сотрудник Центрального института древней истории и археологии Германской Академии наук в Берлине (ГДР), специалист в области греческой нумизматики.

Карышковский Петр Осипович, доктор исторических наук, зав. кафедрой древнего мира и средних веков Одесского университета, специалист по истории, эпиграфике и нумизматике Причерноморья в античную и средневековую эпохи.

Колосовская Юлия Константиновна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора древней истории Института всеобщей истории АН СССР, специалист по истории древнего Рима.

Пятышева Наталия Валентиновна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного Исторического музея, специализация — древняя и средневековая история Северного Причерноморья.

Гельцер Михаил Львович, доктор исторических наук, профессор Вильнюсского пединститута, семитолог, историк Угарита.

Сыркин Александр Яковлевич, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения АН СССР, индолог и византиновед.

Блаватский Владимир Дмитриевич, доктор искусствоведения, специалист по истории античного Средиземноморья (археологии, истории, истории искусства, идеологии и т. д.).

Ельницкий Лев Андреевич, специалист по истории древней Греции и Рима.

Сергеенко Мария Ефимовна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, специалист по истории древнего Рима.

Шифман Илья Шолеймович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, гебраист, специалист по древней истории Финикии и Палестины.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП — Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры, I, М.— Л., 1955
АИБ — Археология и история Боспора, I, Симферополь, 1952
ВЛГУ — Вестник Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова
ГСУ ФИФ — Годишник на Софийския университет, философско-исторически факултет
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИБАИ — Известия на Археологическия институт при Българската Академия на науките
ИВАД — Известия на Варненското археологическо дружество
ИП — Исторически преглед
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИСГН — Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии, «Вестник древней истории», 1939, № 3, приложение
НС — Нумизматика и сфрагистика
ПИСПАЭ — Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху, М., 1959
ПС — Палестинский сборник
СА — Советская археология
AJA — American Journal of Archaeology
Ann. Sav. — Annales Savarienses, Szombathely, 1938
AOrH — Acta Orientalia Academiae scientiarum Hungaricae
BCH — Bulletin de correspondance hellénique
BOJh — Jahreshefte des Oesterreichischen Archaeologischen Institutes, Beiblatt
CAH — The Cambridge Ancient History
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
CIRB — Corpus Inscriptionum Regni Bosporani. Корпус боспорских надписей под ред. В. В. Струве, М.— Л., 1965
CIS — Corpus inscriptionum semiticarum
CPh — Classical Philology
CRAI — Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et belles-lettres
DAW SA — Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Schriften der Section für Altertumswissenschaft
DEPP — C. B. Welles a. o., The Parchments and Papyri, New Haven, 1959 (The Excavations at Dura-Europos, final report, vol. V)
Dobó — A. Dobó, Inscriptiones extra fines Pannoniae Daciaeque repertae ad res earundem provinciarum pertinentes, Budapest, 1940
ED — The Excavations at Dura-Europos, preliminary report
ESAR — An Economic Survey of Ancient Rome, ed. by T. Frank
FGH — F. Jacoby, Die Fragmente der griechischen Historiker, III B: Autoren über Länder, Leiden, 1950
GGM — Georgaphi Graeci minores, rec. C. Müller, I—II, P., 1855—1861
HS — V. Hoffiler — B. Saria, Antike Inschriften aus Jugoslavien, I. Noricum und Pannonien, Zagreb, 1940
IEJ — Israel Exploration Journal
IG — Inscriptiones Graecae
IGB — Inscriptiones Graecae in Bulgariae repertae, ed. G. Mihailov, I—IV, Serdicae, 1956—1966

IGRR — Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes
IMI — Inscriptions grecques et latines de la Syrie
ILS — H. Dessau, Inscriptiones Latinae Selectae, I—III, Berlin, 1892—1916
Inv. — Inventaire des inscriptions Palmyréniens
IO — Inscriptiones Olbiae. Надписи Ольвии (1917—1965) под ред. Т. Н. Книпович и Е. И. Леви, Л., 1968
IOSPE — B. Latyschev, Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini, Petropoli, 1916
JClPh — Jahrbuch für Classische Philologie
JHS — Journal of Hellenic Studies
JNES — Journal of the Near Eastern Studies
LAMMD — Lietuvos TSR Aukštijų Mokyklų Mokslo Darbai, Istorija
MDAI — Mitteilungen des Deutschen Archaeologischen Instituts
OGIS — G. Dittenberger, Orientis Graecae inscriptiones selectae, I—II, Lipsiae, 1903
PRU, II — Ch. Virolleaud, Le palais royal d'Ugarit, II, P., 1957
PRU, III — J. Nougayrol, Le palais royal d'Ugarit, III, P., 1955
RE — Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbetung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll
RER — Revue des études Roumaines
RIDA — Revue Internationale des Droits de l'Antiquité
RLiÖ — Der römische Limes in Österreich, Wien
RN — Revue numismatique
SC — B. Latyschev, Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, I—II, СПб, 1893—1906
SCIV — Studii şi cercetări de istorie veche
SEG — Supplementum epigraphicum Graecum
SIG — Sylloge Inscriptionum Graecarum, ed. W. Dittenberger, 3 ed., I—IV, Lpz, 1915—1924
TAPhA — Transactions and Proceedings of the American Philological Association
TAPhS — Transactions of the American Philosophical Society
U, V — «Ugaritica», V, P., 1968
UT — C. H. Gordon, Ugaritic Textbook, Roma, 1965
Wadd. — Ph. Le Bas, W. Waddington, Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure, III, P., 1870
WC — C. B. Welles, Royal Correspondence of the Hellenistic Period, New Haven, 1934
WO — Welt des Orients
ZAss — Zeitschrift für Assyriologie
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft

СОДЕРЖАНИЕ

XXIV съезд КПСС и советская историческая наука о древнем мире 3
В. П. Яйленко (Москва) — К интерпретации декрета иссейцев о разделе земли колонистами 9
Эдит Шенерт-Гейс (Берлин) — Торгово-экономические связи Северного Причерноморья с Грецией и их отражение в материале монетных находок (VI—I вв. до н. э.) 25
Л. О. Карышковский (Одесса) — Истрия и ее соседи на рубеже III—II вв. до н. э. 36
Ю. К. Колосовская (Москва) — Роль италийских отпущенников в романизации Паннонии 57

ПУБЛИКАЦИИ

Н. В. Пятышева (Москва) —Мраморная статуэтка Гигиейи из Херсонеса (*К вопросу о культе богов-врачевателей в Северном Причерноморье*) 71

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

М. Л. Гельцер (Вильнюс) — Санкции по отношению к лицам, не выполнявшим своих повинностей (Термин *nayyālu* в Угарите) 78
И. М. Тронский (Ленинград) — Некоторые итоги развития микенологии . . 84
А. Я. Сыркин (Москва) — Заметки о стилистике ранних *упанишад* 93
В. Д. Блаватский (Москва) — Культура Афин времени Фидия 101
Л. А. Ельницкий (Москва) — Социально-политические аспекты «Бронтоскопического календаря» П. Нигидия Фигула 107
М. Е. Сергеенко (Ленинград) — Columella, II, 12, 7 — 8 (*Опыт комментария*) 116
И. Ш. Шифман (Ленинград) — Социально-правовые группы в сирийском обществе эллинистическо-римского времени 119

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. А. Дандамаев (Ленинград)— D. B. W e i s b e r g, Guild Structure and Political Allegiance in Early Achaemenid Mesopotamia, New Haven — London, 1967 129
А. Г. Лундин (Ленинград) — H. T s c h i n k o w i t z, «Sammlung Eduard Glaser, VI». Kleine Fragmente. I. Teil, Wien, 1969 135
В. В. Шеворошкин (Москва) — Hans J e n s e n, Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart, B., 1969 136
И. Л. Духин (Краснодар) — Imre T r e n c s é n y i-W a l d a p f e l, Von Homer bis Vergil. B.—Weimar, 1969 139
А. И. Немировский (Воронеж) — H. M ü h l e s t e i n, Die Etrusker im Spiegel ihrer Kunst, B., 1969 142
А. Е. Паршиков (Куйбышев) —О некоторых теориях в фукидидовской литературе (*Фукидид и Афинская держава*) 148
И. Ф. Фихман (Ленинград) — Das Archiv des Petaus (P. Petaus), hrsg. von U. und D. H a g e d o r n, L. C. und H. C. Y o u t i e, Köln und Opladen, 1969 . . 157

Н. А. Чистякова (Ленинград), *В. Н. Ярхо* (Москва)— И. М. Тронский (1897—1970) 162

ПРИЛОЖЕНИЕ

Юлий Павел, Пять книг сентенций к сыну. Перевод и комментарий *Е. М. Штаерман* (Москва) (*окончание*) 169
Домиций Ульпиан, Фрагменты. Перевод и комментарий *Е. М. Штаерман* (Москва) 184